Русская Старина

№ 10.

1905 г.

8 Октября

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Книга на дом не выдается

Годъ XXXVI-й. ОКТЯБРЬ. 1905 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Записки Н. Г. Залѣсова. 5—38

II. За шестьдесятъ лѣтъ. Воспоминанія Ив. Ив. Венедиктова . . . . . 39—79

III. Бытовые очерки В. П. Лободовскаго . . . . . 80—130

IV. Горнозаводская служба и общественная жизнь на Уралѣ въ крѣпостное время . . . . . 131—167

V. Воспоминанія Софьи Алексѣевны Лайкевичъ. Сообщилъ Б. Л. Модзалевскій. 168—201

VI. Основатель патріаршаго Бизюкова монастыря Сергій Салтыковъ. П. Строганова . . . . . 202—215

VII. Историческіе и бытовые очерки западной старины. Листки изъ воспоминаній баронессы дю Монте . 216—248

VIII. Библіографич. листокъ. (на оберткѣ).

1036.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Сергія Салтыкова.

Продолжается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1905 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

1905.

X-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го октября 1905 года.

Библіографическій листокъ.

Императорская Главная Квартира. Исторія Государевой Свиты. Томъ II. Царствованіе Императора Александра I. Составилъ *В. В. Квадри*. Помощникъ составителя по сбору историческихъ матеріаловъ *М. К. Соколовскій*. 1904 г. Спб. 2+621+ +147+6+V+I.

Второй томъ исторіи Государевой Свиты, посвященный времени Императора Александра I, въ изобиліи снабженъ иллюстраціями и архивными ссылками. Видимо, В. В. Квадри и М. К. Соколовскій много и долго поработали надъ этимъ томомъ, сдѣлавъ его, дѣйствительно, однимъ изъ выдающихся трудовъ въ нашей военно-исторической литературѣ. Монументальное изданіе открывается съ обзора дѣятельности Военно-Походной Канцеляріи Его Величества, сперва какъ самостоятельнаго высшаго военнаго учрежденія (до 1808 г.), а затѣмъ какъ учрежденія, подчиненнаго военному министру (съ 1808 по 1812 г.). Здѣсь авторы разсматриваютъ положеніе свиты въ завѣдываніи ею „старшимъ генералъ-адъютантомъ", а затѣмъ обрисовываютъ условія появленія Императорской Главной Квартиры, совпавшаго съ войнами съ Наполеономъ. Далѣе, по архивнымъ даннымъ, выясняется дѣятельность кн. П. М. Волконскаго и И. И. Дибича по отношенію къ свитѣ и излагается общій очеркъ Высочайшихъ путешествій. Слѣдующія двѣ главы—черты службы и быта Государевой Свиты—по обилію фактическаго матеріала, почти сплошь впервые обнародованнаго, по группировкѣ приводимыхъ фактовъ, по талантливости изложенія—являются наилучшими страницами въ книгѣ, особенно, если принять во вниманіе, что наши военные исторіографы удѣляютъ всегда ничтожнѣйшее мѣсто бытовой сторонѣ. Книга заканчивается главой о польской свитѣ. Съ отдѣльной нумераціей страницъ напечатаны приложенія, представляющія большой военно-историческій интересъ.

Къ сожалѣнію, мы усмотрѣли въ подписяхъ подъ портретами нѣсколько досадныхъ опечатокъ; кромѣ того, въ отдѣлѣ о польской свитѣ замѣчено нами смѣшеніе датъ новаго и стараго стилей. Но, повторяемъ, это не уменьшаетъ достоинства разбираемаго военно-историческаго труда, который дѣлаетъ большую честь ихъ составителямъ—генералъ-маіору В. В. Квадри, уже слабдившему нашу военную литературу рядомъ изящныхъ справочныхъ книгъ, и М. К. Соколовскому, извѣстному архивному изыскателю.

***

Михаилъ Соколовскій. Кадетскій журналъ полвѣка назадъ. Журналъ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній, какъ повременное изданіе. 1836—1863. Историко-библіографическій очеркъ. Спб. 1905.

Журналъ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній издавался съ 15-го іюля 1836 г. въ продолженіе почти тридцати лѣтъ и выходилъ книжками дважды въ мѣсяцъ. Книжки журнала представляютъ въ настоящее время большую библіографическую рѣдкость; полный ихъ комплектъ отсутствуетъ даже въ спеціальныхъ библіотекахъ.

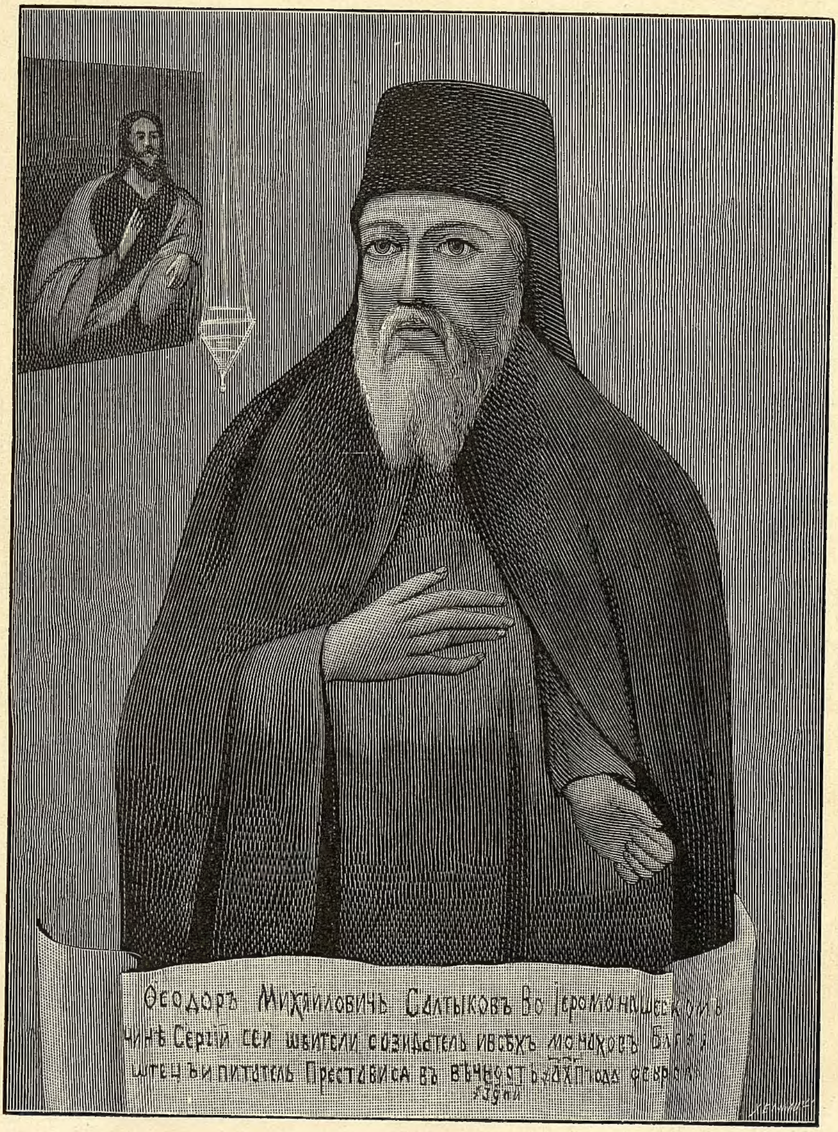
Судя по объявленію, приложенному къ одной изъ книжекъ журнала, программа его была предначертана въ слѣдующемъ видѣ: I. Словесность. Оригинальныя и переводныя статьи, заимствуемыя изъ всѣхъ книгъ и журналовъ русскихъ и иностранныхъ. Преимущественно онѣ принадлежатъ къ слѣдующимъ родамъ: a) слова и рѣчи духовныя; b) описанія странъ, городовъ и мѣстностей, въ особенности русскихъ; отрывки изъ путешествій; вѣрныя изображенія художественныхъ произведеній; c) повѣсти, вымышленныя, занимательныя по живости изложенія и по благороднымъ характерамъ лицъ дѣйствующихъ; d) отрывки изъ драмъ и комедій.—По части стихотвореній посредственность по содержанію и стихосложенію вообще не допускается. II. Исторія. Этотъ отдѣлъ знакомитъ молодыхъ читателей съ великими людьми, въ особенности съ русскими, которые заслужили знаменитость на поприщѣ военномъ, гражданскомъ или литературномъ. Первенство при выборѣ имѣютъ біографіи тѣхъ лицъ, которыя совершили блистательный подвигъ или явили примѣръ самопожертвованія для славы Государя, для чести русскаго имени. Кромѣ біографій, въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются отрывки, отличные по изяществу слога и содержанію, изъ обширныхъ по плану, историческихъ твореній, предварительно обсужденныхъ въ ихъ цѣлости. III. Науки и художества. IV. Смѣсь. Анекдоты, показывающіе благородство души и возвышенныя чувствованія, любовь къ правдѣ и справедливости, преданность Государю, мужество въ опасностяхъ и проч.

Въ разсматриваемомъ нами трудѣ извѣстнаго архивнаго изыскателя, г. М. Соколовскаго, весь матеріалъ расположенъ въ трехъ отдѣлахъ: военный, историческій и, наконецъ, беллетристическій и научный.

Исчерпать вполнѣ содержаніе журнала, какъ всякій сознаетъ, немыслимо. М. К. Соколовскій

Дозв. ценз. Спб., 21 сентября 1905 г.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.


Ѳеодоръ Михаиловичъ Салтыковъ Во Іеромонашеском
чинѣ Сергій сей шбители созидатель ивсѣхъ монаховъ
шотецъ и питатель Престависа въ вѣчность

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

Рабочая
Библіотека-Читальня
при Петербургскаго Совѣта
Профессіональныхъ Союзовъ.

1905.

ОКТЯБРЬ.—НОЯБРЬ.—ДЕКАБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1905.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
при Петербургскомъ Совѣтѣ
Рабочихъ Депутатовъ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1905 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція „Русской Старины“ будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

за 1897—1902 г.г.

Цѣна съ пересылкою для подписчиковъ „Русской Старины“ 1 рубль, а для всѣхъ остальныхъ 1 рубль 50 коп.

Записки Н. Г. Залѣсова [1]).

XXIX.

Еврейскіе погромы.—Скобелевъ.—Нападки на генеральный штабъ.—Генералъ Кахановъ. — Епископъ Гриневецкій. — Высочайшій смотръ. — Афганскій вопросъ.—Баттенбергъ.—Болѣзнь и смерть Каткова.—Смерть гр. Шувалова и графа Д. А. Толстаго.—Непокойчицкій и Росицкій.—Барановъ.—Вильгельмъ на нарвскихъ маневрахъ.—Выстрѣлъ въ Баранова.

Съ весны 1881 года начались въ Россіи еврейскіе погромы. Начавшись на югѣ, они навели панику на евреевъ и другихъ мѣстностей. Тотлебену вообразилось, что въ Вильнѣ тоже послѣдуетъ избіеніе сыновъ Израиля, несмотря на то, что ихъ въ этомъ городѣ на 80.000 жителей приходится 50 тыс. и при томъ въ Вильнѣ не только нѣтъ пришлаго рабочаго элемента, но и отсутствіе фабричныхъ и заводскихъ людей. Когда же въ Вильнѣ появились подметныя письма объ истребленіи жидовъ, тогда Тотлебенъ совсѣмъ загорячился. Вся моя дивизія была поднята на ноги, усилены обходы, высланы въ предмѣстія роты, а съ выходомъ дивизіи въ лагерь цѣлый полкъ понедѣльно сталъ наряжаться въ городъ для окарауливанія евреевъ. Всѣ Мошки, Ицки и проч. подняли голову, а солдаты и офицеры, изнывая отъ безполезной службы (они были заперты въ городѣ въ казармахъ), ругали на чемъ свѣтъ стоитъ и начальство и жидовъ. Осенью 81 года состоялись маневры моей дивизіи противъ 28-й. Генералъ Квитницкій наступалъ отъ Ковно, а я отходилъ къ Вильнѣ. Простоватый Квитницкій замучилъ свои войска обходами, тогда какъ мы, не торопясь,

[1]) См. „Русская Старина“ іюнь 1905 г.

отступали и подъ Вильною встрѣтили противника на такой позиціи, которую онъ не могъ одолѣть. Я не сталъ защищать излюбленную виленскими стратегами позицію на р. Вакѣ и отошелъ къ с. Слободкѣ, на позицію, у которой Квитницкій ничего не могъ мнѣ сдѣлать, и такимъ образомъ Вильна была защищена. По окончаніи маневровъ я получилъ Владимірскую звѣзду.

Весной 82 года Тотлебенъ отправился въ Петербургъ, и временно въ управленіе округомъ вступилъ Скобелевъ. Я представлялся къ нему и получилъ отвѣтный визитъ. Казалось, онъ былъ бодръ и свѣжъ, только нѣсколько водянистый, какъ бы отекшій видъ лица указывалъ на нѣкоторое нездоровье; онъ былъ веселъ и разговорчивъ, а недѣли черезъ двѣ его не стало. Хотя мы въ Вильнѣ не служили по немъ панихиды, но нѣмцы во главѣ съ Тотлебеномъ не скрывали своей радости и имъ вторила ихъ свита. По моему личному убѣжденію Скобелевъ, если бы не умеръ естественною смертію, то рано или поздно кончилъ бы самоубійствомъ. Онъ былъ рожденъ для бури и славы и, испытавъ то и другое въ очень молодыхъ годахъ, онъ естественно не могъ помириться съ сравнительной апатіей мирнаго времени. Ему, человѣку богатому, была нужна вѣчная тревога, постоянно сильныя ощущенія, а гдѣ ихъ взять во время мира лицу все-таки подчиненному. Будь онъ главнокомандующій или военнымъ министромъ, онъ что-нибудь придумывалъ бы или переустраивалъ, но чѣмъ же было ему себя занять, стоя въ захолустномъ Минскѣ и дѣйствуя въ тѣсныхъ рамкахъ мирной практики корпуснаго командира и при томъ подъ начальствомъ врага своего. Единственнымъ исходомъ для такого характера, какъ Скобелевъ, могъ служить еще семейный очагъ, но и эта надежда была утрачена, такъ какъ Скобелевъ былъ въ разводѣ; жена его была жива, а грѣхъ развода онъ принялъ на себя. Онъ хотѣлъ было жениться въ Минскѣ на классной дамѣ, но гордая его родня, боясь потерять его наслѣдство и забывая свое солдатское происхожденіе, возстала противъ такой невидной партіи и устроила такъ, что государь не разрѣшилъ этого брака, да и самъ Скобелевъ при непостоянствѣ своемъ скоро забылъ бѣдную жертву своего минутнаго увлеченія.

Осенью 82 года Тотлебенъ произвелъ смотръ моей дивизіи и затѣмъ маневръ. На смотръ я вывелъ дивизію, не дѣлая ни одной репетиціи, а на маневры собрали ко мнѣ какъ на зрѣлище всѣхъ сосѣднихъ начальниковъ дивизій и корпусныхъ командировъ. То и другое прошло хорошо и, несмотря на непріязнь ко мнѣ, Тотлебенъ вынужденъ былъ благодарить меня. Осень я проработалъ въ Вильнѣ въ качествѣ предсѣдателя особой коммиссіи по устройству врачебной части въ военное время. Въ этой коммиссіи медики чуть не до драки

спорили съ строевыми начальниками, поднимая разныя дрязги, и только мое спокойствіе водворяло между ними должную тишину. Въ концѣ осени Тотлебенъ уѣхалъ за границу, и мы поступили подъ начальство нашей старой бабы въ военномъ сюртукѣ, Никитина. 28-го ноября, день пятидесятилѣтняго юбилея академіи генеральнаго штаба, насъ собралось въ Вильнѣ человѣкъ 30-ть со всего округа, и мы отпраздновали этотъ день общимъ обѣдомъ въ военномъ собраніи. Никитинъ разослалъ въ этотъ день поздравительныя телеграммы чуть не ко всему генеральному штабу, только телеграмма Милютину никакъ ему не давалась. За обѣдомъ онъ присталъ ко мнѣ съ просьбою сочинить поздравленіе бывшему военному министру, и я волей-неволей долженъ былъ набросать нѣсколько строкъ, которыя тутъ же и были отправлены къ Дм. Алекс. въ Ялту. Глядя на прожитое генеральнымъ штабомъ пятидесятилѣтіе, невольно является мысль, что, несмотря на нѣкоторые пробѣлы въ нашемъ образованіи, все-таки слѣдуетъ сказать по правдѣ, что въ царствованіе Николая и даже Александра II корпусъ офицеровъ генеральнаго штаба являлся почти единственною военно-строевою интеллигентною силою, которая по своему развитію заслуживала уваженія и по силѣ возможности проводила въ арміи честный взглядъ на службу. Нерѣдко слышался ироническій упрекъ тогда и теперь, что академики генеральнаго штаба оказываются спеціалистами по всѣмъ отраслямъ управленія, что ихъ дѣлаютъ губернаторами, педагогами, правителями канцелярій и инженерами, таможенными начальниками и чуть-ли не архіереями. Спрашивается, чѣмъ же тутъ виноватъ генеральный штабъ? Развѣ ихъ вина, что министры не брали своихъ людей, а обращались къ офицерамъ генеральнаго штаба, вѣдь не очертя же голову они дѣйствовали и конечно имѣли какую-нибудь резонную причину брать именно этихъ офицеровъ, а не другихъ.

Въ январѣ 83-го года я по обыкновенію поѣхалъ въ Петербургъ. Съ военнымъ министромъ на этотъ разъ бесѣдовалъ недолго. На другой день былъ у государя въ Аничковомъ дворцѣ. Государь, если можно, еще больше поздоровѣлъ противу прошлаго года; онъ принялъ насъ въ той комнатѣ, гдѣ 13-ть лѣтъ назадъ я докладывалъ ему какъ наслѣднику о дѣлахъ въ киргизской степи Оренбургскаго округа. Весь разговоръ при пріемѣ состоялъ изъ самыхъ обыденныхъ фразъ.

Въ этотъ пріѣздъ я, какъ всегда, просилъ о пособіи на воспитаніе дочери, ожидая во всякомъ случаѣ, что его сократятъ противу прежнихъ лѣтъ. Дѣйствительно, получая постоянно по 800 руб. въ годъ, въ минувшую зиму я получилъ только 250 и уже никакъ не ожидалъ, что цифра эта еще упадетъ, однако же вышло такъ, и мнѣ дали только 150 руб. Спрашивается, что я могъ сдѣлать на эти деньги,

когда въ Вильнѣ на 150 руб. едва можно найти порядочнаго лакея, не то, что гувернантку. Такова была экономія, вводимая Ванновскимъ, и не только въ отношеніи отдѣльныхъ личностей, но и вообще въ отношеніи всего военнаго хозяйства и содержанія частей. Охотно мирюсь съ такой экономіей, если ея требуютъ государственные интересы и если она идетъ на что-либо полезное, но какъ рядомъ со мной выдавались значительныя пособія лицамъ, имѣвшимъ какую-либо протекцію, и если самъ Ванновскій, о чемъ говорилъ весь Петербургъ, за представленіе сокращенной смѣты расходовъ по военному вѣдомству не отказался получить отъ государя 10.000 руб., то позволительно усумниться въ честности такихъ распоряженій военнаго министра и припомнить Дмитрія Алексѣевича Милютина, который никогда такихъ суммъ не получалъ, да вѣроятно и не взялъ бы.

Весною 83 года я ѣздилъ къ дочери въ Варшаву, но не могъ даже видѣть П. П. Альбединскаго, онъ съ осени 82 года болѣлъ и болѣлъ тяжко каменною болѣзнію. Наступила весна, а съ нею и приготовленія къ предстоящей въ маѣ мѣсяцѣ коронаціи; насъ почему-то вывели ранѣе этого числа въ лагерь, и городской думѣ запрещено было Никитинымъ угощать войска. Въ силу какихъ соображеній онъ это сдѣлалъ, для меня было непонятно. Коронація принесла массу наградъ, все, что имѣло какую-либо протекцію, ихъ получило. Мы сдѣлали парадъ въ лагерѣ, куда пріѣхалъ подкутившій уже командиръ корпуса старикъ Баумгартенъ и съ нимъ начальникъ штаба Паренсовъ; коронацію въ лагерѣ мы отпраздновали параднымъ обѣдомъ цѣлой дивизіей, на которомъ предсѣдательствовалъ баронъ Деллингаузенъ, замѣнявшій Никитина, поѣхавшаго на коронацію въ Москву. Во время коронаціи скончался бѣдный Альбединскій, и на его мѣсто назначили изъ Одессы Гурко. Одновременно съ коронаціей открылась въ Москвѣ и огромная выставка русскихъ произведеній, но ни выставка, ни коронація не подняли нашего курса, который все падалъ и падалъ. Во время коронаціи же выяснилась та затаенная злоба, которую питалъ князь Болгарскій къ Россіи и которая подвинула этого проходимца на всевозможныя гадости впослѣдствіи. Лагерь этого года мы провели мирно и тихо и въ свое время разошлись по зимнимъ квартирамъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ я по обыкновенію поѣхалъ съ семьею въ Петербургъ, военный министръ принималъ у себя на квартирѣ, по случаю болѣзни и былъ до крайности со мною любезенъ, особенно когда я заявилъ ему, что мои солдаты ѣдятъ хорошо. Вѣроятно, этотъ отзывъ былъ причиною, что я получилъ любезное приглашеніе пожить въ Питерѣ сколько хочу. Государь по обыкновенію ограничился нѣсколькими фразами, спросивъ меня, какія именно столятъ войска въ Вильнѣ,

изъ чего я заключилъ, что намъ вѣроятно предстоитъ отбыть высочайшій смотръ. Физіономію Петербурга я нашелъ на этотъ разъ самою обыкновенной. Во внѣшней политикѣ не предвидѣлось ничего активнаго, во внутренней же шли разные вопросы касательно устройства евреевъ, отмѣны подушной подати и увеличенія налоговъ, такъ какъ, несмотря на то, что во главѣ финансовъ стоялъ ученый профессоръ и спеціалистъ Бунге, мы никакъ не могли свести смѣту безъ дефицитовъ. О нашемъ командующемъ войсками (временномъ) Никитинѣ ходили въ это время по Петербургу самые ужасные слухи, вѣроятно пущенные Бунаковымъ, говорили, что онъ пьяница, картежникъ, лѣнтяй, что у него началось разжиженіе мозга и проч. Недолго дѣйствительно пришлось ему губернаторствовать. Подчинившись совершенно своему правителю канцеляріи барону Гревеницу, онъ поссорился съ гродненскимъ губернаторомъ Цеймерномъ, за что̀ послѣдній, прибывъ въ Петербургъ, не пожалѣлъ красокъ для описанія Никитина передъ министромъ въ самомъ ничтожномъ видѣ. Послѣдствіемъ всего этого было назначеніе въ Вильну исправлять должность генералъ-губернатора бывшаго въ Піотроковѣ губернаторомъ генералъ-лейтенанта Каханова. Гвардейскій артиллеристъ, вѣчно улыбающійся, Кахановъ по наружности не давалъ никакихъ данныхъ серьезности для правителя такого края, какъ Сѣверо-Западный, и вступительная рѣчь его, въ которой говорилось о золотой колесницѣ (то есть о поддержкѣ мѣстной аристократіей вновь назначеннаго епископа католическаго), не удовлетворила ни русскихъ, ни поляковъ. Съ назначеніемъ Каханова совпала наша мировая съ Римомъ. Папа назначилъ чуть не дюжину новыхъ епископовъ въ Польшу, Литву, Подолію и Волынь. Эта свѣжая поддержка воинствующаго у насъ католицизма смутила всѣхъ русскихъ людей и заставила поляковъ высоко поднять голову, тѣмъ болѣе, что о введеніи русскаго языка при богослуженіи у русскихъ католиковъ, въ этомъ соглашеніи съ папой, не было и помину. Послѣдствія такого назначенія не замедлили вскорѣ оказать свое дѣйствіе. Администраторъ Виленской епархіи, извѣстный съ временъ Муравьева своею преданностію Россіи, прелатъ Жилинскій, далъ публичное печатное покаяніе передъ папой въ своей прежней дѣятельности и клялся, что будетъ съ этого времени служить исключительно интересамъ католичества, а два епископа, луцкій Козловскій и виленскій Гриневецкій, не замедлили и фактически доказать свою преданность польскому католицизму. Козловскій удалилъ отъ службы ксендза за то, что тотъ принялъ въ костелѣ кіевскаго митрополита Платона съ крестомъ, хотя за это онъ и былъ оштрафованъ убавкой жалованья на половину, а Гриневецкій пошелъ далѣе. Онъ по пріѣздѣ тотчасъ же сталъ удалять всѣхъ ксендзовъ, казавшихся ему почему-либо

преданными Россіи, сталъ требовать обученія гимназистовъ закону Божію на польскомъ языкѣ и наконецъ совершенно сталъ игнорировать власть генералъ-губернатора въ выборѣ и назначеніи ксендзовъ на должности, Человѣкъ очень молодой, полный энергіи, подускиваемый польскою знатью въ Вильнѣ и прекрасно владѣя русскимъ языкомъ, скромный и тихій по виду, онъ могъ бы натворить много бѣдъ въ Литовскомъ краѣ, если бы былъ терпѣливѣе. Съ самаго вступленія въ должность у него возникли разногласія съ Кахановымъ, которыя шли чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Осенью Каханов препроводилъ къ нему списокъ ксендзовъ съ своими отмѣтками и требовалъ его мнѣнія, Гриневецкій не обратилъ на это вниманія и объявилъ по паствѣ назначенія по своему выбору. Тогда Каханов потребовалъ отъ него списокъ съ отмѣтками своими, но, не получивъ, послалъ его просить къ себѣ, то Гриневецкій не поѣхалъ, а собрался въ Петербургъ съ жалобой, но затѣмъ, когда Каханов послалъ полицеймейстера позвать еще разъ Гриневецкаго къ себѣ, тогда послѣдній объявилъ, что онъ не пойдетъ, сказавъ, что Кахановыхъ много, а виленскій епископъ только одинъ и зависитъ исключительно отъ папы. Черезъ нѣсколько дней вечеромъ его отправили съ жандармами въ Петербургъ; дорогой по городу, идя подъ Остробрамой пѣшкомъ, онъ хотѣлъ устроить манифестацію къ сопровождавшему его простому народу, но жандармы не позволили ему этого сдѣлать, точно такъ же, какъ и на дебаркадерѣ желѣзной дороги, гдѣ онъ успѣлъ однако же сказать: „любите и надѣйтесь только на императора“. Замѣчательно, что родные Гриневецкаго—православные (изъ бывшихъ уніатъ), а онъ ярый католикъ, и русское начальство въ Петербургѣ, особенно Кантакузинъ, не могли его раскусить и сами настоятельно ходатайствовали у папы о его посвященіи, такъ какъ папа не соглашался сначала на это, считая его по родству преданнымъ русскимъ. Гриневецкаго выслали въ Ярославль, а потомъ въ Вологду.

Весной 1884 года мы начали готовиться къ смотрамъ великаго князя Николая Николаевича Старшаго, и въ іюлѣ мѣсяцѣ онъ былъ уже въ Ригѣ. Въ то же время стали доходить въ Вильну болѣе и болѣе безотрадныя вѣсти о здоровьѣ Тотлебена, а наконецъ пришла вѣсть и о его кончинѣ и препровожденіи тѣла въ Вильну. Въ это время я вступилъ во временное командованіе 2-мъ корпусомъ, на меня возложилъ Никитинъ всѣ заботы и командованіе войсками при отданіи послѣдней почести. Присутствовать на похоронахъ былъ назначенъ великій князь. Я выстроилъ шпалерами войска, подалъ великому князю рапортъ, и вообще вся церемонія прошла очень хорошо, и великій князь остался очень доволенъ видомъ войскъ и ихъ одеждою. Послѣ отправленія тѣла въ Кейданы великій князь пригласилъ насъ

къ завтраку на станціи, гдѣ его свита упивалась отличнымъ венгерскимъ. Послѣ я узналъ, что отличный завтракъ на 14 человѣкъ и вино были поданы на счетъ Никитина и стоили ему изъ экстраординарныхъ суммъ 200 рублей.

Распущенная свита, отличаясь большимъ нахальствомъ, была часто еще недовольна тѣмъ, что ей давали даромъ, и заявляла претензію то на то, то на другое, а порціонныя деньги свои клала въ карманъ. По ея же, вѣрно, почину намъ, начальникамъ, было заранѣе сообщено конфиденціально, какія кушанья готовить, какое вино и какое нужно помѣщеніе для него и его свиты.

Одновременно съ пріѣздомъ въ Вильну великаго князя пришла къ намъ вѣсть и о предстоящемъ высочайшемъ смотрѣ. Проснулся Никитинъ, засуетился окружный штабъ, и пошла суматоха. Плохо, когда начальникъ теряетъ голову, надо много имѣть въ данномъ случаѣ самообладанія подчиненному, чтобы не заразиться тревогой начальника и не передать ее войскамъ. Мнѣ пришлось теперь испытать это на дѣлѣ, такъ какъ я командовалъ корпусомъ и долженъ былъ представлять войска государю. Я рѣшилъ не ѣздить къ Никитину и вообще съ нимъ не встрѣчаться, строго въ то же время преслѣдуя всякую суету въ войскахъ. Въ замѣнъ этого окружной штабъ послѣдніе три дня передъ смотромъ замучилъ меня телеграммами, которыя не давали мнѣ ни днемъ, ни ночью покою. Подъ моею командою кромѣ моей дивизіи собрались 5-я стрѣлковая бригада, 2-я кавалерійская дивизія и полкъ 3-й. Начальникъ штаба, Бунаковъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы выдвинуть на первый планъ стрѣлковую бригаду, которой командовалъ его тесть, финляндецъ Мексмонтанъ, но всѣ его хлопоты оказались непригодными.

Я сдѣлалъ двѣ репетиціи, Никитинъ—3-ю и нашелъ войска только удовлетворительными, изобразивъ на своемъ лицѣ свойственную ему плачевную гримасу, которая меня однако не тронула, ибо я былъ увѣренъ, что царю войска покажутся лучше.

Наконецъ, насталъ день смотра 26-го августа. Мнѣ сообщили, что царь пріѣзжаетъ въ 10-ть часовъ утра, и потому въ $9^1/_2$ часовъ утра войска стояли уже на военномъ полѣ. День былъ солнечный, до крайности жаркій, и мы съ приходомъ на поле чувствовали уже истому. Бьетъ 10-ть часовъ, а царя нѣтъ; наконецъ, пріѣзжаетъ адъютантъ окружнаго штаба сказать, что поѣздъ опоздалъ на часъ, я далъ людямъ вольно, велѣлъ подвезти имъ воды, сѣсть на землю, кто усталъ, а кавалеріи и артиллеріи слѣзть съ коней. Такъ мы простояли подъ жгучимъ солнцемъ еще $1^1/_2$ часа, когда наконецъ крикнули, что ѣдетъ царь. Отрапортовавъ государю, я поѣхалъ за коляской императрицы и тутъ только замѣтилъ, какая огромная свита сопровождала царя и

сколько съ нимъ пріѣхало критиковъ и соглядатаевъ. Тутъ былъ съ своимъ начальникомъ штаба великій князь Владиміръ Александровичъ, только лишь получившій благодарность за отличное обученіе войскъ Красносельскаго лагеря и особенно за введеніе въ лагерѣ маневровъ малыми частями, то есть то, что я практиковалъ изъ году въ годъ— 9 лѣтъ. Имъ конечно хотѣлось сравнить гвардейскія войска съ глубокой арміею; въ свитѣ находился и военный министръ, жадно всматривавшійся въ одежду и лицо каждаго солдата, послѣ обрѣзываній, сдѣланныхъ имъ въ довольствіи войскъ; тутъ же былъ и вел. кн. Николай Николаевичъ Старшій со свитою, министръ двора и начальникъ главной квартиры, неизвѣстно почему-то особенно интересовавшійся видомъ моихъ людей, и наконецъ здѣсь торчалъ вѣчный соглядатай Пруссіи, генералъ-адъютантъ Вердеръ.

Послѣ объѣзда начался церемоніалъ, государь сталъ у коляски императрицы, а я сбоку его. 1-я рота Оренбургскаго полка, ходившая на всѣхъ репетиціяхъ плохо, послѣ сдѣланныхъ мною нагоняевъ прошла на этотъ разъ блистательно, смѣло и громаднымъ шагомъ. Государь хвалилъ, проходили рота за ротой также хорошо, и постепенно ироническое выраженіе лица у окружающихъ государя замѣнялось серьезнымъ взглядомъ, а у нѣкоторыхъ перешло въ восторгъ. Что особенно обратило вниманіе государя и всѣхъ присутствующихъ, это смѣлый, бойкій шагъ и полнѣйшее спокойствіе людей, которые шли такъ, какъ будто они каждый день видятъ государя и совершенно увѣрены въ своей исправности. По окончаніи смотра государь трижды протягивалъ мнѣ руку и благодарилъ и, подъѣхавъ къ полковымъ командирамъ, сказалъ, что подобное обученіе, шагъ, покой онъ нигдѣ кромѣ гвардіи не встрѣчалъ и что вообще люди ходятъ, какъ гвардія, даже лучше. Министръ двора и Рихтеръ съ Вердеромъ сказали Никитину то же самое и удивлялись обученію людей. Послѣ осмотра былъ завтракъ у государя, и онъ сказалъ, что черезъ два года пріѣдетъ къ намъ на маневры; здѣсь же военный министръ благодарилъ меня, сказавъ: „всѣ полки блестящимъ образомъ представились, но если мнѣ позволено будетъ высказать личный взглядъ, то мнѣ кажется, щеголеватѣе всѣхъ былъ послѣдній полкъ, то есть Саратовскій“. Никитинъ, совершенно расцвѣтшій отъ смотра, былъ однако же очень огорченъ военнымъ министромъ, который на вокзалѣ сказалъ ему: „предлагаю вамъ любой корпусъ на выборъ, ибо очень можетъ быть, что командующимъ войсками будетъ назначено лицо по выбору государя и моложе васъ въ чинѣ“. Въ Вильнѣ тогда настойчиво ходили слухи о назначеніи графа Павла Шувалова, который и самъ желалъ сильно получить Виленскій округъ.

За нами пошли смотры и маневры въ Варшавѣ и отчасти благо-

даря вѣчной суетѣ весьма неудачные, затѣмъ свиданіе императоровъ въ Скерневицахъ, гдѣ еще больше неудачи потерпѣли войска 3-ей гвардейской дивизіи, вслѣдствіе путаницы въ командахъ Дандевиля и Панютина, за что̀ у послѣдняго и былъ отнятъ полкъ. Скерневицкое свиданіе не дало активной роли Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, и онъ по-прежнему былъ предоставленъ хищничеству Австріи. Поохотившись послѣ этого съ недѣлю въ Польшѣ, государь вернулся въ Петербургъ, а тѣмъ временемъ Никитинъ, чтобы избѣжать непріятнаго своего удаленія изъ Вильны, взялъ 2-хъ мѣсячный отпускъ и собрался ѣхать въ Петербургъ, какъ вдругъ получился высочайшій приказъ о назначеніи его командующимъ войсками Виленскаго округа, что̀ его совершенно ошеломило. Дѣло было такъ: Ванновскій представилъ 3-хъ кандидатовъ въ командующіе войсками и главнымъ образомъ своего пріятеля Ганецкаго, который былъ и старше Никитина, но государь сказалъ: „за что же обижать старика (Никитина), когда его войска представились въ такомъ блестящемъ видѣ“.

Такъ состоялось назначеніе Никитина, котораго онъ и самъ не ожидалъ, а затѣмъ послѣдовало распоряженіе о представленіи къ наградамъ офицеровъ представлявшихся войскъ и двухъ генераловъ. Я все время не видалъ Никитина, да и не хотѣлъ этого. Я настоялъ, чтобы были представлены къ наградамъ оба мои бригадные командира, но для полковыхъ ничего не могъ сдѣлать, такъ какъ Никитинъ боялся ихъ представить къ генеральскому чину. Представленія пошли, Бунаковъ помѣстилъ въ нихъ и своего тестя Мексмонтана, хотя его бригада на смотру оказалась хуже всѣхъ, помѣстилъ и себя, такъ какъ тотчасъ же получилъ Владимірскую звѣзду, но обо мнѣ ни полслова. Признаться сказать, я отъ этихъ людей и не ожидалъ ничего хорошаго для себя, тѣмъ болѣе, что о наградахъ своихъ я никогда не просилъ. Передъ Рождествомъ однако же я получилъ записку отъ Бунакова, въ которой онъ писалъ, что командующій войсками сказалъ, что считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ вознаградить мои труды по смотру, и поэтому велѣлъ представить меня къ наградѣ. На праздникѣ самъ Никитинъ въ офицерскомъ собраніи сказалъ мнѣ: „Николай Гавриловичъ, я вамъ много обязанъ и считаю, что я получилъ мѣсто командующаго войсками, только благодаря вашему блестящему представленію войскъ на высочайшемъ смотрѣ“.

Вскорѣ послѣдовало и назначеніе командира корпуса генералъ-адъютанта Дризена. Не обладая ни большими дарованіями, ни блестящимъ умомъ, а лишь одною напускною важностью, Дризенъ былъ бы, въ ряду ему подобныхъ людей, довольно сноснымъ начальникомъ, если бы не состоялъ въ полной зависимости у своей жены, урожденной Штрандманъ. Женщина эта, славившаяся когда-то своей красо-

той, держала почтеннаго супруга, что называется, подъ башмакомъ. До старости лихая наѣздница, вѣчно затянутая, она издали казалась лѣтъ 40, хотя, въ сущности, имѣла за 60 и постоянно любила окружать себя молодежью; жена его, пробывши ползимы въ Вильнѣ, заболѣла, у ней сдѣлался ракъ на деснѣ, и она принуждена была уѣхать въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ и умерла.

Осенью же этого года возникъ такъ называемый Афганскій вопросъ. Дѣло въ томъ, что, занявъ Мервъ—мы взбудоражили подозрительность англичанъ, ставъ въ близкомъ разстояніи отъ Герата. Этого достаточно было, чтобы англичане закричали объ опасности для Индіи, о нарушеніи границы ихъ союзника—афганскаго эмира, границы, которую никто не проводилъ и о которой самъ эмиръ не имѣлъ никакого понятія. Еще ранѣе этого крика было условлено высылать разграничительную коммиссію въ Мервскій оазисъ, съ обѣихъ сторонъ для рѣшенія спора, съ какою цѣлью со стороны Англіи былъ посланъ съ огромнымъ конвоемъ генералъ Лемсденъ, а отъ насъ былъ назначенъ генералъ Зеленый, но, прежде чѣмъ его послать, пришла кому-то въ голову, рѣдкая для министерства иностранныхъ дѣлъ, здравая мысль потребовать топографическія свѣдѣнія о новыхъ нашихъ владѣніяхъ и выяснить, какія именно пастбища находились и нужны для новыхъ нашихъ подданныхъ туркменъ.

Оказалось, что всѣ мѣста, которыя англичане хотѣли отрѣзать для Афганистана, искони были занимаемы туркменами, не платившими даже дани никому за право владѣнія; тогда рѣшили, прежде посылки Зеленаго, предъявить всѣ эти требованія въ Лондонъ и, условившись тамъ предварительно, произвести уже затѣмъ разграниченіе на мѣстѣ. Въ отвѣтъ на это послѣдовалъ страшный шумъ, заговорили въ палатахъ, газетахъ, раздались крики „къ оружію!“, и миролюбивое министерство Гладстона прибѣгло къ старой, всегда удававшейся уловкѣ противъ Россіи, то есть запугиванію ея. Къ счастію, нашелся въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ способный и самостоятельный человѣкъ, директоръ азіатскаго департамента Зиновьевъ, который удержалъ маріонетку Гирса отъ расшаркиваній и извиненій передъ Англіей, къ которой, по традиціямъ нашей жалкой дипломатіи, онъ хотѣлъ было уже обратиться.

Взглядъ Зиновьева встрѣтилъ поддержку и въ самомъ государѣ, честь и слава ему, и мы рѣшились на этотъ разъ не пугаться Европы и настоять на нашихъ требованіяхъ къ великой радости всѣхъ русскихъ людей. Для поддержки нашего весьма недалекаго посланника въ Лондонѣ, котораго я знаю съ молодыхъ годовъ,—Сталя, послали расторопнаго и смѣлаго инженера Лессара, изъѣздившаго вдоль и поперекъ всю Туркменію, но дѣло не выгорало. Начали кее-какія

приготовленія къ отпору англичанъ въ Закаспійской области и съ нашей стороны, несмотря на то, что къ новому 1885 году смѣта нашихъ предстоявшихъ обыкновенныхъ на этотъ годъ расходовъ была утверждена съ огромнымъ дефицитомъ.

Въ январѣ 1885 года я по обыкновенію былъ въ Петербургѣ, но въ пріемный день военнаго министра не видалъ, онъ праздновалъ свою серебряную свадьбу. Разстроенное мое здоровье заставило меня лѣтомъ этого года взять заграничный отпускъ и ѣхать къ Шарко въ Парижъ. Городъ этотъ не произвелъ на меня особенно сильнаго впечатлѣнія, а неряшество на улицахъ заставляло не разъ вспоминать нашъ опрятный Петербургъ. Я остановился въ улицѣ Ришелье близъ Палерояля и Лувра и отсюда дѣлалъ экскурсіи по городу. Послѣ визита къ царю нервовъ Шарко, я выѣхалъ тотчасъ же изъ Парижа и остальное время отпуска провелъ у дочери въ Варшавѣ. Въ сентябрѣ я вернулся въ Вильну, а вслѣдъ за дружескимъ свиданіемъ нашего государя въ Кремзирѣ съ австрійскимъ императоромъ разразилась трагикомедія, устроенная въ Болгаріи прусскимъ поручикомъ Баттенбергомъ. Наша милая и ничего не знающая дипломатія проглядѣла переворотъ въ Филлипополѣ, и мы очутились въ преглупомъ положеніи, не зная, какъ намъ поступить съ Баттенбергомъ, то есть поддержать его или разсердиться. Избрали послѣднее и сейчасъ же отозвали оттуда нашихъ офицеровъ и военнаго министра Кантакузина, между тѣмъ Баттенбергъ и знать насъ не хотѣлъ, и, закусивши удила, пустился во всевозможныя политическія приключенія, поддерживаемый въ тайнѣ королевой Викторіей, изъ любви къ старшему брату Баттенберга, только лишь женившемуся на ея дочери.

Князь Миланъ, науськиваемый нашимъ другомъ Австріей, не долго думая, поставилъ на ноги свою карточную армію и полѣзъ на Баттенберга. Въ то же время торгаши-греки подняли шумъ и стали показывать изъ кармана кукишъ Турціи; словомъ, разыгрался такой кардавакъ на Балканскомъ полуостровѣ, какого едва-ли могли ожидать самые заклятые враги наши въ Европѣ. При видѣ такой картины мы еще болѣе разсердились на Баттенберга и въ одинъ день исключили его изъ списковъ нашей арміи и, признаться, неудачно, такъ какъ этотъ авантюристъ въ то время вздулъ мужицкую армію Милана, прогналъ ее изъ Болгаріи и самъ ворвался въ Сербію, а такъ какъ Австріи вовсе не было выгодно, чтобы ея креатуру—Милана, забили въ конецъ, то она по соглашенію съ Россіею прикрикнула на обоихъ пѣтуховъ: Баттенберга и Милана, послалъ къ нимъ вмѣсто арміи своего агента (очень ловкаго и толковаго человѣка) въ Сербію гр. Кевенгюллера, и пѣтухи сейчасъ же прекратили драку, а затѣмъ и помирились. Баттенбергъ сталъ ге-

роемъ дня; всѣ опасенія умереть вмѣстѣ съ отцомъ голодною смертію, въ случаѣ изгнанія изъ Болгаріи, изчезли, напротивъ, въ перспективѣ явилась въ рукахъ соединенная Болгарія, съ которой не только можно было тащить, сколько угодно, на прожитокъ отца, не только пить грошевое пиво, какъ подобало прусскому поручику, но ублаготворить себя всѣми яствами, да и сбить хорошій капиталецъ для будущности, дѣйствуя совершенно въ конституціонномъ духѣ. Мы вздумали было опять посердиться, но, получивъ въ подачку утвержденіе Баттенберга въ Восточной Болгаріи только на пять лѣтъ генералъ-губернаторомъ, очень этому обрадовались и сочли за благо успокоиться.

Что бы почувствовалъ покойный государь при взглядѣ на всѣ эти дѣла, если бы онъ могъ воскреснуть. Силою навязанный имъ, болгарамъ юноша, нѣмецъ по воспитанію, по службѣ и душѣ, вытащенный изъ поручиковъ во владѣтельнаго князя, благодаря только родству и то съ лѣвой стороны, такъ зло неблагодарно насмѣялся надъ простотою и добротою своего дяди, поругалъ русскую честь и кровь и порвалъ почти всѣ связи между единоплеменными народами.

Вотъ что значитъ присущее намъ въ высшихъ сферахъ заблужденіе или самообольщеніе: полагать, что достаточно какому-нибудь авантюристу принадлежать къ родовитой крови, чтобы считать его способнымъ управлять народомъ. Конечно, было бы не то, если бы исполнили желаніе болгаръ избрать себѣ въ князья, какъ они хотѣли, Дондукова-Корсакова или Игнатьева, но вѣдь какъ можно было допустить простому смертному и подданному сѣсть на болгарскій престолъ, да наконецъ и Европа бы на насъ сейчасъ прикрикнула.

Въ такихъ представленіяхъ болгарскихъ и сербскихъ маріонетокъ прошла вся зима 85—86 гг., тѣмъ временемъ мы вмѣстѣ съ англичанами выслали въ Афганистанъ разграничительную коммиссію и ни сномъ, ни духомъ не вѣдавшій афганскій эмиръ получилъ въ свое владѣніе массу земель, никогда не признававшихъ его власти, и мы успокоились на постановкѣ пограничныхъ столбовъ тамъ, гдѣ они не имѣютъ никакого значенія, ибо граница среди полудикихъ племенъ не можетъ существовать, что̀ доказала наша граница въ Киргизской степи и Туркестанскомъ краѣ.

Во внутреннемъ строѣ Россіи все шло въ 85 г. тихо и безцвѣтно. Лица, стоявшія у кормила правленія, оставались все тѣ же, за исключеніемъ вновь назначеннаго министра юстиціи сенатора Манасеина, а слѣдовательно, и ожидать отъ нихъ какого-либо свѣжаго, живучаго почина въ государственной дѣятельности было трудно. Поэтому опять начали раздаваться въ обществѣ сѣтованія на то, что у насъ нѣтъ способныхъ людей, подобно тому, какъ во время Крымской кампаніи

раздавались крики, что у насъ нѣтъ способныхъ генераловъ. Но эта всегдашняя ложь конечно и останется ложью. Послѣ Крымской войны повѣяло въ арміи свѣжимъ воздухомъ, и нашлись даровитые генералы; перестанетъ правительство выбирать на высшія административныя мѣста людей только изъ тѣсной клики придворныхъ, изъ петербургскихъ франтовъ высшаго полета, и найдутся способные министры. Вся бѣда и состоитъ въ томъ, что изъ 100 мил. населенія Россіи ограничиваютъ свое знаніе знакомствомъ съ двумя или тремя сотнями лицъ, толкающихся въ ихъ свитѣ или передней.

Афганская разграничительная коммиссія, дойдя до Аму-Дарьи, заспорила о ничтожномъ пунктѣ на этой рѣкѣ и разошлась, рѣшивъ окончить споры переговорами между Лондономъ и Петербургомъ, а мы между тѣмъ продолжали Закаспійскую желѣзную дорогу и въ слѣдующемъ 1887 году довели ее до Аму-Дарьи при г. Чарджуѣ.

Баттенбергъ послѣ сербской войны въ одинъ прекрасный день былъ арестованъ юнкерами въ своемъ дворцѣ и быстро отправленъ на пароходѣ въ нашъ г. Рени. Здѣсь, признавъ деньжонокъ, онъ былъ отправленъ совершенно сконфузившейся отъ неожиданнаго его появленія русской администраціей по юго-западнымъ дорогамъ въ г. Львовъ, а отсюда, не долго думая, опять махнулъ въ Болгарію и съ береговъ Дуная прислалъ государю слезную телеграмму о дозволеніи ему продолжать управленіе Болгаріей. Но отвѣтъ былъ данъ отрицательный. Вся эта комедія разыгрывалась въ то время, когда войска Виленскаго и Варшавскаго округовъ сбирались къ Высоко-Литовску для розыгрыша большаго маневра, долженствовавшаго представить наступленіе пруссаковъ и нашъ имъ отпоръ. На маневрѣ этомъ очень настаивалъ генералъ Куропаткинъ, который безъ практическаго примѣра не рѣшался сдѣлать окончательный выводъ по порученному ему дѣлу о стратегической оборонѣ западной нашей границы.

Я на маневрѣ не былъ, дивизія моя охраняла желѣзную дорогу отъ Корсовки до Вильны, и я, находясь въ Динабургѣ, видѣлъ, какъ проѣзжали всѣ наши воротилы. Я видѣлъ торжествующаго веселаго Гирса, находившагося въ умиленіи отъ посѣщенія его Бисмаркомъ въ Франценсбадѣ, гдѣ онъ пилъ воды и отдавалъ замужъ дочь; тутъ же на станціи я пробесѣдовалъ съ часъ съ нашимъ берлинскимъ посломъ Шуваловымъ, выѣхавшимъ изъ имѣнія встрѣтить радостнаго Гирса. На маневрахъ же, не знаю, по чьему выбору, состоялась посылка въ Болгарію нашего военнаго агента въ Вѣнѣ К—а, почему-то думавшаго, что Болгарію можно привести въ порядокъ одними миролюбивыми совѣтами, особенно ему, какъ бывшему посреднику при заключеніи мира между Сербіей и Болгаріей. Я зналъ его съ молодыхъ

чиновъ; это былъ довольно скромный нѣмецъ, безъ сильнаго характера и при томъ воспріявшій въ Вѣнѣ взгляды, не всегда соотвѣтствующіе достоинству Россіи. Поведеніе его въ Болгаріи лучше всего доказало его несостоятельность. Всѣ, знавшіе его тогда же, пожимали плечами въ изумленіи отъ такого выбора, тѣмъ болѣе, что посылка даже и болѣе самостоятельнаго человѣка казалась въ то время совершенно непригодной и ненужной.

Кончились маневры. Они конечно въ стратегіи ничего не выяснили, ибо велись безтолково, безъ соотвѣтствующей боевой обстановки и стоили около милліона рублей; кавалерія же наша, мыкаясь безъ толку, испортила массу лошадей и въ тактическомъ смыслѣ выказалась въ самомъ неприглядномъ видѣ.

Проводивъ государя обратно, дивизія ушла на зимнія квартиры. Вскорѣ уѣхалъ и К—ъ изъ Болгаріи, потерявъ всякое значеніе въ этой странѣ, а вмѣстѣ съ отъѣздомъ его прекратились и наши дипломатическія сношенія съ этою страною, ибо всѣ наши консулы были тоже отозваны въ Россію.

Странное дѣло, со временъ Екатерины наша дипломатія совершенно потеряла свой національный характеръ, да и представителями ея почти постоянно являются лица нѣмецкаго происхожденія, или хотя и доморощенные дипломаты, но съ космополитическимъ характеромъ и безусловнымъ поклоненіемъ Европѣ. Стоитъ прочесть мемуары Меттерниха, Бейста, Татищева и другихъ, чтобы убѣдиться, какъ насъ всегда и во всемъ одурачивали, заставляли для другихъ таскать каштаны и обходились съ нами зачастую какъ съ лакеями. Отчасти это происходило отъ ложнаго нерусскаго воспитанія нашихъ пословъ и посланниковъ, а отчасти и отъ личныхъ взглядовъ, а также отъ личныхъ симпатій или антипатій. Вспомнимъ, какъ Александръ I-й въ послѣдніе свои годы и еще болѣе самый абсолютный самодержецъ въ свѣтѣ Николай I-й направлялись Меттернихомъ, даже болѣе мелкими заправилами европейской политики; позднѣе Александръ II направлялся Бисмаркомъ и кончилъ знаменитымъ Берлинскимъ трактатомъ. У теперешняго государя [1]) сильно развито національное чувство и твердость характера. А кто же теперь представители нашей національности въ главныхъ европейскихъ столицахъ?

Кто же блюдетъ такимъ образомъ въ дѣйствительности въ нашей дипломатіи за національными интересами Россіи? Во-первыхъ, какъ и всегда, Николай Чудотворецъ, во-вторыхъ, твердость воли государя, въ-третьихъ, два можетъ быть и ультра, но все-таки глубокихъ чест-

[1]) Императоръ Александръ III.

ныхъ патріота, изъ коихъ одного теперь уже нѣтъ въ живыхъ—это Аксаковъ и Катковъ. До тѣхъ поръ пока вліяніе послѣдняго еще не подкопано окончательно анти-національной партіей, до тѣхъ поръ мы можетъ быть еще кое-какъ и удержимся въ достойной роли передъ Европой.

Публицистическая дѣятельность Аксакова и Каткова такъ всѣмъ извѣстна, что говорить объ ней было бы излишне, и въ то время, когда Аксаковъ былъ самымъ ярымъ славянофиломъ и отличался крайней прямотой и рѣзкостію своихъ воззрѣній на положеніе и задачи Россіи, Катковъ нерѣдко измѣнялъ свои взгляды и изъ англофила перешелъ въ поклонника Бисмарка до тѣхъ поръ, пока не разочаровался въ немъ. Заслуга того и другаго состояла и состоитъ въ томъ, что они ничѣмъ не стѣснялись, всегда высказывали въ лицо нашимъ управителямъ горькую истину относительно ихъ дѣятельности и направленія внутренней и внѣшней политики Россіи. Всѣмъ памятны статьи „Руси“ Аксакова о Берлинскомъ трактатѣ и въ особенности, о Скерневицкомъ и Кремзирскомъ свиданіяхъ. Хорошенько не помню гдѣ Россія сравнивалась съ Иванушкой-дурачкомъ, котораго, несмотря на его богатырскую силу, всѣ обижали и обирали. Не менѣе памятны и статьи Каткова во время повстанья 61—63 г.г. и статьи 1887 года относительно политики Гирса. Достаточно однѣхъ этихъ статей, чтобы заслужить авторамъ ихъ глубокую благодарность со стороны всѣхъ честныхъ русскихъ людей, у которыхъ національное чувство еще не окончательно стушевалось слѣпымъ поклоненіемъ Европѣ.

XXX.

Назначеніе Вышнеградскаго.—Переворотъ въ Болгаріи.—Каравеловъ и Стамбуловъ.—Принцъ Кобургскій.—Смерть Каткова.—Государь въ Берлинѣ.—Назначеніе командиромъ 17-го корпуса.

Постоянное возрастаніе дефицита въ государственной смѣтѣ и неудачи разныхъ палліативныхъ мѣръ, принимаемыхъ Бунге къ поправленію нашихъ финансовъ, заставили наконецъ государя пожертвовать своимъ бывшимъ профессоромъ и назначить въ новомъ 1887 году министромъ финансовъ Вышнеградскаго, тоже бывшаго когда-то профессоромъ въ технологическомъ институтѣ и затѣмъ счастливаго поправителя дѣлъ Рыбинско-Бологовской и Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Нельзя еще сказать, какая финансовая система будетъ усвоена

новымъ министромъ, такъ какъ до сихъ поръ дѣло ограничилось установленіемъ массы мелочныхъ косвенныхъ налоговъ и протекціонною пошлиною на нѣкоторые привозные изъ-за границы предметы, имѣющею по преимуществу видъ боевой пошлины противъ Германіи въ отместку Бисмарку за такія-то распоряженія противъ Россіи. Результатомъ такой экономической войны до сихъ поръ было только страшное пониженіе нашего курса, но это не бѣда, если намъ удастся только встать на свои ноги и выйти изъ подчиненія жидовской Берлинской биржи.

Удалился Баттенбергъ изъ Болгаріи, но оставилъ тамъ своихъ друзей регентами и министрами, и агитація противъ Россіи пошла еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Все русское изгонялось и преслѣдовалось. Мы пожинали плоды нашей близорукой дипломатіи и нашего либеральничанія. Едва высвободившимся изъ пятивѣковаго рабства пастухамъ болгарамъ мы, по своей волѣ, навязали нѣмца князя, душой и тѣломъ преданнаго западной Европѣ, и даровали наилиберальнѣйшую конституцію, которая въ пору была какой-нибудь издавна свободной и развитой націи. Но таковъ былъ императоръ Александръ II, что при его благодушіи окружавшіе его наши Лафайэты и Мирабо могли проводить всевозможные либеральные эксперименты. Болгарское мужичье и торгаши не могли взять въ толкъ, да и до сихъ поръ не взяли сути своей конституціи, и въ то же время не мало оказалось въ той же Болгаріи недоучившихся господъ, нахватавшихъ въ наукѣ только верхушки, да при томъ самой соціальной окраски, пріобрѣтаемой въ разныхъ кофейняхъ и на бульварахъ Европейскихъ столицъ. Эти передовые, какъ они себя называли, люди, пользуясь безгласностію народа, сейчасъ же стали ловить въ мутной водѣ рыбу, заняли министерскія и другія мѣста и быстро повели свою страну къ прогрессу, то есть къ разграбленію, революціи и террору, все во имя той же европейской цивилизаціи и независимости Болгаріи. Явился первый министръ Каравеловъ,—воспитанникъ Москвы,—наперсникъ Баттенберга, а когда этихъ друзей прогнали, выступилъ на сцену недоучившійся нашъ семинаристъ Стамбуловъ и въ качествѣ регента и почти диктатора, при помощи разныхъ бывшихъ пастуховъ и воспитанниковъ Парижскихъ и Вѣнскихъ бульваровъ, занявшихъ видныя должности, всталъ на ножи съ Россіей. Грустнѣе всего было то, что всѣ эти управители Болгаріи, въ сущности, играли только роль маріонетокъ въ рукахъ Австріи и Англіи, имѣвшихъ за собою Бисмарка и ведшихъ игру съ цѣлью вытѣснить вліяніе Россіи съ Балканскаго полуострова, хотя бы цѣною поголовнаго разоренія и развращенія славянъ. Болгарскій народъ коснѣлъ въ своемъ смиреніи передъ регентами, а послѣдніе дошли до полнаго самообольщенія, воображая, что они дѣйствительно

своимъ умомъ управляютъ Болгаріей и даютъ тонъ всей восточной политикѣ Европы.

Пламенныя, почти ругательныя рѣчи, произнесенныя зимою въ парламентахъ Венгріи и Австріи противъ Россіи, заставили насъ подумать о нѣкоторыхъ мѣрахъ осторожности на нашей западной границѣ. Мы немножко зашевелились по устройству укрѣпленій у Ковно, Осовца и Гродно и стали къ веснѣ 1887 года какъ будто готовиться къ мобилизаціи, но эта тревога продолжалась недѣли три, и затѣмъ все замерло и затихло до поры до времени. Тѣмъ временемъ Шуваловъ проскакалъ нѣсколько разъ изъ Берлина въ Петербургъ и обратно, Катковъ получилъ отъ государя замѣчаніе за слишкомъ рѣзкія нападки на нашихъ бывшихъ друзей въ Вѣнѣ и Берлинѣ, отчего слегъ въ постель, а англичане прислали въ Петербургъ полковника Риджвея для окончательныхъ переговоровъ о нашей границѣ съ Афганистаномъ.

Въ началѣ лѣта былъ изданъ наконецъ такъ долго ожидаемый всѣми русскими людьми законъ о прекращеніи германизаціи нашей западной окраины и о выселеніи изъ этой полосы нѣмцевъ, не желающихъ принять русское подданство. Эта мѣра озлобила Берлинъ, а вмѣстѣ съ нежеланіемъ нашимъ по-прежнему идти на поводу Бисмарка повела къ тому, что этотъ милый человѣкъ черезъ свою прессу началъ проповѣдывать о неминуемомъ банкротствѣ Россіи съ совѣтомъ нѣмцамъ спускать имѣвшіяся у нихъ въ рукахъ наши процентныя бумаги, вслѣдствіе чего всѣ наши фонды хотя и не надолго разомъ полетѣли внизъ и дошли до небывало-малой стоимости. Такъ шло дѣло до конца іюня, когда созванное въ Тырновъ Болгарское народное собраніе подъ палками регентовъ провозгласило княземъ болгарскимъ австрійскаго гусарскаго поручика и родственника австрійскаго дома принца Фердинанда Кобургскаго. Эта новая мода выбирать чуждыхъ странѣ и ничего не смыслящихъ въ администраціи драгунскихъ и гусарскихъ поручиковъ была какъ нельзя болѣе на руку Австріи и такъ называемой пресловутой лигѣ мира, то есть Германіи, Италіи и Австріи.

Среди этой вновь начавшейся комедіи разомъ разнеслась по Россіи вѣсть о серьезной болѣзни Каткова; говорили, что онъ страдаетъ ракомъ, но что болѣзнь значительно вдругъ усилилась вслѣдствіе рѣзкихъ замѣчаній государя по поводу статей его о внѣшней политикѣ Россіи. Какъ бы то ни было, но 20-го іюля Каткова не стало, и эту потерю почувствовало все, что любило Россію сильнымъ національнымъ чувствомъ. Въ Катковѣ Россія потеряла единственнаго писателя, котораго слушали люди власти, съ которымъ считались самыя высокія особы. Во всю почти свою литературную жизнь Катковъ представлялъ оппозиціонную сторону въ управленіи Россіей, и въ этомъ

отношеніи талантъ его не имѣлъ соперниковъ. Страстно любя родину онъ съ непрерывной зоркостію слѣдилъ за всѣми распоряженіями власти, громилъ все то, что выходило или изъ ложнаго либерализма, или слѣпаго поклоненія Европѣ съ забывчивостію русскихъ интересовъ. Не имѣя подобно Аксакову своей опредѣленной какой-нибудь системы, не будучи слѣпымъ поклонникомъ славянофильства и мѣняя свои убѣжденія, если только находилъ ихъ непригодными для Россіи, Катковъ ежеминутно стоялъ насторожѣ русскихъ интересовъ, готовый ринуться въ борьбу, не разбирая ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ враговъ, кто бы они ни были. Потеря великая для Россіи, особенно въ ту пору, когда и обыкновенныхъ выдающихся людей у насъ такъ мало.

Мѣры, принятыя Вышнеградскимъ, по увеличенію доходовъ и покровительству отечественной промышленности, принесли свою пользу уже тѣмъ, что государственная роспись на 1888 годъ вышла безъ дефицита. Спасибо и за это, особенно принявъ во вниманіе страшное паденіе нашего курса.

Осенью 1887 года была принята въ первый разъ благоразумнѣйшая мѣра, какую только могъ придумать нашъ военный министръ—это созывъ для обученія запасныхъ нижнихъ чиновъ и особенно однолѣтковъ. Успѣхъ дѣла превзошелъ всѣ ожиданія. Въ три недѣли всѣ эти полумужички стали такими бойкими, ловкими солдатами, что ихъ нельзя было отличить отъ настоящихъ. Да много, много можно сдѣлать изъ нашего дорогаго солдата, если толково вести его образованіе и умѣючи съ онымъ обращаться. Это такой неоцѣненный матеріалъ для боя, какого не можетъ дать ни одна европейская нація.

Осень этого года государь съ семьей провелъ въ Копенгагенѣ и, по болѣзни дѣтей не могшій возвратиться моремъ, принужденъ былъ ѣхать черезъ Берлинъ. Не думаю, чтобы встрѣча его съ Бисмаркомъ была пріятна для обоихъ. Бисмаркъ старался увѣрить государя въ дружбѣ Германіи, а государь показалъ ему письма принца Рейса (германскаго посла въ Вѣнѣ), явно свидѣтельствовавшія объ интригахъ Германіи противъ Россіи. Конечно, Бисмаркъ отъ этихъ документовъ отрекся, и они были объявлены подложными послѣ обнародованія союзнаго договора Германіи съ Австріей—этой лиги мира. Конечно, трудно было ожидать, чтобы отношенія наши съ Германіей поправились, несмотря и на все благодушіе и сердечность при пріемѣ императоромъ Вильгельмомъ государя. Старичекъ этотъ давно уже утратилъ всякую иниціативу по внутреннимъ и внѣшнимъ дѣламъ, предоставивъ ее всецѣло въ руки Бисмарка, тѣмъ болѣе, что наслѣдный принцъ страдалъ ракомъ гортани, жилъ въ Санъ-Ремо, и Бисмаркъ усердно хлопоталъ тогда о замѣнѣ его въ замѣстительствѣ императора

внукомъ Вильгельмомъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ скончался императоръ Вильгельмъ, этотъ старый другъ Россіи, завѣщавъ внуку своему Вильгельму жить въ дружбѣ съ Россіей, и въ то же время не медля прибылъ изъ Санъ-Ремо больной Фридрихъ, чтобы вступить на престолъ. Гуманный, честный человѣкъ, руководимый своею высокообразованною женою Викки (такъ она называлась въ своей англійской семьѣ), императоръ Фридрихъ сразу явился противникомъ и стремленій Бирмарка въ запугиваньѣ войною, и деспотическихъ мѣръ его по внутреннему управленію Пруссіей; истощенный недугомъ, бѣдный императоръ не могъ провести своихъ взглядовъ въ жизнь и въ іюнѣ его не стало, германскій тронъ занялъ сынъ его подъ именемъ Вильгельма II. Новый императоръ вскорѣ нашелъ полезнымъ сдѣлать визиты сѣвернымъ державамъ и въ іюлѣ мѣсяцѣ прибылъ съ эскадрою въ Россію и былъ встрѣченъ и чествованъ въ Петергофѣ съ необычайнымъ торжествомъ и радушіемъ.

Едва-ли не наканунѣ его пріѣзда разыгрался въ Висбаденѣ скандалъ, горько отозвавшійся въ Россіи. Цѣломудренная красавица, королева сербская Наталія была оскорблена германскою полиціею, силою взявшей у нея сына, наслѣднаго сербскаго принца, и отправившей его къ отцу, извѣстному по своему распутству—Милану. Всѣ честные люди въ Европѣ были возмущены подобнымъ поступкомъ, за исключеніемъ мадьяро-германской печати.

15-го іюня состоялось торжество въ Кіевѣ въ честь 900-лѣтняго крещенія Руси, на которое впрочемъ съѣхалось весьма ограниченное число славянскихъ гостей. Несмотря на это, австро-мадьярская печать подняла страшный гвалтъ, обвиняя Россію въ панславизмѣ. Отпраздновали и мы этотъ день въ Вильнѣ большимъ парадомъ, на которомъ я командовалъ войсками и страшно истомился.

Осенью этого 1888 года государь съ государыней посѣтили маневры Харьковскаго и Одесскаго округовъ и затѣмъ посѣтили Кавказъ, гдѣ путешествіе ихъ было рядомъ непрерывныхъ овацій и восторговъ. Въ половинѣ октября войска встали на охрану дороги по случаю возвращенія государыни въ Петербургъ, я по-прежнему помѣстился въ Динабургѣ. Наступалъ день проѣзда, а приказанія о занятіи 3-го положенія не было, между тѣмъ, между желѣзнодорожниками уже ходили свѣдѣнія о катастрофѣ съ поѣздомъ; видимо начальникъ охраны генералъ Черевинъ растерялся, и мы почти сутки оставались въ неизвѣстности. На дворѣ стояла слякоть, холодъ, мало того шелъ то снѣгъ, то дождь, и я распорядился подъ своей отвѣтственностью снять людей съ 3-го положенія. На другой день все разъяснилось; произошла знаменитая катастрофа 17-го октября. Провидѣніе чудеснымъ образомъ спасло царскую семью, государь поѣхалъ черезъ Москву.

Возвратившись въ Вильну и окончивъ сборъ запасныхъ, съ такимъ же успѣхомъ, какъ и въ прошломъ году, я началъ уже готовиться къ обыденнымъ зимнимъ занятіямъ, когда мое мирное настроеніе неожиданно было нарушено. Дѣло вотъ въ чемъ. Ганецкій послѣ катастрофы очень желалъ заявить государю свои соболѣзнованія, но не могъ этого сдѣлать, такъ какъ государь повернулъ на Москву. Тогда онъ написалъ частное письмо къ Ванновскому, въ которомъ самымъ сильнымъ образомъ высказывалъ вѣрноподданническія чувства и сожалѣніе, что не успѣлъ заявить ихъ государю. Изъ дружбы къ Ганецкому, Ванновскій показалъ это письмо хитраго старика государю, и послѣдовалъ отвѣтъ, что очень будутъ рады видѣть его въ Петербургѣ, чѣмъ Ганецкій немедленно и воспользовался. Ничего не предполагая, я 6-го декабря, послѣ молебна, раскланялся въ церкви съ Ганецкимъ, который, пріостановивъ меня, сказалъ: „а вы ничего не получили о вашемъ назначеніи?“—Ничего. „Заѣзжайте ко мнѣ послѣ церкви“. Пріѣхавъ къ нему, я узналъ, что начальникъ главнаго штаба—Обручевъ объявилъ ему, что меня хотятъ скоро взять изъ Вильны для назначенія генералъ-губернаторомъ Западной Сибири (степной). Прошло недѣли двѣ, когда разъ вечеромъ я получилъ отъ генерала Каханова любезную записку съ поздравленіемъ и телеграмму Сѣвернаго агентства о назначеніи моемъ 8-го ноября командиромъ 17 армейскаго корпуса. Такое назначеніе послѣ разговора съ Ганецкимъ и, принявъ во вниманіе, что было еще два генерала старше меня для назначенія въ корпусные командиры, очень меня удивило, и для разъясненія этого дѣла я рѣшился поѣхать въ Петербургъ. Изъ разговора съ Обручевымъ оказалось, что у генералъ-губернатора Сибири Колпаковскаго вышли пререканія съ губернаторомъ Ивановымъ, при чемъ дѣйствіями Колпаковскаго въ главномъ штабѣ были такъ недовольны, что уже былъ составленъ докладъ государю о моемъ назначеніи, когда получилось оправдательное письмо Колпаковскаго и затѣмъ просьба его о дозволеніи прибыть въ Петербургъ, для личныхъ объясненій, что̀ ему и разрѣшили. Такимъ образомъ вопросъ былъ отложенъ, что же касалось до причины обхода двухъ старшихъ меня генераловъ, то этого мнѣ никто кромѣ военнаго министра объяснить не могъ, а я, разумѣется, не имѣлъ права его допрашивать. На этотъ разъ государь принималъ въ Гатчинѣ только корпусныхъ командировъ, и мы вдвоемъ съ Дандевилемъ отправились туда. Дорогой Дандевиль повѣдалъ мнѣ о своей печальной судьбѣ. Неудовольствіе противъ него Гурко дошло до такой степени, что онъ пріѣхалъ въ Петербургъ просить о переводѣ его изъ Варшавы въ другой какой-либо корпусъ, что однако ему пока не удалось. Государь встрѣтилъ меня очень любезно, благодарилъ за

старую службу, говорилъ, какъ онъ остался доволенъ маневрами въ Харьковскомъ округѣ, и видимо хотѣлъ перейти къ бывшей съ нимъ катастрофѣ, но я не поднялъ этого вопроса, который и безъ меня, конечно, ему надоѣдалъ. Вообще его лицо и разговоръ сіяли такою добротою, сердечностію, что безъ особаго чувства нельзя было на него смотрѣть. Принималъ онъ меня въ тужуркѣ. Къ императрицѣ я не пошелъ. Но Дандевиль говорилъ, что она все еще находилась подъ впечатлѣніемъ катастрофы и всякому являющемуся къ ней принималась объ этомъ разсказывать. Позавтракавъ хорошо въ Гатчинѣ, мы часа въ 3 вернулись въ Петербургъ. Пробывъ здѣсь четыре дня, я возвратился въ Вильну и сталъ понемногу готовиться къ отъѣзду въ свой корпусъ, квартира котораго была назначена въ Нижнемъ-Новгородѣ. Между тѣмъ слухи о моемъ назначеніи въ Сибирь распространялись и въ Вильнѣ и даже Москвѣ; ко мнѣ стали являться лица, желавшія служить въ Сибири, и не вѣрили мнѣ, когда я говорилъ, что въ Сибирь не назначенъ. Вообще положеніе мое вышло нѣсколько неловкимъ. Предъ отъѣздомъ мнѣ были предложены офицерами и полковыми командирами два обѣда, но я рѣшительно отказался отъ нихъ во избѣжаніе напрасныхъ расходовъ; точно также я тихонько собрался и неожиданно выѣхалъ 4-го января изъ Вильны, дабы избѣжать обѣдовъ у Ганецкаго и Дризена, о которыхъ они сами мнѣ говорили заранѣе. Получивъ два чрезвычайно лестныхъ приказа по округу и корпусу на счетъ моей 12-тилѣтней службы въ Вильнѣ, я направился къ новому мѣсту служенія; остановившись въ Москвѣ и явившись къ командующему войсками генералу Костандѣ, я былъ опять встрѣченъ вопросомъ о моемъ назначеніи въ Сибирь.

Въ Нижнемъ я былъ встрѣченъ съ особою торжественностію губернаторомъ Барановымъ (извѣстный командиръ парохода „Веста"), властями и кое-какъ устроился, на первое время, въ почтовой гостиницѣ.

Штабъ мой, составленный изъ расформированнаго штаба Харьковскаго округа, еще не собрался, и потому я посвятилъ время на обзоръ войскъ, стоящихъ въ Нижнемъ. Я нашелъ войска сильно распущенными, начальство пребывающимъ въ полной апатіи и начальника дивизіи, генерала Корево, въ состояніи младенчества и при томъ млѣющаго передъ каждой сколько-нибудь хорошенькой женщиной, съ которыми онъ позволялъ себѣ обращаться безъ всякихъ церемоній, что̀, какъ видно, очень нравилось нижегородскимъ барынямъ. Вмѣсто грязи и безпорядка, я потребовалъ чистоты и строгаго исполненія правилъ внутренней службы и о всѣхъ своихъ распоряженіяхъ донесъ Костандѣ, отъ котораго и получилъ благодарность. Въ знаком-

ствѣ съ обществомъ я ограничился только оффиціальными визитами и даже, при этомъ условіи, не избѣгъ всевозможныхъ, свойственныхъ провинціи, сплетенъ. Въ началѣ марта я объѣхалъ войска во Владимірѣ, Ростовѣ, Ярославлѣ и Костромѣ и, къ удовольствію, нашелъ уже многія изъ моихъ требованій исполненными. Мнѣ очень понравился Ярославль по своей опрятности и расположенію, и я удивляюсь, почему московское начальство не избрало его штабъ-квартирою корпуса. Тамъ я нашелъ губернаторомъ стараго своего знакомаго по Ташкенту генерала Фриде. Изъ внѣшнихъ обстоятельствъ, волновавшихъ въ это время общество, можно отмѣтить лишь самоубійство наслѣднаго Австрійскаго принца Рудольфа, вслѣдствіе романической его связи съ баронессою Вечера, окончившей тоже трагически свою жизнь; бомбардированіе французами нашей духовной миссіи отца Паисія, посланнаго въ Абиссинію, и сопровождавшаго ее вольнаго казака саратовскаго мѣщанина Ашинова; отреченіе Милана Сербскаго отъ престола и смерть бывшаго шефа жандармовъ графа Петра Шувалова.

Вслѣдъ за Шуваловымъ, принесшимъ, можетъ быть и неумышленно, такъ много зла Россіи, скончался и министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Д. А. Толстой. При обширномъ образованіи, настойчивомъ, почти непреклонномъ характерѣ Толстой представлялъ одну изъ выдающихся личностей въ Россіи, особенно въ шаткое время минувшаго царствованія. При небольшомъ кружкѣ лицъ, знакомыхъ нашимъ государямъ, выборъ человѣка на важный постъ всегда бываетъ сопряженъ съ затрудненіями и по большей части оказывается неудачнымъ, а въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе, когда приходилось замѣнить столь сильный и цѣльный характеръ, какъ Толстаго. Министромъ назначили Дурново, когда-то бывшаго екатеринославскимъ губернаторомъ, человѣка богатаго и, какъ говорятъ, хорошаго [1]). Все лѣто шли толки о женитьбѣ наслѣдника на княжнѣ Черногорской, но дѣло кончилось пока женитьбой великаго князя Петра Николаевича и принца Лейхтенбергскаго на княжнахъ Милицѣ и Анастасіи, послужившей поводомъ къ произнесенію государемъ тоста за единственнаго своего князя Николая Черногорскаго, надѣлавшаго страшнаго шуму въ Европѣ.

Въ половинѣ іюля я былъ вызванъ на полигонъ въ Клементьево, гдѣ Костанда производилъ смотры собранной тамъ артиллеріи въ числѣ 56 батарей. Три дня производилась и денная и ночная пальба безъ всякой по-моему пользы, ибо другихъ родовъ войскъ не было и мѣста для пальбы изучены артиллеристами, какъ пять пальцевъ,

[1]) Онъ былъ докладчикомъ по дѣламъ учрежденій императрицы Маріи.

между тѣмъ, одинъ только день этой забавы, когда стрѣляли всѣ батареи, стоилъ казнѣ 12—15 тыс. рублей.

Послѣ трехдневныхъ ученій и сытныхъ обѣдовъ, предложенныхъ послѣ артиллеристами, мы на послѣдній день уѣхали на станцію Можайскъ, чтобы оттуда слѣдовать по желѣзной дорогѣ въ Москву. Въ Можайскѣ мы застали въ вокзалѣ сильно кутившую компанію, состоявшую изъ нѣсколькихъ штатскихъ и одного флигель-адъютанта. Шампанское лилось черезъ край; оказалось, что можайскіе помѣщики чествуютъ новаго своего собрата, купившаго въ Можайскомъ уѣздѣ большое имѣніе,—Н—го. Входя въ вагонъ, Костанда сказалъ мнѣ вполголоса: „Н—ій то имѣніе купилъ, вотъ когда оно сказалось“. „Этого и слѣдовало ожидать“, отвѣчалъ я. Дѣйствительно, покойный Н—ій долженъ былъ оставить большой капиталъ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

По возвращеніи изъ Клементьева, пришлось готовиться къ корпусному маневру, который былъ назначенъ въ окрестностяхъ гор. Шуи. Я выѣхалъ нѣсколько раньше, чтобы посмотрѣть на частные маневры, которые оказались изъ рукъ вонъ плохими, по распущенности войскъ и по малому числу руководителей. Въ 2-хъ дивизіяхъ корпуса оставалось только два генерала. Въ концѣ августа пріѣхалъ въ Шую Костанда, присутствовалъ на маневрѣ и церемоніалѣ и, несмотря на проливные дожди, остался вполнѣ доволенъ войсками. Здѣсь онъ опять повторилъ мнѣ, что недавно видѣлся съ военнымъ министромъ и что онъ по-прежнему думаетъ назначить меня генералъ-губернаторомъ въ Сибирь, о чемъ писалъ мнѣ и Мирковичъ [1]). Пришло 30-ое августа, я не получилъ никакой награды, хотя она мнѣ и слѣдовала, а вслѣдъ затѣмъ и генералъ-губернаторомъ Сибири былъ назначенъ генералъ Таубе, помощникъ командующаго войсками Кіевскаго округа. Мнѣ это было очень непріятно, ибо награду я заслужилъ, а назначеніемъ Таубе меня заставили восемь мѣсяцевъ жить въ обманѣ и бивакомъ въ Нижнемъ, тѣмъ болѣе, что я этого мѣста не искалъ, а мнѣ его само министерство предложило. Объ обходѣ меня наградою я заявилъ Костандѣ и къ чести Апостола Спиридоновича долженъ сказать, что онъ горячо принялъ это дѣло къ сердцу и тотчасъ же представилъ меня къ наградѣ внѣ правилъ. О Таубе же выяснилось впослѣдствіи, что его взяли изъ Кіева по требованію Драгомірова, но я полагаю, что, при моемъ самостоятельномъ характерѣ, военный министръ самъ не захотѣлъ дать мнѣ отдѣльнаго назначенія.

---

[1]) Помощникъ начальника Главнаго штаба.

Наступилъ 1890 годъ, я получилъ Александра Невскаго и поѣхалъ въ Петербургъ благодарить за награду. Являюсь къ министру, онъ прямо заявилъ мнѣ претензію; спрашиваю, въ чемъ виноватъ? На васъ жалуются въ Нижнемъ, что вы не приняли по пріѣздѣ вице-губернатора и городскаго голову и попросили ихъ, чтобы они у васъ росписались. Объясняю, что правила вѣжливости знаю и соблюдаю, что, пріѣхавъ съ семьею въ нумера гостиницы, я только лишь началъ разбираться, какъ стали ко мнѣ пріѣзжать съ визитами, которыхъ ясно я не могъ принять въ двухъ комнатахъ. Наконецъ, меня ничто и не обязываетъ, какъ и всякаго человѣка, принимать визиты, которые однако же я на другой же день отплатилъ. Ясно было, что это насплетничалъ, по привычкѣ, Барановъ, тѣмъ болѣе, что когда я хотѣлъ поѣхать къ Дурново, чтобы выяснить это дѣло, министръ сталъ меня увѣрять, что слышалъ все это не отъ Баранова и что самъ переговоритъ съ Дурново.

Возвратившись въ Нижній, я передалъ все это Баранову и объявилъ, что въ другой разъ я вынужденъ буду принять уже другія мѣры противъ нижегородскихъ сплетниковъ, чѣмъ онъ былъ не мало сконфуженъ. Вся сила этой исторіи заключалась въ томъ, что, увлекаясь примѣромъ Игнатьева, Барановъ самъ хотѣлъ попасть генералъ-губернаторомъ въ Сибирь на предназначавшееся мнѣ мѣсто. Министръ меня спрашивалъ также, отчего старые генералы, когда ихъ обходятъ, не обижаются и не выходятъ въ отставку? Отвѣчалъ, что хотятъ ѣсть, а потому и служатъ, иначе съ ничтожной пенсіей приведется чуть не умирать съ голоду.

Государь, при представленіи, необыкновенно былъ со мною милостивъ. Въ продолженіе зимы, меня два или три раза вызывали въ Москву, какъ старшаго корпуснаго командира, исправлять должность Костанды, уѣзжавшаго въ Петербургъ. Наконецъ, къ 21-му апрѣля мы, начальники войскъ, собрались туда же, чтобы праздновать 50-тилѣтіе службы въ офицерскихъ чинахъ того же Костанды. Я, какъ старшій, поднесъ юбиляру сдѣланную по подпискѣ икону Иверской Божіей Матери и сказалъ за обѣдомъ небольшую рѣчь. На обѣдѣ я встрѣтился съ начальникомъ Главнаго тюремнаго управленія Галкинымъ-Врасскимъ, котораго не видалъ 30 лѣтъ. Мы встрѣтились дружески, хотя конечно только по наружности.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Окончивъ съ юбилеемъ, я поѣхалъ въ слободу Павловскую, осматривать 3-ю артиллерійскую бригаду, которую еще не видѣлъ.

Поѣздка эта, совершенная въ прекрасную погоду, служила для

меня прогулкой. По возвращеніи въ Москву, пришлось еще присутствовать на отвѣтномъ обѣдѣ, который давалъ у себя на квартирѣ Костанда всѣмъ начальникамъ. Обѣдъ былъ съ княземъ Долгорукимъ, спичами, и надо сказать, что въ кулинарномъ отношеніи составлялъ верхъ совершенства. Распростясь въ тотъ же день съ любезными, какъ всегда, хозяевами, я, переночевавъ, отправился въ свой Нижній.

Еще въ бытность въ Петербургѣ, я просилъ Ванновскаго о пособіи, предполагая лѣтомъ съѣздить за границу. Просьба моя была уважена, и въ началѣ іюня, осмотрѣвъ предварительно войска корпуса, я выѣхалъ съ семьею изъ Нижняго. Далекій мнѣ предстоялъ путь изъ этого захолустнаго города. Третій разъ я ѣзжу за границу и долженъ по справедливости сказать, что нигдѣ я не встрѣчалъ такихъ удобствъ и такой предупредительности со стороны желѣзнодорожнаго персонала, какъ въ Россіи. Правда, указываютъ на скорость ѣзды за границей, но Богъ съ ней совсѣмъ, когда въ вагонахъ нѣтъ даже клозетовъ и понятный дорожный аппетитъ, за исключеніемъ рѣдкихъ мѣстъ, приходится удовлетворять только самымъ спѣшнымъ проглатываніемъ пива и кофе съ прибавкой закорузлой колбасы. На обратномъ пути я пробылъ въ Вильнѣ около 3-хъ недѣль. Нашъ военный міръ былъ занятъ разговорами о Нарвскихъ маневрахъ и приготовленіями къ маневрамъ на Волыни.

Очевидцы разсказывали, что императоръ Вильгельмъ былъ чрезвычайно предупредителенъ не только къ императрицѣ, но и къ государю, которому онъ не разъ даже помогалъ надѣвать плащъ, но въ то же время, высадясь въ Ревелѣ и любезно поздоровавшись съ городскими властями изъ нѣмецкихъ бароновъ, онъ едва обратилъ вниманіе на представителей русской администраціи, какъ-то: губернатора князя Шаховскаго и другихъ. На Волыни должны были сразиться Гурко и Драгомировъ, первый сначала отказывался отъ командованія, боясь, какъ онъ говоритъ, критики всякаго капитана генеральнаго штаба, но въ главномъ штабѣ рѣшили такъ, что главными посредниками будутъ высказаны мнѣнія только по совершенномъ окончаніи маневровъ, во время же его никто изъ посредниковъ не будетъ имѣть права что-либо поправлять или критиковать, и тогда Гурко согласился. Кто остался побѣдителемъ и распоряжался раціональнѣе, не знаю, но военный министръ впослѣдствіи говорилъ мнѣ, что войска Гурко дѣйствовали ловчѣе и чище, жаль только, что главный посредникъ великій князь Николай Николаевичъ Старшій въ это время уже былъ нездоровъ, выказывая по временамъ признаки умственнаго разстройства, и вскорѣ былъ отправленъ для излѣченія въ Крымъ.

Передъ отъѣздомъ въ Нижній, въ газетахъ появилось извѣстіе о покушеніи на жизнь нижегородскаго губернатора Баранова какого-

то писца. Напрасно Барановъ силился придать этому покушенію политическую подкладку, какъ противъ лица, отличающагося строгою преданностью монархизму—слѣдствіе показало, что покушавшемуся, въ припадкѣ психопатіи,—было все равно, въ кого ни стрѣлять, лишь бы только въ лицо извѣстное по своему оффиціальному положенію, и поэтому онъ сначала хотѣлъ убить министра финансовъ, бывшаго въ то время въ Нижнемъ, но когда это не удалось, то, за неимѣніемъ другаго болѣе подходящаго лица, онъ стрѣлялъ въ Баранова. Раздутая Барановымъ исторія вышла пустяками. Едва я вернулся въ Нижній, какъ получилъ телеграмму, вызывавшую меня въ Москву, для командованія округомъ, на мѣсто Костанды, отъѣзжавшаго въ отпускъ въ Одессу. Вслѣдъ за прибытіемъ въ Москву, пріѣхалъ туда военный министръ, возвращавшійся съ маневровъ въ Петербургъ.

Я встрѣтилъ Ванновскаго на станціи, и потомъ при почетномъ караулѣ, онъ обошелся со мною холодно, вѣжливо, былъ у меня съ визитомъ и очень хвалилъ только-что окончившіеся маневры. По возвращеніи Костанды, вернувшись въ Нижній, я пробылъ въ немъ до 14-го ноября и все это время чувствовалъ какую-то постоянную тоску и недомоганіе; 14-го числа я вновь былъ въ Москвѣ для замѣны Костанды, уѣхавшаго въ Петербургъ. На другой день съѣздилъ къ знаменитому доктору Захарьину, чтобы потолковать о своемъ здоровьѣ, и въ 7-мь часовъ вечера, возвратясь домой, почувствовалъ, что у меня отнялась правая нога и помутился правый глазъ. Такъ началась тяжкая болѣзнь, продержавшая меня въ Москвѣ, въ гостиницѣ, до половины марта.

XXXI.

Назначеніе вел. кн. Сергія Александровича генералъ-губернаторомъ Москвы.—Смерть Долгорукова.—Смерть принцессы Александры Георгіевны.—Холера.—А. П. Костанда.—Назначеніе меня членомъ Военнаго совѣта.

Къ концу февраля болѣзнь моя нѣсколько облегчилась, хотя нога все еще плохо двигалась, а правый глазъ плохо видѣлъ, тѣмъ не менѣе я явился къ Костандѣ и вступилъ въ исправленіе его должности, когда онъ ко дню рожденія государя поѣхалъ въ Петербургъ.

Наступилъ мартъ, повѣяло весной, и Костанда сталъ ясно намекать мнѣ о необходимости отправиться къ корпусу, чего я и самъ горячо желалъ. Собравъ всѣ силы, я въ половинѣ марта рѣшился

выѣхать въ Нижній, по прибытіи куда и съ наступленіемъ тепла, мое здоровье дѣйствительно стало поправляться, я сталъ гулять и воскресать духомъ, но, увы, не надолго. Простоявъ какъ-то съ полчаса у обѣдни, я по приходѣ домой опять лишился употребленія ногъ. Такъ протянулось время до іюня мѣсяца, когда я рѣшился взглянуть на войска своего корпуса. Дурная погода преслѣдовала меня до Рыбинска, и только съ пріѣздомъ въ Москву погода стала лучше. На этотъ разъ я нашелъ полки 35-ой дивизіи въ очень хорошемъ состояніи въ отношеніи фронта, вида и одежды. Здѣсь надо сказать, что еще въ 90 г. произошла у командира Моршанскаго полка полковника Ляпунова исторія въ полку. Трое подкутившіе офицеры поссорились между собою и одному изъ нихъ приказано было уйти изъ полка, а на другаго было наложено дисциплинарное взысканіе; въ полку образовались партіи, и одна заявила о пристрастіи полковаго командира къ одному изъ помянутыхъ офицеровъ. Полковаго командира поддержалъ начальникъ дивизіи. Пошли анонимные доносы Ванновскому, которые онъ такъ любилъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что мнѣ военный министръ сдѣлалъ замѣчаніе за слабость взысканія, а начальнику дивизіи выговоръ, послѣдствіемъ чего былъ выходъ въ 1881 г. въ отставку генерала Данилова и назначеніе на его мѣсто генерала Риттиха. Два молодыхъ офицера прогнаны въ отставку, изъ которыхъ одинъ юноша за то, что не вызвалъ на дуэль обидѣвшаго его товарища. Послѣдній однако по ходатайству моему черезъ годъ былъ вновь принятъ на службу.

Еще въ минувшемъ году московскій генералъ-губернаторъ князь Долгоруковъ отпраздновалъ свой 25-ти-лѣтній юбилей по званію московскаго генералъ - губернатора и получилъ отъ жителей массу подарковъ, такъ что въ его квартирѣ была устроена выставка этихъ подношеній, которую всѣ ходили смотрѣть. Но это была его послѣдняя лебединая пѣсня. Къ веснѣ, несмотря на расположеніе къ нему и поддержку императрицы, онъ былъ смѣненъ, и на его мѣсто назначили великаго князя Сергія Александровича, командовавшаго дотолѣ Преображенскимъ полкомъ. Бѣдный Долгоруковъ, погрязшій въ долгахъ у жидовъ, которымъ онъ такъ протежировалъ въ Москвѣ, кое-какъ собравъ свои скудные пожитки, отправился за границу, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Послѣ смотровъ войскъ въ Нижнемъ и Владимірѣ я въ августѣ мѣсяцѣ опять поѣхалъ въ Москву замѣнять Костанду. На этотъ разъ я побывалъ у великаго князя и былъ встрѣченъ очень любезно, а семья за это время занималась осмотромъ французской выставки.

Этимъ лѣтомъ послѣдовало замѣтное сближеніе Франціи съ Россіей, какъ противовѣса тройственному союзу, и лѣтомъ французская эскадра адмирала Жерве посѣтила Кронштадтъ и была предметомъ

большихъ овацій. Адмиралъ и офицеры пріѣзжали не надолго и въ Москву, гдѣ ихъ поили и кормили на славу.

На частныхъ маневрахъ этого года въ августѣ мѣсяцѣ, за отъѣздомъ начальника 3-й дивизіи генерала Наз—ва въ отпускъ, командованіе 3-й дивизіей я поручилъ начальнику своего штаба генералу Макшееву, но едва только Наз—въ узналъ объ этомъ, какъ явился изъ отпуска и немедленно вступилъ въ командованіе дивизіей. Послѣдствіемъ такого поступка было то, что Макшеевъ подалъ въ отставку.

Надо сказать, что вскорѣ послѣ крушенія императорскаго поѣзда въ Боркахъ и по вступленіи Наз—ва въ командованіе 3-й дивизіей, онъ безъ вѣдома моего и Костанды отправилъ государю телеграмму, съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ и съ заявленіемъ, что 3-я дивизія въ память избавленія царской фамиліи отъ опасности сооружаетъ для поднесенія государю икону. На письмо послѣдовалъ милостивый отвѣтъ государя съ благодарностью. Икона-картина заказана была въ огромныхъ размѣрахъ и потребовала на сооруженіе около 7-ми тыс. руб. сер., которыя надо было гдѣ-нибудь добыть. Наз—въ однако не смутился. Онъ уволилъ людей дивизіи на продолжительныя вольныя работы, устроилъ между офицерами подписку и кромѣ того забралъ въ полкахъ разныя экономическія и хозяйственныя суммы.

Когда наконецъ икона была готова, онъ вошелъ ко мнѣ съ представленіемъ о назначеніи особой депутаціи отъ дивизіи съ нимъ во главѣ, для отправки въ Петербургъ съ иконою. Я донесъ Костандѣ, сообщивъ, что объ изготовленіи иконы мнѣ до сихъ поръ не было ничего извѣстно. Костанду эта исторія взволновала, и онъ испросилъ разрѣшеніе на представленіе иконы депутаціей, но безъ Наз—ва, въ то же время онъ приказалъ вытребовать отъ него всѣ деньги, взятыя имъ изъ экономическихъ суммъ полковъ. Послѣднія деньги были возвращены, но ему удалось таки добыть себѣ разрѣшеніе на личное представленіе иконы вмѣстѣ съ депутаціей.

При своемъ постоянномъ безденежьи онъ привыкъ таскать деньги у полковыхъ командировъ, которые безъ затрудненія давали ему съ тѣмъ, чтобы онъ не мѣшалъ въ свою очередь имъ свободно распоряжаться хозяйствомъ полковъ въ ихъ личныхъ интересахъ.

По возвращеніи изъ Москвы, служба моя потекла бы обыкновеннымъ порядкомъ, если бы и тутъ тотъ же Наз—въ не надѣлалъ исторій. Дѣло въ томъ, что, постоянно нуждаясь въ деньгахъ, онъ анонимнымъ письмомъ къ новому командиру 9-го полка полковнику Ѳедорову предложилъ ему дать начальнику дивизіи, то есть себѣ $1^1/_2$ т. р. сер., съ обѣщаніемъ, что тогда служба его пойдетъ хорошо. Ѳедоровъ конечно этихъ денегъ не далъ, и тогда сразу на него нача-

лось гоненіе. Я принялъ сторону Ѳедорова, человѣка, обремененнаго огромною семью. Началось дѣло. Сначала Костанда поручилъ мнѣ сдѣлать дознаніе, а затѣмъ дѣло было передано генералъ-лейтенанту князю Оболенскому и къ веснѣ, несмотря на всѣ клеветы и доносы на меня Наз—ва, онъ былъ отчисленъ отъ должности. Осенью этого же 1891 г. вышелъ изъ службы и мой начальникъ штаба Макшеевъ, на мѣсто котораго назначили начальника штаба гренадерскаго корпуса Ивашкина, не поладившаго съ Малаховымъ, а Наз—въ былъ замѣненъ генераломъ Озеровымъ.

Зиму съ 1891 на 1892 г. я провелъ въ Нижнемъ и смотры войскъ отложилъ до весны, а въ Москвѣ, на время поѣздки Костанды въ Петербургъ, оставался за него генералъ Малаховъ. Для развлеченія дѣти устроили домашніе спектакли, въ которыхъ участвовали чины моего штаба и ихъ семейства, я же время отъ времени принималъ личное участіе въ тактическихъ занятіяхъ офицеровъ, направляя эти работы на ту же практическую дорогу, которая принесла столько пользы офицерамъ 27-й дивизіи. Къ веснѣ явился въ Нижній офицеръ генер. штаба японскихъ войскъ Фукушима, ѣхавшій верхомъ отъ Парижа или Берлина въ свое отечество; я пригласилъ его къ себѣ вечеромъ; онъ оказался достаточно образованнымъ, говорилъ съ моими дочерьми по-французски, нѣмецки и англійски, очень недурно танцовалъ и вообще охотно участвовалъ во всѣхъ играхъ, которыя вела молодежь.

Такъ протянулось время до мая мѣсяца, когда я рѣшилъ поѣхать взглянуть на войска своего корпуса. Сѣвъ на пароходъ въ прекрасную погоду, мы въ первую же ночь почувствовали страшный холодъ. Подулъ жестокій, сѣверный вѣтеръ, посыпалась крупа. Такъ мы доплыли до Костромы, гдѣ былъ назначенъ первый смотръ. Со мной кромѣ старой шинели не было теплаго платья, и я вынужденъ былъ поѣхать на смотръ въ лагерь въ лѣтнемъ пальто. Все время смотра сыпала крупа, дулъ жестокій, холодный вѣтеръ, и не только я, но всѣ молодые офицеры промерзли до мозга костей, несмотря на то, что я велѣлъ имъ немедленно надѣть пальто. Возвратился я на пароходъ совершенно замерзшій, но благодаря Бога безъ всякихъ послѣдствій для своего здоровья. Смотры въ Рыбинскѣ и Ярославлѣ прошли при хорошей погодѣ.

Риттихъ очень увлекался сооруженной по его указаніямъ складной лодкой. 35-я артиллерійская бригада представилась также хорошо. Несмотря на это, Костанда, осматривавшій спустя двѣ недѣли послѣ меня 35-ю дивизію и найдя ее въ такомъ же прекрасномъ состояніи, отдалъ весьма сухой приказъ изъ нерасположенія къ Риттиху, происходившему отъ того, что противъ Риттиха былъ возстановленъ ге-

нераломъ Гурко самъ военный министръ. Въ свою очередь въ этомъ нерасположеніи къ Риттиху подстрекалъ Костанду и Духовской, который, гонялся за карьерой, благоговѣйно вторилъ всѣмъ взглядамъ и словамъ Ванновскаго.

Къ веснѣ распространившаяся въ Баку холера перешла въ Астрахань, гдѣ страшно свирѣпствовала, возбудивъ волненіе среди населенія и затѣмъ двигаясь вверхъ по Волгѣ и, произведя безпорядки въ Саратовѣ, пошла къ Нижнему. Здѣсь начинался съѣздъ на ярмарку, собралась масса рабочаго народу, и пошли распространяться разные нелѣпые возбуждающіе слухи на счетъ докторовъ и разныхъ запретительныхъ мѣръ мѣстнаго начальства относительно зелени, сырой воды и пр.

Ко мнѣ явился губернаторъ Барановъ и потребовалъ содѣйствія войскъ къ предупрежденію какихъ-либо волненій среди населенія.

Не ожидая разрѣшенія Костанды, я въ тотъ же день выслалъ баталіонъ на ярмарку, отдалъ въ распоряженіе Баранова, для высылки въ какой-то торговый пунктъ внизъ по Волгѣ, роту, поставилъ въ самомъ Нижнемъ на дежурство двѣ роты съ подчиненіемъ ихъ губернатору, приказалъ въ лагерѣ постоянно быть въ готовности двумъ баталіонамъ на случай требованія ихъ Барановымъ, и самъ остался на всякій случай въ городѣ. Между тѣмъ холера начала усиливаться, но конечно далеко не въ такой степени, какъ напр. въ 1848 году. Барановъ распоряжался энергично, но и здѣсь, какъ и вездѣ, не могъ обойтись безъ шарлатанства и самохвальства; онъ открылъ холерные лазареты на баркахъ, занялъ помѣщенія подъ больныхъ въ предмѣстіяхъ города, выпросилъ у меня большую трехъэтажную казарму, дабы поселить тамъ бѣднѣйшихъ жителей города, переселивъ ихъ изъ грязныхъ вонючихъ лачугъ. Но этимъ дѣло не ограничилось. Давно уже Баранову хотѣлось реставрировать дворецъ, въ которомъ онъ жилъ, но правительство не давало на это денегъ, какъ потому, что въ Нижній весьма рѣдко пріѣзжала царская фамилія, такъ и потому, что убранство и состояніе дворца были еще удовлетворительны. Отправивъ свою семью еще до холеры къ роднымъ, а самъ переселясь въ прекрасное помѣщеніе на ярмаркѣ, Барановъ, несмотря на то, что городъ предлагалъ подъ холерныхъ нѣсколько свободныхъ хорошихъ помѣщеній, въ одну прекрасную ночь перетащилъ человѣкъ сто холерныхъ больныхъ во дворецъ подъ видомъ неимѣнія для нихъ въ городѣ удобныхъ помѣщеній. Хотя государь встрѣтилъ это распоряженіе съ неудовольствіемъ, сказавъ, что Барановъ не имѣлъ никакого права занимать безъ разрѣшенія его дворецъ подъ холерныхъ, тѣмъ не менѣе послѣ холеры было отпущено 40 тыс. руб.

на очистку и реставрировку дворца и мебели, что́ только и нужно было Баранову.

Еще осенью 1891 г. стали уже ходить слухи о переводѣ 13-го и 17-го корпусовъ къ сторонѣ нашей юго-западной границы, а съ весной 1892 г. этотъ слухъ перешелъ въ совершившійся фактъ. Мой корпусъ приказано было въ октябрѣ мѣсяцѣ передвинуть на новыя квартиры, а въ концѣ августа меня по обыкновенію вызвали въ Москву для замѣны Костанды, уѣхавшаго въ отпускъ. Я отправился со всей семьей и чувствовалъ себя довольно въ хорошемъ состояніи. Наступило 30-ое августа, я сталъ одѣваться, чтобы ѣхать въ соборъ, когда почувствовалъ, что лѣвая моя нога совсѣмъ не дѣйствуетъ. Послали за докторомъ, онъ далъ кое-какія средства, и я, собравъ всѣ силы, съ трудомъ спустился съ лѣстницы и поѣхалъ въ Храмъ Спасителя. Къ счастію, я пріѣхалъ уже къ концу молебна и хотя съ великимъ трудомъ могъ подойти къ митрополиту и къ великому князю, а затѣмъ поцѣловать руку у великой княгини. На грѣхъ мой великій князь вступилъ со мною въ разговоръ, дѣлая замѣчаніе, что, пріѣхавъ въ соборъ, онъ не встрѣтилъ никого изъ военныхъ, которые собрались только во время молебна. Но этимъ мои мученія не кончились. По отъѣздѣ великаго князя меня осадили начальники войскъ, съ разными вопросами по службѣ, и я, облокотясь спиной въ стѣну, долженъ былъ еще ¼ часа стоять на одной ногѣ и до того истомился, что, выйдя изъ церкви, въ сѣняхъ опустился на первую попавшуюся скамью, гдѣ меня ожидали пріѣхавшія за мной въ церковь дочери. Бывшій мой подчиненный, полковникъ Вытекъ предложилъ мнѣ свой экипажъ, и я кое-какъ дотащился до квартиры.

Прошла недѣля, моя нога не поправлялась, а между тѣмъ долженъ былъ проѣхать черезъ Москву военный министръ, возвращавшійся изъ Варшавскаго округа. Духовской выѣхалъ къ нему навстрѣчу въ Тулу, а я къ часу пріѣзда его прибылъ на станцію Николаевской желѣзной дороги, едва передвигая ноги. Подавъ рапортъ, я кое-какъ добрался за нимъ въ пріемную залу, гдѣ онъ меня тотчасъ же усадилъ, вѣроятно предупрежденный о моей болѣзни Духовскимъ, и поздравилъ съ производствомъ въ полные генералы. Чтобы попасть въ поѣздъ, отходящій въ Петербургъ, нужно было обойти кругомъ платформы, и военный министръ, не желая безпокоить меня, простился со мной на этой сторонѣ, прося не ходить за нимъ, но я все-таки при помощи дочерей перешелъ на другую сторону, чѣмъ министръ остался видимо доволенъ.

Черезъ недѣлю возвратился изъ Петербурга Костанда, я встрѣтилъ его на вокзалѣ съ рапортомъ, и онъ попросилъ меня къ себѣ на квартиру. При свиданіи командующій войсками все время смо-

трѣлъ, какъ я хожу, и заявилъ мнѣ, что военный министръ при такомъ состояніи моего здоровья находитъ невозможной службу мою во фронтѣ. Въ свою очередь я отвѣтилъ, что за фронтомъ вовсе не гонюсь и если не подавалъ до сихъ поръ самъ къ отчисленію отъ должности, то лишь изъ свойственной всякому человѣку надежды на выздоровленіе, такъ какъ нога моя нѣсколько уже разъ то улучшалась, то ухудшалась. Костанда на это отвѣчалъ предложеніемъ оставить фронтъ, совѣтуя написать къ нему письмо, и онъ дастъ мнѣ слово о зачисленіи меня въ комитетъ о раненыхъ. Отвѣтивъ, что я сперва переведу корпусъ на новыя квартиры, а затѣмъ, если нога моя не поправится, я самъ безъ всякихъ предложеній буду просить о переводѣ изъ фронта, я простился съ Костандой и въ тотъ же день выѣхалъ обратно въ Нижній.

Пробывъ въ Нижнемъ около мѣсяца и сдѣлавъ всѣ распоряженія по передвиженію корпуса, я направился съ семьей черезъ Москву въ Тулу. При свиданіи съ Костандой онъ вновь сдѣлалъ мнѣ предложеніе написать къ нему объ отчисленіи изъ строя, и я вновь отвѣчалъ, что сдѣлаю это, когда найду необходимымъ. По прибытіи въ Тулу и не видя улучшенія въ здоровьѣ, а также зная, что Костанда къ рожденію императрицы поѣдетъ въ Петербургъ, я послалъ къ нему письмо, въ которомъ, описавъ всю свою службу, просилъ ходатайства о назначеніи меня въ военный совѣтъ. По возвращеніи въ Москву, Костанда увѣдомилъ меня, что военный министръ отговаривается назначить меня въ совѣтъ, по неимѣнію вакансій, и потому совѣтовалъ мнѣ лично обратиться къ министру. Вслѣдствіе такого совѣта я написалъ къ Ванновскому письмо, въ которомъ, вкратцѣ изложивъ всю свою 44-лѣтнюю службу въ предѣлахъ Средней Азіи и Россіи, заявивъ, что я безъ работы не могу существовать, просилъ о назначеніи въ военный совѣтъ. Вслѣдъ за такимъ письмомъ и послѣдовало мое назначеніе въ совѣтъ, въ концѣ ноября мѣсяца, но выѣхать скоро изъ Тулы однако же я не могъ. Зима стояла страшно суровая, а здоровье мое было такъ ненадежно, что я принужденъ былъ остаться въ Тулѣ декабрь и январь мѣсяцы и только въ февралѣ двинулся въ Москву. Въ Москвѣ однако же я задержался еще недѣли на двѣ, какъ потому, что не получалъ долго распоряженія о перевозкѣ меня на казенный счетъ по желѣзной дорогѣ, такъ и вслѣдствіе болѣзни всей моей семьи инфлуэнціей. На этотъ разъ Костанда встрѣтилъ меня очень оффиціально и не отдалъ даже приказа за мою 4-хъ-лѣтнюю службу въ округѣ, что̀ для меня было нѣсколько больно, такъ какъ начиная съ поручичьяго чина, гдѣ я ни служилъ, вездѣ при моемъ отъѣздѣ начальство выражало и словесно и въ приказахъ благодарность за мою служебную дѣятельность. Въ

это время умеръ внезапно въ Хабаровскѣ Корфъ, и я послалъ Духовскому записку съ поздравленіемъ, такъ какъ давно было извѣстно желаніе военнаго министра предоставить это мѣсто Духовскому.

Кстати нѣсколько словъ о Духовскомъ. Сынъ богатаго священника, онъ получилъ кадетское воспитаніе, служилъ въ конно-гренадерскомъ полку, затѣмъ прошелъ двѣ академіи, инженерную и генеральнаго штаба, и, наконецъ, чтобы отряхнуть съ себя поповскую кровь, женился на дочери изъ захудалаго рода князей Голицыныхъ. Безпорно, Духовской былъ человѣкъ очень не глупый, образованный, но въ силу что ли своего происхожденія—искательный и двуличный. Желая во что бы то ни стало выйти въ люди, онъ съ ловкостью дипломата велъ свою службу и, ладя съ Костандой, въ то же время всѣми мѣрами втирался въ милость къ военному министру, чего вполнѣ и достигъ.

Здѣсь будетъ кстати сказать нѣсколько словъ о Костандѣ.

Апостолъ Спиридоновичъ Костанда, родомъ грекъ изъ нашихъ южныхъ губерній, началъ службу въ гвардейской конной артиллеріи и, несмотря на свой маленькій ростъ, отличался весьма красивой наружностью, такъ что въ альманахѣ 40 годовъ „Утренняя Заря“ въ честь его красоты были даже напечатаны стихи. Первое мое знакомство съ нимъ началось въ 1853 году въ Малой Валахіи, гдѣ онъ въ числѣ другихъ гвардейскихъ офицеровъ состоялъ въ отрядѣ графа Анрепа. Какъ теперь помню, при наступленіи нашемъ отъ Боэлешти къ Малдовитѣ, когда выскакали впередъ 4 конныхъ орудія для пораженія отступившихъ баши-бузуковъ, этими орудіями командовалъ Костанда и велъ живую перестрѣлку по непріятелю. Затѣмъ онъ былъ при осадѣ Силистріи и участвовалъ въ неудачной попыткѣ Орлова съ Сельваномъ завладѣть укрѣпленіями Абдулъ-Меджидъ. Здѣсь онъ былъ раненъ. Послѣ кампаніи я потерялъ его изъ виду. Костанда былъ женатъ на дочери бывшаго новгородскаго предводителя дворянства и имѣлъ одного сына, состоявшаго адъютантомъ при Ванновскомъ. Костанда былъ характера очень мягкаго, тихаго, заискивалъ постоянно при дворѣ, а особенно у императрицы, старался жить въ мирѣ съ военнымъ министромъ и легко подпадалъ подъ вліяніе окружавшихъ его лицъ, въ особенности такого ловкаго человѣка, какъ Духовской.

Наконецъ состоялась моя отправка изъ Москвы, и я съ полубольной семьей отправился въ Питеръ, провожаемый старикомъ Макшеевымъ на станцію, а сыномъ его, бывшимъ моимъ адъютантомъ, до самаго Петербурга. По пріѣздѣ сюда мы долго оставались на станціи, пока наконецъ не нашли двухъ свободныхъ нумеровъ въ ближайшей къ вокзалу гостиницѣ „Знаменской“. Началось затѣмъ исканіе квар-

тиры, что было очень трудно, такъ какъ въ это время никто еще изъ города не выѣзжалъ. Наконецъ-то кое-какъ удалось занять сносное помѣщеніе на углу Николаевской и Колокольной улицъ. Собравшись съ силами, я сдѣлалъ визитъ начальнику главнаго штаба и затѣмъ отправился къ министру. Въ пріемной я нашелъ массу представлявшихся и въ томъ числѣ Наз — ва и моего преемника Леонова. Ванновскій встрѣтилъ меня сурово, спросивъ, отчего я такъ долго не ѣхалъ? Я отвѣчалъ, что сначала мнѣ мѣшала слишкомъ суровая погода, а потомъ болѣзнь семьи въ Москвѣ. Этимъ и кончилось наше минутное свиданіе, объяснимое тѣмъ, что въ это время, за болѣзнью многихъ членовъ военнаго совѣта, тамъ съ трудомъ могли составить частное присутствіе. Черезъ нѣсколько дней я сдѣлалъ визиты моимъ сослуживцамъ, начиная съ предсѣдателя частнаго присутствія совѣта Мордвинова и окончивъ старикомъ Глинкою-Мавринымъ; вездѣ я былъ принятъ радушно и вѣжливо, а мнѣ больше ничего и не было нужно.

Въ минуту вступленія моего въ совѣтъ онъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ, въ чинахъ полныхъ генераловъ за исключеніемъ Черняева, бывшаго генералъ-лейтенантомъ и въ совѣтъ никогда не пріѣзжавшаго. Генералъ-адъютанты: Глинка-Мавринъ, Семека, Волковъ и Мордвиновъ. Полные генералы: Рѣзвой, графъ Сиверсъ, Ганъ, Нотбекъ, Яфимовичъ, Богуславскій, Кармилинъ, Колпаковскій, Аллеръ, Орловскій, Анненковъ, Дандевиль, Эллисъ, при начальникѣ канцеляріи военнаго министерства Лобко.

Изъ числа этихъ лицъ Глинка, Семека и Волковъ были люди уже совсѣмъ преклонныхъ лѣтъ и если вступали въ разсужденія, то кажется болѣе для того, чтобы показать, что они еще не утратили даръ слова. Графъ Сиверсъ вскорѣ по моемъ прибытіи умеръ; болѣе же свѣдущими и дѣльно разсуждавшими оказались бывшіе правители канцеляріи военнаго министра Мордвиновъ и Яфимовичъ. Анненковъ говорилъ нерѣдко, но большею частью вздоръ; остальные же, считая въ томъ числѣ и себя, говорили очень рѣдко и мало. Главнымъ докладчикомъ и ораторомъ былъ правитель канцеляріи министра и профессоръ академіи генеральнаго штаба Лобко. Онъ говорилъ хотя не краснорѣчиво, но съ большимъ знаніемъ дѣла и весьма резонно. Вскорѣ къ нашему числу прибавилось еще два новыхъ члена, генералы Рербергъ и Хлѣбниковъ.

Военный министръ присутствовалъ только въ общихъ собраніяхъ и то не всегда. Онъ говорилъ очень тихо, большею частью соглашался съ доводами Лобко и очень рѣдко дѣйствовалъ самостоятельно; въ послѣднемъ случаѣ никто изъ членовъ не рѣшался возражать противъ его мнѣнія.

За шестьдесятъ лѣтъ.

Воспоминанія Ив. Ив. Венедиктова.

1820 — 1894.

V [1]).

Исканіе мѣста и пріемы у разныхъ лицъ. –Поступленіе на службу.—Грозный черкесъ.—Львовъ и его арестъ.—Возвращеніе его.—Служба въ Главномъ управленіи путей сообщеній.—Клейнмихель и Паровскій.—Составленіе смѣтъ.—Писарь Леоновъ.—Выгодные ремонты.—Извѣстный въ свое время Элькань.

Въ малолѣтнемъ отдѣленіи корпуса была лазаретною классною дамою вдова одного изъ бывшихъ офицеровъ корпуса, и при ней дочь, лѣтъ шести-семи—Наташа.

Когда случалось, что въ бытность мою въ лазаретѣ, меня посѣщала мать, принося гостинцы, то часть ихъ перепадала и Наташѣ, за что ея мать звала меня къ себѣ пить чай и вообще допускала къ себѣ, при чемъ я съ Наташей возились до упаду, и мы жили дружно.

Спустя много времени, я, проходя въ одинъ изъ вечеровъ по улицѣ Ораніенбаума, увидѣлъ въ окнѣ маленькой квартиры, сидящую въ креслахъ старушку, а передъ нею, читающею книгу, прехорошенькую брюнеточку. Заинтересовался узнать, что за новость? По собраннымъ одною изъ всевѣдающихъ старыхъ дѣвъ свѣдѣніямъ, выяснилось, что дѣвушка носитъ фамилію бывшей классной дамы. Зовутъ ее Наташей, и живетъ съ своею бабушкою, очень бѣдною, избравшею Ораніенбаумъ для жительства какъ пунктъ, недалекій отъ Петербурга, гдѣ у нея много родныхъ, а между тѣмъ болѣе дешевый.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1905 г.

Я передалъ этой дѣвѣ мое предполагаемое знакомство съ дѣвочкою еще въ дѣтствѣ, и черезъ нѣсколько дней услыхалъ, что старушкѣ было бы пріятно познакомиться со мною, въ ожиданіи вспомнить своего сына. Я не заставилъ повторять приглашеніе. Явился, вспомнили ребячество. Я предложилъ доставлять книги изъ библіотеки, и знакомство, съ перваго же визита, приняло характеръ короткости.

Со временемъ, какъ мнѣ казалось, старушка начала фантазировать на счетъ нашей будущности и, при моихъ поѣздкахъ въ Петербургъ, давала кое-какія порученія къ ея роднымъ, что̀ доставило мнѣ три-четыре дома знакомыхъ, въ которыхъ принимали меня очень радушно, быть можетъ, подъ вліяніемъ соображеній старушки.

Но не пришлось старушкѣ видѣть исполненіе ея надеждъ. Она скончалась, и Наташа скрылась изъ Ораніенбаума. Только случайно удалось узнать, что ее пріютило дальнее по родству семейство Шредерса.

Около того времени, когда я выходилъ въ отставку, женился мой однополчанинъ и однокашникъ капитанъ Астафьевъ, на дѣвушкѣ изъ достаточнаго семейства, которое, живя въ Петербургѣ, имѣло домъ въ Ораніенбаумѣ. Этотъ домъ былъ предоставленъ въ распоряженіе Астафьева, а онъ, вскорѣ послѣ женитьбы, подалъ тоже въ отставку, въ чаяніи получить на первый разъ хотя мѣсто вице-губернатора. Шансы его на карьеру, конечно, были выше моихъ, какъ по чину, такъ и по денежнымъ средствамъ, но вліятельныхъ знакомыхъ, черезъ которыхъ можно было бы начать поиски мѣста, не было, какъ и у меня тоже, никого.

Предположивъ провести медовое лѣто, ничего не дѣлая, въ Ораніенбаумѣ, Астафьевъ посовѣтовалъ и мнѣ не перебираться въ Петербургъ и пригласилъ поселиться до осени у него.—А тамъ, что Богъ дастъ, станемъ искать службы, помогая другъ другу.

Пустившись однажды прокатиться вдоль берега на лодкѣ, я доѣхалъ до расположенной верстахъ въ двухъ отъ города, еще не составлявшей дачнаго пункта, деревни Мартышкиной. Намѣреваясь вернуться пѣшкомъ, вышелъ на дорогу и увидѣлъ гуляющее семейство—видимо, мужъ съ женою, малолѣтняя дочка и, къ величайшему изумленію, съ ними Наташа. Нескрытая обоюдная радость нашей встрѣчи не ускользнула отъ вниманія бывшаго съ Наташею семейства, именно Шредерса, которому, вѣроятно, приходилось слыхать и мою фамилію и родственныя предположенія и виды на меня.

Когда я сталъ откланиваться у входа на дачу, меня пригласили провести конецъ дня вмѣстѣ, а при прощаніи просили заходить безъ церемоніи.

Съ первыхъ же посѣщеній, разговоръ сталъ переходить на мои служебныя предположенія. Я не скрывалъ своихъ затрудненій и сразу убѣдился въ готовности Шредерса принять во мнѣ участіе.—Есть, говорилъ онъ, въ числѣ нашихъ хорошихъ знакомыхъ, домъ князя Кугушева, куда мы ѣздимъ по воскресеніямъ, чтобы дать случай потанцевать Наташѣ.—Собирается много молодежи, но бываютъ и большіе старички: членъ совѣта при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Переверзевъ, директоръ департамента полиціи исполнительной — Оржевскій, товарищъ управляющаго дѣлами комитета министровъ— Брокъ и нѣсколько другихъ вліятельныхъ особъ, которыя могли бы быть полезны при моихъ поискахъ службы. Вотъ, кабы мнѣ удалось втянуть васъ туда, хотя бы для начала!

Эти разговоры заинтересовали и Астафьева, почему и онъ пожелалъ познакомиться съ Шредерсомъ. Мнѣ удалось ихъ свести. Затѣмъ Шредерса стали принимать съ почетомъ, съ хорошими обѣдами, устраивались прогулки, и къ концу лѣта Шредерсъ и Астафьевъ были уже пріятелями, но Астафьевъ, въ виду моего посредничества и на будущее время, взялъ съ меня слово и въ Петербургѣ пожить у него, покуда выяснится что-нибудь со стороны Шредерса.

Я же, тѣмъ временемъ, не сидѣлъ, сложа руки и, тяготясь своимъ положеніемъ, готовъ былъ сунуться всюду, куда направятъ добрые люди, указывая на свободное мѣсто, при чемъ меня все еще не оставляла вѣра въ престижъ гвардейскаго офицера.—Нужно только узнать, гдѣ есть мѣсто, думалъ я, и возьмутъ непремѣнно.

Сказали, что очистилась вакансія у генерала Лихардова, въ Петергофскомъ дворцовомъ правленіи. Ѣду, представляюсь и прошу дозволить занять освободившееся мѣсто.

Мнѣ даютъ дѣло и, сказавъ, что изъ него вышитъ докладъ Лихардова къ начальству, предлагаютъ написать такой, ознакомившись съ дѣломъ.

Просидѣлъ всю ночь. Написалъ и отдалъ. На утро, генералъ объявилъ, что докладъ написанъ, въ литературномъ отношеніи, прекрасно, но видно, что я еще не усвоилъ себѣ гражданскаго слога и потому дать просимаго мною мѣста не можетъ. Первый блинъ.

Узнаю, что гр. Кушелевъ-Безбородко, по званію гофмейстера вновь формируемаго двора наслѣдника цесаревича, собираетъ нужныхъ чиновниковъ, — иду. Мраморы, ковры, зимній садъ и самъ графъ. Принимаетъ и выслушиваетъ несказанно любезно. Проситъ садиться и, подавая изъ бумажника записную книжку, предлагаетъ записать мой адресъ.—Не безпокойтесь, говоритъ, заходить.—Очень радъ.—Вѣроятно, даже на дняхъ вы получите окончательное увѣдомленіе о мѣстѣ, какое вамъ будетъ предоставлено. Жду до сихъ поръ.

Секретарь дворцоваго конюшеннаго управленія порекомендовалъ мнѣ пойти къ оберъ-шталмейстеру, барону Фридриксу просить открывшееся мѣсто. Пошелъ и сюда. Невысокая, подвижная, надменная фигура спрашиваетъ—гдѣ служилъ?—Отвѣчаю, въ гвардіи.—Кто васъ можетъ рекомендовать?—Говорю, моя прежняя служба.—Я съ вѣтру брать не могу. Такъ меня озадачилъ этотъ отвѣтъ, что я вылетѣлъ какъ бомба, хлопнувъ даже дверью.—Вотъ тебѣ и гвардія.—Оставался одинъ Шредерсъ.

Мы переѣхали въ Петербургъ,—тутъ удалось подмѣтить, что Шредерсъ считалъ бы лучшею мѣрою для знакомства Астафьева съ полезными лицами—это устроить для нихъ у себя хорошій обѣдъ, на который пригласить ихъ и Астафьева, но собственныя средства мѣшаютъ такой дорогой затѣѣ.

Астафьевъ уполномочилъ Шредерса расходовать сколько угодно, только бы свести съ лицами, которыя, по мнѣнію его, могутъ пригодиться. Обѣдъ состоялся Лукулловскій и, черезъ нѣсколько дней, Кугушевъ, Переверзевъ, Оржевскій и Брокъ засѣдали уже за роскошнымъ обѣдомъ у насъ, т. е. у Астафьева, вслѣдствіе котораго и я, какъ молодой, получилъ доступъ въ домъ князя Кугушева, иногда потанцовать, при томъ еще съ знакомыми, прибавилъ онъ, плутовски улыбаясь.

Теперь, сказалъ Шредерсъ, нужно только вызвать расположеніе княгини Анны Степановны, тогда будетъ дѣло въ шляпѣ. Анна Степановна оказалась добрѣйшею особою, и, узнавъ мои стремленія, вскорѣ же обратилась къ Оржевскому съ просьбою дать мнѣ мѣсто. Жалко, отвѣтилъ мнѣ, что не сказали ранѣе. Было мѣсто, а теперь не знаю, но возьму съ удовольствіемъ, только, въ виду неопытности вашей, прошу умѣрить гвардейское самолюбіе и начать службу съ азбуки, а, слѣдовательно, и съ небольшаго жалованья. Приходите завтра въ департаментъ часовъ въ одиннадцать.

Перекрестился, входя въ пріемную. Сидятъ и стоятъ много. Вошелъ какой-то толстенькій человѣкъ. Всѣ встали. Это былъ правитель канцеляріи. Подошли и ко мнѣ съ короткимъ вопросомъ: что нужно? Говорю, видѣть Василья Владиміровича. Зачѣмъ? Онъ велѣлъ мнѣ придти сюда. Значитъ, вы уже безпокоили его превосходительство—гдѣ? Мы встрѣчаемся въ домѣ общихъ знакомыхъ. Тонъ перемѣнился сразу. Подождите, онъ скоро будетъ. Дѣйствительно, вскорѣ вбѣжалъ курьеръ съ большущимъ портфелемъ. Въ сосѣднихъ залахъ пронесся шорохъ, чиханіе, сморканіе, движеніе стульевъ. Очевидно, все готовилось къ встрѣчѣ. Вошелъ и самъ. Поздоровался со мною и предложилъ подождать. Отворились двери въ невиданное мною никогда присутствіе—столы, столы и столы, а за столами чиновники,

безъ счету. За столомъ прямо передъ дверью сидитъ суровый господинъ, склонившись надъ бумагами, а по бокамъ бумагъ огромныя кучи пучковъ розокъ, и на каждомъ пучкѣ ярлыкъ съ печатью. Это были образцовыя розги для административныхъ наказаній.

Оржевскій позвалъ меня въ кабинетъ и спросилъ: согласенъ ли я взять имѣющееся единственное мѣсто помощника столоначальника съ содержаніемъ 570 рублей? Скажу по правдѣ, очень обрадовался, хотя и старался не показать этого. Отвели меня, раба Божьяго, въ отдаленную комнату и отрекомендовали столоначальнику арестантскихъ дѣлъ. Невзрачный, засаленный. Садитесь, говоритъ. Гдѣ вы служили? Въ гвардіи. Гмъ, значитъ, по нашей части знаете немного. Ничего, говорю, не знаю. Ну, такъ начинайте сначала. Вотъ вамъ вновь поступившія бумаги. Заводите по нимъ дѣла. Я и глаза вытаращилъ, не понимая такого техническаго термина. Добрые люди подсказали, что нужно взять особо установленный большой листъ бумаги, предназначенный для обложекъ, на которомъ напечатано большими буквами—дѣло. Сложить его особымъ манеромъ, такъ, чтобы на сгибѣ образовалась во внутрь листа большая складка, для пришиванія къ ней бумагъ. Потомъ вложить листъ для оглавленія и, наконецъ, написать на обложкѣ, кратко, предметъ первой бумаги. Это я понялъ, и, забравъ домой кучу большихъ листовъ, на другой день завелъ нѣсколько десятковъ дѣлъ, по оказавшимся въ наличности бумагамъ. Усердіе мое такъ понравилось столоначальнику, что тутъ же выяснилось его намѣреніе поналечь на меня и, при томъ, въ очень начальственной формѣ. Что дѣлать, — взялся за гужъ. Но, вотъ, черезъ дня три-четыре, подошелъ ко мнѣ Оржевскій. Спросилъ, какъ нравится служба, и прибавилъ: ну, не скучайте, вечеромъ, конечно, увидимся.

Этого было очень достаточно. На другой день, тотъ же столоначальникъ уже заботился, какъ бы посадить меня поудобнѣе, да и сослуживцы, не только по столу, стали спрашивать о здоровьѣ. Вообще, совершилась пріятная перемѣна, а вскорѣ пришелъ экзекуторъ и, объявивъ о моемъ зачисленіи на службу, вѣжливо пригласилъ меня получить, слѣдовавшія за мѣсяцъ впередъ, столовыя деньги. Пріятно вспомнить, съ какою радостью опустилъ я въ карманъ эти первыя осьмнадцать рублей. И теперь душа радуется. Деньги деньгами, и онѣ были для меня цѣнны, а, главное, я почувствовалъ подъ собою почву. Поступилъ на службу и, радостно направляясь домой, задавалъ себѣ вопросъ: а что бы было, если бы на моемъ жизненномъ пути не было Наташи? — Судьба, великое дѣло!

На полученныя деньги я чуть не покупалъ уже себѣ каменный домъ. Такъ разыгралась фантазія, но, и въ дѣйствительности, въ

предвидѣніи получить въ концѣ мѣсяца жалованье, тотчасъ началъ пріискивать квартиру для самостоятельной жизни. Нашелъ хорошую комнату, отъ жильцовъ—небольшое семейство, мужъ и жена,—поселился мирно и почувствовалъ себя прекрасно. Возвратясь черезъ нѣсколько дней домой, увидѣлъ, какъ новаго члена семейства, молоденькую сестру квартирной хозяйки, которая вскорѣ обратилась ко мнѣ съ просьбой: не могу ли я уступить на одинъ вечеръ свою комнату для предполагаемаго, въ финансовыхъ видахъ, танцовальнаго вечера? Не зная, что это такое и предполагая новость интересною, я согласился. Затѣмъ послѣдовала новая просьба: нѣтъ ли у меня знакомыхъ кавалеровъ, которые пожаловали бы повеселиться. За входъ одинъ рубль съ чашкою шоколада. Согласился и на это; уговорилъ придти нѣсколькихъ знакомыхъ офицеровъ. Въ назначенный день, въ комнатахъ хозяевъ стали прибивать къ стѣнамъ бра со свѣчами. На окна навѣсили драпировки и, когда все освѣтили, оказалось что-то весьма приличное. Учредительница вечера, недурненькая собою, вышла декольтированная, одѣта очень опрятно, въ перчаткахъ съ кисъ-кисъ. Первыми стали появляться дамы, тоже паре, въ цвѣтныхъ башмакахъ и съ цвѣтами. Я просто недоумѣвалъ, какъ понимать все это и, въ особенности, какъ держать себя съ этими посѣтительницами. Вскорѣ разговорились до короткости. Оказался народъ все безъ претензій, и я же получилъ первое приглашеніе на танцы и отъ всѣхъ на первую кадриль. Потомъ стали появляться кавалеры и, въ числѣ первыхъ, два черкеса, въ красномъ, парадномъ нарядѣ, изъ чего я заключилъ, что эти вѣроятные посѣтители многихъ такихъ вечеровъ желаютъ настоящему вечеру выразить особое уваженіе, какъ исключительно приличному, но ошибся.

Сидѣлъ я на диванѣ, за круглымъ столомъ, около котораго размѣстился цѣлый цвѣтникъ милыхъ и ароматныхъ созданій, узнавшихъ уже, что меня зовутъ Иваномъ Ивановичемъ. Подошелъ къ намъ черкесъ во всеоружіи, съ кинжаломъ, и, вообще, нарядный и страшный.—Будишь со мною, баришня, танцывать первую кадриль? обратился онъ съ вопросомъ къ ближайшей къ нему особѣ.—Я уже танцую, отвѣтила та.—Съ кѣмъ?—Съ Иваномъ Ивановичемъ.—А ты, баришня, обратился онъ къ другой. Отвѣтъ тотъ же. Третья тоже. Четвертая тоже. Черкесъ началъ свирѣпѣть. Какой тутъ чортъ Иванъ Иванычъ! Первую, которая со мною не пойдетъ танцовать, буду бить въ морда. Вы меня знаете!

Вижу, дѣло не ладно. Выбрался я изъ своего цвѣтника. Подождалъ въ укромномъ уголкѣ большинство многихъ мною приглашенныхъ и, передавъ имъ послѣднюю сцену, счелъ за лучшее убраться вмѣстѣ съ ними, по-добру по-здорову, подалѣе; и, выйдя всѣмъ кага-

ломъ, я рѣшился ночевать внѣ дома. Все-таки познакомился съ однимъ, новымъ для меня видомъ трущобъ петербургскихъ; но въ то же время, тутъ же рѣшилъ пріискивать другую квартиру, чтобы избѣжать въ другой разъ приглашеній на первую кадриль.

Въ числѣ вышедшихъ со мною съ этого вечера былъ мой однокашникъ, лейбъ-егерскаго полка штабсъ-капитанъ Львовъ, который, услыхавъ мое намѣреніе перемѣнить квартиру, пригласилъ меня на сожительство съ нимъ. Я обрадовался этому предложенію, какъ потому, что мнѣ представлялась возможность платить за квартиру дешевле, такъ, и въ особенности, потому, что неиспытанная мною до этого времени жизнь въ одиночествѣ, въ самое короткое время, стала для меня невыносимою. Я вскорѣ переѣхалъ. Оказалась всего одна комната, перегороженная ширмами, за которыми спалъ Львовъ, а передъ ширмами я. Зналъ я Львова, какъ сына адъютанта нашего корпуса, когда онъ бѣгалъ еще въ гусарской курточкѣ, и провелъ съ нимъ въ корпусѣ болѣе семи лѣтъ, но не видѣлъ въ немъ ничего другаго, какъ славнаго товарища и разумнаго малаго, предавшагося любимому имъ предмету—химіи, что̀ дало ему право быть преподавателемъ въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ. Но, при совмѣстной жизни, сталъ замѣчать въ немъ какую-то отъ меня скрытность, одностороннее направленіе, не къ дѣлу химіи и, какъ любимый предметъ разговоровъ съ посѣщавшими его, большею частью мнѣ неизвѣстными лицами, — разговоры, ощутительно стѣсняемые моимъ присутствіемъ. Уяснивъ себѣ суть направленія Львова, я по-товарищески и шутя сталъ повторять свое мнѣніе, что лучше бы этихъ пріятелей по боку. Вѣдь молодо, зелено. Пожалуй, высѣкутъ. Вскорѣ же узналъ, что пятница такой день, который Львовъ считаетъ обязательнымъ проводить у какого-то Петрашевскаго, гдѣ и встрѣчается со многими спеціальными знакомыми.

Въ числѣ немногихъ, которые заходили собственно ко мнѣ, былъ давній мой знакомый Зиминъ. Онъ какъ-то передалъ мнѣ, что въ городѣ ходятъ слухи о какомъ-то обществѣ, которое собирается въ Коломнѣ у Петрашевскаго, и что эти сходки добромъ не кончатся. Я передалъ это Львову.

Если за обществомъ слѣдятъ, то, конечно, знаютъ уже и лицъ, которыя сходятся у Петрашевскаго, почему я не счелъ нужнымъ скрывать мои опасенія за Львова; послѣ чего у насъ завязались совѣщанія, какъ бы отвлечь Львова, хотя отъ соблюденія пятницъ, вслѣдствіе чего, Зиминъ скоро зашелъ къ намъ, съ приглашеніемъ прибыть въ первую пятницу къ нему провести вечеръ, поиграть и поужинать. Жилъ Зиминъ на углу Морской и Вознесенскаго проспекта, нанимая комнаты у г-жи Бремме, имѣвшей нѣсколькихъ такихъ жильцовъ. Мы

пришли, поболтали, поиграли, а, когда стали собирать ужинъ, Львовъ взялся за фуражку, объявивъ, что долѣе оставаться не можетъ. Погода была ужасающая. Я, послѣ усиленныхъ уговоровъ Львова измѣнить намѣреніе, сказалъ, что если онъ идетъ домой, то и я съ нимъ, а если не домой, то останусь ночевать у Зимина. Онъ уѣхалъ, а я остался.

По утру, часу въ шестомъ, вошелъ лакей, видимо по какому-то дѣлу. Поговорилъ съ Зиминымъ и ушелъ. Зиминъ взволновался и объявилъ, что дѣло дрянь. Ночью у Бремме были жандармы, арестовали Достоевскаго и, какъ узналъ дворникъ, всю ночь ѣздили по городу кареты и забрали многихъ.

Понятно, я побѣжалъ немедленно домой. Спрашиваю у дворника—все у насъ благополучно. Ничего, говоритъ, слава Богу. Иду къ себѣ. Отворяетъ дверь денщикъ Львова—физіономія не въ порядкѣ... Дома Ѳедоръ? Давно ушли. Ушелъ? ушли. Куда? не знаю. Ну, да говори толкомъ, что случилось? Только что, говоритъ, Ѳедоръ Николаевичъ вернулись домой, поздненько, и легли спать, какъ прибѣжалъ изъ московскихъ казармъ солдатъ сказать, что ночью жандармы взяли поручика Монбелли. Ѳедоръ Николаевичъ вскочилъ и сталъ разбирать бумаги. Собравъ кучу, приказалъ мнѣ гдѣ-нибудь ихъ сжечь. Вспомнивъ, что внизу топится прачешная, я бросился туда и бумаги сжегъ. Когда вернулся, Ѳедоръ Николаевичъ былъ уже одѣтъ и тотчасъ ушелъ.

Чувствуя, что каша заварилась, и недоумѣвая, какъ она миновала Львова, я вспомнилъ, что въ томъ же полку есть еще другой Львовъ и, желая успокоить себя, послалъ денщика въ казармы, приказавъ провѣдать съ чернаго крыльца, дома ли онъ. Денщикъ вернулся съ печальнымъ извѣстіемъ, что этого Львова ночью взяли. Недоразумѣніе и ошибка стали очевидными.

Послѣдствія этой ошибки и публичное извиненіе императора Николая передъ Львовымъ, взятымъ по недоразумѣнію, были описаны по разнымъ случаямъ во многихъ журналахъ, почему я не повторяю здѣсь этого инцидента.

Когда Львовъ вернулся домой, я ему совѣтовалъ надѣть мундиръ и ѣхать прямо къ Ростовцеву, благоволившему къ семейству Львова и любившему его самаго съ малолѣтства, и высказать откровенно, что сообразивъ огласившіяся имена арестованныхъ съ Петрашевскимъ во главѣ, думать можно, что арестованы лица, собиравшіяся у Петрашевскаго, а такъ какъ къ числу ихъ принадлежалъ онъ, Ѳедоръ Львовъ, тогда какъ арестованъ его однофамилецъ, никогда не бывавшій у Петрашевскаго, то спѣшитъ выдать себя, чтобы охранить отъ непріятностей своего товарища. При такомъ совѣтѣ, я имѣлъ въ виду, кромѣ добраго дѣла, что такое признаніе будетъ принято какъ смягчающее

вину обстоятельство. Но Львовъ отклонилъ мое предложеніе и, какъ оказалось потомъ, сдѣлалъ худо. Когда открылась коммиссія и былъ введенъ арестованный Львовъ, то Ростовцевъ сказалъ громко — ну, вотъ, я говорилъ, что не можетъ быть мой. Эта, поспѣшно высказанная и оказавшаяся ошибочною, увѣренность, конечно, лишила Львова того болѣе теплаго отношенія, на какое онъ могъ разсчитывать со стороны вліятельнаго Ростовцева.

Въ то же утро къ намъ пріѣхалъ одинъ изъ не близкихъ родственниковъ Львова, человѣкъ состоятельный, и, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, сказалъ Львову, что собравъ все, что можно было найти дома,—около полутора тысячи рублей, онъ предлагаетъ это взять и до вечера убраться, а потомъ, что Богъ дастъ.—На первыхъ порахъ поможемъ, а потомъ самъ устроишься; но Львовъ, отблагодаривъ дружескимъ поцѣлуемъ за это предложеніе, отъ него отказался.

Началось тяжелое время ожиданій, что будетъ. Прошло около недѣли. Наконецъ, какъ то, подъ утро, меня что-то разбудило. Открываю глаза — въ дверяхъ стоитъ денщикъ, въ одномъ бѣльѣ, и входятъ двое военныхъ. Когда очнулся, узналъ въ одномъ изъ нихъ директора Павловскаго кадетскаго корпуса — Языкова; а въ другомъ, извѣстнаго всѣмъ по подвязанной рукѣ, жандармскаго полковника Васильева. Денщикъ бросился за ширмы и вышелъ сопровождаемый Львовымъ, успѣвшимъ накинуть халатъ.

— Мнѣ поручено, обращаясь къ Львову, началъ Васильевъ, пригласить васъ отправиться со мною въ особую коммиссію, которая ожидаетъ получить отъ васъ кое-какія свѣдѣнія; при этомъ я обязанъ осмотрѣть и взять, какія могутъ касаться дѣла бумаги. Такъ какъ въ числѣ вашихъ бумагъ могутъ быть и такія, которымъ вы не желали бы придавать гласности, то я предоставляю вамъ время взять ваши бумаги за ширмы, пересмотрѣть и отдать мнѣ только безвредныя для васъ. Даже въ такую тяжелую минуту, Львовъ выразилъ благодарность за эту любезность съ нескрываемою улыбкою, вѣроятно, подумавъ—такъ ли бы ты, милый человѣкъ, дѣйствовалъ, если бы пріѣхалъ недѣлею ранѣе! Возьмите, что найдете нужнымъ, отвѣчалъ Львовъ, открывая ящики письменнаго стола. Васильевъ сложилъ все въ одинъ ящикъ. Перевязалъ бичевкою и приложилъ печать. Потомъ посовѣтовалъ одѣться и взять мундиръ, прибавивъ, что всѣ эти непріятности, вѣроятно, разъяснятся въ самомъ непродолжительномъ времени. Затѣмъ мы простились, и Львова увезли. Ухъ, какъ стало грустно. Если бы вынесли тѣло, кажется, было бы легче. И теперь вспомнить скверно.

Черезъ нѣсколько времени стали ходить слухи, что Набоковъ, комендантъ крѣпости, относится къ заключеннымъ съ отеческимъ состраданіемъ, а затѣмъ я получилъ отъ Львова записку съ увѣдом-

леніемъ о данномъ ему разрѣшеніи получить нѣкоторыя книги, преимущественно, по части химіи. Я отправилъ, и все на долго замолкло.

Много времени спустя, вбѣжалъ, рано утромъ, денщикъ, въ слезахъ, успѣвъ только выговорить... Ѳедора Николаевича везутъ на Семеновскій плацъ разстрѣливать, и скрылся... Я очумѣлъ, но ѣхать туда не хватило мужества. Вскорѣ обозначилось, что Львовъ, въ числѣ первыхъ, кажется, пятерыхъ, былъ приговоренъ къ лишенію жизни, но когда эти лица были приведены къ столбамъ, для разстрѣливанія, подскакалъ стоявшій вдали фельдъегерь съ объявленіемъ замѣны смертной казни каторжными работами на двѣнадцать лѣтъ.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, нежданно, педуманно, Львовъ прибылъ ко мнѣ. Встрѣтивъ его радостно, у меня не достало духу, не только при этомъ свиданіи, но и потомъ, удовлетворять свое любопытство разспросами о прожитой жизни, тѣмъ болѣе, что это былъ уже не прежній Львовъ. Строгій въ сужденіяхъ, рѣзкій въ приговорахъ и при томъ замкнутый и не словоохотливый. Все-таки удалось узнать, что каторгу, въ томъ видѣ физическихъ страданій, въ какомъ она представляется обыкновенно, Львовъ не испыталъ. Въ мертвомъ домѣ не былъ. По прибытіи на мѣсто былъ назначенъ къ огороду. Потомъ прилѣпился къ аптекѣ. Далѣе, ген.-губерн. Муравьевъ причислилъ его сначала къ своей канцеляріи въ какомъ-то мудреномъ званіи, а потомъ—къ пробирному управленію.

Между тѣмъ, добрые люди не дремали и вызвали сочувствіе, знавшаго отца Львова, петербургскаго ген.-губерн. свѣтлѣйшаго князя Суворова. Львову удалось получить разрѣшеніе на отпускъ въ Рязань, но онъ рискнулъ направить свой путь черезъ Петербургъ, гдѣ и явился прямо къ Суворову. Добрѣйшій князь причислилъ его немедля къ своей канцеляріи, чѣмъ вызвалъ страшную противъ себя бурю со стороны шефа жандармовъ; но вынеся множество непріятностей и нахлобучекъ, какъ самъ выражался, отстоялъ за Львовымъ право остаться въ Петербургѣ. Тутъ его взялъ подъ свое покровительство предсѣдатель русскаго техническаго общества Петръ Аркадіевичъ Кочубей, повліявшій на избраніе Львова секретаремъ общества. Ко времени открытія Петровской выставки въ Москвѣ, Львову были возвращены его права, а за участіе въ этой выставкѣ даже дали орденъ. На столько почетно Львовъ оправдалъ рекомендацію Кочубея и выборъ общества, что, будучи поставленъ въ необходимость оставить мѣсто по надломленному здоровью, получилъ пенсію отъ правительства и особо отъ общества, а когда умеръ, то въ числѣ собравшихся въ скромную квартирку на выносъ тѣла, прибылъ, какъ однокашникъ, военный министръ, генералъ-адъютантъ Ванновскій, а на могилѣ Львова поставленъ памятникъ его почитателями и такъ

самая тѣнь политической ошибки Львова была совершенно смыта. Хорошій былъ человѣкъ—миръ праху твоему, многострадальный товарищъ!

Когда, послѣ арестованія Львова, аресты стали продолжаться, тогда, по правдѣ сказать, вструхнулъ и я, въ особенности, когда ко мнѣ пришелъ человѣкъ профессора технологіи Витта сказать, что и его барина взяли. У Витта собирались, по вторникамъ, многіе. Въ томъ числѣ бывалъ и я.—Ну, думаю, долго ли до бѣды!—Вотъ тебѣ и служба.—Не отдай я своей комнаты хозяйкѣ, не встрѣться я съ азіатомъ... Не переѣхалъ бы я къ Львову и ничего бы не было; а тутъ еще стала наклевываться возможность получить новое лучшее мѣсто. Однокашникъ мой, адъютантъ гр. Клейнмихеля, сказавъ мнѣ, что въ департаментѣ искусственныхъ дѣлъ, у генерала Рерберга открывается мѣсто правителя канцеляріи, попробуй, говоритъ, „хвати письмо прямо на имя графа. Онъ это любитъ. Начни непремѣнно: сіятельнѣйшій графъ! а потомъ всякаго гарниру поболѣе, да послаще. Въ этомъ не стѣсняйся. Письмо будетъ передано Ивану Дороѳеевичу, и, если онъ захочетъ, въ чемъ я не сомнѣваюсь, выбрать удобную минуту, то дѣло, пожалуй, и выгоритъ, а если и нѣтъ, то не высѣкутъ“.

Иванъ Дороѳеевичъ Ивановъ, выслужившійся изъ писарей, былъ ближайшимъ лицомъ при графѣ и считался на столько нужнымъ и вліятельнымъ, что, какъ я самъ видѣлъ въ свѣтлый праздникъ, начальники округовъ, генералы, сдѣлавъ визитъ графу, направлялись въ подвальную квартиру, принести поздравленіе Иванову.

Письмо мною было написано, и черезъ нѣсколько дней получена отъ Иванова записка къ моему товарищу съ увѣдомленіемъ, что графъ назначилъ просителю явиться въ четвергъ, въ 11 часовъ, къ чему было прибавлено, что въ римской исторіи всякія чудеса бывали; почему же они и у насъ невозможны!

Опытные люди, которымъ я счелъ возможнымъ сообщить это дѣло, осуждали выбранный мною способъ, предсказывая, что если графъ и согласится, то все же мнѣ будетъ скверно, такъ какъ Рербергъ можетъ имѣть въ виду уже пріисканное лицо и не проститъ мнѣ мою назойливость. Но думать объ этомъ было уже поздно. Нужно являться.

Войдя со страхомъ въ залу, я встрѣтилъ генерала Энгельгардта, директора института путей сообщенія, бывшаго въ нашемъ полку моимъ батальоннымъ командиромъ, и тутъ полковника Гогеля, инспектора того же института, тоже своего однополчанина и бывшаго ротнаго командира. Разсказавъ имъ, по какому поводу явился, передалъ также и свои опасенія на счетъ отношеній Рерберга.—Этого не бой-

тесь, заговорили оба. Дѣти Рерберга у насъ въ институтѣ. Только бы согласился графъ, а остальное мы уладимъ.

Стоявшій у запертой двери курьеръ многозначительно оправился. Все смолкло, и вышелъ графъ. Я сказалъ свою фамилію съ наинижайшимъ поклономъ.—Гдѣ служили? спросилъ меня.—Началъ службу лейбъ-гвардіи въ Волынскомъ полку. Зная, что Энгельгардтъ и Гогель служили тамъ же, графъ, вопросительно обернулся къ нимъ. Спасибо, добрые люди и сослуживцы, въ одинъ голосъ, разразились въ самыхъ лестныхъ отзывахъ.—Я васъ принимаю, сказалъ графъ. Явитесь къ Рербергу. Я счелъ нужнымъ обождать въ дальней пріемной Энгельгардта и Гогеля, чтобы поблагодарить за рекомендацію, при чемъ Гогель сказалъ, что вечеромъ съѣздитъ къ Рербергу, посовѣтовавъ мнѣ, не откладывая, явиться къ нему завтра же.

Рербергъ принялъ меня чрезвычайно ласково и, высказавъ свое уваженіе къ волѣ графа, прибавилъ, что ему не хотѣлось бы упустить меня изъ среды своихъ сослуживцевъ; а такъ какъ время выхода правителя канцеляріи еще не извѣстно, а между тѣмъ есть свободное мѣсто столоначальника, то онъ предлагаетъ мнѣ занять это мѣсто, что̀ можетъ дать мнѣ возможность покуда ознакомиться съ дѣлами управленія. Я съ радостью согласился и черезъ двѣ недѣли былъ уже въ синемъ вицъ-мундирѣ, съ жалованіемъ 750 руб.

Не встрѣться я у Клейнмихеля съ своими бывшими сослуживцами, могло и ничего не быть. Ну, какъ не признать силы судьбы!

Перейдя въ новое мѣсто службы, у меня, какъ и у большинства чиновниковъ, не совсѣмъ прервались отношенія къ лицамъ предъидущей службы, и я продолжалъ интересоваться тѣмъ, что тамъ дѣлалось. И вотъ, спустя достаточное время, до меня дошелъ такой анекдотическій случай. Въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ вступилъ Бибиковъ. Въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій былъ вице-директоромъ гр. Дмитрій Андреевичъ Толстой, впослѣдствіи зять Бибикова. Въ одинъ изъ докладныхъ дней, вошелъ къ Бибикову съ бумагами, въ присутствіи Толстаго, начальникъ отдѣленія—Киндеревъ, при томъ съ кучею бумагъ. Что такъ много? спросилъ Бибиковъ. Да большею частью пустяки, ваше выс-во, отвѣтилъ Киндеревъ своимъ малороссійскимъ акцентомъ—много выговоровъ губернаторамъ. Какъ вы смѣете называть это пустяками и писать выговоры губернаторамъ, вспылилъ Бибиковъ, когда это только Сенатъ можетъ дѣлать. А у насъ это завсегда дѣлалось, ваше выс-во. Ну, ужъ извините, я съ такими порядками служить не могу. Давайте, что есть еще, и знайте, что вы рекомендовали себя худо. По окончаніи подписи, Бибиковъ оттолкнулъ бумаги и показалъ Киндереву на дверь.

Гр. Толстой, стѣсняясь происшедшей сценой, пожалѣлъ старика Киндерева и въ предположеніи, что она можетъ не только подѣйствовать на него тяжко, но и можетъ вызвать опасеніе оставаться на службѣ, поспѣшилъ поѣхать къ Киндереву съ успокоивающимъ визитомъ.

Застаетъ Киндерева въ халатѣ, за обѣдомъ, преблагодушно уплетающимъ видимо вкусныя яства. Оба сконфузились.

— Я поспѣшилъ, началъ гр. Толстой, побывать у васъ, дабы смягчить впечатлѣніе, конечно, непріятнаго для васъ случая, и опасаясь, чтобы вы не приняли высказаннаго министромъ неодобренія вашихъ дѣйствій за указаніе уступить ваше мѣсто другому, то есть, чтобы вы оставили службу.—Напрасно безпокоились, ваше сіятельство, самымъ добродушнымъ тономъ отвѣчалъ Киндеревъ. Пять министровъ меня гоняли... Сами ушли, а я все сижу. И шестаго пересижу. И, дѣйствительно, пересидѣлъ.

Мѣсяца черезъ два по поступленіи на новую службу, мнѣ сказали, что правитель канцеляріи, наконецъ, подалъ прошеніе объ увольненіи, а Рербергъ молчитъ. Рискнулъ я напомнить о себѣ самъ. Вы, говоритъ, любезнѣйшій, зарекомендовали себя отлично; но между директоромъ и правителемъ канцеляріи часто встрѣчаются такія обстоятельства, разрѣшеніе которыхъ возможно только при самыхъ интимныхъ отношеніяхъ между этими лицами, а такъ какъ, по краткому времени нашего знакомства, такія отношенія между вами и мною установиться еще не успѣли, то я предпочелъ обѣщать открывающуюся вакансію одному изъ моихъ давнихъ сослуживцевъ. И такъ, я вышелъ съ носомъ. Что было дѣлать?—Оставалось довольствоваться настоящимъ. Это бы еще ничего, но было худо то, что мѣста слѣдующей степени могли занимать только инженеры, почему мнѣ предстояло — или умереть столоначальникомъ, или не упускать случая для перехода въ другое вѣдомство, что̀ я, конечно, и принялъ къ свѣдѣнію и руководству.

Тѣмъ временемъ меня стало интересовать мѣсто моего служенія, не по существу работъ, собственно мнѣ доставшихся, а непрерывнымъ рядомъ инцидентовъ въ управленіи вообще. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ, сохранившіеся въ памяти понынѣ.

Я поступилъ подъ начальство гр. Клейнмихеля, когда разыгрался его наибольшій аппетитъ расширить свою власть до возможныхъ предѣловъ. Учреждены были, по его представленію, губернскія строительныя и дорожныя коммиссіи. Казалось бы, это и ничего, но коммиссіи эти установлены были подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ съ обязательствомъ представлять періодическую отчетность о дѣятельности коммиссій, чѣмъ Клейнмихель пріобрѣталъ право выражать

непосредственно отъ себя одобреніе или порицаніе такой дѣятельности коммиссій, а, слѣдовательно, и самымъ губернаторамъ. Это возмутило министра внутреннихъ дѣлъ, Перовскаго, и пошла вражда; а тутъ еще возникъ вопросъ: въ чьемъ вѣдѣніи должно быть зданіе Петербургской думы. Перовскій и Клейнмихель, всякій тянулъ къ себѣ. Наконецъ, Перовскій, получивъ, какъ онъ считалъ, окончательное рѣшеніе, что зданіе думы должно быть въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, поспѣшилъ тотчасъ же увѣдомить объ этомъ Клейнмихеля; но, къ немалому удивленію, получилъ въ тотъ жъ день отзывъ, что зданіе думы предоставлено вѣдѣнію управленія путей сообщенія. Чаша негодованія и враждебныхъ отношеній переполнилась; но, около этого время, у гр. Клейнмихеля затѣялся вечеръ, съ участіемъ высочайшихъ особъ. Клейнмихель не могъ не пригласить Перовскаго, а Перовскій не могъ не принять приглашенія. Хороша встрѣча!

Въ управленіи путей сообщенія съ незапамятныхъ временъ тянулся процессъ князя Волконскаго по претензіи на денежный разсчетъ еще по устройству шоссе между Москвою и Петербургомъ. Гр. Клейнмихель, желая покончить это дѣло, назначилъ для его разсмотрѣнія особую коммиссію, съ участіемъ, въ числѣ другихъ, генераловъ Готмана и Рерберга и полковника Серебрякова. Всѣ знали, что этотъ полковникъ есть выразитель того, что угодно графу; но, хотя Серебряковъ и высказывался за отказъ Волконскому, Готманъ и Рербергъ остались при противномъ мнѣніи.

Представленіе доклада по этому дѣлу гр. Клейнмихелю подошло къ сроку объявленія испрошенныхъ наградъ. Рербергъ считалъ уже полученнымъ ожидавшійся имъ орденъ Бѣлаго орла, но, какъ пронеслись слухи, графъ, на докладѣ, противъ фамиліи Рерберга, нарисовалъ геометрическую фигуру, въ которой усматривали подобіе носа и написалъ: вотъ тебѣ и орелъ. Самъ я этой резолюціи не видалъ, но Рербергъ орла не получилъ. Докладъ не былъ одобренъ, и для разсмотрѣнія того же дѣла была назначена новая коммиссія изъ прежнихъ лицъ, кромѣ Готмана и Рерберга. Результатовъ я не слыхалъ.

Въ числѣ полковниковъ округовъ было два брата Четвериковы, пользовавшіеся репутаціей хорошихъ инженеровъ и, въ особенности, честнѣйшихъ людей. Одинъ изъ нихъ, зная, что главнѣйшую и соблазнительную статью шоссейныхъ офицеровъ составляетъ заготовляемая для шоссе щебенка, для учета которой, она должна быть укладываема вдоль дороги штабелями установленныхъ размѣровъ, пожелалъ убѣдиться лично въ правильности показаній количества заготовленной щебенки и ея употребленія, для чего рѣшился, неожиданно, двинуться вдоль линіи пѣшкомъ. Прошелъ первый участокъ — все

хорошо... Остановился на ночлегъ. На другой день прошелъ второй участокъ. Тоже хорошо, и т. д. Остался доволенъ. Потомъ разсказывали, что по мѣрѣ того, какъ его превосходительство подвигалось впередъ, щебенка съ пройденныхъ участковъ наваливалась въ койки и окольными путями перевозилась туда, куда генералъ не доходилъ еще, вслѣдствіе чего ему представлялся случай осматривать и расхваливать не одинъ разъ одну и ту же щебенку.

Казалось бы, что такая смѣлость дошла до дерзости, но бывали не менѣе смѣлыя продѣлки и съ самимъ графомъ. Требовалось, чтобы по каждому шоссе имѣлся шоссейный дорожникъ. Нѣчто въ родѣ альбома, въ которомъ, въ крупномъ мастабѣ вычерчивались всѣ топографическія и строительныя подробности въ полосѣ опредѣленной ширины каждой дороги, участокъ за участкомъ, съ отдѣльными чертежами мостовъ, зданій и такъ далѣе. На одно шоссе, кажется, ярославское, былъ переведенъ офицеръ съ курскаго шоссе и, не получивъ дорожника отъ своего предмѣстника, не приступилъ еще и самъ къ его составленію. Вдругъ объявляютъ, что будетъ проѣзжать графъ и, навѣрное, пожелаетъ видѣть дорожники. Входитъ пріѣхавшій графъ въ станціонный домъ. Чистота наимовѣрная. Кругомъ усыпано песочкомъ, внутри благоухаетъ куренье, на стѣнѣ портретъ его сіятельства въ золотой рамѣ. Кругомъ, накрытые краснымъ сукномъ столы, а на столахъ систематически разложены великолѣпные чертежи дорожника. Провожавшій графа начальникъ округа обомлѣлъ отъ изумлѣнія, увидя приготовленный и уже награвированный дорожникъ. Графъ осмотрѣлъ со всѣмъ вниманіемъ и приказалъ объявить въ приказѣ благодарность офицеру за найденный примѣрный порядокъ и исполнительность на службѣ вообще. Передъ уходомъ графа начальникъ округа взглянулъ на дорожникъ и ужаснулся, храбрый офицеръ разложилъ графу свой прежній дорожникъ курскаго шоссе — и все прошло отлично.

Вотъ и другой случай. Одному изъ упомянутыхъ выше Четвериковыхъ предписано было составить немедленно проекты и смѣты на устройство новой шоссейной дороги. Время проходитъ, а проектовъ нѣтъ. Начинаются повторенія—первое съ одною палкою. Такъ говорилось о бумагѣ, въ которой слово „предписываю“ подчеркивалось одною чертою. Потомъ, второе—съ двумя палками; наконецъ, третье—съ тремя, а проектовъ все нѣтъ, какъ нѣтъ. Пишется бумага, что если требуемые документы не будутъ доставлены къ такому-то сроку, то будетъ посланъ за ними курьеръ, эстафетою на счетъ его превосходительства. По неполученіи никакого даже отвѣта, въ видѣ курьера, посылаютъ юнаго писаря съ приказаніемъ выслать его обратно непремѣнно съ бумагами, относя расходы по поѣздкѣ и содержанію

его насчетъ виновнаго генерала. По случаю долгаго молчанія, начинается новая серія повтореній съ палками. Наконецъ, писарь возвращается съ проектами, женою и прижитымъ во время командировки законнымъ ребенкомъ. Столько времени и продержалъ его у себя Четвериковъ, и все это сошло съ рукъ благополучно; но случалось и иначе. Почтеннаго генерала Рейхеля, бывшаго въ Вышнемъ-Волочкѣ, или въ Вытегрѣ, потребовали немедленно къ графу. Тогда желѣзныхъ дорогъ еще не было. Является Рейхель, графъ показываетъ ему полученный отъ него рапортъ, на которомъ подпись сдѣлана густыми чернилами и засыпана не скупо употреблявшимся тогда искуственнымъ цвѣтнымъ песочкомъ. Прошу впередъ бумагъ съ пескомъ мнѣ не посылать, строго высказался графъ. Извольте ѣхать обратно.

Большинству, даже не посвященныхъ въ канцелярское дѣло, извѣстно, съ какою точностью составляется въ настоящее время роспись государственныхъ расходовъ, предполагаемыхъ на предстоящій годъ, по каждому вѣдомству особо. Роспись или смѣты составляются почти за годъ до наступленія новаго финансоваго года, при чемъ для оправданія требованія каждаго расхода прилагаются свѣдѣнія, по которымъ можетъ быть повѣрена правильность вносимой въ смѣту суммы и, затѣмъ, смѣты печатаются во множествѣ экземпляровъ и разсылаются во всѣ управленія, не составляя ни для кого секрета.

Въ пятидесятыхъ годахъ все это дѣлалось иначе. Засидѣлся я какъ-то въ гостяхъ часовъ до четырехъ утра и только-что расположился, вернувшись домой, сладко уснуть, какъ мнѣ подали, привезенное курьеромъ, приказаніе — явиться въ департаментъ къ семи часамъ. Не имѣя возможности догадаться, что за экстренность случилась, все-таки двинулся, хотя полусонный. Оказалось, что получено приказаніе графа составить немедленно и представить его сіятельству, не позже трехъ часовъ, проектъ государственной смѣты расходовъ на слѣдующій годъ.

Кто бросился къ дѣламъ. Кто, довѣряясь одной своей памяти— всѣ принялись за работу. Приказаніе графа не могло быть не исполнено, иначе никому и въ голову не приходило, и, дѣйствительно, около трехъ часовъ смѣта была готова, составлена, переписана и подана директору. Какъ повѣрялись смѣты за предѣлами департамента, намъ не было извѣстно, но, по утвержденіи смѣты, разсылались въ министерства выписки изъ смѣты, только по соотвѣтствующимъ министерству статьямъ и, при томъ, съ надписью — секретно. Вслѣдствіе чего такія выписки хранились подъ семью замками въ столѣ директора канцеляріи министерства и, чтобы узнать, какая сумма ассигнована на тотъ или другой предметъ, требовалось участіе дирек-

тора департамента съ указаніемъ именно того вопроса, для разъясненія котораго требуется свѣдѣніе. Между тѣмъ существовалъ законъ, дававшій право министру, по утвержденіи смѣты, требовать отъ министра финансовъ отпуска до половины назначенной по росписи суммы, послѣдствіемъ чего, по слухамъ, бывало, что полученная отъ министра финансовъ сумма отправлялась на храненіе въ опекунскій совѣтъ для прирощенія изъ процентовъ, которые не предназначались уже на смѣтные расходы. Но это все дѣла минувшихъ дней!

Когда экстренно составленная нами смѣта была подписана и отправлена къ графу, намъ приказано было покуда не расходиться на случай какихъ-либо дополнительныхъ требованій; а между тѣмъ желудокъ сталъ напоминать о своей дѣятельности. Захотѣлось обѣдать. Не зная, куда бы пойти, тѣмъ болѣе, что далеко уходить было рисковано, я направился подъ красивую вывѣску, на Обуховскомъ проспектѣ, съ надписью—„Гостиница Неаполь“. Съ какимъ-то страхомъ подходилъ я къ этой, неизвѣстной мнѣ обители. На лѣстницѣ надпись—чистая половина на верху. Поднялся, считая себя достойнымъ попасть въ чистую половину. Чистый и большой залъ, кругомъ столы. Въ комнатѣ дымъ столбомъ отъ трубокъ и папиросъ, а въ дыму одни писаря путей сообщенія. Какъ ни одолѣвалъ голодъ, а присоединиться къ этой компаніи не хватило храбрости. Вернулся въ департаментъ.

Вечеромъ, пріѣхавъ въ Пассажъ, на лекцію товарищества „Общественная польза“, я сталъ разсказывать, какъ провелъ утро, при чемъ одинъ изъ учредителей этого общества—Струговщиковъ, высказалъ сожалѣніе, зачѣмъ я не вошелъ въ залъ подалѣе, такъ какъ тутъ мы не только встрѣтились бы, но и выпили бы не одну бутылочку шампанеи. На вопросъ, что сей сонъ значитъ, Струговщиковъ объяснилъ, что онъ давалъ завтракъ, замѣнившему при графѣ приснопамятнаго Ивана Дороѳеевича Иванова—писарю Леонову, которому, кстати, вручилъ, по порученію нѣкоего Рамаха, пятнадцать тысячъ рублей.

Дѣло было такъ. Каждое шоссе отдавалось для ремонта съ подряда и, при томъ, обыкновенно на долгій и преимущественно на четырехлѣтній срокъ.

Существовало и нижегородское шоссе. Около времени моего разсказа, параллельно шоссе строилась уже желѣзная дорога и хотя срокъ ея окончанія не былъ опредѣленъ вѣрно, но предполагать его было возможно; а потому для ремонтнаго подрядчика составляло большой интересъ заключить договоръ, съ правомъ получать деньги за ремонтъ шоссе, на такой срокъ, который переходилъ бы за время открытія желѣзной дороги, такъ какъ за это время онъ могъ полу-

чать деньги уже положительно даромъ. Услуга Леонова заключалась въ томъ, чтобы онъ съумѣлъ уловить минуту, когда графъ далъ бы свое согласіе на заключеніе такого договора, и Леоновъ оказалъ эту услугу.

Не повѣрилось мнѣ этой побасенкѣ, но черезъ нѣсколько дней стало извѣстно, что дѣйствительно такой договоръ заключенъ съ Рамахомъ и К°. Спустя не болѣе года, мнѣ пришлось ѣхать, по случаю смерти брата, во Владиміръ. Въ виду шоссе ходили рабочіе поѣзды желѣзной дороги, а шоссе, почти по всей длинѣ, было раздѣлено пополамъ. На одной половинѣ разсыпанъ тончайшій слой щебенки, какъ будто она ремонтируется, и положены разныя поперечныя препятствія, чтобы не ѣздили, а на другой половинѣ наваленъ хворостъ, кирпичи и всякій мусоръ. Дорога ужаснѣйшая. Ямщики объясняли, что, вишь, по случаю чугунки перестали на дорогу деньги давать. Такъ сказываютъ инженерные солдаты. Оттого такая непролазная бѣда и случилась. Ну, подумалъ я, за право получать ремонтныя деньги четыре года, при такомъ положеніи дороги, можно было заплатить, кромѣ Леонова, еще не одинъ десятокъ тысячъ рублей.

Впрочемъ, тысячи требовались и иногда давались легко по разнымъ случаямъ. Теперь, быть можетъ, это притча во языцѣхъ, но тогда случались на шоссе, по волѣ Божьей, выгодныя для инженеровъ, такъ называемыя, пучистыя мѣста. Шоссе, какъ извѣстно, составлялъ хорошо укатанный, до уплотненія, слой щебня, насыпанный на грунтъ. Случалось, что въ грунтѣ, подъ щебенкой, обнаруживались ключи. Они разрыхляли слой щебенки, и онъ вспучивался, предвѣщая провалы и порчу дороги. За тѣмъ составлялись смѣты на исправленія— тутъ оказывалось необходимымъ доискать воду и проектировать способъ къ ея удаленію устройствомъ подземныхъ трубъ или другихъ, не дешевыхъ способовъ. Во всякомъ случаѣ, пучистыя мѣста вызывали работы, и работы—ассигнованіе денегъ, что́ и требовалось доказать. Въ виду такого выгоднаго значенія пучистыхъ мѣстъ однимъ изъ высокопоставленныхъ и талантливымъ инженеромъ была придумана теорія образовать пучистыя мѣста искусственно. Стоило ранней весною, съ наступленіемъ первыхъ теплыхъ дней, поспѣшить очисткою шоссейнаго слоя отъ снѣга, слой щебенки немедленно высыхалъ, образуя непроницаемую для воды поверхность; а потому, какъ только станетъ нагрѣваться и таять грунтъ, то образующаяся вода производитъ на слой щебенки то же дѣйствіе, какъ и появляющіеся, по волѣ Божьей, ключи; то есть шоссе вспучивается, и затѣмъ начинается составленіе смѣтъ на исправленія и порчу. Способъ этотъ, въ особенности въ районѣ его изобрѣтателя, практиковался въ обширныхъ размѣрахъ.

Хочется еще записать одинъ смѣшной случай, уже не служебнаго характера. Входитъ въ департаментъ чиновникъ, судя по формѣ, нашего вѣдомства и, какъ оказалось, состоящій при канцеляріи для иностранной переписки, не молодой, веселый, вертлявый, со всѣми на ты. Узнаю, что это Эльканъ. Фамилія его была извѣстна чуть не цѣлому Петербургу, хотя не съ лестной стороны: прихлебатель всѣхъ кружковъ, навязчивый пріятель, неумолкаемый краснобай и бонмотистъ, милый собесѣдникъ, участникъ всѣхъ кутежей — на чужой счетъ, знающій множество языковъ, замѣчательный импровизаторъ; но, кромѣ всего этого, по общимъ слухамъ, требовавшій, по своей закулисной дѣятельности, особенной осторожности.

По поводу, замѣченной другими, его сугубой веселости, онъ показалъ только-что полученныя деньги и разсказалъ слѣдующее. Живу я давно, нанимая комнату у какой-то не то чухонки, не то жидовки. У нея же, тоже съ давняго времени, жила какая-то нѣмецкая руина, старая, бѣдная и гнилая, вѣроятно, бывшая Амальхенъ. Четыре дня тому назадъ, вбѣгаетъ ко мнѣ хозяйка съ извѣстіемъ, что наша фрейлейнъ кончается и не знаетъ, какъ быть. Я пошелъ къ нѣмкѣ. Сидитъ моя дѣвочка въ креслахъ, зеленая, носъ повѣсила и мертвечиной отзывается. Дѣло швахъ. Сейчасъ готова будетъ. Вдругъ меня озарила счастливая мысль. Посылайте, говорю, скорѣе за пасторомъ. Пасторъ пришелъ. Я сдѣлалъ возможно кислую рожу и говорю ему, что между умирающею и мною сближеніе такого рода, что для облегченія ея и моей совѣсти и дабы она могла предстать въ новый міръ безъ укоризны въ своихъ увлеченіяхъ, а я могъ бы признать себя исполнившимъ долгъ христіанина и честнаго человѣка—я усерднѣйше прошу, предварительно смертнаго напутствованія больной, благословить нашъ брачный союзъ, при чемъ, показавъ мои документы, въ которыхъ я значусь лютераниномъ и вдовцемъ, просилъ не стѣсняться формальностями, на выполненіе которыхъ, по экстренности случая, нѣтъ времени, удостовѣряя, что графъ, въ виду честности моего поступка, не пожелаетъ придать ему криминальнаго по службѣ значенія. Пасторъ согласился, брачную молитву прочелъ и нѣмку напутствовалъ на тотъ свѣтъ, чѣмъ она часа черезъ два и воспользовалась. Затѣмъ, я, взявъ отъ пастора удостовѣреніе въ совершеніи брака, поскакалъ къ директору канцеляріи съ просьбою, во-первыхъ, доложить и объяснить графу мой поступокъ съ точки зрѣнія христіанина и честнаго человѣка и тѣмъ спасти меня отъ отвѣтственности, а во-вторыхъ, испросить у графа пособіе на погребеніе жены.

Графъ отнесся ко всему этому сочувственно, и мнѣ выдали двѣсти рублей. Спасибо графу, а нѣмкѣ въ особенности!

Много можно было бы записать еще разныхъ, выдающихся слу-

чаевъ отрицательнаго свойства за время дѣятельности графа Клейнмихеля, но справедливость заставляетъ вспомнить, что это былъ человѣкъ, который, получивъ указаніе цѣли, стремился къ достиженію ея, помня только одно, что разъ указано сдѣлать, то должно быть сдѣлано, не разбирая средствъ. Усмиреніе поселеннаго бунта, введеніе телеграфа, сначала оптическаго, а потомъ электрическаго, постройка Николаевской желѣзной дороги, Николаевскаго моста — все это современники графа Клейнмихеля.

VI.

Новое мѣсто службы.—Время концессій.—Коммиссія для разслѣдованія злоупотребленій подрядчиковъ. — Злоупотребленія въ департаментѣ военныхъ поселеній. — Махинаціи этого департамента. — Дѣло еврея Гиммельфарба.

Проходилъ уже шестой годъ моей службы, и безнадежность пересѣсть на другой стулъ все съ большею настойчивостью побуждала меня искать мѣста въ другомъ вѣдомствѣ, тѣмъ болѣе, что я сталъ уже семейнымъ человѣкомъ.

Въ это время былъ назначенъ государственнымъ контролеромъ графъ Кушелевъ-Безбородко. Тесть мой, сообщивъ мнѣ, что въ случаѣ моего согласія искать мѣсто въ контролѣ, онъ, по занимаемому имъ мѣсту директора въ Опекунскомъ совѣтѣ, имѣетъ путь повліять на графа Кушелева. Хотя въ то время государственный контроль, какъ по личному составу, такъ и по существу занятій, считался самымъ отпѣтымъ учрежденіемъ, которое какъ будто не считалось даже въ ряду министерствъ, но дѣлать было нечего, я согласился. Черезъ нѣсколько дней мнѣ дали знать, чтобы я, отъ имени графа, явился къ генералъ-контролеру Шамшину, которому будетъ сказано, что нужно, и что я, по обычаю графа, буду приглашенъ къ нему обѣдать, при чемъ долженъ явиться во фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ и съ такимъ же галстухомъ.

Иванъ Ѳедоровичъ Шамшинъ оказался милѣйшимъ старичкомъ, принялъ меня отлично и такъ какъ я пришелъ рано утромъ, то пригласилъ меня къ семейному чаю и познакомилъ меня со своимъ многочисленнымъ семействомъ, при чемъ, высказавъ, что я произвелъ на него пріятное впечатлѣніе, спросилъ — играю ли въ вистикъ и, когда получилъ утвердительный отвѣтъ, взялъ слово бывать у него по вторникамъ. Скорѣе узнаемъ другъ друга. Быть можетъ, пригодится.

Вдругъ Кушелевъ, по болѣзни, оставилъ мѣсто, а государственнымъ контролеромъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Николай Николаевичъ Анненковъ.

Вотъ тутъ-то случилось со мною нѣчто такое, что можно отнести, пожалуй, къ явленіямъ міра таинственнаго. Въ одну изъ ночей, сколько разъ я ни просыпался, засыпая вновь, меня преслѣдовало все одно и то же сновидѣніе—будто бы я мѣняю чулки. Снами я никогда не интересовался, но этотъ сонъ, по его навязчивости, я разсказалъ за чаемъ и, обращаясь, шутя, къ старухѣ нянѣ, спросилъ, что бы такой сонъ значилъ. Перемѣна, батюшка, непремѣнно перемѣна, отвѣтила она.

День прошелъ при самыхъ ординарныхъ обстоятельствахъ: часовъ въ десять вечера дѣти уже спали; жена ушла въ свою комнату; а я отправился въ свою обыденную экскурсію — шататься съ сигарою въ зубахъ, изъ угла въ уголъ, по такъ называвшемуся залу. Вдругъ звонокъ. Входитъ впопыхахъ та же старуха. Говоритъ, генералъ какой-то, весь въ звѣздахъ. Я думала, ошибся, но называетъ васъ, говоритъ очень нужно. Признаюсь, вструхнулъ чего-то. Идетъ Иванъ Ѳедоровичъ Шамшинъ. Я, говоритъ, потому такой нарядный, что прямо съ именинъ отъ Ивана Ивановича Лажечникова. Мнѣ туда дали знать, что мой правитель канцеляріи, Шуйскій, катаясь сегодня на взморьѣ, утонулъ. Не откажитесь взять это мѣсто. Мнѣ хочется служить съ вами. Только дайте окончательный отвѣтъ теперь же. Ну, думаю, судьба и сонъ въ руку. Поблагодарилъ и согласился. Почтеннѣйшій старичекъ уѣхалъ. Жена и старуха, узнавъ, чѣмъ день кончился, только ахнули. На другой день Анненковъ утвердилъ представленіе Шамшина о моемъ назначеніи. Казалось бы, оставалось только заявить своему начальству, что ухожу, но въ то время это не такъ дѣлалось. Графъ Клейнмихель ненавидѣлъ, чтобы уходили изъ его вѣдомства, и часто просто отвѣчалъ—не согласенъ. И сиди... Поэтому для полученія согласія на переходъ понадобилось искать подходные пути.

Съ устройствомъ Николаевской желѣзной дороги, при ней было образовано особое коммерческое управленіе для перевозки грузовъ. Дѣло милліонное. Во главѣ его былъ поставленъ Клейнмихелемъ, по его выбору, купецъ Харичковъ. О дѣятельности его зналъ, конечно, лучше другихъ самъ Клейнмихель, но Харичковъ сдѣлался на нѣкоторое время популярнымъ по особому случаю. Графъ выпросилъ ему въ награду золотую медаль на шею съ портретомъ государя, а онъ, желая выразить свое благоговѣніе къ полученной наградѣ, обратился съ просьбою о разрѣшеніи украсить медаль на свой счетъ алмазами. Въ духовныя побужденія Харичкова никто по-

вѣрить не могъ, но что явиться въ своемъ кругу съ небывалою у другихъ медалью было лестно, понималъ каждый. Толковъ и отрицаній было много, но, въ концѣ-концовъ, кажется, разрѣшеніе было испрошено.

Графъ Клейнмихель, какъ и всѣ помѣщики, имѣлъ тоже надобность въ снисхожденіяхъ Опекунскаго совѣта, въ которомъ были заложены всѣ имѣнія, и туда, въ качествѣ довѣреннаго, являлся за справками Харичковъ. Вотъ ему-то и передалъ мой тесть о моемъ намѣреніи перемѣнить службу съ просьбою, чтобы графъ не препятствовалъ. Черезъ нѣсколько дней, отъ графини Клеопатры Петровны было доставлено на имя тестя, сохранившееся по нынѣ, письмо, на фамильномъ бланкѣ, т. е. съ гербомъ, на которомъ изображенъ Зимній дворецъ съ девизомъ: „усердіе все превозмогаетъ“. Въ этомъ письмѣ графиня сообщала: наконецъ, мнѣ удалось сегодня уговорить мужа согласиться на увольненіе вашего зятя, чѣмъ и спѣшу васъ поздравить. Вотъ какъ дѣло дѣлалось не далѣе 1854 года.

Однажды, вскорѣ по вступленіи моемъ въ новую должность, является въ канцелярію посторонняя особа. Господинъ невысокаго роста, немолодой уже, приземистый, съ выученною улыбкою. Въ вицъ-мундирѣ, съ трубою бумагъ, завернутою въ шелковый платокъ, подъ мышкою. Имѣю честь рекомендоваться—коллежскій совѣтникъ Сафроновъ, заявилъ онъ, подойдя ко мнѣ съ глубочайшимъ поклономъ.

— Какой случай доставляетъ мнѣ честь познакомиться съ вами, спросилъ я.

— Николай Николаевичъ желаетъ предоставить мнѣ открывающееся мѣсто оберъ-контролера.

— Гдѣ же вы теперь служите?

— Въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, переводчикомъ.

— Что васъ побуждаетъ предпочесть нашу скучную и непроизводительную по существу своему работу?

— Тутъ, изволите ли видѣть, началъ говорить Сафроновъ полушепотомъ, играютъ роль частныя, не служебныя обстоятельства, требующія моихъ близкихъ и всегда возможныхъ личныхъ сношеній съ Николаемъ Николаевичемъ. Я занималъ видное по администраціи мѣсто въ Саратовѣ, при чемъ обратилъ вниманіе на изученіе экономическихъ условій не только этой губерніи, но и волжскаго раіона и еще далѣе, желая выяснить выгоды правительства и государства въ случаѣ соединенія Саратова желѣзною дорогою съ Москвою. Въ подтвержденіе этихъ выгодъ мною собрана громадная масса статистическихъ матеріаловъ, съ помощью которыхъ, по моему мнѣнію,

можно начать дѣло къ образованію компаніи на выполненіе предпріятія съ выгодными для правительства условіями; но въ подобныхъ дѣлахъ нуженъ главарь съ подходящими связями и съ личнымъ значеніемъ. Мой выборъ остановился на генералѣ Юрьевичѣ — бывшемъ воспитателѣ императора Александра Николаевича, но онъ отказался, ссылаясь на свою слѣпоту и слабость здоровья вообще, указавъ мнѣ на Николая Николаевича. Я являлся къ нему съ предложеніемъ, которое онъ принялъ, и вотъ теперь должна начаться переписка и хлопоты объ испрошеніи концессіи на постройку, если не всей дороги, то, по крайней мѣрѣ, отъ Москвы до Рязани.

— А кто же будущіе участники предпріятія?

— Голландскій серьезный банкиръ Меккъ и, не помню въ какомъ смыслѣ, былъ тутъ же упомянутъ фонъ-Дервизъ.

Такимъ образомъ, мнѣ одному изъ первыхъ пришлось увидать дѣятельнаго піонера расплодившихся потомъ концессіонеровъ и ознакомиться съ пріемами для полученія концессій желѣзныхъ дорогъ и услыхать, быть можетъ, мало кому извѣстные тогда фамиліи Мекка и фонъ-Дервиза, прославившихся потомъ умѣніемъ, благодѣтельствуя Россіи, пріобрѣсти и себѣ милліоны, отъ которыхъ самому Сафронову, по какой-то случайности, по его словамъ, не перепало ни гроша.

Частью мнѣ объяснилось это обстоятельство слѣдующимъ случаемъ. Проходя по департаменту, я увидѣлъ чиновника Броневскаго, лицеиста, который, сидя за какимъ-то писаніемъ, теребилъ себѣ волосы, говоря ходившему мимо его и видимо диктовавшему это писаніе, Сафронову: что прикажете дѣлать, Александръ Яковлевичъ, ячмень, овесъ, пшеницу—знаю, а какъ рожь по-французски, забылъ, хоть убейте. Ну, пишите вмѣсто ржи пшеницу, все равно, отвѣчалъ Сафроновъ. Это меня заинтересовало. Спрашиваю потомъ у Броневскаго, что онъ писалъ? Да, надоѣлъ, говоритъ, просто. Ежедневно почти проситъ писать подъ его диктовку по-русски статьи по-французски, въ газету „le Nord“. Все разныя статистическія свѣдѣнія о грузахъ, какіе послѣдуютъ по предполагаемой желѣзной дорогѣ, въ доказательство громадныхъ выгодъ, какихъ должны ожидать участники предпріятія. А что же у васъ вышло съ пшеницею? Нужно было показать, сколько милліоновъ пудовъ ржи вывозится изъ одного раіона въ другой, а я забылъ какъ рожь по-французски. Все равно, говоритъ, пишите пшеницу, благо помните. Я и написалъ. Зачѣмъ же онъ затрудняетъ васъ, диктуя по-русски? Вѣдь онъ самъ служитъ переводчикомъ? Броневскій расхохотался. Александръ Яковлевичъ и читать-то по-французски не умѣетъ. Такъ вырисовался милѣйшій Александръ Яковлевичъ, какъ предтеча дѣятелей по устройству кон-

цессій. Часто я потомъ вспоминалъ его, встрѣчая во множествѣ его дублеты!

Теперь перехожу къ воспоминаніямъ самаго интереснаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самаго грустнаго періода моей служебной дѣятельности.

Дѣло было въ концѣ пятой недѣли великаго поста, слѣдовавшаго за окончаніемъ несчастной Крымской кампаніи. Налѣпивъ, по болѣзни, на шею горчицу, я остался на нѣсколько дней дома. Вдругъ пріѣхалъ, не бывавшій у меня прежде, директоръ канцеляріи Петръ Ивановичъ Саломонъ, при чемъ сообщилъ мнѣ, что явился по волѣ Анненкова, чтобы передать предстоящее для меня серьезное порученіе: военный министръ Сухозанетъ, признавъ нужнымъ перевѣрить на мѣстѣ одну заподозрѣнную цѣнную хозяйственную операцію, по военному времени, предположилъ командировать въ районъ бывшихъ военныхъ дѣйствій особую коммиссію и при этомъ, желая имѣть въ составѣ коммиссіи представителя отъ государственнаго контроля, обратился къ Анненкову съ просьбою назначить лицо, опытность и добросовѣстность котораго не подлежала бы сомнѣнію, такъ какъ, по сложности обстоятельствъ, благопріятныхъ результатовъ отъ коммиссіи можно ожидать только въ томъ случаѣ, если дѣятели ея примутъ въ основаніе одно безпристрастіе и честность, а не формальность отношенія къ дѣлу. Выборъ Николая Николаевича остановился на васъ, окончилъ Саломонъ.

Я было забарахтался и руками и ногами, объясняя, что въ жизни своей никуда не ѣздилъ. Ни къ какимъ слѣдственнымъ дѣламъ не приготовленъ. Жить на два дома средствъ не имѣю, и пошелъ, и пошелъ... но Саломонъ, выслушавъ всѣ эти объясненія, добавилъ, что обо мнѣ сообщено уже Сухозанету, а имъ испрошено уже высочайшее соизволеніе на назначеніе коммиссіи, при чемъ указанъ и личный составъ ея, почему мнѣ остается покориться необходимости и готовиться къ выѣзду, по возможности, въ непродолжительномъ времени; а дня черезъ два, мнѣ была доставлена курьерская подорожная, съ правомъ получать прогоны до Кременчуга, гдѣ должна собраться коммиссія не позже Пасхи.

Пошелъ въ канцелярію военнаго министерства, желая узнать хотя поверхностно и что-нибудь о предстоящей поѣздкѣ и работѣ. Частью оффиціально, частью изъ полусловъ выяснилось, что еврей Фронштейнъ подалъ военному министру доносъ съ указаніемъ злоупотребленій, допускаемыхъ подрядчику, тоже еврею, Гиммельфарбу, при составленіи разсчетовъ по заключенному съ нимъ департаментомъ военныхъ поселеній контракту на возведеніе въ Крыму, до войны, разныхъ построекъ и на работы по приспособленію во время начавшейся войны разныхъ зданій для помѣщенія временныхъ госпиталей.

Сколько удалось мнѣ подмѣтить, канцелярія военнаго министерства не сочувствовала ни взгляду Сухозанета на доносъ, ни мѣрамъ, имъ принятымъ для повѣрки доноса, указывая, между прочимъ, и на то, что состоялось и объявлено повелѣніе, чтобы всѣ зданія, которыя занимались госпиталями, были немедленно дезинфецированы, приведены въ тотъ самый видъ, въ какомъ они были до помѣщенія госпиталей и зданій, тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которымъ они принадлежали; т. е. другими словами, было поставлено въ обязанность такъ спрятать концы, чтобы отъ нихъ слѣда не оставалось. Что же при такомъ положеніи дѣла ваша коммиссія найти можетъ, если только не пошлые дураки вели дѣло. Такъ ставила вопросъ канцелярія. Но назначеніе коммиссіи было рѣшено, а заподозрѣнная въ правильности исчисленія сумма достигала до 520.000 р.

Предсѣдателемъ коммиссіи былъ назначенъ свиты генералъ-маіоръ Шварцъ, а членами—отъ министра Богомолецъ, а отъ департамента военныхъ поселеній полковникъ Киттеръ.

Повидимому, и самъ военный министръ назначалъ коммиссію только для очистки совѣсти, не совсѣмъ довѣряя успѣшности ея дѣйствій, такъ какъ генералу Шварцу былъ выданъ кредитивъ на одесское отдѣленіе государственнаго банка, съ правомъ, если неправильностей въ счетахъ не обнаружится, выдать этотъ кредитивъ на сумму ста пятидесяти тысячъ рублей Гиммельфарбу, въ уплату недоданныхъ по счетамъ департамента военныхъ поселеній.

Кстати, мнѣ предстояло рѣшить въ канцеляріи вопросъ о размѣрѣ подъемныхъ денегъ.

По закону, сообразно съ числомъ верстъ поѣздки и продолжительности командировки, мнѣ слѣдовало получить 600 р., но бывшій тогда директоромъ канцеляріи Брискорнъ велѣлъ объявить мнѣ, что имъ назначено 300, которые онъ признаетъ достаточными. Нужно было подчиниться, но когда, при прощаніи, я сказалъ объ этомъ Анненкову, то онъ, не стѣснявшійся называть вещи ихъ именемъ, съ тѣми, къ кому относился благосклонно, высказалъ, оставшееся въ памяти по смыслу, такое заключеніе: Чему же удивляться, что у нихъ берутъ, гдѣ можно, если, какъ въ настоящемъ случаѣ, вамъ, единственному въ коммиссіи члену, отъ котораго, по отсутствію личной связи съ составомъ министерства, можно ожидать строгаго безпристрастія въ дѣлѣ и еще въ такомъ жидовскомъ дѣлѣ, въ которомъ одна неподкупная добросовѣстность можетъ принести пользу,—именно вамъ-то, какъ на смѣхъ, при суммѣ операціи въ полмилліона рублей, назначаютъ гроши, даже вопреки закона. И при этомъ прибавилъ свою любимую фразу, которая не можетъ получить здѣсь мѣста.

Въ концѣ шестой недѣли поста я выѣхалъ на Москву по желѣзной дорогѣ, а изъ Москвы нужно было ѣхать уже на перекладныхъ. Не ѣздивши никогда прежде, я оказался самъ для себя изнурительно невиннымъ. Дѣло въ томъ, что станціонные смотрители, получивъ грозную подорожную—командированъ по высочайшему повелѣнію, выдавать лошадей изъ курьерскихъ, докладывали, что лошади поданы немедленно, а я считалъ себя обязаннымъ садиться немедленно, что̀ и исполнялъ, не успѣвъ иногда допить чашку чаю, но было молодо, и я въ великую субботу въѣхалъ въ Кременчугъ, въ отведенный мнѣ нумеръ въ гостиницѣ, узнавъ, что надъ мною отведено помѣщеніе пріѣхавшему уже генералу Шварцу.

Хотѣлось мнѣ не пропустить великой заутрени. Вижу—вечеромъ потянулся по улицамъ народъ. У большинства въ рукахъ фунтики изъ разноцвѣтной бумаги, а въ срединѣ зажженная свѣчка. Образовалась какая-то двужущаяся иллюминація. Вышелъ и я. На вопросъ, какъ пройти въ церковь, мнѣ отвѣтили тоже вопросомъ, въ какую? Въ русскую или въ православную? Я отвѣтилъ, въ православную, и мнѣ указали, за какою толпою идти нужно. Пришелъ вовремя. Все тулупы и чуйки. Запѣли наконецъ воскресную пѣснь: Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертью на смерть наступи. Тутъ я понялъ, что православными называются старовѣры, а уйти нельзя. Темно и дороги не знаю. И продержали меня за непрерывною и тяжелою службою, на одной заутрени, до четырехъ часовъ.

Въ Кременчугѣ мы задержались въ ожиданіи полученія изъ Петербурга отчетовъ, порученныхъ повѣркѣ коммиссіи. Въ это время я ходилъ обѣдать въ столовую гостиницы. Въ одинъ изъ первыхъ же дней посѣщенія этой столовой, ко мнѣ подсѣлъ какой-то немолодой, съ виду приличный господинъ.—Вы, началъ онъ, обращаясь ко мнѣ, кажется, принадлежите къ составу коммиссіи по дѣламъ Гиммельфарба; и, получивъ утвердительный отвѣтъ, пустился въ разсказы. Вамъ предстоитъ хорошая работа. Этимъ дѣломъ мы всѣ заинтересованы, такъ какъ изъ находящагося у насъ центральнаго управленія VI округа департамента военныхъ поселеній расходятся слухи, частью безусловно достовѣрные и при томъ самаго пикантнаго свойства. Такъ, напримѣръ, общее присутствіе окружнаго управленія, разсматривая дѣло о постройкахъ, будто бы возведенныхъ Гиммельфарбомъ въ Евпаторіи, признало возможнымъ выдать за такія работы Гиммельфарбу нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Одинъ изъ членовъ присутствія, нѣкто Шпейеръ, не согласился подписать журналъ по этому постановленію, что̀ могло повлечь за собою вопросы, неудобные для окружнаго начальства, и пожалуй обратить вниманіе на другія дѣла. Шпейеръ же, не подписавшій этой статьи журнала, на другой день

скоропостижно умеръ. Смерть эта и до сихъ поръ имѣетъ какой-то таинственный смыслъ для города.

Я передалъ этотъ разсказъ Шварцу и рѣшился, отъ нечего дѣлать, познакомиться съ указаннымъ дѣломъ. Узнавъ отъ полиціи, что Шпейеръ былъ человѣкъ хорошій и воздержный и умеръ дѣйствительно при какихъ-то подозрительныхъ условіяхъ, я на другой день отправился въ управленіе округа.

Дабы не нарушить связь между подробностями этого, одного изъ множества дѣлъ, я считаю за лучшее изложить его съ начала до конца, не стѣсняясь тѣмъ, что было узнано вначалѣ, только въ Кременчугѣ, но и то, что удалось выяснить впослѣдствіи въ Крыму.

Прійдя въ управленіе округа, я велѣлъ писарю позвать чиновника, который зналъ бы, гдѣ лежатъ какія дѣла. Явился полковникъ, самъ начальникъ округа. Я попросилъ его разрѣшенія посмотрѣть журналъ того засѣданія, въ которомъ разсматривалось дѣло о выдачѣ денегъ Гиммельфарбу за работы въ Евпаторіи. Пришелъ чиновникъ, и я получилъ журналъ. Въ немъ, дѣйствительно, оказалось нѣсколько статей, подписанныхъ всѣми членами, а статья о выдачѣ денегъ Гиммельфарбу подписана всѣми, кромѣ Шпейера. Начальникъ округа, на мой вопросъ, почему не подписался Шпейеръ, объяснилъ, что, какъ ему помнится, Шпейеръ отговорился нездоровьемъ. Отчего же въ спискѣ лицъ, показанныхъ участвовавшими въ засѣданіи, не оговорено объ отсутствіи Шпейера? Вѣроятно, это просто канцелярская ошибка, получилъ я отвѣтъ. Ну, хорошо. Далѣе я попросилъ позволенія взглянуть подлинное дѣло, по которому состоялся докладъ присутствію. Тутъ, къ удивленію моему, несмотря на множество набитыхъ дѣлами шкафовъ, начальникъ округа направился самъ къ шкафу, какъ будто зналъ дѣло по запаху, вынулъ два дѣла, изъ которыхъ одно отдалъ мнѣ, а другое, тоненькое, положилъ около себя. Обстоятельства дѣла оказались слѣдующія: Гиммельфарбу отданы были, въ числѣ другихъ работъ въ Крыму, постройки зданій въ Евпаторіи на сумму до 30.000 р. Производителемъ работъ былъ капитанъ Байеръ.

За нѣсколько дней до высадки въ Евпаторіи непріятеля, Байеръ доносилъ, что Гиммельфарбомъ заготовлена только часть матеріаловъ и приступлено къ началу работъ, а тотчасъ послѣ высадки Гиммельфарбъ подалъ заявленіе, что ко времени высадки имъ были окончены всѣ работы, и потому просилъ выдать ему всю контрактную сумму. Въ удостовѣреніе справедливости своего заявленія приложилъ листъ бумаги, наверху котораго было написано: клятвенное показаніе, и затѣмъ слѣдовало нѣсколько десятковъ безграмотныхъ подписей съ объявленіемъ въ концѣ, что эти подписи, въ подтвер-

жденіе окончанія работъ, были отобраны отъ рабочихъ полиціею, подъ присягою; но не только подписи священника, но и подписи представителя полиціи на мѣстѣ не было. Между тѣмъ, на основаніи этого листа начальникомъ округа предложено было присутствію выдать Гиммельфарбу всю просимую имъ сумму. Противъ этой-то статьи и не было подписи Шпейера.

Я сказалъ начальнику округа, что, будь я на мѣстѣ Шпейера, то захворалъ бы тоже отъ предложенія подписать такой журналъ. Тутъ начальникъ округа взялъ бывшее у него подъ руками тоненькое дѣло и, показывая его мнѣ, сказалъ, что интересы казны не могли пострадать отъ рѣшенія присутствія, такъ какъ, вотъ извольте посмотрѣть, отъ Гиммельфарба взята подписка, по которой онъ, въ случаѣ, если выдача ему денегъ будетъ признана неправильною, уполномочиваетъ удержать равную сумму изъ денегъ, какія ему будутъ причитаться за другія работы.

Мнѣ не захотѣлось разстаться съ такимъ, вѣроятно, небывалымъ документомъ; почему я предложилъ начальнику округа прошнуровать и скрѣпить форменною печатью, а потомъ, выдавъ росписку въ полученіи этого дѣла, взялъ его съ собою.

Попали въ самую помойную яму, рѣшили мы съ Шварцемъ и отправили дѣло къ военному министру, желая порадовать его доказательствомъ, что, назначивъ коммиссію, вопреки мнѣнію многихъ, онъ не ошибся.

Капитану же Байеру, за его несогласныя съ дѣйствительностью (!?) донесенія о работахъ Гиммельфарба, предложено было оставить службу и его уволили безъ мундира, безъ пенсіи и вообще безъ всякихъ пріобрѣтенныхъ службою преимуществъ.

Впослѣдствіи, по пріѣздѣ коммиссіи въ Петербургъ, военный министръ, по представленію нашему, исходатайствовалъ возвращеніе Байеру всего, что отняло у него начальство.

Наконецъ, были получены, ожидавшіяся нами бумаги и разсчеты. Разсмотрѣвъ кое-что, на скорую руку, я наткнулся на такое расположеніе: главнѣйшія, предоставленныя Гиммельфарбу работы заключались въ приспособленіи зданій, какія окажется нужнымъ занять подъ помѣщеніе госпиталей. Работы эти, само собою, требовали экстреннаго выполненія. На такія работы, обыкновенно, производители работъ обязывались составлять отчеты въ видѣ смѣты, т. е. включать въ смѣту не такія работы, какія только предполагаются, а только такія, какія дѣйствительно были выполнены, и выводить расходъ по сличеніи произведенныхъ работъ съ нормами урочнаго положенія, указывающаго количество матеріаловъ и число рабочихъ— съ цѣнами контракта. Составлявшіеся при такомъ порядкѣ отчеты

предъявлялись подрядчику и, по подписаніи имъ, что онъ суммою доволенъ, ему выдавались деньги, а самый отчетъ вносился на повѣрку въ департаментъ военныхъ поселеній.

Если при такой повѣркѣ обнаруживались исчисленія меньшія противъ урочнаго положенія и противъ этого подрядчикомъ претензіи не заявлялось, то отчетъ утверждался. Если же находили исчисленія, превышающія урочное положеніе, то такая передержка падала на отвѣтственность составителя отчета.

По вступленіи въ подрядъ Гиммельфарба, отъ департамента предписано было, чтобы денегъ подрядчику по отчетамъ въ видѣ смѣты не выдавать, покуда такіе отчеты не будутъ окончательно повѣрены и утверждены департаментомъ.

Можно было подумать, что надобность такого предписанія объяснялась начальству желаніемъ оградить производителей работъ, составлявшихъ отчеты, отъ взысканій за ошибки, неизбѣжныя при спѣшномъ, по военному времени, составленіи отчетовъ. При такомъ взглядѣ данное предписаніе представлялось бы разумнымъ, логичнымъ и добросердечнымъ; но, какъ будетъ видно ниже, именно въ этомъ предписаніи и заключался фортель и ключъ къ выполненію чисто миѳическихъ злоупотребленій для огульнаго обиранія казны всѣми инстанціями, до самаго департамента включительно.

Изъ Кременчуга коммиссіи предстояло ѣхать въ Херсонъ, какъ первый пунктъ, въ которомъ производились работы. Рѣшено было взять туда съ собою помощника начальника округа и еще присланнаго къ намъ оберъ-аудитора.

Просмотрѣвъ отчеты о работахъ въ Херсонѣ, я увидѣлъ отчетъ въ суммѣ 129.000 р. на приспособленіе подъ госпиталь зданія бывшаго когда-то канатнаго завода. На первыхъ страницахъ этого отчета бросилась въ глаза статья: куплено 40 желѣзныхъ печей, по 75 р. каждая, всего 3.000 р. Я это запомнилъ.

По пріѣздѣ въ Херсонъ, нашимъ инженерамъ предстояла работа въ предѣлахъ ихъ спеціальности, по перевѣркѣ отчетовъ. Шварцъ и Богомолецъ должны были временно выѣхать по особымъ, возложеннымъ на нихъ порученіямъ, а оберъ-аудиторъ слегъ въ госпиталь, гдѣ вскорѣ и умеръ. Я остался слѣдователемъ, дѣлопроизводителемъ и оберъ-аудиторомъ, о чемъ Шварцъ донесъ министру, но отвѣта никакого не было. Такъ я и остался.

Тутъ явился ко мнѣ производитель работъ, а вслѣдъ за нимъ пришелъ приличный жидокъ, родственникъ Гиммельфарба, съ вопросомъ, не можетъ ли онъ исполнить какого-либо изъ моихъ желаній? Хотѣлось бы въ баню, отвѣтилъ я. Жидокъ обрадовалъ меня, что будетъ баня отличная, только при частномъ домѣ полицей-

мейстера, такъ какъ въ городѣ приличныхъ торговыхъ бань нѣтъ вовсе.

Подъ вечеръ пріѣхала прекрасная коляска и доставила меня въ маленькую, но очень опрятную баню. На столѣ разныя щеточки, гребеночки, шелковая мочалка, мыло тридасъ и т. п. любезности, а въ банѣ ароматъ. Вѣроятно, поддали духами. Вотъ что значитъ что-нибудь значить, подумалъ я. При выходѣ меня встрѣтилъ тотъ же жидокъ съ вопросомъ: не можетъ ли онъ позволить себѣ просить меня выпить у него чашку чаю. Я не отказался.

Квартира очень приличная, хорошо обставлена. Когда подали чай, жидокъ всталъ и заперъ всѣ двери. Ну, подумалъ я, начинается. И не ошибся. Можно поговорить съ вами откровенно, спросилъ жидокъ. Очень пріятно. Мы, не считаю нужнымъ скрывать, получили изъ Петербурга подробныя свѣдѣнія по нашему дѣлу и знаемъ, что самымъ вліятельнымъ лицомъ въ коммиссіи будете вы, почему я и высказываю нашу просьбу именно вамъ. Мы предвидимъ, что бѣдному Гиммельфарбу прійдется поплатиться деньгами. Что же дѣлать! Заплатимъ, но мнѣ поручено употребить всѣ средства, чтобы предупредить всякую личную отвѣтственность, какъ самого Гиммельфарба, такъ и тѣхъ, которые могутъ оказаться соприкосновенными къ дѣлу при обнаруженіи общихъ ошибокъ, для чего я уполномоченъ...

Тутъ я его остановилъ. Пусть ваши полномочія останутся при васъ. Я же ручаюсь въ томъ, что если ваши свѣдѣнія о моемъ значеніи въ коммиссіи окажутся справедливыми, то коммиссія будетъ разсматривать дѣла безпристрастно, но строго, будетъ относиться ко всѣмъ сердечно и вѣжливо, но, конечно, что найдетъ, не скроетъ. А, затѣмъ, мѣры къ исправленію ошибокъ и возмѣщенія убытковъ, если такія откроются, будутъ указаны не коммиссіею, а Петербургомъ. Мы обязаны собрать только факты.

На другой день я пошелъ въ зданіе канатнаго завода. Производитель работъ былъ уже тамъ. Зданіе большое, нѣчто въ родѣ манежа.—Ужели для этой одной комнаты были заготовлены вами сорокъ дорогихъ печей? спросилъ я производителя работъ. Лицо его изобразило тоже знакъ вопросительный... Мною заготовлено было всего четыре печи, отвѣчалъ онъ, по 7 р. 50 коп. за каждую, и всѣ онѣ теперь еще на лицо, въ сараѣ.—Такъ было показано вами и въ отчетѣ? Такъ. Можете вы доставить мнѣ, за вашею подписью, справку въ видѣ отвѣта на мой вопросъ.—Могу.

И, дѣйствительно, черезъ полчаса, принесъ мнѣ удостовѣреніе, что было заготовлено и показано въ отчетѣ четыре печи, по 7 р. 50 к. каждая, всего на 30 руб.

Такъ меня ошеломило это первое вступленіе въ знакомство съ дѣ-

ломъ, что я не нашелся продолжать какіе-либо вопросы, а пригласилъ инженера Киттера присоединиться къ рѣшенію трудной задачи: что за притча такая! и какъ объяснить такую поразительную странность?

Стали подробно разсматривать цифру за цифрою въ отчетѣ, утвержденномъ департаментомъ, и тутъ только начали замѣчать нѣкоторыя передѣлки другою рукою. Дѣйствительно, къ цифрѣ 4, числа печей, приписанъ нуль. Изъ 7 руб. 50 коп., сдѣлано 75 руб. и итогъ изъ 30 руб. перешелъ въ 3.000 р. Посмотрѣли далѣе—такихъ поправокъ множество. Взглянули на свѣтъ—все перечищено и перескоблено, но, судя по суммѣ, показанной въ итогѣ отчета, согласованной съ поправками и выведенной въ департаментѣ, стало ясно, что плутни не только поддерживались, но руководились и сосредоточивались именно въ самомъ департаментѣ, т. е. въ главномъ начальственномъ и обязанномъ контролировать отчеты учрежденіи. Шварцъ и вся коммиссія только ахнули, когда было показано все, что стало выясняться.

Хотя отчетъ канатнаго завода выказался первымъ, но такъ какъ и въ большинствѣ отчетовъ обнаружилось то же, что и въ этомъ отчетѣ, а между тѣмъ по значительности суммы и способамъ передѣлокъ, этотъ отчетъ, былъ наиболѣе интереснымъ, то я считаю за лучшее припомнить сначала изобличенія по нѣкоторымъ другимъ отчетамъ и описать всѣ фокусы по отчету канатнаго завода, какъ сладкій кусокъ на закуску.

По особому отчету было показано израсходованныхъ свыше 30.000 р. на исправленіе въ Херсонѣ поврежденій отъ множества бурь въ продолженіе лѣта. Отчетъ утвержденъ департаментомъ. Обратились мы съ вопросомъ къ губернатору и въ губернскую строительную коммиссію. Отвсюду отвѣтили, что Херсонъ извѣстенъ своими ежедневными періодическими вѣтрами, но выдающихся бурь не было, а изъ поврежденій отъ вѣтровъ извѣстны побитыя въ нѣкоторыхъ домахъ стекла, но и это объяснялось небрежностью живущихъ.

Были показаны заготовленными жестяныя пароотводныя крышки съ трубами для котловъ въ госпитальныхъ кухняхъ, по 50 р. за каждую.

Показалось что-то дорого. Въ урочномъ положеніи, которымъ хотѣли воспользоваться для расцѣнки работъ, не нашлось жестяныхъ работъ; почему, только съ цѣлью опредѣлить количество матеріаловъ, просили полицеймейстера прислать, если есть, хорошаго жестяника. Пришелъ франтоватый еврей Коганъ. На вопросъ, сколько нужно какого добра, чтобы приготовить показанную ему крышку съ трубою, отвѣтилъ, что этого сказать не можетъ, но такъ какъ эти крышки дѣлалъ онъ, то можетъ сообщить, что получалъ по 12 р. за каждую, въ чемъ и далъ росписку.

Кстати, тутъ же въ Херсонѣ намъ представился случай убѣдиться,

что не одинъ департаментъ военныхъ поселеній работалъ на пользу отечества по особому способу. Въ Херсонѣ помѣщался главный складъ аптекарскихъ матеріаловъ для военнаго времени, подвѣдомый бывшему тогда департаменту казенныхъ врачебныхъ заготовленій. Вошли мы какъ-то въ этотъ складъ, просто взглянуть, изъ любопытства. Большое помѣщеніе заставлено съ пола до самаго потолка однообразными ящиками, а впереди огромныя, ясеневаго дерева, съ мѣдными обручами, кадки.

По объясненію завѣдывавшаго складомъ, ящики считались наполненными хиною, а бочки шпанскими мухами. Большая часть и того и другаго доставлена послѣ войны и стоитъ, вѣроятно, не одинъ десятокъ тысячъ рублей. На вопросъ нашъ—что же теперь будутъ съ этимъ дѣлать? Замѣтили улыбку и получили скромный отвѣтъ, что, пожалуй, въ интересахъ казны повезутъ еще куда-нибудь, а, вѣрнѣе, велятъ потопить въ Днѣпрѣ, чтобы не было извѣстно того, что хранилось въ ящикахъ и что въ бочкахъ подъ нетолстымъ слоемъ шпанскихъ мухъ. О дальнѣйшей судьбѣ этого имущества мы не узнавали.

По окончаніи войны повелѣно было всѣ освободившіяся отъ занятія госпиталями помѣщенія дезинфецировать жидкостью, по указанному рецепту. Назначался растворъ, сколько помнится, поташу, а въ другихъ мѣстахъ извести. При повѣркѣ отчетовъ бросилось въ глаза громаднѣйшее количество воды, по рублю за бочку а, по количеству воды и громадное количество дезинфецирующихъ матеріаловъ, тоже по дорогой цѣнѣ.

Искусственное преувеличеніе количествъ, введенныхъ въ отчетъ расходовъ, было очевидно, но какъ было подойти къ истинѣ, не допуская произвола? Зданія, которыя будто бы дизенфецировались, были уже сданы и заняты по принадлежности, а слѣдственный способъ повѣрки дѣйствій поставщиковъ или черезъ свидѣтелей былъ немыслимъ. Я заявилъ коммиссіи мое мнѣніе — измѣрить площадь дезинфецированныхъ зданій, чтобы опредѣлить: какой толщины составился бы слой щелока, если бы все показанное въ отчетѣ количество его вылить на измѣренную площадь и получить такимъ путемъ, по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе, сильное доказательство несообразности отчетныхъ вычисленій. Коммиссія приняла это предложеніе. Тогда я послалъ за Гиммельфарбомъ съ намѣреніемъ предложить ему присутствовать при измѣреніяхъ. Вмѣсто исполнителя подряда, Меера Гиммельфарба, въ коммиссію пришелъ отецъ его Янкель. Еврей чисто библейскаго типа, сразу расположившій въ свою пользу, какъ наружностью, такъ и тѣми видимыми страданіями, какія выпали на его долю безчестными, разорительными и опасными въ будущемъ послѣдствіями дѣйствій, злоупотребившаго довѣренностью

его сына, чего тутъ же и не скрылъ Янкель и объявилъ, что онъ, въ качествѣ довѣрителя сына, беретъ всю денежную отвѣтственность на себя и проситъ разсчеты, повѣренные коммиссіею, предъявлять для подписи ему.

Взяли мы инженерныхъ кондукторовъ и пошли измѣрять площади всѣхъ зданій, которыя указывали намъ, какъ дезинфецированныя. Привели всѣ измѣренныя площади въ одну и когда вычислили, какой толщины составился бы слой щелока, если бы весь показанный въ отчетѣ щелокъ вылить на опредѣлившуюся площадь, то оказалось, что получился бы слой толщиною свыше пяти дюймовъ. Самъ Гиммельфарбъ изумился смѣлости такого показанія. Налили на тарелку слой воды въ одинъ дюймъ, и подрядчикъ призналъ, что такой учетъ будетъ для него безъобиденъ. Въ слѣдствіе этого четыре пятыхъ всего расхода оказывалось возможнымъ скинуть, не обижая Гиммельфарба, а казна получила сбереженія болѣе двадцати тысячъ рублей.

Переѣзжая изъ города въ городъ, къ намѣченной въ видѣ конечнаго пункта Ѳеодосіи и повѣряя по пути отчеты, которые передавались Гиммельфарбу для подписи съ правомъ протеста, мы добрались, наконецъ, до Ѳеодосіи. Здѣсь былъ подписанъ Гиммельфарбомъ послѣдній разсчетъ.

Въ общемъ сводѣ оказалось, что изъ высчитанныхъ департаментомъ военныхъ поселеній, какъ слѣдующихъ Гиммельфарбу до 520.000 р. по подписаннымъ имъ разсчетамъ, ему слѣдовало только около 290.000 р., такъ что коммиссія сохранила данный ей кредитивъ въ 150.000 р. и подрядчикъ согласился возвратить до 80.000 р. Съѣздили не даромъ.

Въ чаяніи радостнаго окончанія дѣла, я, по пріѣздѣ въ Ѳеодосію, немедленно взялся за составленіе окончательныхъ представленій и прочія канцелярскія распоряженія для завершенія дѣла вообще. Наконецъ, въ то же утро, какъ подписалъ Гиммельфарбъ послѣдній разсчетъ, я уговорилъ комитетъ тотчасъ же подписать и всѣ заключительныя бумаги. Послѣ этого послалъ за почтмейстеромъ, сдавъ ему уже подготовленные тюки съ бумагами, и объявилъ участникамъ коммиссія, что они, какъ хотятъ, а я вечеромъ выѣду домой.

Какъ меня ни уговаривали сочлены остаться хотя до утра, чтобы справить окончаніе работъ, но меня что-то зудило скорѣе выѣхать, и я послалъ за лошадьми. Глядя на меня, стали собираться и другіе. И отлично сдѣлали.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, меня встрѣтила жена вопросомъ: какъ пособилъ мнѣ Богъ выбраться изъ Крыма. Ей сообщили, что намъ поручено остаться въ Крыму, для разработки новаго дѣла

и что эту работу постараются затянуть донельзя. Пожалуй до зимы.

Въ этомъ сообщеніи я ничего не понялъ, но, вѣря, что дыму безъ огня не бываетъ, заинтересовался узнать причину дошедшаго до жены слуха и узналъ неожиданно исторію достаточно пикантнаго свойства.

Прикосновенные къ порученному коммиссіи дѣлу лица нашли выгоднымъ для себя придумать такую операцію, при которой можно было бы задержать насъ самихъ въ Крыму, а работы наши вытребовать въ Петербургъ, разсчитывая, что при разсмотрѣніи этихъ работъ съ своей точки зрѣнія, всегда можно будетъ найти надобность въ дополнительныхъ свѣдѣніяхъ, а это представитъ возможность втянуть коммиссію въ переписку, потомъ надоѣсть перепискою. Далѣе, разнообразя одинъ и тотъ же вопросъ, подъискать противорѣчіе въ отвѣтахъ, найти неосновательность въ выводахъ и, наконецъ, признать заключенія коммиссіи подлежащими новой перевѣркѣ. А тѣмъ временемъ дѣло стало бы терять свой острый характеръ. Къ нему стали бы относиться, какъ къ дѣлу недоработанному, многимъ наскучившему и, въ концѣ концовъ, коммиссія могла бы оказаться едва не виновною, а виноватыя лица—жертвами неумѣнія коммиссіи вести дѣло. Такая музыка, примѣнявшаяся ко многимъ серьезнымъ дѣламъ и, въ большей части случаевъ, успѣшно, соблазнила, какъ опытныхъ дѣльцовъ, такъ и департаментъ военныхъ поселеній.

Съ такимъ разсчетомъ былъ представленъ Сухозанету докладъ, въ которомъ объяснялось, что есть еще одно, требующее перевѣрки, дѣло, по постройкѣ въ Крыму, во время войны бараковъ, почему департаментъ, для устраненія расходовъ казны, если бы понадобилось командировать новыхъ лицъ, полагалъ возложить перевѣрку и этого дѣла на нашу коммиссію, какъ зарекомендовавшую уже себя работами и успѣвшую ознакомиться съ мѣстными и современными войнѣ обстоятельствами, а оконченныя коммиссіею работы предписать ей выслать немедленно въ Петербургъ.

Ну, какъ не согласиться съ такимъ представленіемъ? Сухозанетъ разрѣшилъ. Департаментъ имѣлъ свѣдѣнія отъ жидовъ о движеніи работъ коммиссіи и могъ предвидѣть, что если ей сообщить приказаніе Сухозанета заранѣе, то коммиссія, понявъ въ чемъ дѣло, можетъ затянуть свои работы для доставленія ихъ съ исполненіемъ новаго порученія, почему для департамента интересно было угодить коммиссіи, какъ разъ въ то время, когда будутъ извѣстны фактическіе слѣды окончанія дѣла. Такимъ фактомъ долженъ былъ считаться послѣдній утвержденный разсчетъ изъ бывшихъ въ повѣркѣ. Департаментъ могъ знать, приблизительно, день подписанія этого разсчета, но упу-

стивъ изъ виду способы сообщенія въ Крыму, чтобы опредѣлить съ точностью ходъ депеши, а съ другой стороны, конечно, не могъ себѣ и представить такую поспѣшность, чтобы коммиссія, получивъ отъ подрядчика послѣдній разсчетъ, въ тотъ же день выполнила всѣ канцелярскія формальности по закрытію коммиссіи, сдала бы дѣла на почту и въ тотъ же день выѣхала; почему роковой пакетъ, отправленный при участіи жидовъ изъ Симферополя эстафетою, прибылъ въ Ѳеодосію ночью, когда большая часть членовъ уже выѣхала и мы прибыли въ Петербургъ, нежданно, негаданно, какъ снѣгъ на голову; и вся махинація департамента провалилась. Судьба!

Шварцъ доложилъ государю результаты работъ коммиссіи и затѣмъ поднялъ вопросъ о наградахъ. Указывая на добровольно исполнявшіяся мною обязанности, кромѣ члена, еще слѣдователя, оберъ-аудитора и дѣлопроизводителя, просилъ Сухозанета выдать мнѣ изъ возвращенныхъ казнѣ 230.000 р., хотя одинъ процентъ. Ну, хотя полъ процента, но Сухозанетъ отвѣчалъ одно: не могу, батюшка. Не могу. Казнѣ деньги нужны; и испросилъ мнѣ не въ очередь чинъ статскаго совѣтника.

Не могу не упомянуть при этомъ слѣдующій комическій случай, по поводу денегъ для самого Сухозанета.

Современно возвращенію коммиссіи въ Петербургъ, Сухозанетъ почти потерялъ зрѣніе и собрался ѣхать для операціи въ Берлинъ, къ Греффе, получивъ на эту поѣздку нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Для прощанія съ министромъ собрали въ канцелярію чиновъ министерства. Ввели Сухозанета, и онъ обратился съ рѣчью: пожелайте мнѣ, господа, чтобы Богъ помогъ мнѣ опять васъ видѣть. Я уѣзжаю. Служите хорошо. Прежде всего по чувству долга и по совѣсти, не льстясь карьерою и наградами, и бойтесь пуще всего соблазна сребролюбія. Сребролюбіе есть мать многихъ пороковъ. Въ это время, въ противоположной сторонѣ комнаты скрипнула дверь.—Кто пришелъ? спросилъ Сухозанетъ.—Казначей Писаревскій, былъ отвѣтъ.—А высочайше пожалованныя мнѣ деньги получилъ?—Получилъ, ваше высокопревосходительство.—Спасибо, голубчикъ; ну, прощайте господа.—Ушелъ.—Всѣ фыркнули на свободѣ.

Передъ отъѣздомъ, Сухозанетъ испросилъ разрѣшеніе возложить на нашу же коммиссію перевѣрку дѣйствій и самого департамента военныхъ поселеній по дѣлу Гиммельфарба.

Между тѣмъ департаментъ упразднился, и дѣла его большею частью перешли уже въ инженерный департаментъ, такъ что намъ предстояло сноситься съ дѣлопроизводителями обоихъ департаментовъ.

Желая убѣдиться, какіе имѣются въ виду источники для попол-

ненія недовзысканныхъ съ Гиммельфарба около 80.000 р., и зная, что подрядъ его былъ обезпеченъ залогами, я спросилъ дѣло по заключенію контракта. Сначала все какъ слѣдуетъ—залоги взяты благонадежные, съ правомъ, какъ и всегда допускалось, замѣнять ихъ, по желанію контрагента, другими благонадежными. Въ числѣ залоговъ былъ домъ Янкеля Гиммельфарба, въ Полтавѣ. Но, смотрю далѣе, домъ этотъ освобожденъ отъ залога и, вмѣсто него, принятъ домъ, довѣренный Гиммельфарбу матросомъ Арвапиги, въ Севастополѣ, когда Севастополь былъ уже въ рукахъ непріятеля.

Для разъясненія этой операціи прибыла въ коммиссію особа въ генеральскомъ рангѣ изъ дѣятелей уже инженернаго департамента.

Осмѣлился я попросить его превосходительство объяснить, на чемъ было основано разрѣшеніе принять въ залогъ домъ въ чужомъ городѣ?

— На основаніи закона, послѣдовалъ отвѣтъ, не безъ гонора. Въ статьѣ такой-то поименованы города, въ которыхъ дома принимаются въ залогъ по подрядамъ, а такъ какъ Севастополь находится въ числѣ тѣхъ городовъ, то, слѣдовательно, мы поступили совершенно правильно.

— Да вѣдь были же распубликованы реляціи, по которымъ сданъ непріятелю.

— Покуда законъ не отмѣненъ закономъ, мы не считали себя вправѣ руководствоваться реляціями.

— Какъ будто и логично!

— Но есть еще законъ, замѣтилъ я, по которому принимаемые въ залогъ дома должны быть застрахованы. Имѣли ли вы страховой полисъ на домъ Арвапиги, когда принимали его въ залогъ, и застрахованъ ли онъ теперь? Его превосходительство покаялся, что это обстоятельство упущено изъ виду, вѣроятно по недоумѣнію!!!

Такой эпизодъ указалъ сразу, что въ новые мѣха попало старое вино.

Составился бы особый, порядочный томъ, если бы описать подробно все, что пришлось узнать коммиссіи и какіе пріемы понадобилось ей пускать въ ходъ, чтобы попасть хотя только на путь къ открытію настоящей Америки; но такой трудъ мнѣ теперь не по силамъ, и я опишу только въ общихъ чертахъ способъ, практиковавшійся всѣми инстанціями управленія военными поселеніями по случаю военнаго времени, въ интересахъ Гиммельфарба, избравъ для описанія движенія одного, какъ болѣе типичнаго отчета по приспособленію зданія бывшаго въ Херсонѣ канатнаго завода, для помѣщенія временнаго госпиталя.

По отчету, который составлялся на мѣстѣ, по мѣрѣ производства

работъ, исчислено было слѣдовавшихъ подрядчику за работы около 29.000 руб.

Если бы не было сдѣлано департаментомъ, упомянутаго выше, прикрытаго заботливостью о подчиненныхъ, распоряженія, чтобы составляемые по ходу работы отчеты не предъявлять для подписи Гиммельфарбу, а ожидать, когда такіе отчеты будутъ провѣрены и утверждены департаментомъ, то по отчету канатнаго завода Гиммельфарбъ получилъ бы около 29.000 р., исчисленныхъ конечно безъобидно по случаю военнаго времени; но когда этотъ отчетъ испыталъ перевѣрку разныхъ инстанцій и получилъ утвержденіе департамента, то Гиммельфарбу причиталось къ уплатѣ за произведенныя имъ работы уже около 130.000 р.

Вотъ какъ случилась эта метаморфоза:

Производитель работъ отчетъ свой, въ суммѣ около 29.000 р., представилъ на повѣрку ближайшаго начальства, въ управленіе округа, въ Кременчугъ.

Помощникъ начальника округа, полковникъ С., взамѣнъ этого отчета составилъ новый, въ суммѣ около 90.000 р., и послалъ его съ самимъ Гиммельфарбомъ въ Херсонъ, къ производителю работы, чтобы онъ, вмѣсто своего отчета, подписалъ этотъ.

При томъ деспотизмѣ, какой царилъ во всѣхъ отдѣлахъ управленія военными поселеніями, о сопротивленіи со стороны производителя работъ не могло быть и рѣчи. Самая рѣшимость бросить службу не спасла бы отъ пагубнаго преслѣдованія. Отчетъ былъ немедленно подписанъ и возвращенъ Гиммельфарбу.

Тотъ же помощникъ начальника округа пожелалъ оставить на возвращенномъ ему отчетѣ слѣды своей заботливости объ интересахъ казны, въ какихъ видахъ сдѣлалъ сокращеніе по многимъ статьямъ и, уменьшивъ итогъ, процентовъ на десять, имъ же самимъ выведенный, сдѣлалъ надпись, что сокращеніе сдѣлано по излишеству включенныхъ въ отчетъ матеріаловъ и рабочихъ, Затѣмъ, этотъ отчетъ, въ суммѣ около 80.000 р., былъ представленъ въ департаментъ.

Тутъ отчетъ поступилъ къ полковнику К. Онъ сдѣлалъ на отчетѣ надпись: отчетъ повѣрялъ полковникъ К., но эта надпись сдѣлана на такомъ мѣстѣ, что между нею и подписью помощника начальника округа оставалось еще свободное мѣсто, строкъ на пять.

Послѣ этой повѣрки, отчетъ былъ переданъ, по общему порядку, въ числѣ другихъ отчетовъ, дѣлопроизводителю общаго присутствія, для представленія этому присутствію на окончательное утвержденіе.

Коллегія, конечно, отчетовъ повѣрять не могла, и потому присутствіе, выслушавъ, какіе отчеты поступили, какъ вѣроятно и всегда дѣлалось, изъявило согласіе утвердить повѣренные отчеты, послѣ чего

оставалось дѣлопроизводителю составить по установленной формѣ журналъ засѣданія, а присутствовавшимъ въ засѣданіи—подписать журналъ.

Такъ какъ журналы подписывались въ слѣдующемъ, по выслушаніи доклада, засѣданіи, а засѣданія назначилась черезъ недѣлю, то дѣлопроизводитель могъ не спѣшить составленіемъ журналовъ и складывалъ доложенные отчеты въ свой столъ до удобнаго времени.

Тутъ являлся, съ подобраннымъ ключемъ, писарь Проемскій и, забравъ отчеты, передавалъ ихъ тому же полковнику К., и тогда начиналась настоящая работа. Гдѣ было удобно, приписывались нули. Гдѣ перескабливались запятыя, а затѣмъ, безъ церемоніи, что было нужно, выскабливалось, вставлялись новыя цифры, перечеркивались синими чернилами и выводились новые, сперва частные, а потомъ общіе итоги.

Послѣ такой операціи надъ отчетомъ канатнаго завода, а онъ оказался въ суммѣ уже около 130.000 р. и въ мѣстѣ, предусмотрительно оставленномъ надъ подписью полковника К., появилось удостовѣреніе что сумма, показанная въ отчетѣ, доставленномъ отъ округа, измѣнилась отъ невѣрности общихъ и частныхъ итоговъ.

Дѣлопроизводитель общаго присутствія, ссылаясь также на законныя основанія, считалъ себя обязаннымъ включить въ журналъ только тѣ цифры отчета, правильность которыхъ удостовѣрена повѣркою въ департаментѣ, включалъ въ журналъ послѣдне выставленныя цифры, а члены общаго присутствія подписывали журналы уже, не читая—и такимъ образомъ всѣ отчеты Гиммельфарба, проходя тѣмъ же путемъ, получали законную силу, а подрядчикъ право получать по нимъ деньги.

Не могло быть сомнѣнія, что каждый изъ участвовавшихъ въ пользу Гиммельфарба не могъ бы рисковать уголовною отвѣтственностью только изъ одного доброхотства, не предрѣшая дѣлежа отъ прибытковъ подрядчика, но кто и въ какомъ размѣрѣ имѣлъ виды участвовать въ дѣлежѣ, открыть не удалось. Всякій, и даже Гиммельфарбъ, считалъ себя правымъ; кто—ссылаясь на букву закона, кто на понятое не такъ, а иначе предписаніе начальства, а большинство указывало на то, что если отчеты утверждены общимъ присутствіемъ, то, значитъ, они правильны, такъ что безъотговорочно и изобличенно виновными оказались только двое: помощникъ начальника округа и повѣрявшій отчеты полковникъ К.

Послѣ продолжительной нашей работы, какъ-то вошелъ въ коммиссію полк. К. съ видимыми признаками крайняго возбужденія,—глаза красные, будто заплаканные, лицо осунулось. Долго ходилъ онъ изъ угла въ уголъ, но вдругъ остановился передо мною.—Я рѣшился, на-

чалъ онъ прерывающимся голосомъ, облегчить вашу работу и очистить свою совѣсть и хочу высказать вамъ мою исповѣдь. Вынулъ платокъ и почти упалъ на стулъ.

Предвидя, что это прологъ начинающейся страшной драмы, я содрогнулся отъ тѣхъ ощущеній, какія долженъ былъ переживать на моихъ глазахъ въ эти минуты полковникъ, ступившій уже одною ногою на лобное мѣсто.—Я не слѣдователь, а членъ коммиссіи, отвѣчалъ я, и потому, хотите ли посвятить коммиссію въ вашу откровенность?—Хочу, былъ короткій отвѣтъ.

Черезъ нѣсколько минутъ уже всѣ члены коммиссіи сидѣли кругомъ стола, предоставивъ мѣсто и полковнику К.

— Коммиссія убѣдилась, началъ онъ, какимъ я пользовался довѣріемъ со стороны моихъ сослуживцевъ. Одной моей подписи было достаточно, чтобы подрядчикъ, вмѣсто десятка тысячъ, могъ получить сотню тысячъ, но я до настоящей войны никогда не злоупотреблялъ этимъ довѣріемъ, что можетъ подтвердить извѣстная моимъ сослуживцамъ моя нищенская жизнь. Я женатъ и получаю всего 750 р. Вотъ, уже не первый десятокъ лѣтъ повѣряю смѣты и отчеты. Повѣрилъ ихъ на милліоны и могъ бы, значитъ, устранить ранѣе такія обстоятельства, какія теперь ведутъ меня къ погибели, но я ихъ не устранилъ. Считалъ безчестнымъ. Начну съ начала. Это было 8 мая. Канунъ моихъ имянинъ, когда во время моей обычной, вечерней, служебной работы, пришелъ ко мнѣ Гиммельфарбъ. Видя меня разстроеннымъ, спросилъ о причинѣ. Причинъ много, отвѣчалъ я. Во-первыхъ, жена больна, а во-вторыхъ, не только послать за докторомъ, а и за лѣкарствомъ послать не на что. Въ домѣ одинъ двугривенный, а тутъ еще какъ на грѣхъ завтра именинникъ, пожалуй, прійдетъ кто-нибудь. По неволѣ расхнычешься. Какъ теперь вижу этого дьявола соблазнителя и слышу его рѣчи. Худо тогда, когда деньги нужны, а взять ихъ негдѣ; когда же добыть ихъ легко, то сокрушаться не стоитъ, сегодня денегъ больше у меня, чѣмъ у васъ, а завтра ихъ можетъ быть у васъ болѣе, чѣмъ у меня. Нужно только во́-время пособлять другъ другу. Въ это время Гиммельфарбъ вынулъ бумажникъ и все, что въ немъ было видно, положилъ ко мнѣ на столъ. Когда-нибудь сосчитаемся. На верху лежала давно невиданная мною сторублевая бумажка и въ ней виднѣлась мелочь. Не успѣлъ я опомниться, какъ Гиммельфарбъ уже скрылся. Слѣдовало бы его догнать и задушить; но я поддался искушенію.

На другой день Гиммельфарбъ пріѣхалъ съ поздравленіемъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ и привезъ мнѣ въ подарокъ серебряную бульонную чашку и вотъ эти часы. (Коммиссія записала ихъ №). Я взялъ.

Вскорѣ начали поступать въ департаментъ отчеты по работамъ

Гиммельфарба. Меня удивило, что въ шнуровомъ журналѣ, въ который вписывались поступавшіе отчеты, обыкновенно съ обозначеніемъ суммы, на какую отчетъ составленъ, противъ отчетовъ Гиммельфарба суммъ не показано. Для нихъ оставлено мѣсто. Всматриваюсь и вижу, что листы были вырѣзаны и вмѣсто ихъ очень искусно вклеены новые. Тутъ я понялъ, что есть третье лицо, орудующее храбро, чтобы прятать концы и тутъ же догадался, чего отъ меня ожидаютъ: то есть передѣлки отчетовъ. Обдумавъ способъ, я на первыхъ же отчетахъ оставилъ надъ своею подписью мѣсто, наудачу, не зная еще, что и какъ удастся далѣе. Но мы, то есть я и, невѣдомый мнѣ, кто-то, поняли другъ друга. Вечеромъ, послѣ засѣданія общаго присутствія, которымъ были утверждены подписанные мною отчеты, писарь другаго отдѣленія принесъ ко мнѣ и молча положилъ на столъ украденные изъ стола дѣлопроизводителя отчеты. Въ томъ числѣ и отчетъ по канатному заводу.

Послѣ моей сцены съ Гиммельфарбомъ, я, взявъ деньги, считалъ себя уже внѣ закона. Все равно пропалъ, и меня душила только жажда разсквитаться съ нимъ, вознаградивъ за подачку, и я началъ скоблить, чертить и прибавлять сколько влѣзетъ. Остальное вамъ извѣстно, и потому, Христа ради, увольте отъ другихъ вопросовъ и отвѣтовъ. Не могу.

Князь Васильчиковъ, узнавъ объ этомъ засѣданіи, тотчасъ же призналъ нужнымъ отправить полковника К. на гауптвахту, обязавъ его сдѣланныя показанія изложить письменно.

Гиммельфарбъ, спрошенный по поводу подарковъ, отрицалъ все отъ слова до слова. Послали въ магазинъ Мозера, узнать, когда проданы были часы по сообщенному №. Оказалось, что проданы дѣйствительно 9 мая, а кому неизвѣстно.

Какъ всему бываетъ конецъ, кончились и занятія коммиссіи. Работы наши перешли въ аудиторіатскій департаментъ. Послѣдовалъ судъ и, затѣмъ, четыре полковника и одинъ коллежскій совѣтникъ были разжалованы, а Гиммельфарбъ сосланъ.

Анненковъ встрѣтилъ меня съ новыми любезностями и, проводивъ съ обѣщаніями, теперь уже отъ себя исходатайствовать мнѣ награду, но къ этому встрѣтилось затрудненіе въ недавно полученной мною наградѣ за первую коммиссію. Князь Васильчиковъ, узнавъ объ этомъ, высказалъ свое мнѣніе, что другой, пожалуй, сдѣлаетъ такой выводъ, что у васъ, въ контролѣ, слѣдуетъ работать по количеству ожидаемыхъ наградъ, а не получать награды по качеству работъ. У насъ это не такъ. Черезъ нѣсколько дней я получилъ подарокъ. по военному вѣдомству.

Въ государственномъ контролѣ сохранилось, какъ устное пре-

данiе, возраженiе извѣстнаго министра финансовъ—графа Канкрина, противъ контроля: „могу ли я согласиться, заявлялъ онъ, чтобы какой-нибудь тамъ чиновникъ выражалъ свое заключенiе о правильности дѣйствiй министра“!

Можно себѣ представить, какой же произвело эффектъ, какъ знаменiе наступающаго новаго времени, объявленное великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, имъ самимъ испрошенное высочайшее повелѣнiе—назначить отъ государственнаго контроля особую коммиссiю для безпристрастной оцѣнки дѣятельности въ хозяйственномъ отношенiи морскаго министерства подъ управленiемъ его высочества въ перiодъ военныхъ дѣйствiй.

Предсѣдателемъ коммиссiи былъ назначенъ Шамшинъ, а въ члены попалъ и я.

Весь Петербургъ видалъ, какъ во время войны, всю зиму, денно и нощно, тянулись въ нѣсколько рядовъ, отъ Громовской лѣсной биржи, черезъ Васильевскiй островъ, одноконныя подводы съ громадным бревномъ на каждой. Это везли сваи для подводныхъ укрѣпленiй Кронштадта.

Само собою, приступивъ къ дѣлу, мы взялись за разсмотрѣнiе этой громадной операцiи. Оказалось, что по контракту требовалось заготовить и забить болѣе 50.000 свай. На первыхъ же порахъ встрѣтились, такъ называемыя, недоразумѣнiя, но Шамшинъ далъ понять сразу, что ревизiя должна быть сама по себѣ, а способъ изложенiя ревизiонныхъ послѣдствiй самъ по себѣ. Начались было у меня, какъ плохаго дипломата, пререканiя съ Шамшинымъ, но сила сломила солому. Конечный докладъ получилъ направленiе подъ редакцiею Шамшина съ желаемымъ имъ оттѣнкомъ, и коммиссiя закрылась. Многочисленнымъ дочерямъ Шамшина пожалована была при жизни его пенсiя въ 1.500 р., а сынъ, морякъ, посланъ въ кругосвѣтное плаванiе. Я получилъ высочайшее благоволенiе.

Бытовые очерки В. П. Лободовскаго [1]).

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Пришлось однажды Перепелкину читать рефератъ по поводу значенія образованія вообще.

Здѣсь онъ встрѣтилъ не совсѣмъ спокойное отношеніе къ дѣлу со стороны почтеннаго законоучителя. Это былъ добрый и благочестивый человѣкъ, христіанскимъ образомъ своей жизни внушавшій юношеству невольное уваженіе къ себѣ, но въ своихъ научныхъ воззрѣніяхъ онъ, несмотря на академическое образованіе, дальше семинарскихъ понятій не уходилъ и былъ мало что не податливъ, но иногда даже враждебенъ разнымъ новшествамъ по части педагогическихъ дѣлъ, да и вообще въ жизни, о чемъ Петръ Ивановичъ еще раньше предупреждалъ Перепелкина. Когда Перепелкинъ кончилъ чтеніе реферата, священникъ сказалъ: „вы, Савва Саввичъ, кажется, слишкомъ подчиняетесь матеріалистическимъ взглядомъ Конта, который все подвергалъ опытамъ“.

— Ну, батюшка, я ужъ и не знаю, что вамъ сказать на это, съ замѣтнымъ негодованіемъ возразилъ Перепелкинъ: я ссылаюсь на всѣхъ—можно ли въ моемъ рефератѣ, или во всемъ, сказанномъ мною по поводу его, найти хоть одну мысль, которая давала бы малѣйшее основаніе думать, что я держусь какого-то матеріалистическаго ученія? Да и самъ Контъ—развѣ не онъ ли сказалъ, что „кромѣ науки опытной, имѣющей дѣло только съ явленіями, есть еще область сердца, область идеаловъ, область вѣры въ идеалы, вытекающая изъ потребностей сердца. А эти потребности суть тоже факты жизни, которыхъ нельзя игнорировать, потому что ими только держится жизнь въ ея высшемъ, разумномъ смыслѣ“.

Много времени прошло послѣ чтенія реферата, но впечатлѣнія

---

[1]) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1905 г.

отъ него, а еще болѣе отъ жаркой защиты его, никакъ не забывались людьми злопамятными, которымъ они были не по вкусу, и никогда уже не прощались, тѣмъ болѣе, что горячими сторонниками и послѣдователями его взглядовъ и указаній сдѣлались молодые и умные представители естественной и политической исторіи, которые, къ удовольствію Петра Ивановича, да и самого начальника заведенія, внесли въ дѣло преподаванія такую силу оживленія, что возбудили небывалый интересъ въ учащихся къ ихъ предметамъ. И въ заведеніи, и внѣ его, въ городѣ заговорили объ этихъ явленіяхъ въ корпусѣ, но, разумѣется, не всѣ этимъ были довольны. Любители мрака и мутной воды душевно возненавидѣли Перепелкина, какъ единственнаго виновника всѣхъ новшествъ:

— Это все Перепелкинъ намутилъ своими побасенками, да балагурствомъ,—гнусилъ нерѣдко въ кружкахъ, ему сочувственныхъ, весьма хитрый и чрезвычайно осторожный на словахъ, жидовскаго типа строевикъ-воспитатель (онъ же строитель одежды, обуви и всяческихъ покрововъ и облаченій учащагося юношества, про котораго говорили, что въ темныя ночи, по совершенно неосвѣщенному городу, онъ возами вывозилъ къ себѣ излишки казеннаго добра): вѣдь, до пріѣзда этого болтуна-пустомели, никому не было дѣла, да и разговоровъ публичныхъ никогда нигдѣ не происходило о томъ, гдѣ что и какъ строится, подряжается и проч. Низкой души человѣкъ, всѣхъ развратилъ: какъ будто нѣтъ предметовъ интереснѣе для общества, а еще литературу читаетъ! язвительно и не безъ скрежета зубовнаго ехидствовалъ онъ, вызывая злостныя улыбки и гримасы со стороны нѣкоторыхъ лицъ. Недоброжелательство къ Перепелкину все росло да росло, онъ его чувствовалъ, но до какихъ размѣровъ оно можетъ дойти и къ какимъ результатамъ повести, онъ никакъ не предвидѣлъ. Что его забрасывали грязью, всячески чернили, выдумывая на него и его семейство всевозможныя клеветы и кляузы, онъ это хорошо зналъ и изъ анонимныхъ писемъ къ нему и со словъ доброжелательныхъ ему лицъ, особенно Уклонова; но чтобы дѣло дошло до публичнаго его оскорбленія, ему это и въ голову никогда не приходило: „развѣ изъ-за угла камнемъ въ голову, какъ было во вторую публичную лекцію“, думалъ онъ иногда, по поводу полученія какого-нибудь предостерегательнаго или угрожающаго письма. Такъ онъ не придалъ никакого серьезнаго значенія и одному роковому извѣщенію, въ которомъ какой-то сердечный человѣкъ, очевидно, желавшій ему добра, предупреждалъ его, чтобы онъ не являлся въ имѣющій быть въ такой-то день маскарадъ въ клубѣ.

„Вѣрьте мнѣ или не вѣрьте,—писалъ онъ,—это ваше дѣло; но я, искренно васъ уважающій (вы меня не знаете и никогда не

узнаете), предупреждаю, чтобъ вы не ходили въ слѣдующій праздникъ въ клубъ—тамъ готовятъ вамъ пакость, которая можетъ васъ взорвать, и надо опасаться, какъ бы отсюда не произошло послѣдствій неудобныхъ, или даже, можно сказать, слишкомъ зловредныхъ для васъ. Въ домѣ Б., гдѣ васъ всѣ отъ мала до велика душевно ненавидятъ, по затѣѣ юродиваго Б. (не изъ этого дома) дѣлаются приготовленія представить васъ въ маскѣ осла, но такъ, чтобы неотступными приставаньями и прозрачными намеками непремѣнно вывести васъ изъ терпѣнія. Роль осла взялъ на себя №., обучавшій вашихъ дѣтей рисованью, по которому вы отказали, по его словамъ, будто бы безъ всякаго повода съ его стороны".

Все это казалось Перепелкину правдоподобнымъ, но нисколько не поколебало его въ намѣреніи быть въ маскарадѣ, тѣмъ болѣе, что Любѣ этого хотѣлось (она о предостереженіи ничего не знала), да и дежурство его, какъ старшины клуба, приходилось на этотъ вечеръ. Ненависть всѣхъ членовъ дома Б. къ Перепелкину происходила отъ нежеланія его сближаться съ ними, чего тѣ сильно домогались, особенно глава дома, всегда искавшій опоры въ другихъ и вѣчно лебезившій предъ тѣми, кто, по его мнѣнію, былъ въ силѣ по службѣ или пользовался какимъ-нибудь значеніемъ въ обществѣ. Зналъ и понималъ Перепелкинъ вражду къ нему и другаго Б., не изъ этого дома. Это былъ Тартюфъ въ миніатюрѣ: носилъ на себѣ вериги, по словамъ близкихъ къ нему людей, при чувствительныхъ разговорахъ имѣлъ привычку вздѣвать глаза къ небу, но, разумѣется, ханжилъ, ухаживалъ за высокопоставленными лицами, вѣчно пресмыкался предъ ними. Его соблазняло положеніе Перепелкина, получавшаго значительный окладъ жалованья и пользовавшагося значеніемъ и вліяніемъ въ корпусѣ, и вотъ онъ задумалъ сѣсть на его мѣсто. „Я, говорилъ онъ Перепелкину,—отъ двухъ профессій (онъ имѣлъ казенную службу и былъ гувернеромъ у одного генерала) не получаю и половины того, что вы получаете отъ одной. Если вы вздумаете оставить это мѣсто, то, пожалуйста, предупредите меня, я буду искать его". И даже совѣтовался съ Перепелкинымъ, чѣмъ ему заняться предварительно, чтобы съ увѣренностью выдержать требуемое испытаніе. Вотъ этотъ-то господинъ былъ иниціаторомъ и руководителемъ той затѣи, о которой предупрежденъ былъ Перепелкинъ какимъ-то добросердечнымъ незнакомцемъ.

По случаю своего дежурства въ качествѣ старшины, Перепелкинъ явился въ клубъ въ 9 часовъ. Жена пріѣхала позже, когда уже начали собираться маски. Ихъ прибыло, наконецъ, ужъ очень много, но осла—учителя нѣтъ какъ нѣтъ. Перепелкинъ сталъ было уже считать предостереженіе незнакомца вздоромъ, но, осмотрѣвшись вни-

мательно кругомъ, онъ по нѣкоторымъ признакамъ не могъ не догадываться, что маска эта явится, что ее ждутъ, даже съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ, многія, враждебно расположенныя къ нему лица, особенно изъ породы Утягаевыхъ, Таскаловыхъ, Загребаевыхъ. Зналъ объ этомъ, повидимому, и одинъ изъ крупныхъ чиновъ жандармеріи, который прелюбезно, съ хитрой и ядовитой улыбкой сообщилъ ему, что сегодня-де будутъ преинтересныя маски. Перепелкинъ ходилъ по залѣ съ женой и двумя дамами, когда этотъ же чинъ громко окрикнулъ: „А вотъ, Савва Саввичъ, и камарадъ вашъ явился".

Перепелкинъ оглянулся. Къ нему направлялась чрезъ весь залъ съ длинными ослиными ушами маска въ форменномъ учительскомъ фракѣ. Ее сопровождали другія маски, довольно оригинально одѣтыя съ различными эмблемами, значенія которыхъ Перепелкинъ не могъ понять. Если бы онъ не былъ предупрежденъ, что эти затѣйники имѣютъ цѣлію оскорбить его, то онъ отъ души посмѣялся бы: такъ были они забавны по своей костюмировкѣ, движеніямъ и мимикѣ. Глядя на нихъ, нельзя было воздержаться отъ смѣха, которымъ заражались всѣ по мѣрѣ того, какъ маска съ ослиными ушами подвигалась по залу впередъ, въ сопровожденіи своей шутовской свиты. Но Перепелкинъ, замѣтивъ устремленные на него со всѣхъ сторонъ взоры публики, вскорѣ почувствовалъ раздраженіе и волненіе, скрыть которыя было не въ его натурѣ, не въ его самообладаніи.

Маска приблизилась къ нему.

Перепелкинъ хранилъ серьезное молчаніе.

— Вашъ камарадъ явился! повторилъ съ саркастической улыбкой жандармскій чинъ.

— У меня нѣтъ камарадовъ съ длинными ушами, угрюмо и неловко пробормоталъ неопытный въ житейскихъ дѣлахъ педагогъ-идеалистъ.

— Такъ позвольте вамъ отрекомендоваться, заговорила ушатая маска: профессоръ элоквенціи Тредьяковскій.

Перепелкинъ очень хорошо чувствовалъ и понималъ, что самое лучшее принять все это за шутку и ничего не отвѣчать, но, очевидно, все больше и больше раздражаясь, онъ не удержался, чтобъ не сказать: не слишкомъ ли много чести для длинныхъ ушей такое почтенное имя!

Шутовская свита маски - осла, обступившая Перепелкина, захохотала.

— Длинныя уши—это эмблема высоко настроенной поэтической лиры, выпалилъ ушатый, очевидно, вытверженной фразой.

И здѣсь сознаніе не оставляло Перепелкина и ясно говорило, что

слѣдуетъ промолчать и не разводить дальше разговоровъ, но у него, совершенно противъ воли, сорвались съ языка дерзкія слова:

— Ну, такъ думать могутъ только люди, которымъ нѣтъ надобности въ эмблемахъ осла, въ видѣ длинныхъ ушей, потому что они въ натурѣ, всею своею личностью изображаютъ его несравненно лучше... рельефнѣе, такъ сказать, пояснялъ онъ тономъ, хотя и сдержаннымъ, но въ которомъ явно-таки звучала нотка уколотаго, раздраженнаго, кусающагося самолюбія.

— Пожалуй, теперь я сдѣлаюсь притчей во языцѣхъ, думалъ Перепелкинъ, и боюсь, какъ бы эта глупая исторія не испортила хорошихъ моихъ отношеній къ учащимся, что можетъ повести къ тому, что заведеніе, къ которому сталъ уже привязываться, такъ какъ чувствовалъ себя на мѣстѣ, придется оставить.

Но случилось такъ, что не прошло и трехъ мѣсяцевъ послѣ этой исторіи, какъ Перепелкинъ съ семьею уже путешествовалъ къ родному пепелищу, въ домъ отца, который на письмо сына объ этомъ приключеніи, или, лучше сказать, злоключеніи, между прочимъ писалъ: „А развѣ я не предостерегалъ тебя, къ чему могутъ привести твои затѣи—содѣйствовать посредствомъ публичныхъ чтеній и объясненій исправленію общественной нравственности? Теперь, сынку, по-моему, ничего другаго тебѣ не остается—повѣрь мнѣ—какъ бросить это мѣсто, ѣхать во время каникулъ къ намъ съ семействомъ, и, оставивъ его гостить у насъ, самому немедленно отправиться въ столицу для пріисканія себѣ мѣста здѣсь гдѣ-нибудь, по близости къ намъ“.

Какъ нарочно письмо это получилось какъ разъ въ тотъ день, когда Перепелкинъ, переиспытавшій много огорченій за это короткое время, былъ страшно пораженъ извѣщеніемъ директора, который между прочимъ писалъ: „Б. вторично подалъ мнѣ рапортъ, въ которомъ уже категорически требуетъ движенія давно поданному, какъ вамъ извѣстно, рапорту объ оскорбительныхъ выраженіяхъ, употребленныхъ вами въ классѣ (гдѣ находился и его сынъ) по отношенію якобы его дома, по поводу являвшейся въ клубѣ извѣстной маски. Я знаю, что это клевета, но вѣдь ее подтверждаютъ теперь, кромѣ сына Б., еще два мальчика того же класса, а потому совѣтую покончить всю эту исторію миромъ. Напишите ему, или лично скажите, что если онъ вѣритъ тому, что передалъ ему сынъ и теперь подтверждаютъ еще два мальчика, то вы извиняетесь предъ нимъ и его семействомъ за поданный вами поводъ такъ перетолковать ваши слова. Этого будетъ достаточно, чтобы я возвратилъ ему оба его рапорта. А не возьметъ назадъ, тогда и я, имѣя много указаній и подтвержденій вашей правоты, въ правѣ буду сказать ему то, чего

онъ и не ожидаетъ, но вполнѣ заслуживаетъ, тѣмъ болѣе, что дѣйствуетъ онъ, какъ я могу не только догадываться, но и ясно видѣть, по подстрекательству другихъ.

Дѣло въ томъ, что на другой день послѣ клубнаго маскарада, когда Перепелкинъ, по окончаніи лекціи, выходилъ изъ класса, къ нему подбѣжалъ уже у самыхъ дверей, воспитанникъ, лѣтъ 13, сидѣвшій рядомъ съ сыномъ Б., и спросилъ: „Правда ли, Савва Савичъ, что вы маскировались вчера“. Перепелкина смутилъ этотъ вопросъ, но онъ совершенно спокойно отвѣчалъ: „Нѣтъ, я не маскировался, а это представлялъ меня въ ослиной маскѣ какой-то шалопай изъ дома Б., въ которомъ, какъ извѣстно, много квартирантовъ“. Въ тотъ же день былъ поданъ директору рапортъ, въ которомъ Б. жаловался на оскорбленіе въ классѣ Перепелкинымъ его дома. Поручено было Петру Ивановичу (новому) разобрать дѣло. Но онъ, разспросивъ мальчиковъ отдѣльно, по одиночкѣ, нашелъ, что сказаннаго Перепелкинымъ Б. не имѣлъ никакого основанія принимать на свой счетъ. Такъ было оффиціально донесено генералу, и дѣло, повидимому, тѣмъ и должно было кончиться. Но интрига не дремала. Партія строевиковъ-воспитателей ухватилась за инцидентъ въ классѣ по поводу маски и раздула его до размѣровъ, не безопасныхъ для положенія Перепелкина. Но такое горячечное состояніе остроумныхъ строевиковъ-воспитателей могло бы и пройти, если бы не подзадоривали Утягаевы, Таскаловы и Загребаевы, во главѣ которыхъ стоялъ, какъ всегда и вездѣ, другъ ихъ, опекаемый Перепелкинымъ, предмѣстникъ его по преподаванію словесности, оставленный вслѣдствіе его заступничества только на три года, до выслуги пенсіи, но теперь уже выслуживавшій даже прибавку къ ней и все-таки не перестававшій подкапываться подъ своего патрона-опекуна распространеніемъ самой наглой, пошлой и даже совершенно безсмысленной лжи про него. Онъ уже успѣлъ поссорить его съ новымъ Петромъ Ивановичемъ, инспекторомъ, который, впрочемъ, скоро понялъ, кажется, его натуру, отвернулся отъ него и примирился съ Перепелкинымъ. Но положеніе все еще увлекающагося идеалиста-педагога было далеко уже не то, что при прежнемъ начальствѣ. Перепелкинъ очень хорошо понималъ, что и прежній начальникъ, равно какъ и прежній его помощникъ, первый Петръ Ивановичъ, могли только уважать и цѣнить его дѣятельность, но любить его, положительно, не могли, потому что та откровенная прямолинейность, съ которой онъ дѣйствовалъ всегда и во всемъ, рѣшительно была не въ ихъ нравахъ, не въ правилахъ, и приходилась имъ, слѣдовательно, совсѣмъ не по сердцу. Но все-таки, цѣня его полезную дѣятельность, они оба въ обиду его не давали и энергично защищали его отъ всяче-

ской клеветы. Особенно Петръ Ивановичъ, который и на себѣ испыталъ ее немало первое время по прибытіи въ трущобу, которую Т. помѣщикъ-юристъ окрестилъ кличками: „Безтолочь“, „Непроницаемая муть“, „Покладистая блудница“, „А ну-ка попробуй“. Новый начальникъ заведенія, честнѣйшій и добродушнѣйшій генералъ, прямо заявилъ на первыхъ же порахъ Перепелкину, что онъ вполнѣ сочувствуетъ полезной его педагогической дѣятельности и всегда будетъ цѣнить ее высоко, несмотря ни на кого, ни на что, но тѣхъ отношеній къ людямъ, въ которыя вы поставили и продолжаете ставить себя, я рѣшительно не одобряю, и поправлять ихъ мнѣ будетъ и трудно и даже невозможно, какъ вы и сами поймете почему“, совершенно искренно высказывался онъ Перепелкину наединѣ: „напротивъ, я даже иногда вынужденъ буду, хоть для вида, держать сторону вашихъ противниковъ, чтобы ослабить ихъ вражду къ вамъ и не дать имъ повода переносить ее на меня“.

Единственное лицо, въ искренность котораго еще вѣрилъ Перепелкинъ, это былъ начальникъ заведенія, достойнѣйшій человѣкъ: съ умомъ, начитанностью, добрымъ сердцемъ и проникнутый сильнымъ желаніемъ держать заведеніе на надлежащей высотѣ, но при извѣстной своей несчастной слабости, которую черная банда Утягаевыхъ, Таскаловыхъ и Загребаловыхъ отлично умѣла взвѣсить, опредѣлить и утилизировать въ свою пользу, онъ не представлялъ для Перепелкина надежной опоры, какъ и самъ неоднократно съ полною искренностью заявлялъ ему объ этомъ.

Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства и часто находясь къ тому же подъ давленіемъ тяжелыхъ мыслей вслѣдствіе домашней неурядицы въ отношеніи воспитанія дѣтей и веденія хозяйства, онъ порѣшилъ, наконецъ, послѣдовать совѣту отца—поискать мѣста поближе къ нему, но не оставлять сразу окончательно этого заведенія, а взять только отпускъ на каникулярное время, въ виду того, что о замѣщеніи учительскихъ вакансій заботятся заблаговременно, и легко могло случиться, что на новый учебный годъ, имѣющій наступить не болѣе какъ черезъ два съ половиною мѣсяца, могло бы и не оказаться такого количества не занятыхъ уроковъ, какое требуется закономъ для опредѣленія штатнымъ преподавателемъ.

Поощренный совпаденіямъ желаній жены и семейства съ его мыслями и намѣреніями, Перепелкинъ тотчасъ же подалъ рапортъ объ отпускѣ на каникулярное время.

И начальникъ заведенія, и Петръ Ивановичъ, сдѣлавшійся къ этому времени особенно благосклоннымъ къ Перепелкину, всячески отговаривали его отъ намѣренія оставить заведеніе совсѣмъ, представляя для этого основательные резоны и между прочимъ еще то

соблазнительное обстоятельство, что онъ уже выслужилъ вторую прибавку добавочнаго жалованья.

Мотивомъ же своего нежеланія продолжать здѣсь службу Перепелкинъ выставилъ то обстоятельство, что въ этомъ отдаленномъ краѣ человѣку съ честными убѣжденіями и съ наклонностью не только не скрывать ихъ ни предъ кѣмъ, но даже стараться привить ихъ къ другимъ, жить-де безопасно: забрызгиваютъ-де грязью изъ-за угла, а подчасъ производятъ и открытыя публичныя оскорбленія.

Когда Перепелкинъ, оставивъ на пути свое семейство гостить у родныхъ въ Малороссіи, прибылъ въ столицу и явился къ бывшему своему начальнику, послѣдній съ первыхъ же словъ вызвался послать телеграмму съ усерднѣйшей рекомендаціей педагога въ Кіевскій корпусъ. На это послѣдовалъ отвѣтъ, что примутъ его на службу съ удовольствіемъ, но только на слѣдующій учебный годъ, такъ какъ на этотъ годъ остававшіеся свободными уроки предназначены уже профессору семинаріи, который поэтому отказался отъ другихъ частныхъ занятій. Въ виду этого онъ рѣшилъ ждать въ деревнѣ у отца.

Не входя ни съ кѣмъ ни въ какія объясненія относительно своихъ намѣреній, онъ явился въ Управленіе, завѣдующее дѣлами военно-учебныхъ заведеній, и подалъ прошеніе объ увольненіи его въ отставку съ назначеніемъ ему половинной пенсіи, которую онъ, по своимъ соображеніямъ, считалъ вполнѣ выслуженной. Ему выразили удивленіе, что онъ, въ такія молодыя лѣта и такъ хорошо обставленный по службѣ, вдругъ вздумалъ оставить ее, да еще какъ разъ въ то время, когда только-что выслужилъ значительную добавку къ учительскому жалованью, которой-де и воспользоваться не придется. Тѣмъ не менѣе прошеніе приняли, предупредивъ только, что оно, какъ слѣдуетъ по закону, предварительно должно быть препровождено на заключеніе къ начальнику корпуса, въ которомъ Перепелкинъ служилъ, а по возвращеніи оттуда увольненіе послѣдуетъ немедленно, безъ всякихъ проволочекъ.

Вскорѣ получилось изъ столицы письмо такого содержанія, что это дескать, еще вопросъ, можетъ ли быть назначена половинная пенсія, такъ какъ для сокращенія срока на полученіе ея требуется прослужить въ привилегированной мѣстности не менѣе десяти лѣтъ не со дня назначенія на службу, а со дня вступленія въ отправленіе своихъ обязанностей и по день увольненія въ отпускъ. Когда Перепелкинъ сообразилъ все это, то увидѣлъ, что тутъ, дѣйствительно, есть недочетъ въ его службѣ, который и можетъ послужить основаніемъ къ отказу въ назначеніи ему половинной пенсіи, и немедленно телеграфировалъ директору корпуса, чтобы онъ не давалъ пока хода прошенію его объ увольненіи въ отставку.

Директоръ вскорѣ телеграфировалъ Перепелкину, чтобы онъ, раньше своего отъѣзда, непремѣнно извѣстилъ бы его телеграммой, согласенъ ли онъ будетъ исполнить въ отношеніи Б. то, что прежде предлагалось ему сдѣлать. Это значило извиниться предъ Б. въ мнимомъ оскорбленіи его дома. Перепелкинъ очень хорошо понималъ, что безъ этого условія возвращеніе его обратно на службу немыслимо, но все-таки медлилъ отвѣтомъ, поджидая письма отъ генерала, которое, наконецъ, и пришло, но заключало въ себѣ такія данныя, что старикъ-отецъ ужаснулся за сына и пришелъ въ великое недоумѣніе—какъ могъ онъ, при такихъ условіяхъ, оставаться десять лѣтъ на службѣ въ заведеніи дальняго края!

— Шутка ли—удивлялся старикъ—двумъ третямъ сослуживцевъ своихъ пришелся ты, сынку, не по нраву и не по вкусу, какъ видно изъ письма твоего начальника, который, очевидно, благоволитъ къ тебѣ! А все же, мнѣ кажется, это происходитъ единственно оттого, что ты—не въ укоръ будь тебѣ сказано—берешься не за свое дѣло—и дѣло обоюдуострое — учить всѣхъ и всему. Не одобряю я, сынку, этого, не одобряю, хотя ты и хорошій человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ. Умозаключаю не безъ основанія, что и добрый твой начальникъ одного со мною мнѣнія по сему вопросу.

„Едва только сдѣлалось извѣстнымъ“, писалъ директоръ, „что вамъ не удалось получить мѣсто и представляется неизбѣжнымъ воротиться назадъ, какъ затихшее было на время нерасположеніе къ вамъ стало выражаться, по крайней мѣрѣ, между двумя третями сослуживцевъ вашихъ въ формѣ такой непримиримой враждебности къ вамъ, что я счелъ необходимымъ потребовать отъ васъ прежде отъѣзда телеграммы съ категорическимъ выраженіемъ обѣщанія исполнить въ отношеніи Б. то, что всѣ уже теперь считаютъ необходимымъ, то есть извиниться предъ нимъ въ неумышленномъ оскорбленіи вами его дома. Это успокоитъ за васъ доброжелательныхъ къ вамъ, а враждебныхъ—лишитъ права роптать на меня и злиться“.

Оставивъ семью въ деревнѣ у отца, Перепелкинъ уѣхалъ обратно въ Сибирь.

Возвращеніе его въ городъ, имѣвшій въ числѣ другихъ знаменательныхъ кличекъ и наиболѣе идущую къ нему: „Непроницаемая муть“, возбудило въ добродушномъ педагогѣ сомнѣніе относительно враждебности къ нему не только двухъ третей сослуживцевъ, какъ показалось генералу, но даже и одного кого-либо изъ нихъ: такъ ловко умѣютъ маскировать свои чувства обитатели „Непроницаемой мути“. Что большинство, при первомъ свиданіи съ Перепелкинымъ, отнеслось къ нему весьма радушно—это не могло ему казаться ни подозрительнымъ, ни удивительнымъ, но что и лица изъ породы со-

вершенно неисправимыхъ Утягаевыхъ высказывали ему много пріязни—это не только удивило, но даже поразило Перепелкина до такой степени, что онъ, для разрѣшенія своего недоумѣнія по этому обстоятельству, обратился къ Уклонову съ запросомъ: не преувеличенно ли генералъ смотритъ на враждебныя отношенія нѣкоторыхъ сослуживцевъ къ нему, Перепелкину? Но Уклоновъ, бывшій и прежде всегда крайне осторожнымъ и осмотрительнымъ въ выраженіи своего мнѣнія, ничего не сказалъ. Тутъ же Перепелкинъ узналъ о назначеніи новаго Петра Ивановича (инспектора).

Настоящее время для шустрыхъ и неутомимыхъ дѣльцовъ было самое горячее: началось возведеніе, хозяйственнымъ способомъ, другой новой постройки, производились, по случаю преобразованія заведенія, и другія строительства въ видѣ облаченій, покрововъ и многихъ другихъ предметовъ новой формы и новымъ образомъ. Добродушный начальникъ заведенія все это чувствовалъ и постигалъ своею честною душой, но и противодѣйствовать въ одиночествѣ корыстнымъ замысламъ черной банды,—какъ онъ называлъ казнокрадовъ, — онъ находилъ себя не въ силахъ, тѣмъ болѣе, что и при содѣйствіи отъѣзжающаго Петра Ивановича къ охраненію казенныхъ интересовъ, было допущено со стороны ихъ обоихъ уже нѣсколько крупныхъ нелегальностей, вслѣдствіе ихъ неопытности въ подобныхъ дѣлахъ и необыкновенной ловкости практическихъ дѣльцовъ. Такъ между прочимъ вскорѣ выяснилось, что устраненіе подрядчика, взявшагося возвести это дорогое зданіе, забраковка его кирпича для того, чтобъ имѣть поводъ къ этому устраненію, равно какъ и представленіе о трудности, даже полной будто бы невозможности найти людей, а потому увѣрявшихъ, что хозяйственнымъ способомъ можно произвести постройку и лучше и выгоднѣе для казны. Честный генералъ выражалъ опасеніе, какъ бы не случилось для него такого несчастія въ этомъ дѣлѣ, что онъ оставилъ послѣ себя памятникъ, оскорбительный для его чести. Но онъ не дожилъ до окончанія постройки этого зданія, и вся честь полнаго завершенія ея, равно какъ и возведенія другаго цѣннаго зданія принадлежитъ уже безспорно и всецѣло преемнику его. А тотъ недолюбливалъ, когда по окончаніи и заселеніи этихъ чудовищныхъ строеній кому - нибудь приходилось указывать ему на вопіющіе недостатки.

Выстроенныя зданія, стоящія у прекрасной, многоводной рѣки, не имѣютъ ни водопроводовъ, ни ватерклозетовъ, а взамѣнъ послѣднихъ наполнены во всѣхъ этажахъ выгребными ящиками, изъ которыхъ выносятся экскременты, ежедневно по утру, выслужившимися солдатиками, при распространеніи такого зловонія по всѣмъ частямъ зданія, гдѣ помѣщены классы и дортуары воспитанниковъ, что оно

даетъ себя чувствовать долгое время спустя послѣ этой операціи. Посѣщавшая иногда заведеніе высшая власть края нерѣдко впослѣдствіи покрикивала: „Пожалуйста, господа, чтобы этой убійственной вони у васъ не было". А посѣщеніе происходило обыкновенно не ранѣе 12 часовъ по полудни.

Такимъ образомъ, очевидно было, что благоволеніе представителей черной банды къ Перепелкину, даже въ нѣкоторомъ родѣ замѣтное заискиваніе въ немъ вытекали изъ опасеній, возбуждаемыхъ такого рода предположеніями: не хитритъ ли онъ, дескать, притворяясь ничего не знающимъ и даже не слышавшимъ о назначеніи новаго инспектора, а на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, онъ хорошо съ нимъ знакомъ и, пожалуй, уже предупредилъ его кой-о-чемъ. Даже въ генералѣ было возбуждено кѣмъ-то сомнѣніе въ томъ, чтобы Перепелкинъ, проживъ столько времени въ столицѣ, и слыхомъ не слыхалъ о такомъ крупномъ для заведенія фактѣ, какъ назначеніе новаго инспектора. Наконецъ-то прибылъ въ Муть, съ нетерпѣніемъ и страхомъ со стороны нѣкоторыхъ лицъ поджидаемый господинъ Тупицынъ. Это былъ человѣкъ, вполнѣ оправдывавшій свою фамилію, то есть въ такой степени лишенный какихъ бы то ни было дарованій, пригодныхъ къ выполненію обязанностей по своему назначенію, что даже люди, вовсе не требовательные по этой части, были поражены всестороннею круглою бездарностью его, которую какъ ни старался онъ маскировать, но она оказывалась во всемъ и для всѣхъ. Впослѣдствіи доходило до того, что онъ оказывался неспособнымъ не только выполнять, но даже понимать смыслъ письменныхъ требованій высшаго начальства. Со стороны послѣдняго было затребовано однажды мнѣніе заведенія по нѣкоторымъ вопросамъ педагогическаго свойства. Начальникъ заведенія, прочитавъ въ педагогической конференціи это требованіе, предложилъ служащимъ приготовить къ слѣдующему засѣданію письменные устные отвѣты по каждому пункту отдѣльно для общаго обсужденія ихъ. Тупицынъ, къ общему удивленію, приготовилъ нѣчто письменное. Всегда молчаливый на конференціяхъ, не высказывавшій на словахъ никакого мнѣнія ни за, ни про, онъ, судя по торжественнымъ, хотя и робкимъ пріемамъ, съ какими онъ вынулъ изъ кармана бумаги и разложилъ ихъ передъ собою на столѣ, очевидно, хотѣлъ озадачить членовъ конференціи. И дѣйствительно озадачилъ.

— Вотъ это хорошо, что и вы, Ѳома Ѳомичъ, потрудились приготовить письменные отвѣты на предложенные пункты . . . съ васъ и начнемъ, отнесся къ нему съ ласковой улыбкой добродушный начальникъ.

Тупицынъ скромно, хотя не безъ нѣкотораго жеманства, голосомъ,

не лишеннымъ пріятности, прочелъ нѣчто очень хитрое и туманное, прочелъ и съ любопытствомъ оглянулъ всѣхъ, начиная съ генерала. Не встрѣтивъ, кромѣ удивленія, ни съ чьей стороны ни возраженій, ни замѣчаній, онъ сталъ читать далѣе голосомъ еще болѣе пріятнымъ и смѣлѣе, какъ вдругъ Перепелкинъ остановилъ его словами:

— Позвольте васъ спросить, Ѳома Ѳомичъ, къ какимъ пунктамъ относится то, что вы прочли раньше и что начали теперь читать?

— Я то же самое хотѣлъ спросить, сказалъ генералъ.

— Какъ къ какимъ? растерянно отвѣчалъ Тупицынъ, перебирая бумажки и глазами ища въ нихъ чего-то, я, вѣдь, по порядку, на каждый пунктъ отвѣчаю отдѣльно.

— Это самое лучшее... я такъ и просилъ сдѣлать, замѣтилъ начальникъ.

— Такъ вы потрудитесь прочесть прежде первый запросный пунктъ, а потомъ свой отвѣтъ на него, настаивалъ Перепелкинъ.

— Да, да... такъ это лучше будетъ: сперва запросъ, а потомъ свой отвѣтъ на него, пояснилъ генералъ.

Тупицынъ прочелъ внятно и тѣмъ же, не лишеннымъ пріятности, голосомъ, первый пунктъ запроса и первый свой отвѣтъ на него, собирался читать такъ же и дальше, сообразивъ, повидимому, что удовлетворилъ вполнѣ любопытствующихъ, но невоздержанный на языкъ Перепелкинъ опять прервалъ его:

— Но позвольте, Ѳома Ѳомичъ: что же общаго между запроснымъ пунктомъ и отвѣтомъ вашимъ на него?

Тупицынъ обвелъ всѣхъ глазами и, ничего не отвѣтивъ на вопросъ Перепелкина, прочелъ второй запросный пунктъ и свой отвѣтъ на него.

— Извините: опять я долженъ сказать, что никакого отношенія не вижу и здѣсь между вторымъ запроснымъ пунктомъ и вашимъ отвѣтомъ на него. По моему мнѣнію, отвѣчать такъ на запросные пункты, какъ вы отвѣчаете, все равно, какъ если бы я на вопросъ, какъ меня зовутъ, отвѣтилъ бы, что сегодня хорошая погода, сказалъ Перепелкинъ.

Тупицынъ совершенно спокойно по-прежнему обвелъ всѣхъ глазами, собралъ всѣ бумажки съ хитрыми отвѣтами, сложилъ ихъ неторопливо, съ машинальною аккуратностью, и, пихнувъ въ карманъ, ни слова не сказалъ во всю конференцію. Такъ обсужденіе предложенныхъ запросовъ и закончилось безъ малѣйшаго участія въ нихъ со стороны Тупицына.

Вотъ какимъ оказался впослѣдствіи и даже въ скоромъ времени, новый Петръ Ивановичъ со стороны способностей, необходимыхъ для отправленія прямыхъ своихъ обязанностей, быть главнымъ помощ-

никомъ начальника заведенія, преимущественно, по педагогической части. Но, совершенно безталантный по этой части, онъ имѣлъ недюжинныя и даже многостороннія дарованія по другимъ житейскимъ дѣламъ, хотя изъ скромности не только не рисовался ими, но даже обнаруживалъ ихъ полегоньку, потихоньку, съ большою осторожностію, за то ужъ съ вѣрнѣйшимъ разсчетомъ на успѣхъ. Замѣчательно, что почти всѣ учителя и большинство лучшихъ воспитателей ясно видѣли и понимали полную его несостоятельность, но какъ-то удивительно равнодушно относились къ этому обстоятельству и, за весьма немногими исключеніями, никто не выражалъ сожалѣнія, что съ такими отрицательными свойствами явился человѣкъ какъ разъ въ то время, когда, по случаю переформированія заведенія, требовалась особенно напряженная дѣятельность со стороны всѣхъ служащихъ. Болѣе всѣхъ сокрушался такою бездарностію своего помощника почтенный генералъ, въ интимномъ кружкѣ близкихъ къ нему лицъ жаловавшійся на свою судьбу, что именно въ такое горячее время, какъ бы въ насмѣшку, присланъ ему помощникомъ этотъ человѣкъ. Перепелкина на первыхъ порахъ одно удивляло, какъ у этого человѣка, повидимому, очень робкаго и осторожнаго, достало смѣлости проситься на такое мѣсто, на которомъ и первый Петръ Ивановичъ, даровитый и чрезвычайно опытный въ веденіи дѣлъ, навѣрное, искренно сознался бы въ трудности направлять дѣятельность даже однихъ воспитателей, такъ какъ на нихъ новыми положеніями возлагалось много и при томъ очень сложныхъ обязанностей по уходу за правильнымъ развитіемъ физическихъ и духовныхъ силъ ввѣренныхъ имъ дѣтей. Но пришлось еще больше удивляться беззастѣнчивости и нецеремонности этого по внѣшности благовоспитаннаго человѣка, когда стали получаться извѣстія, что онъ не новичекъ въ этой должности, а состоялъ уже на ней нѣкоторое время въ одномъ изъ провинціальныхъ корпусовъ, но умный и энергичный начальникъ этого заведенія предложилъ ему убраться оттуда, мотивируя свое предложеніе откровеннымъ объясненіемъ, что онъ предпочтетъ лучше остаться безъ всякаго помощника, чѣмъ имѣть таковаго въ лицѣ бездарномъ. Отписалъ ли этотъ умный начальникъ, куда слѣдуетъ, объ открытыхъ качествахъ удаляемаго имъ помощника—неизвѣстно, и скорѣе, надо думать, что нѣтъ.

Съ назначеніемъ Тупицына инспекторомъ въ корпусѣ все пошло назадъ.

Но все это опредѣлилось и выяснилось только впослѣдствіи, постепенно, въ немаленькій періодъ времени; на первыхъ же порахъ и предвидѣть такихъ результатовъ отъ пассивной дѣятельности одного ничтожно-мелочнаго человѣка, хотя бы и въ качествѣ запра-

вилы педагогическихъ дѣлъ, никакъ нельзя было. Въ это же время онъ получилъ письмо.

Слова, сказанныя Тупицынымъ, при первомъ свиданіи съ Перенѣкинымъ, что онъ желалъ бы „пользоваться расположеніемъ Саввы Саввича", показались идеалисту-педагогу искренними, и онъ, отправляясь за семействомъ въ Малороссію, часто, на основаніи этихъ словъ, разсуждалъ, что хотя новый Петръ Ивановичъ, по своей части нищенски бѣденъ смысломъ, но человѣкъ-то онъ, кажется, добрый, завистію, повидимому, тоже не одержимъ, а потому, навѣрное, каждому изъ преподающихъ и воспитывающихъ если и не съумѣетъ посодѣйствовать, то ужъ за то и не будетъ препятствовать достигать цѣлей, которыя легли въ основу реформы корпусовъ.

„Вы благодушествуете въ обширномъ своемъ гнѣздышкѣ, которому иные, неизвѣстно почему, даютъ уже названіе палаццо,—писалъ ему, очевидно, тотъ самый доброжелательный человѣкъ, который два года тому назадъ предупреждалъ его насчетъ клубной исторіи,—и, благодушествуя въ одиночку, распространяете вокругъ себя оптимистическія мнѣнія, что счастье возможно на землѣ, только надо съ энергіей стремиться къ нему, а того не замѣчаете, что творится у васъ и какая гроза собирается надъ вашей головой — гроза, повергшая добродушнаго начальника въ такое глубокое уныніе, что онъ ходитъ теперь угрюмый и мрачный, какъ самая черная туча. Вамъ слѣдуетъ съ нимъ объясниться, непремѣнно, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Дѣло вотъ въ чемъ: Утягаевы, Таскаловы и Загребаевы, пользуясь расположеніемъ Тупицына и руководимые бывшимъ подъ вашею опекою эксъ-словесникомъ, задумали обвинить васъ въ развращеніи юношества, путемъ ознакомленія ихъ съ сочиненіями Гоголя, послѣдствіемъ чего явилась-де у нихъ наклонность къ наблюдательности и критикованію всего, чего имъ и знать не слѣдуетъ. Въ доказательство всего этого предоставленъ ему иллюстрированный журналъ, который завели у себя воспитанники, куда заносили ежедневныя свои наблюденія надъ постройкой новаго дорогаго зданія подъ пансіонъ, хозяйственнымъ способомъ воздвигаемаго на глазахъ учащихся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ихъ классовъ. Здѣсь же приводятся и соображенія съ наглядными доказательствами, во сколько разъ зданіе обошлось бы дешевле казнѣ уже при одномъ учетѣ рабочихъ и платы имъ, если бы строителями его были не хищники, а люди честные, такъ какъ оффиціальныя показанія по этимъ двумъ статьямъ далеко расходятся съ тѣмъ, что представляетъ дѣйствительность, ежедневно провѣряется ими, путемъ разспросовъ у рабочихъ и личными наблюденіями. Все это представлено не безъ знанія техники дѣла. Видно, что упраздненная за нѣсколько лѣтъ до пре-

образованія каѳедра архитектуры существовала здѣсь не даромъ. Что здѣсь, дѣйствительно, происходитъ теперь не просто кража, а положительно денной грабежъ — всѣ это чувствуютъ, знаютъ и понимаютъ. Но поймите же и вы, какъ не безопасно ваше положеніе, если орда бандитовъ, опять противъ васъ еще съ пущей злостью, станетъ постепенно утверждать въ мысляхъ всѣхъ и каждаго, что у васъ только и дѣла, только тѣмъ и занимаетесь, что учите юношество наблюденіямъ надъ слабостями людскими".

Перепелкинъ немедленно полетѣлъ съ письмомъ къ генералу, котораго засталъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа.

— Я очень радъ, что вы пришли ко мнѣ, сказалъ онъ, вчера я самъ хотѣлъ завернуть къ вамъ, да раздумалъ, а нынче, вотъ даже теперь, сейчасъ, собрался написать вамъ объ одномъ, очень удручающемъ меня, обстоятельствѣ. Сперва просмотрите вотъ эту вещицу и скажите мнѣ откровенно свое мнѣніе о ней.

Предложенная на разсмотрѣніе педагога вещица была не что иное, какъ журналъ воспитанниковъ, по поводу котораго получено Перепелкинымъ письмо отъ неизвѣстнаго ему доброжелателя. Это была объемистая брошюрованная тетрадь, съ аллегорическими рисунками на заглавномъ листѣ и каррикатурными, очевидно, иллюстрирующими содержаніе текста, на другихъ.

Перепелкинъ, съ своей стороны, подалъ генералу для прочтенія полученное анонимное письмо.

Оба внимательно занялись взаимно другъ другу предложенными вещицами и хранили нѣсколько минутъ глубокое молчаніе, которое на секунду только было прервано появленіемъ въ кабинетѣ вѣстоваго съ докладомъ о приходѣ Тупицына, но генералъ съ замѣтнымъ негодованіемъ велѣлъ ему сказать, что приметъ его часа черезъ два, а теперь не можетъ.

Перепелкинъ увидѣлъ въ журналѣ эскизы крупныхъ хищниковъ, недурно схваченныхъ въ рисункахъ карандашомъ и въ очень мѣткихъ разсказахъ, недурно схваченныхъ и охарактеризованныхъ бойкимъ перомъ. Сличилъ представленныя здѣсь копіи съ оффиціальныхъ вѣдомостей за продолжительное время о числѣ рабочихъ и размѣрахъ получаемой ими платы съ цифровыми показаніями производившихъ наблюденія и разспросы у рабочихъ, и пришелъ въ ужасъ, который выразился даже на его лицѣ, отъ надувательскихъ, мошенническихъ картинъ.

— Ну, что вы на это скажете? обратился къ педагогу съ вопросомъ генералъ, лицо котораго, и безъ того почти всегда мрачное, закручинилось и затуманилось теперь такъ, что Перепелкину стало жаль его; онъ даже боялся, какъ бы съ нимъ не случилось чего

вродѣ удара, и онъ хотѣлъ было воздержаться на этотъ разъ отъ выраженія тѣхъ мыслей, которыя заходили у него теперь въ головѣ. Но генералъ настойчиво требовалъ, чтобы онъ, со свойственною ему откровенностью, высказался и о томъ, какъ поступить въ этомъ случаѣ съ редакторами журнала (онъ назвалъ пятерыхъ изъ воспитанниковъ старшаго класса), и о томъ, какъ отнестись къ злобной бандѣ, очевидно, подкапывающейся опять подъ него, Перепелкина, и затѣявшей этотъ подкопъ не только не безъ умысла, сообща обдуманнаго, но даже дѣйствующей теперь совершенно безбоязненно, смѣло и, такъ сказать, скопомъ.

Послѣднее обстоятельство взорвало педагога, и онъ уже, если бы и желалъ даже того, не могъ удержаться, чтобы не выразить полнаго и бурнаго негодованія противъ хищнической шайки.

— Вы не думайте, впрочемъ, чтобы я стоялъ за этихъ людей, остановилъ въ ту же минуту генералъ расходившагося педагога, какъ бы желая дать ему время успокоиться или считалъ бы себя оскорбленнымъ въ лицѣ ихъ. Нѣтъ, я далекъ отъ всего этого, потому что, дѣйствительно, это—безчестные хищники. На-дняхъ, вѣдь, вотъ какой былъ случай. Я спрашиваю смотрителя дома, что вы не посылаете мнѣ вѣстовымъ Герасима. Онъ расторопнѣе всѣхъ другихъ. Герасимъ въ госпиталѣ, отвѣчаетъ Загребаевъ. „Давно ли и чѣмъ боленъ?“ Да ужъ съ мѣсяцъ лежитъ, простудился, должно быть. Меньшой мой сынъ любилъ этого солдатика и вызвался сейчасъ же навѣстить его въ госпиталѣ и снести ему денегъ.

— Ну, какъ ты нашелъ его?—спрашиваю сына, по возвращеніи его изъ госпиталя.

— Да онъ плохъ: надорвался, говоритъ, таскавши кирпичи изъ бани.

— Какіе кирпичи?

— Генералъ, говоритъ, приказалъ сдѣлать каменную дорожку на дворѣ отъ классовъ до роты, да живо и повыше. Ну, Загребаевъ и велѣлъ послѣ обѣда всѣмъ служителямъ приняться за работу. Одни въ мѣшкахъ таскали изъ бани кирпичъ отъ разобранныхъ старыхъ печей, другіе укладывали дорожку и засыпали пескомъ. А Загребаевъ знай приказываетъ: живѣй да живѣй! Ну, и надорвался. Почти до полночи маялись, да и рано утромъ часа два утрамбовывали. Можете себѣ представить, какъ эта простодушная повѣсть возмутила меня. Я, дѣйствительно, приказалъ Загребаеву сдѣлать дорожку, но не своими людьми, а наемными со стороны, употребивъ на это дѣло кирпичъ, тутъ же стоящій у вновь возводимаго зданія. Дорожка на другой день была готова, сдѣлали хорошо, прочно и я поблагодарилъ смотрителя дома за его аккуратную исполнительность. Правда,

увидѣвъ выведенные въ расходъ на этотъ предметъ 28 рублей, я поморщился и не могъ про себя не подумать: не забылъ-таки себя Загребаевъ и здѣсь, въ маленькомъ дѣльцѣ. Поморщился, но сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе по этому поводу, въ виду болѣе крупныхъ хищеній, у меня, признаться, духу не хватило. А между тѣмъ теперь оказывается, что все это стоило только одинъ рубль, который онъ отъ себя далъ солдатамъ на водку.

— Что же, все-таки такъ это и сойдетъ ему съ рукъ?—полюбопытствовалъ педагогъ.

Генералъ крѣпко сжалъ губы и прошелся по комнатѣ. Остановившись затѣмъ предъ Перепелкинымъ, онъ развелъ руками, какъ бы говоря: а что же тутъ подѣлаешь!

— Вотъ въ томъ-то и бѣда, ваше превосходительство, что честныхъ людей мошенники да воры одолѣваютъ. Вѣдь, согласитесь, что это самое больное мѣсто въ организмѣ нашего государства: на казенныхъ подрядахъ, поставкахъ, постройкахъ, кормленіи, обшиваніи и проч. просто грабежъ производится воочію всѣхъ. Какъ же вы хотите, чтобы укрѣпилась вѣра въ Бога, очищалась нравственность, водворялось уваженіе къ закону и не развращалось юношество, когда они видятъ, какія кругомъ творятся беззаконія?

— Ну, да что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? — перебилъ онъ съ нетерпѣніемъ педагога, уставившись на него разсерженными глазами.

— Я? я... выгналъ бы смотрителя дома изъ...

— Ну, ну, ну! замахалъ руками мягкосердечный генералъ.

— Я такъ говорю, ваше превосходительство, не по жестокости характера... я гуманный человѣкъ, но именно изъ гуманности и выгналъ бы его, чтобы онъ не служилъ примѣромъ для другихъ, не развращалъ бы юношей, которые хорошо знаютъ всѣ его плутни и всю его жизнь. Вѣдь этого мало, что онъ явно грабитъ казну, онъ еще и въ семейной жизни жестокій злодѣй. Кому здѣсь не извѣстно, какъ онъ тиранилъ свою молодую, ни въ чемъ предъ нимъ неповинную жену, ежедневно браня и колотя ее за какую-то недодачу въ приданомъ? Развѣ не онъ запиралъ эту несчастную часто въ холодный подвалъ, заставлялъ ее ухаживать за своею любовницею, съ которою давно жилъ открыто, пока, наконецъ, не поселился у ней, прогнавъ измученную жену и не давая ей никакихъ средствъ къ жизни. Такого ли человѣка жалѣть и щадить, у котораго дѣтей нѣтъ, а награбленныхъ денегъ столько, что онъ ужъ и не знаетъ, что съ ними дѣлать и какъ бы для потѣхи ежемѣсячно выписываетъ изъ-за границы на значительныя суммы массу разнообразнѣйшихъ минеральныхъ водъ?

— Все это такъ... тѣмъ не менѣе... Да не въ этомъ, впрочемъ, теперь дѣло. Намъ предстоитъ рѣшить два вопроса: какъ поступить съ редакторами журнала и какой modus vivendi вамъ слѣдовало бы установить по отношенію къ черной бандѣ, чтобы она оставила васъ въ покоѣ и не подкапывалась подъ васъ, обвиняя въ развращеніи юношества путемъ ознакомленія его съ сатирическими сочиненіями.

Перепелкинъ опять началъ раздражаться.

— По-моему, заговорилъ онъ скоро и рѣзко, подвергать строгому взысканію редакторовъ не слѣдуетъ и даже небезопасно въ виду сильнаго возбужденія ихъ противъ казнокрадовъ, но вразумить ихъ надо, сдѣлавъ внушеніе, что имъ слѣдуетъ заниматься науками, а не наблюденіями за постройками и изданіемъ каррикатурныхъ журналовъ. Объ этомъ и я, съ своей стороны, готовъ сказать имъ многое. Что же касается черной банды, то установлять какой-нибудь modus vivendi съ ней я и не думаю. Если же они будутъ продолжать подкопы, то и я оффиціально потребую строгаго разслѣдованія по всѣмъ пунктамъ ихъ обвиненій.

Послѣднія слова Перепелкина, въ энергичной формѣ переданныя генераломъ двумъ выдающимся представителямъ черной банды, повидимому, не безслѣдно прошли для педагога: почти на два года его оставили въ покоѣ. Впрочемъ, это не значитъ, чтобы клеветать на него перестали, но, по крайней мѣрѣ, со стороны бандистовъ ничего не дѣлалось и не предпринималось такого, что̀ явно свидѣтельствовало бы о желаніи выжить педагога изъ заведенія, во что бы то ни стало. И этому уже былъ радъ Перепелкинъ.

Два года, дѣйствительно, прошли для него такъ мирно, что онъ и въ самомъ дѣлѣ вообразилъ себѣ, что отчужденіемъ отъ общества ему удалось, наконецъ, установить сносный modus vivendi съ бандистами. Между тѣмъ, съ прибытіемъ Тупицына все шло въ разбродъ: кто въ лѣсъ, кто по дрова. Общаго соглашенія по какимъ-нибудь важнымъ вопросамъ, вытекавшимъ изъ личныхъ наблюденій воспитателей или единодушныхъ усилій для преслѣдованія какихъ-либо серьезныхъ задачъ по нравственно-образовательному воспитанію юношества, не существовало даже и въ помыслахъ. Къ тому же начались интриги, во главѣ которыхъ стоялъ преподаватель, когда-то спасенный Перепелкинымъ. Онъ забылъ, что Перепелкинъ далъ ему возможность не только продолжать службу, но и выслужить пенсію. Вскорѣ, впрочемъ, онъ и умеръ.

—Возьмите вашего младшаго сына изъ корпуса, а не то придется его исключить.

Такою неожиданною рѣчью встрѣтилъ однажды Перепелкина добродушный директоръ.

— Что же такое онъ сдѣлалъ? Въ чемъ провинился?

— Жалобъ на него не оберешься со всѣхъ сторонъ: шалитъ, грубитъ, не слушается.

— Однимъ словомъ, дѣлаетъ то, что и другіе, говорилъ озадаченный педагогъ, но вѣдь для этого есть пятнадцать человѣкъ воспитателей, чтобы сдерживать необузданность школьниковъ.

— Видите, что я вамъ долженъ сказать, Савва Саввичъ, заговорилъ въ другомъ тонѣ генералъ, принявъ серьезный, озабоченный видъ; что сходитъ часто дѣтямъ другихъ, то никакъ не можетъ сойти вашимъ дѣтямъ, потому что у васъ теперь много недоброжелателей. Двѣ недѣли уже пилятъ меня изъ-за вашего сына, а сегодня Вѣсовъ чуть-ли не въ десятый разъ пожаловался мнѣ, что вашъ сынъ составляетъ для него настоящую пытку шалостями и непослушаніемъ.

Перепелкинъ взялъ этого сына изъ заведенія.

Черезъ два мѣсяца пришлось взять и старшаго, все также вслѣдствіе тѣхъ же жалобъ, что и съ этимъ нѣтъ никакой возможности справляться. Генералъ не настаивалъ, что его непремѣнно надо взять изъ заведенія, но выражалъ опасенія, какъ-бы придирками къ нему не вывели его изъ терпѣнія и онъ не сдѣлалъ бы чего такого, за что пришлось бы его исключить. А между тѣмъ это были воспитанники, которые въ этомъ же году только за три мѣсяца предъ этими напастями поддержали честь заведенія хорошими отвѣтами по французскому языку и естественной исторіи въ присутствіи пріѣхавшаго по инспекціи генерала, и жалобъ на ихъ поведеніе въ продолженіе трехъ лѣтъ не слышалось до тѣхъ поръ ни откуда.

Наступилъ для Перепелкина тяжкій періодъ жизни, когда уже приходилось философствовать по поводу разныхъ злосчастныхъ положеній, столкновеній и недоразумѣній, отравляющихъ жизнь другихъ, а самому нести тяжелый крестъ, отбиваясь всячески отъ разныхъ бѣдъ и напастей такого свойства, что, пожалуй, могутъ показаться даже невѣроятными. Одна бѣда не проходитъ, говорятъ, а непремѣнно ведетъ за собою и другія по народной пословицѣ: идетъ бѣда, отворяй ворота. Хозяйство по-прежнему велось женою безтолково, долги росли, а между тѣмъ необходимо нужно было имѣть учителей по математическимъ наукамъ. Другими предметами занимался съ дѣтьми самъ Перепелкинъ. Отбывъ пять или шесть лекцій ежедневно въ заведеніи, онъ долженъ былъ не менѣе пяти часовъ употреблять на занятія съ своими дѣтьми. Кромѣ того ежедневно предстояло пересмотрѣть массу письменныхъ работъ кадетъ. Этимъ послѣднимъ дѣломъ приходилось большею частію заниматься по ночамъ, при усиленномъ освѣщеніи. Разнокалиберный и иногда весьма неразборчи-

вый дѣтскій почеркъ часто давалъ себя чувствовать глазамъ педагога, но ему никогда и въ голову не приходило, чтобы въ одну изъ ночей онъ лишился зрѣнія въ одномъ глазѣ.

Положеніе больнаго, большесемейнаго человѣка, потерявшаго зрѣніе въ одномъ глазѣ и рискующаго потерять его и въ другомъ, было крайне безотрадное. Въ домѣ наступила полная безурядица.

Денежныя обстоятельства тоже до крайности были плохи. Долговъ и раньше накопилось много, а по случаю болѣзни главы дома и найма учителей для занятій съ дѣтьми, пришлось задолжать еще больше. Между тѣмъ больной былъ уже предупрежденъ, что вслѣдствіе предстоящаго ему неизбѣжнаго продолжительнаго отпуска, какъ и въ виду серьезности его болѣзни и неизвѣстности исхода ея, приглашаются изъ столицы двое учителей, къ которымъ и отойдетъ большая часть его уроковъ. Но это обстоятельство еще не такъ пугало, какъ другія: во-первыхъ, онъ выслужилъ уже пенсію и съ полгода получаетъ ее на службѣ, во-вторыхъ, какъ разъ теперь наступилъ срокъ новой прибавки къ жалованію за третье пятилѣтіе службы въ привилегированномъ краю, и прибавка эта въ четыре раза будетъ больше предыдущей, такъ какъ она должна быть назначена уже на основаніи того положенія, какое послужило ему приманкой къ переходу на службу въ эту даль и какимъ противозаконно не дали ему воспользоваться при назначеніи ея за второе пятилѣтіе.

Больше всего озабочивали Перепелкина мысли о распущенности дѣтей, неудовлетворительности ихъ занятій, неумѣлости жены справляться съ ними, наконецъ, боязнь за исходъ болѣзни: предвидѣлась операція, а, вѣдь, Богъ знаетъ, будетъ ли она удачна, вынесетъ ли онъ ее. Эти мысли были такъ безотрадны, что не давали покоя. Къ этому присоединилось еще затрудненіе достать денегъ для поѣздки въ Петербургъ. Требовалось ихъ не менѣе пятисотъ рублей, а возникало сомнѣніе, разрѣшатъ ли выдать въ ссуду больному человѣку такую сумму бандиты, главные заправилы ссудо-сберегательной кассы, какъ самые крупные вкладчики въ нее. Правда, по этой части успокоивалъ его добродушный начальникъ заведенія, предвидѣвшій это обстоятельство и заранѣе объявившій, что онъ возьметъ потребную сумму, хотя бы и болѣе, 500 рублей, подъ собственное обезпеченіе, изъ ссудо-сберегательной кассы, въ случаѣ, если главные вкладчики ея, заклятые враги Перепелкина, не разрѣшатъ ему выдачи. Перепелкину сильно не хотѣлось пользоваться великодушіемъ генерала, человѣка, бѣднаго средствами къ жизни и кромѣ того выплачивавшаго по частямъ долги сына, надѣланные послѣднимъ на службѣ въ одномъ изъ полковъ столицы.

Не доставъ нигдѣ денегъ, онъ по необходимости воспользовался

любезностью директора, который упрекнулъ Перепелкина за то, что онъ старается отдѣлаться отъ его предложенія: „Я знаю, говорилъ онъ, что въ теперешнемъ вашемъ положеніи ссуды ни отъ кого не получить вамъ здѣсь, а потому я приказалъ завѣдующему нашей сберегательной кассой выдать вамъ 500 рублей подъ мою личную и имущественную гарантію".

Отпускъ уже давно былъ разрѣшенъ изъ столицы, но Перепелкинъ, по совѣту гуманныхъ и доброжелательныхъ ему врачей корпуса, могъ выѣхать только во второй половинѣ іюня, но, отъѣхавъ двѣ станціи, вынужденъ былъ вернуться назадъ: свѣтобоязнь, совсѣмъ ужъ было проходившая, опять начала его безпокоить и къ концу второй станціи усилилась до того, что продолжать путь было не только рискованно, но и положительно невозможно. Нѣсколько поправившись, онъ продолжалъ путь.

Прибывъ въ столицу, Перепелкинъ немедленно отправился къ окулисту. Въ этотъ же день, вечеромъ, ему удалось побывать у знаменитаго профессора-окулиста Ю. Онъ долго разсматривалъ испорченный уцѣлѣвшій глазъ, а по окончаніи осмотра рѣшилъ, что дѣло обойдется безъ операціи.

Между тѣмъ отъ директора корпуса было получено имъ письмо, заставившее его немедленно оставить столицу и поспѣшить домой, къ семейству.

Въ письмѣ этомъ, между прочимъ, говорилось:

„Не можете ли вы черезъ знакомыхъ учителей хорошенько разузнать, что за личности присланы къ намъ изъ педагогическихъ курсовъ, въ лицѣ преподавателя русскаго языка Н. и француза М. Оба они повели себя въ отношеніи васъ, нѣкоторыхъ другихъ преподавателей и даже меня дерзко, нахально, нечестно. И не для мнительнаго человѣка можетъ казаться, что дѣйствуютъ они такъ не спроста. Они приняли на себя роль ревизоровъ по части преподаванія русскаго и французскаго языковъ, но первый сейчасъ же и попалъ въ просакъ. Въ одномъ изъ доставшихся ему вашихъ классовъ онъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ дѣлалъ частыя диктовки съ единственною цѣлью доказать, какъ слабы въ правописаніи были воспитанники у васъ и какъ быстро стали успѣвать по этой части у него. Подсчитаны ошибки и сдѣланъ выводъ, на сколько процентовъ сталъ классъ выше въ этомъ отношеніи противъ прежняго. Онъ заявилъ объ этомъ въ общемъ педагогическомъ засѣданіи и въ доказательство выложилъ на столѣ передо мной тетрадки. Я сталъ разсматривать ихъ, попросили позволенія и другіе взглянуть на нихъ—и что же оказалось? Ошибки подсчитаны и опредѣлены неправильно, и я объявилъ, что вопросъ объ этомъ будетъ разрѣшаться по прибытіи вашемъ, а до этого при-

казалъ отдѣленному внимательно тетрадки беречь у себя. Другой педагогъ, преподаватель французскаго языка, выжилъ-таки нашего почтеннаго француза Ф. Онъ объявилъ мнѣ, что для него недостаточно имѣть 20 уроковъ и что я долженъ отобрать у Ф., какъ вольнонаемнаго, еще нѣсколько. Когда я сообщилъ объ этомъ Ф., онъ совсѣмъ отказался отъ уроковъ. Объясненія со мной этого новопріѣзжаго француза были такъ дерзки, нахальны, что я отнесся по начальству съ запросомъ, какихъ мѣръ держаться въ отношеніи его, чтобы не терять мнѣ своего престижа".

Если бы не порученіе разузнать, что за личности эти педагоги, то Перепелкинъ немедленно уѣхалъ бы изъ столицы; но это обстоятельство задержало его дня на три. Узналъ-то онъ, впрочемъ, мало относительно даннаго вопроса: „французъ-де человѣкъ неглупый и изъ него со временемъ можетъ выработаться недюжинный преподаватель; русскій же—полная бездарность и кромѣ пустоты и скуки ничего не внесетъ въ классъ". Что же касается ихъ другихъ свойствъ, равно какъ и нечестныхъ пріемовъ, употребляемыхъ ими къ занятію наивозможно большаго числа уроковъ путемъ выживанія старыхъ учителей, то свѣдѣній о томъ никакихъ не оказалось. Говорили, правда, вообще, что на претенціозность и заносчивость выпускаемыхъ изъ петербургскихъ педагогическихъ курсовъ были уже жалобы изъ разныхъ корпусовъ, съ добавленіемъ, что возлагавшіяся на нихъ надежды не оправдались, за весьма немногими исключеніями.

Перепелкинъ прибылъ домой и явился на службу раньше истеченія срока отпуска, чѣмъ былъ до крайности изумленъ Тупицынъ.

„Не только изумленъ, но даже очень встревоженъ, говорили товарищи Перепелкина; онъ сдѣлалъ въ отношеніи васъ такую подлость, которая непремѣнно должна открыться на предстоящемъ общемъ педагогическомъ засѣданіи. Вотъ вы увидите, въ чемъ дѣло".

Это засѣданіе директоръ открылъ слѣдующими словами: „Вопросъ о методахъ преподаванія русскаго языка мы отложили до пріѣзда Саввы Саввича, такъ какъ представленныя новопріѣзжимъ педагогомъ ученическія диктовки подали послѣднему поводъ къ выводамъ, неблагопріятнымъ для дѣятельности перваго. Теперь я попрошу Савву Саввича, равно какъ и всѣхъ, интересующихся этимъ вопросомъ, внимательно пересмотрѣть эти диктовки и установить правильную точку зрѣнія на дѣло, по-моему, большой важности.

Тупицынъ и новопріѣзжій педагогъ видимо растерялись. При чемъ же тутъ Тупицынъ? подумалъ Перепелкинъ, которому было неизвѣстно, что еще до представленія упомянутыхъ диктовокъ въ общее засѣданіе педагогическаго комитета, была частная конференція изъ преподавателей русскаго языка, плодомъ которой былъ протоколъ, правда, ни

кѣмъ еще не подписанный, но по содержанію извѣстный уже многимъ, и въ которомъ, между прочимъ, значилось, что малоуспѣшность воспитанниковъ 3-го класса въ орѳографіи надо отнести не къ слабымъ способностямъ ихъ, а къ неправильной методѣ прежняго преподаванія.

По разсмотрѣніи тетрадокъ всѣми, интересовавшимися этимъ вопросомъ, установилось общее мнѣніе, сейчасъ же и выраженное, что тутъ допущена небрежность или недобросовѣстность новопріѣзжаго педагога въ отношеніи количества и качества ошибокъ. На всѣхъ тетрадкахъ стояли даты, когда происходила диктовка; даты эти сдѣланы рукой преподавателя и по нимъ легко было прослѣдить, какъ прогрессивно падала грамотность этого класса съ переходомъ его отъ Перепелкина къ новому преподавателю. Несмотря на всю придирчивость къ первымъ диктовкамъ, въ которыхъ даже простая описка (вродѣ превалъ, вмѣсто прервалъ) и неправильный переносъ слова были отнесены къ числу грубыхъ ошибокъ, на что вовсе уже не обращалось вниманія въ послѣдующихъ, все-таки для всѣхъ было ясно, что классъ значительно понизился у новаго преподавателя, какъ по количеству дѣлаемыхъ ошибокъ въ орѳографіи, но почему-то незамѣченныхъ преподающимъ, такъ и по качеству ихъ.

— На какомъ же основаніи сдѣланы неблагопріятные для моего преподаванія выводы? сдѣлалъ Перепелкинъ запросъ, ни къ кому не обращаясь.

Всѣ ждали съ видимымъ нетерпѣніемъ, что же скажутъ на это Тупицынъ и новопріѣзжій педагогъ, какъ виновники неслыханно дерзкой наглости.

Оба, очевидно, переконфуженные и растерявшіеся, упорно молчали. Первый, по обыкновенію, озабоченно перебиралъ какія-то бумажки, лежавшія предъ нимъ на столѣ, и притворялся углубленнымъ въ свое дѣло до того, что будто и не слышалъ, о чемъ идетъ рѣчь. Послѣдній сидѣлъ потупившись и ни разу ни на кого не взглянулъ. Онъ очнулся только тогда, когда его обезпокоили прямымъ предложеніемъ взглянуть на представленныя имъ диктовки и убѣдиться, что выводы, сдѣланные имъ, произвольны и что перевѣсъ успѣховъ по орѳографіи, опредѣляемыхъ по этимъ документикамъ какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ, на сторонѣ прежняго преподаванія, а не новаго, которое даже и въ сравненіе съ нимъ не можетъ идти, судя по прогрессированію отсталости въ этомъ дѣлѣ, обнаруживаемой въ послѣднихъ диктовкахъ.

Новопріѣзжій педагогъ занялся внимательнымъ пересмотромъ преподнесенныхъ ему документиковъ, а Тупицынъ еще больше засуетился надъ перебираніемъ своихъ бумажекъ.

— Вамъ надо, Ѳома Ѳомичъ, собрать на-дняхъ преподавателей русскаго языка и обсудить вообще, въ присутствіи Саввы Саввича, тѣ данныя, которыя легли въ основу представленнаго вами мнѣ для подписи протокола, и которыя, какъ видите, оказались не только ошибочными, но совершенно произвольными, сказалъ директоръ.

— Слушаю-съ! только отвѣтилъ Тупицынъ.

Черезъ недѣлю состоялось и это засѣданіе подъ предсѣдательствомъ Тупицына. Перепелкинъ думалъ, что Тупицынъ, открывая засѣданіе, прежде всего выразитъ хоть сожалѣніе по поводу случившагося, въ которомъ могъ быть виноватъ только одинъ новопріѣзжій преподаватель, пожелавшій на основаніи сочиненныхъ данныхъ выжить изъ заведенія своего предшественника.

Но Тупицынъ съ несвойственною ему развязностью, вмѣсто чтенія протокола, въ которомъ взведены ложныя обвиненія на Перепелкина, предложилъ общими силами разработать вопросъ о мѣрахъ къ поднятію грамотности учащихся въ заведеніи.

— Но позвольте, обратился къ нему Перепелкинъ: нареканій на неграмотность учащихся въ нашемъ заведеніи пока не было со стороны спеціальныхъ училищъ, куда они отъ насъ поступаютъ, ни со стороны главнаго управленія, въ органѣ котораго, „Педагогическомъ сборникѣ“, нашему заведенію отводилось до сихъ поръ по этой части высшее въ средѣ другихъ почетное мѣсто. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, въ протоколѣ, который былъ плодомъ конференціи по русскому языку въ мое отсутствіе, вѣроятно, не все же только и говорится, что о моей несостоятельности въ дѣлѣ преподаванія этого предмета, а надо думать, указываются и мѣры къ болѣе успѣшному веденію его, а потому, и согласно требованію начальника, намъ должно прежде всего обсудить содержаніе всѣхъ данныхъ, какія заключаются въ этомъ протоколѣ.

— Но это только поведетъ къ потери времени, сказалъ Тупицынъ.

— Во всякомъ случаѣ я долженъ же познакомиться съ этимъ документикомъ, въ которомъ, на основаніи ложныхъ выводовъ, хотѣли подорвать мою репутацію...

— Позвольте вамъ замѣтить, прервалъ рѣчь Перепелкина новопріѣзжій педагогъ, такъ остроумно засвидѣтельствовавшій свою талантливость въ дѣлѣ преподаванія русскаго языка: все, что вы найдете оскорбительнаго для себя въ этомъ протоколѣ, принадлежитъ не мнѣ; я былъ простымъ стенографомъ и писалъ только то, на что налегалъ Ѳома Ѳомичъ, чтобы оно непремѣнно было включено.

Тупицынъ, по обыкновенію, внимательно перебиралъ лежавшія предъ нимъ бумажки и хоть бы чѣмъ-нибудь обнаружилъ неудовольствіе по поводу взводимаго на него обвиненія въ поступкѣ весьма подозрительнаго свойства.

Затѣмъ всѣ признали неудобнымъ заниматься въ данное время разрѣшеніемъ задачъ, предлежавшихъ засѣданію педагоговъ, и оно было отложено до другаго раза.

А между тѣмъ корпусу готовилось впереди, въ недалекомъ будущемъ, большое испытаніе, какъ бы для того, чтобъ всѣмъ стало ясно, что правда въ чемъ-то нарушена, и что поруганіе ея неизбѣжно должно быть искуплено.

— Вы слышали, что нашъ начальникъ умираетъ? озадачилъ Перепелкина сослуживецъ его, встрѣтившись на улицѣ.

— Что вы говорите? Я третьяго дня видѣлъ его бодрымъ, здоровымъ.

— Да, умираетъ... никакой надежды нѣтъ спасти его, говорятъ всѣ наши лучшіе доктора.

— Что же съ нимъ случилось?

— А случилось что-то такое странное, чего и понять нельзя. Видите ли, третьяго дня былъ хозяйственный комитетъ. Засѣданіе его состоялось почему-то въ запустѣломъ деревянномъ домѣ, и именно въ той части его, которая давно не отапливалась. Былъ жестокій морозъ, а Утягаевъ не распорядился, чтобы комнату, назначенную для засѣданія, хорошенько истопили, и вотъ, когда оно началось, всѣ почувствовали холодъ и попросили у генерала позволенія надѣть шубы и калоши; настаивали, чтобъ онъ и самъ это сдѣлалъ, но онъ почему-то не обратилъ на это вниманія и поплатился воспаленіемъ мозга.

— Господи Боже мой! воскликнулъ Перепелкинъ, страшно пораженный этимъ извѣстіемъ и приходя въ сильное волненіе: зачѣмъ же именно тамъ происходило это засѣданіе, почему помѣщеніе не отоплено, какъ слѣдуетъ, если ужъ непремѣнно оно должно было тамъ происходить, и какъ это никто изъ бывшихъ тамъ не настоялъ, чтобы засѣданіе было тотчасъ же переведено въ другое помѣщеніе или отложено до другаго раза въ виду того, что генералъ явно рискуетъ своимъ здоровьемъ, своею жизнью?

— Со стороны Утягаевыхъ, конечно, могла быть тутъ одна цѣль: въ теплѣ, дескать, слишкомъ будутъ углубляться въ разсужденія по разнымъ частямъ хозяйственныхъ дѣлъ, особенно по возведенію построекъ, а холодъ-де не свой братъ, какъ разъ отобьетъ охоту къ такимъ упражненіямъ мозга.

Но видно, генералъ былъ очень озабоченъ этими хозяйственными дѣлами, потому что и пораженный недугомъ его мозгъ почти исключительно былъ занятъ ими: бредъ угасающаго, близкаго къ смерти больнаго только и состоялъ преимущественно изъ протестовъ и указанія мѣръ противъ чего-то. И когда онъ скончался, тотъ же про-

тестъ, и какъ бы страшное недоумѣніе предъ чѣмъ-то выразилось на его осунувшемся лицѣ. Перепелкинъ, взглянувъ въ первый разъ на лицо усопшаго, во время панихиды, былъ пораженъ его видомъ. „Да не игрилище ли мы злой судьбы", думалъ онъ, соображая всю жизнь покойника: „зачѣмъ этотъ, несомнѣнно, добрый, мягкосердечный, при томъ же умный, честный и благородный человѣкъ былъ поставленъ въ условія жизни, несродныя его душѣ, часто заставлявшія его дѣйствовать на перекоръ ея требованіямъ, несогласно съ его добрыми намѣреніями и закопными стремленіями"?

Потрясенный смертью уважаемаго человѣка, при отпѣваніи его въ церкви, Перепелкинъ сказалъ трогательную рѣчь.

Воспитанники были тронуты этою рѣчью и почти всѣ плакали.

На другой день въ средѣ бандитовъ обсуждалась она подробно, и чуть не каждое слово ея подверглось злой, жестокой критикѣ.

— Дались ему, этому Перепелкину, излюбленныя его „идеальныя стремленія": онъ носится съ ними, какъ дурень съ писаною торбой! говорилъ тотъ, на обязанности котораго лежало распоряженіе объ отопленіи помѣщенія, гдѣ несчастный генералъ получилъ смертельную болѣзнь.

— И вы замѣтьте,—гнусилъ жидовскаго типа субъектъ, замѣтьте, говорю, какъ онъ задѣлъ тутъ всѣхъ, особенно людей сановныхъ выраженіемъ: „чего нѣтъ во многихъ другихъ".

— „Да, да, да"! подхватили всѣ хоромъ и захохотали.

— Какъ бишь это тамъ сказано у него?

— Подмѣтилъ-де у покойнаго „нѣчто такое, чего нѣтъ у другихъ". Дружный хохотъ раздался съ такой силой, что привлекъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ въ комнату, гдѣ разбиралась съ такимъ злорадствомъ рѣчь Перепелкина.

— Нѣтъ, какъ себѣ хотите, господа, а мнѣ кажется, что мозги у этого человѣка не совсѣмъ въ порядкѣ, т. е. никакой послѣдовательности въ его рѣчи нѣтъ: одного не кончитъ, другое начнетъ, и такъ отъ начала до конца... а выраженія: „извращенная мораль"... умѣющіе читать исторію... А любопытно бы знать, кого онъ тутъ разумѣетъ? ораторствовалъ нѣмецкій человѣкъ, всѣми силами своей тевтонской души ненавидѣвшій Перепелкина.

— „Мозги не въ порядкѣ!" Да у него ихъ совсѣмъ не имѣется въ наличности, плоско острилъ ученый преподаватель каллиграфіи, нынѣ добившійся мѣстечка воспитателя, несмотря на то, что для него „Мессія и миссія—все едино, а пишутся различно только по прихоти, кто какъ пожелаетъ". Ни похвалы, ни порицанія подобныхъ людей не имѣли никакого значенія для Перепелкина, и онъ только смѣялся, когда эти разговоры передавались ему.

Слухи прошли, что Тупицынъ, временно заступившій мѣсто умершаго директора, будетъ утвержденъ въ этой должности, такъ какъ за него хлопочутъ въ столицѣ люди съ вѣсомъ. На мѣсто же Тупицына, разумѣется, по представленію послѣдняго, могъ быть назначенъ его благопріятель, какъ самый способный между военными для занятія такой должности.

Что Тупицынъ былъ увѣренъ въ назначеніи его на должность директора, объ этомъ можно было уже заключать по его вызывающему, недоброжелательному тону, какой онъ сейчасъ же, по вступленіи во временное исправленіе ея, принялъ въ отношеніи тѣхъ, кого онъ не любилъ, и, само собою разумѣется, прежде всего Перепелкина.

Такъ, когда собрались въ домовую церковь на отпѣваніе умершаго начальника, то прежде чѣмъ перенесли послѣдняго сюда, Перепелкинъ подошелъ къ Тупицыну и сказалъ:

— Позвольте мнѣ, Ѳома Ѳомичъ, послѣ отпѣванія покойника, предъ прощаніемъ съ нимъ, сказать нѣсколько словъ у его гроба.

— Этого я не позволю, отвѣтилъ онъ сухо, холодно.

— Почему же? Вѣдь этого нигдѣ не запрещаютъ.

— Потому, что я начальникъ.

— Знаю и потому-то и обращаюсь къ вамъ за разрѣшеніемъ, но если оно внѣ вашей компетентности, то я прошу васъ испросить здѣсь разрѣшеніе у исправляющаго должность начальника края, или дозволить мнѣ самому это сдѣлать.

— И этого не дозволю! сказалъ онъ грубо и пошелъ навстрѣчу вносимаго гроба.

Но минутъ черезъ пять, когда Перепелкинъ пересталъ уже и думать объ этомъ, къ нему подошелъ Тупицынъ, вмѣстѣ съ исправляющимъ временно должность начальника края, и послѣдній сказалъ:

— Если вы хотите сказать рѣчь у гроба, то напишите ее здѣсь, въ сосѣдней комнатѣ, и дайте намъ прочесть, иначе разрѣшить нельзя.

Перепелкинъ немедленно набросалъ на бумагу то, что́ имѣлъ въ виду сказать, подалъ начальству и получилъ разрѣшеніе.

— Но вы возьмите эту рѣчь и читайте ее по писанному слово въ слово, ничего не прибавляя и не измѣняя, счелъ нужнымъ прибавить Тупицынъ.

— Да, да, непремѣнно такъ, какъ написано! подтвердилъ исправляющій должность начальника съ довольно тонкой улыбкой.

II.

Входя все болѣе и болѣе въ свою роль, Тупицынъ, видимо, искалъ поводовъ придраться къ Перепелкину, но таковыхъ не оказывалось, потому, что послѣдній относился къ своимъ обязанностямъ добросовѣстно, какъ долгъ велитъ: онъ не позволялъ себѣ манкировать лекціями, не запаздывалъ на нихъ, классъ держалъ въ порядкѣ, и все то, что̀ входило въ кругъ его обязанностей, исполнялъ своевременно. Задѣть его, слѣдовательно, съ этой стороны, да еще Тупицыну, было трудновато, да и не безопасно, пожалуй, въ виду того, что всякому же было ясно, какъ съ прибытіемъ его, Тупицына, въ качествѣ помощника начальника корпуса, преимущественно, по учебно-воспитательной части, заведеніе все ниже и ниже стало опускаться, о чемъ и заявлялось на конференціяхъ, какъ-бы искусно тамъ ни маскировалась эта сторона дѣла цифирными отчетами. Но банда не дремала, она сразу поняла, чего хочется Тупицыну и, для удовлетворенія его скромнаго желанія показать свою власть надъ Перепелкинымъ, она до смерти директора выдвинула противъ послѣдняго закоренѣлаго его врага Б., ученаго преподавателя каллиграфіи и вмѣстѣ съ тѣмъ воспитателя, на котораго возложены обязанности библіотекаря. Это тотъ самый господинъ, для котораго Мессія и миссія—одно и то же, и который въ продолженіе долгаго времени не выдавалъ воспитанникамъ старшихъ классовъ исторической грамматики Буслаева, на томъ основаніи, что „такого-де сочиненія нѣтъ въ библіотекѣ, да оно и не выходило никогда въ свѣтъ“.

Ясно, думалъ Перепелкинъ, что меня не оставятъ въ покоѣ и могутъ довести всяческими подлостями до такого раздраженія, что не совладаешь съ собой. Нѣтъ, поспѣшу убраться отсюда по добру—по здорову.

Въ виду того, что оставленіе этого города и переходъ на службу въ другое мѣсто не представляются уже возможными въ близкомъ будущемъ, два старшіе сына, которымъ не дали доучиться въ корпусѣ, съ непреклонною рѣшимостью потребовали отъ отца, чтобы онъ отпустилъ ихъ, наконецъ, на службу въ баталіонъ, расположенный въ городѣ А., откуда они черезъ полгода поступятъ въ юнкерское училище. Требованіе ихъ весьма энергично было поддержано матерью и сестрой, и отцу ничего другаго не оставалось уже дѣлать, какъ исполнить его.

Однажды, когда Перепелкинъ въ перемѣну лекцій разговаривалъ съ однимъ изъ сослуживцевъ, послѣдній замѣтилъ ему шопотомъ, что, можетъ быть, съ пріѣздомъ новаго начальника бандиты разсѣются и тогда лучше поспѣшить опредѣлить дѣтей въ разные классы, сообразно ихъ возрасту.

— Да развѣ не Тупицынъ, а другой кто назначенъ? спросилъ удивленный и обрадованный Перепелкинъ, въ надеждѣ, что авось заведенію пошлетъ Богъ въ начальники человѣка такихъ же достоинствъ, какъ и умершій, но съ болѣе твердой волей.

Не успѣлъ сослуживецъ отвѣтить на предложенный вопросъ, какъ въ учительскую влетѣлъ Утягаевъ и патетически произнесъ:

— Господа, поздравляю васъ съ новымъ начальствомъ! Сейчасъ полученъ въ канцеляріи приказъ: назначенъ Ардальонъ Роксолановичъ Форникатовъ. Не знаетъ ли кто его?

На всѣхъ лицахъ изобразилось удивленіе.

— Вы, Савва Саввичъ, не знаете ли его? обратился съ любезною мягкостью къ Перепелкину злой бандитъ.

Перепелкинъ и не слыхалъ такого имени, но не утерпѣлъ таки пугнуть грабителя выдумкой:

— Нѣтъ, лично не знаю, но, кажется, про него слыхалъ, что онъ управлялъ какимъ-то маленькимъ учрежденіемъ и поразогналъ оттуда воровъ.

Всѣ молча переглянулись. Вошелъ Тупицынъ и, держа въ рукѣ приказъ, какъ-то иронически проговорилъ, съ убитымъ, впрочемъ, лицомъ: новое начальство ѣдетъ... Ардальонъ Роксолановичъ Форникатовъ.

Пошли и съ его стороны разспросы, такъ какъ онъ лично его не зналъ.

Пояснилъ однакожъ, что въ спискѣ кандидатовъ Форникатовъ стоялъ не въ числѣ первыхъ.

Всѣ разсужденія по поводу этого назначенія, продолжавшіяся нѣсколько дней сряду, во время перемѣны лекцій, сводились, главнымъ образомъ, къ тому, будетъ ли новый начальникъ такимъ добрымъ и покладистымъ, какимъ былъ покойный.

Въ обществѣ ходили самые разнообразные толки про новаго начальника. Даже выдумка, которою Перепелкинъ хотѣлъ только напугать Утягаева, будто вновь назначенный начальникъ, управляя какимъ-то маленькимъ заведеніемъ, разогналъ оттуда воровъ, пошла въ ходъ, дополненная и тщательно разработанная въ деталяхъ уже другими. Оказалось, впрочемъ, что только два человѣка въ городѣ видали гдѣ-то и когда-то Форникатова.

Одинъ изъ нихъ слишкомъ неопредѣленно характеризовалъ его: „Такъ себѣ, ни рыба, ни мясо“.

Другой прибавлялъ: „Съ виду сморчокъ и все только: хи-хи, да хи-хи и больше ничего, другаго впечатлѣнія онъ не оставилъ во мнѣ, хотя я его не разъ видѣлъ“.

Бандиты были въ большомъ унынiи и тревогѣ. Очевидно, ихъ безпокоила выдумка Перепелкина, приходившаяся имъ не по шерсти.

Тупицынъ тоже упалъ духомъ, онъ рѣже и безъ вниманія перебиралъ свои бумаги, часто отрывалъ отъ нихъ глаза, устремлялъ ихъ куда-то и сосредоточенно смотрѣлъ въ одну точку съ обычнымъ тупымъ выраженіемъ въ лицѣ, въ разговоръ же даже съ любимцами своими онъ почти совсѣмъ не вступалъ.

Была большая тревога и въ другихъ учрежденіяхъ этого города. Умеръ въ отпуску главный начальникъ края, и на его мѣсто назначался генералъ изъ сильныхъ связями и положеніемъ, при томъ же умница и съ хорошимъ образованіемъ. Про него носились слухи, что онъ по службѣ требователенъ, взыскателенъ и самъ неутомимый труженикъ; сверхъ того, врагъ кривосудія, взяточничества, проволочекъ съ цѣлями эксплоататорскими и вообще всяческихъ неправдъ. Всѣ, повинные въ этихъ добродѣтеляхъ, закручинились, иные даже подумывали уже о переходѣ куда-нибудь подальше отъ глазъ такого грознаго начальства. Одинъ только крупный чинъ, очень искусившійся въ отправленіяхъ темнаго безгласнаго суда, не чувствовалъ, повидимому, ни малѣйшей робости и, хитро улыбаясь, ободрялъ другихъ словами: „ничего, видали мы всякіе виды“. Но, предупреждая ходъ событій, надо сказать тутъ же, что этотъ именно хитроумный сынъ кривой Ѳемиды, не знавшій страха ни предъ кѣмъ и ни предъ чѣмъ, первый подвергся наблюденіямъ проницательнаго начальника края, который въ скоромъ времени послѣ своего прибытія и вступленія въ должность перемѣстилъ его изъ одного отдѣленія, гдѣ съ каждымъ процессомъ сами въ карманъ лѣзли соблазнительные тяжеловѣсные куши, въ другое, въ которомъ, по выраженію заправлявшихъ имъ, производили дѣла грошевыя, отъ которыхъ, какъ ни верти ихъ, не получишь „ни мѣшка, ни шерсти клочка“.

Прибытіе ожидаемыхъ начальниковъ, большаго и малаго, замедлилось къ крайнему безпокойству разныхъ чиновъ, тщетно пытавшихся разрѣшить хитрую загадку, что готовитъ имъ судьба въ будущемъ—благоволеніе и милость начальства, или гнѣвъ и опалу.

Люди съ вѣсомъ, имѣющіе возможность замедлить отъѣздъ, не очень спѣшатъ въ этотъ край послѣ своего назначенія, но считаютъ необходимымъ сперва обдумать и основательно запастись всѣмъ, чего ни за какія деньги не достанешь здѣсь, затѣмъ дождаться извѣстій, что непролазныя грязи на пространствѣ 800 верстъ, засасывавшія въ себя сотни тысячъ казенныхъ денегъ, наконецъ, по милости Божіей, изсушены лѣтнимъ солнышкомъ, конечно, не навсегда, но до осени, когда онѣ опять появятся и раскроютъ свои хляби во всей своей красотѣ и болѣе чѣмъ сомнительной безопасности для путешествующихъ.

Первымъ прибылъ Форникатовъ.

Странно, что онъ на всѣхъ почти произвелъ то самое впечатлѣніе, о которомъ сообщилъ кто-то изъ видѣвшихъ его не разъ. „Какъ есть сморчокъ, говорили повсюду, когда заходила рѣчь о немъ: и все только хи-хи, да хи-хи и больше ничего".

На общемъ представленіи чиновъ заведенія, какъ ни старался онъ произвести благопріятное впечатлѣніе, держа себя съ заученными: граціей, сановнымъ достоинствомъ и снисходительностью персонъ, но все это не шло къ нему, не гармонировало ни съ одной чертой его физіономіи и возбуждало въ умѣ наблюдателя и даже простаго созерцателя сатирическія мысли, вродѣ тѣхъ: „какъ есть сморчокъ, и все только хи-хи, да хи-хи и больше ничего". А когда онъ, прощаясь, обратился ко всѣмъ съ маленькимъ спичемъ, что, дескать, дверь его кабинета всегда открыта будетъ для всякаго, кто обратится къ нему за совѣтомъ, какъ вести свое дѣло, какъ справится съ какимъ-нибудь затруднительнымъ обстоятельствомъ", и проч., на лицахъ многихъ сверкнули улыбки. Даже на деревянномъ лицѣ Тупицына скользнуло нѣчто вродѣ мысли: а что, дескать, умницъ желали? вотъ онъ!

Мѣсяца два онъ былъ предметомъ наблюденій и толковъ въ давно соскучившейся отъ бездѣлья и недостатка новостей Непроницаемой Мути. Ловили въ немъ черты, дававшія поводъ къ пересмѣшкамъ и неистощимымъ разговорамъ. Замѣчательнѣе всего то обстоятельство, что люди, обратившіеся впослѣдствіи въ самыхъ низкихъ прислужниковъ и угодниковъ его и удостоившіеся за то такихъ отличій, какія имъ и во снѣ не снились по мизерному ихъ образованію, были въ числѣ первыхъ, которые подмѣтили въ новопріѣзжемъ смѣшныя привычки и разнесли вѣсть объ этомъ по всему городу.

Тѣ качества, которыхъ другіе искали въ новомъ начальникѣ, какъ-то: умъ, просвѣщенность, многосторонняя начитанность, серьезность мысли, горячее и вмѣстѣ съ тѣмъ толковое отношеніе къ дѣлу, справедливость требованій, предъявляемыхъ къ подчиненнымъ, чуждая все оцѣпеняющей формалистики, но ни на шагъ не отступающая предъ трудностями задачъ воспитательнаго и образовательнаго свойства,—все это не имѣло никакой цѣны въ глазахъ практическихъ бандитовъ.

Они вдумывались совсѣмъ въ другія свойства новопріѣзжаго начальника: податливъ ли онъ и въ какой степени; не вспыльчивъ ли, и если вспыльчивъ, то скоро ли отходитъ, затихаетъ; любитъ ли онъ вникать въ дѣла, или только показываетъ видъ, что внимательно читаетъ и слушаетъ докладъ; не водится ли за нимъ какихъ-нибудь слабостей, чтобы, пользуясь ими, прибрать его къ рукамъ и заправлять имъ какъ пѣшкой. Вотъ надъ какими основательными вопро-

сами работали они сообща усердно и безъ мальчишеской поспѣшности, и пока занимались этимъ дѣломъ, были серьезны, угрюмы, мрачны. Но вотъ они въ прекрасный день вдругъ загоготали и такъ адски, что, будь казенный сундукъ одаренъ хоть малѣйшей чувствительностію, онъ треснулъ бы отъ внезапнаго сотрясенія воздуха раздавшимся вблизи его неистовымъ вскрикомъ и разорвался бы на части, какъ разрывается сердце отъ внезапнаго нервнаго потрясенія.

Бѣдный казенный сундукъ! Бѣдное казенное учрежденіе, которому судьба послала тяжкое испытаніе!

Кто изъ бандитовъ имѣлъ право воскликнуть „эврика“, еслибы понималъ историческое значеніе этого слова; кому изъ нихъ принадлежитъ честь открытія роковой слабости у новопріѣзжаго, отдававшей его въ полное ихъ распоряженіе; въ чьей головѣ зародился и созрѣлъ дьявольскій планъ хитро разставить сѣти этому, немощному духомъ и тѣломъ человѣчку, и запутать его въ нихъ такъ, чтобъ онъ не только рта не смѣлъ раскрыть противъ артистически обдѣлываемыхъ дѣлишекъ по возведенію дорогаго зданія, но даже заискивалъ бы въ нихъ, этихъ художникахъ, смотря на всѣхъ и все ихъ глазами, безъ зазрѣнія совѣсти отплясывая по ихъ дудкѣ,—все это покрыто мракомъ неизвѣстности.

Попавъ въ эту ловушку, несчастный человѣкъ съ умишкомъ, омраченнымъ страстью, едва-ли и сознавалъ, какую жалкую роль онъ долженъ былъ играть и какое зло сѣялъ вокругъ себя, особенно въ умѣ молодыхъ людей, поселяя недовѣріе къ закону, справедливости и всякимъ другимъ нравственнымъ началамъ. А между тѣмъ онъ въ сущности былъ выше Тупицына и по способностямъ понимать научные вопросы и по чувствамъ человѣческимъ, что и выражалось иногда и въ осмысленномъ взглядѣ на вещи и въ сердобольномъ отношеніи къ дѣтскимъ потребностямъ учащихся, ихъ недостаткамъ, проступкамъ и проч. Послѣднее, правда, приписывалось заигрыванію съ ними, путемъ задобриванія ихъ и исканія популярности какъ у нихъ, такъ и въ обществѣ; но, кажется, это не совсѣмъ справедливо; могли быть тутъ и другія побужденія, прямо вытекавшія изъ добраго сердца, чего ужъ никакъ нельзя сказать про Тупицына, потому что это былъ въ полномъ смыслѣ деревянный человѣкъ по чувствамъ своимъ.

Связанный по рукамъ и ногамъ бандитами, которые ловко прикрывали его слабость, онъ въ дѣйствіяхъ своихъ по управленію заведеніемъ былъ робокъ, нерѣшителенъ, не самостоятеленъ до того, что мало походилъ на настоящаго начальника, почему и назывался: маршалъ-аплике. Это прозвище получилъ онъ отъ прибывшаго наконецъ главы края, на котораго онъ произвелъ невыгодное для себя впечатлѣніе. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы главный начальникъ узналъ,

какими сѣтями опутанъ этотъ маршалъ-аплике, и что творится, вслѣдствіе того, въ заведеніи, онъ спустилъ бы его немедленно; но хитрые бандиты были всегда насторожѣ и умѣли спасать его репутацію, если не отъ стоустой молвы, то, по крайней мѣрѣ, отъ умнаго, проницательнаго, весьма дѣятельнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и грознаго главнаго начальника края.

Едва только прибылъ главный начальникъ края и чиновничество успѣло ему представиться, какъ онъ тотчасъ же завелъ по-своему канцелярскую машину, которая живо застучала, загрохотала и заскрипѣла поржавѣвшими винтами такъ, что навела страхъ даже на людей, чуждыхъ канцелярскому міру. Всѣмъ нашлось дѣло, да еще такое спѣшное, что назначался срокъ, когда оно должно быть готово и представлено самому. Всѣ ахали, охали, вздыхали, а иногда и въ ужасъ приходили. Да и было отъ чего: такъ одинъ добродушнѣйшій толстякъ, числившійся чиновникомъ особыхъ порученій по строительной части, вдругъ получилъ приказаніе прослѣдить на всемъ протяженіи двѣ рѣчушки, совсѣмъ неизвѣстныя по географіи и не нанесенныя ни на одну карту, опредѣлить съ точностью ихъ длину, глубину и ширину, собрать отъ мѣстныхъ жителей свѣдѣнія, каковы эти рѣчушки бываютъ въ половодье и въ лѣтнія жары, все это пополнить своими соображеніями о томъ, возможно ли, при небольшихъ затратахъ, ихъ соединить и довести до большой рѣки. Такова была задача, а времени для исполненія назначено такъ мало, что благодушный чиновникъ, сильно еще и сомнѣвавшійся въ томъ—его ли это дѣло, чуть не заболѣлъ отъ этого порученія. Какъ ужъ онъ съ нимъ справился—осталось неизвѣстнымъ; но многимъ за неисполненіе во-время или за дурное неумѣлое исполненіе порученія приходилось такъ жутко, что хоть бѣги вонъ со службы, тѣмъ болѣе, что не успѣешь кончить одно порученіе, какъ ужъ тебя ждутъ два три другихъ.

— Да когда онъ успѣваетъ прочитывать массы бумагъ, представляемыхъ изъ управленій, да еще сверхъ того и ежедневные отчеты по этимъ порученіямъ? усомнился кто-то.

Эти два почтенныхъ мужа, необыкновенный счетчикъ и хитроумный принципалъ бандитовъ, были друзьями еще со школьной скамейки, одновременно поступили на службу въ корпусъ и сѣли на мѣста, какъ говорится, хлѣбныя, избравъ обязанности по своему вкусу—первый кормить и поить юношество, второй—одѣвать и обувать его. Пройдя хорошую школу въ этихъ должностяхъ и изощривъ на нихъ свои способности до степени артистовъ перворазрядныхъ, они вдругъ, къ общему удивленію, перемѣнили фронтъ и ни съ сего, ни съ того, какъ казалось профанамъ въ этихъ дѣлахъ, пере-

спросились на мѣста, повидимому, совсѣмъ не хлѣбныя—первый—счетчика, второй—питателя юношества, но не вещественною пищею, а духовною, насаждая въ сердцахъ юныхъ воспріимчивыя сѣмена честности, безкорыстія, уваженія къ закону и другихъ добродѣтелей, мало знакомыхъ ему по прежней должности, да и несродныхъ ей. Чтобъ не порвать связи съ той средой, интересамъ которой онъ отдалъ лучшіе годы своей жизни и гдѣ проявилъ столько смѣлости, находчивости, изобрѣтательности, хитроумія, что заслужилъ глубокое уваженіе и самыя сердечныя симпатіи ея, онъ сохранилъ за собою и обязанности питателя всѣхъ сослуживцевъ по заведенію, но пищею матеріальною, а не духовною, выдавая имъ ежемѣсячно жалованье.

„Что бы это значило? задавались тогда вопросомъ сослуживцы, слѣдившіе за ихъ дѣятельностью: неужели каяться хотятъ въ своихъ прегрѣшеніяхъ?“.

Но начавшееся возведеніе дорогаго зданія хозяйственнымъ способомъ, послѣ забраковки матеріала, заготовленнаго вполнѣ благонадежнымъ подрядчикомъ, съ принужденіемъ послѣдняго отказаться отъ принятаго на себя обязательства, ясно показало всѣмъ, что эти два почтенныхъ мужа одарены и проницательностью, и дальновидностью, далеко незаурядными.

Дѣла въ ихъ сферѣ пошли такъ гладко, плавно и въ такой безопасности, особенно съ тѣхъ поръ, какъ нашли вѣрное средство прибрать къ своимъ рукамъ маршала-аплике, что имъ лучшаго и желать ничего не оставалось. Но вотъ на горизонтѣ показывается облачко,—какъ-бы оно, разросшись и приблизившись, не разразилось надъ ними, подумываютъ всей родственной своей семьей бандиты по поводу слуховъ о намѣреніи главнаго начальника края пригласить къ своимъ дѣтямъ учителемъ Перепелкина.

Призадумался и Перепелкинъ по поводу этихъ слуховъ. Онъ не желалъ, чтобы, они оказались справедливыми. Вотъ что записано въ его дневникѣ на этотъ счетъ: „да мимо идетъ эта чаша! Боюсь я за себя. Какъ можно, чтобъ сблизившись съ такимъ честнымъ лицомъ, я не разразился страшнымъ негодованіемъ на тѣ мерзости, которыхъ я насмотрѣлся въ этомъ краю, на тѣ душу возмущающія явленія, которыя совершаются на глазахъ юношества, какъ бы въ насмѣшку надъ усиліями, сверху идущими, поднять корпусъ до подобающей высоты въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, да и вообще надъ просвѣтительными стремленіями новаго времени. А что изъ этого могло бы произойти? Конечно, гибель мнѣ и семейству, вслѣдствіе свирѣпаго ожесточенія многихъ противъ одного“.

Между тѣмъ чаша, хотя и была преподносима, но такъ какъ испить ее предлагалось не раньше какъ черезъ мѣсяцъ, то къ концу

этого срока она почему-то прошла мимо Перепелкина. Совершилось ли это по волѣ судебъ, и кого онѣ тутъ пощадили—педагога ли, или бандитовъ и родственныхъ имъ людей—Аллахъ вѣдаетъ, но устраненіе Перепелкина отъ опаснаго сближенія съ энергичнымъ главой края произошло, говорятъ, не случайно, а по вліянію людей съ вѣсомъ.

Перепелкинъ получилъ приглашеніе прибыть къ его высокопревосходительству, между двухъ и четырехъ часовъ, въ такой день, какой онъ самъ, приглашенный, найдетъ для себя наиболѣе удобнымъ для этого. Между тѣмъ въ четыре часа того же дня, когда ему сдѣлано было предложеніе, пріѣхалъ къ нему Форникатовъ и сказалъ, что онъ имѣетъ порученіе сейчасъ привезти съ собой и представить его, Перепелкина, главному начальнику края для переговоровъ насчетъ занятій съ дѣтьми его высокопревосходительства. Послѣдній былъ занятъ, и переговоры вела супруга его, которые кончились тѣмъ, что Перепелкинъ взялся преподавать исторію политическую и священную, русскій языкъ и словесность и наблюдать за преподаваніемъ другихъ предметовъ. Какъ ни старался Перепелкинъ отдѣлаться отъ послѣдняго, но ея высокопревосходительство заявила, что это самое желательное со стороны ея супруга и отступать отъ подобнаго порученія она не въ правѣ. Перепелкинъ согласился. Онъ цѣлый мѣсяцъ обдумывалъ планы, какъ вести дѣло преподаванія въ чужомъ домѣ такъ, чтобы въ немъ былъ толкъ, безъ чего онъ, конечно, отказался бы во вредъ себѣ; но вотъ какъ разъ наканунѣ того дня, когда должны были начаться уроки, онъ получаетъ любезное извѣщеніе, что, по обстоятельствамъ, для занятій съ дѣтьми его высокопревосходительства приглашено другое лицо не изъ педагоговъ. Случайность ли это, дѣйствительно, была, или нѣчто другое, но Перепелкинъ не былъ ни удивленъ, ни огорченъ такимъ разрѣшеніемъ разныхъ сомнѣній и страховъ насчетъ положенія, въ какое онъ ставился близостью отношеній къ дѣлу энергичнаго начальника края. Онъ даже вскорѣ порадовался исходу этого дѣла и приписывалъ особенной благосклонности судьбы къ нему и его семейству устраненіе бывшей опасности, когда увидѣлъ, что сердито смотрѣвшіе на него бандиты сдѣлались предупредительными.

Переутомленному, выбивавшемуся изъ силъ чиновничеству пришлось по вкусу это сомнѣніе, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ бы озаренные новымъ свѣтомъ, такія интимныя рѣчи вели между собой по секрету:

— И въ самомъ дѣлѣ: гдѣ ему перечитать все то, что подается? Тоже, вѣдь, человѣкъ, а не машина: и устанетъ, и надоѣстъ, говорили одни.

— На первыхъ порахъ всякое начальство пѣтушится, козыремъ ходитъ, а тамъ смотришь, и спасуетъ, замѣчали другіе.

— Такъ чего жъ по пустякамъ и надрываться намъ! порѣшили всѣ: катай-валяй съ плеча, не долго думая; что-нибудь да выйдетъ. А вотъ словесный докладъ надо хорошенько обдумывать, онъ внимательно выслушиваетъ и любитъ, чтобы толково передавалась суть дѣла.

Но легкомысленные люди чуть не поплатились мѣстами за такое вольнодумство. Оказалось, что неутомимый и добросовѣстный начальникъ обширнаго края самъ себѣ задаетъ работы неизмѣримо больше, чѣмъ кому-либо изъ своихъ подчиненныхъ. Онъ читаетъ все, что проходитъ чрезъ его руки, помнитъ словесные доклады, иногда ловитъ чиновника на противорѣчіяхъ, оказывающихся по сравненіи имъ доклада письменнаго съ докладомъ словеснымъ, раньше сдѣланнымъ. Въ дѣлахъ же серьезныхъ, касавшихся пріобрѣтенія новыхъ данныхъ относительно положенія края и осмысленной провѣрки прежнихъ, старыхъ, въ видахъ правильнаго изученія ихъ, онъ и по ночамъ перечитывалъ не разъ составляемыя чиновниками записки. Вотъ такимъ-то образомъ онъ и изловилъ на шарлатанствѣ: преподнесли совершенный вздоръ. Хорошо еще, что онъ былъ въ духѣ, и легкомысленные смѣльчаки отдѣлались только тѣмъ, что онъ назвалъ ихъ неспособными къ дѣлу.

Если чиновничеству жутко приходилось отъ такой неусыпной дѣятельности неутомимаго главы края, то бандитамъ она была и по сердцу и на руку. Гдѣ жъ ему, этому умному начальнику, постоянно занятому дѣлами по управленію непосредственному, да еще озабоченному широкими проектами, призвать къ жизни омертвѣлый, оцѣпенѣвшій остовъ такой территоріи, которая могла вмѣстить въ себѣ и пропитать болѣе трети народонаселенія Европы, гдѣ и когда было ему присмотрѣться и прислушаться къ тому, что творилось въ какомъ-нибудь корпусѣ. Поэтому они благодушествовали, осторожно и осмотрительно, конечно, не въ интересахъ казны, возводя хозяйственнымъ способомъ дорогое зданіе и окунувъ съ головою своего маршала-аплике въ тину сладострастныхъ вожделѣній. Но и у нихъ вдругъ произошла тревога по случаю одного неожиданнаго обстоятельства. Прошелъ слухъ, что его высокопревосходительство, по рекомендаціи изъ столицы, имѣетъ въ виду пригласить Перепелкина для занятій съ дѣтьми тѣми предметами, которые онъ возьмется преподавать самъ и для наблюденія за преподаваніемъ другихъ предметовъ.

— Вотъ пакость-то! гнусилъ жидовскаго типа принципалъ бандитовъ: слыхали, куда мѣтятъ нашего Перепелкина?

— Да кто его туда рекомендовалъ? тревожно спрашивали усерд-

ные оберегатели казенныхъ интересовъ по возведенію дорогаго зданія, кормленію и одѣванію питомцевъ, отопленію, освѣщенію и ремонтированію зданій, равно какъ и выполненію многихъ другихъ насущныхъ, а нерѣдко и сочиненныхъ хозяйственныхъ потребностей.

— Говорятъ, его въ столицѣ кто-то изъ сановныхъ рекомендовалъ, замѣтилъ, съ оглядкой по сторонамъ, толстенькій, кругленькій, пухленькій съ лоснящимся лицомъ бандитъ.

Въ корпусѣ шли приготовленія къ празднованію пятидесятилѣтняго юбилея этого заведенія со времени его основанія. Торжество должно было закончиться оффиціальнымъ обѣдомъ, на который была отпущена не маленькая сумма денегъ, а участвующими въ немъ должны были быть высшіе чины, почетные граждане, наконецъ, учившіеся въ этомъ заведеніи и всѣ служащіе въ немъ. Послѣ обѣдни, торжественно совершенной въ домовой церкви корпуса, и молебствія, приглашенные гости должны были собраться въ большой залъ для выслушанія отчета о состояніи заведенія и кой-чего другаго, приготовленнаго на этотъ случай. Отчетъ долженъ былъ прочесть Тупицынъ, у котораго голосъ былъ и громкій и не безъ пріятности; затѣмъ предположено было занять гостей до обѣденнаго времени прочтеніемъ исторійки заведенія, когда-то составленной адъютантомъ корпуса, а къ юбилею дополненной однимъ изъ преподавателей. Чтеніе возложено было на зачисленнаго кандидатомъ въ должность помощника начальника. Наконецъ, въ довершеніе всего, тутъ же, прежде чѣмъ выйти въ столовую, о которой,—какъ всегда то бываетъ,—многіе думаютъ больше, чѣмъ о томъ, что въ такихъ случаяхъ тутъ читается,—Уклоновъ, избранный городомъ на общественную должность, долженъ былъ произнести спичъ, съ выраженіемъ благодарности заведенію за воспитаніе юношества, а гостямъ—признательности за ихъ сочувственное вниманіе къ этому заведенію. „Всѣ роли разобраны“, подумалъ Перепелкинъ, когда ему, наканунѣ торжества, показали программу его: „Почему бы и мнѣ не произнести хоть застольный спичъ и не высказать своего „profession de foi“ при такой оказіи? продолжалъ онъ развивать свои мысли, отходя ко сну.

Перечитать рукопись у него рѣшительно не было времени, такъ какъ онъ долженъ былъ поспѣшить къ начальнику заведенія, чтобъ испросить разрѣшенія на произнесеніе этого спича въ концѣ обѣда, о чемъ еще должно было докладывать высшему начальству, что́ уже лежало на обязанности Форникатова. Оказалось, что обѣдня уже началась и въ заведеніи. Главный начальникъ края давно стоялъ уже въ церкви; по близости къ нему, сзади, пристроился у боковой стѣнки мало замѣтный, малорослый Форникатовъ, котораго Перепелкинъ долго напрасно искалъ глазами, а когда наконецъ увидѣлъ, то понялъ всю

невозможность сообщить ему теперь о своемъ замыслѣ, а по выходѣ изъ церкви уже представлялось совершенно неудобнымъ соваться къ нему съ такой просьбой, когда онъ будетъ сопровождать главу края. Такъ онъ и порѣшилъ оставить эту затѣю, что̀ и было бы для него куда какъ полезно; но судьба, мачиха для него, дѣлала свое дѣло. Дежурный по заведенію воспитатель замѣтилъ, какъ Перепелкинъ долго искалъ глазами кого-то по всей церкви, приподымаясь на цыпочки и поглядывая то въ ту, то въ другую сторону, поверхъ головъ наполнявшихъ храмъ.

— Вамъ кого нужно, Савва Саввичъ? освѣдомился онъ у Перепелкина.

— Да мнѣ бы хотѣлось переговорить съ Ардальономъ Роксолановичемъ о кое-чемъ, но вижу, что этого невозможно сдѣлать ни теперь, ни послѣ, когда онъ будетъ сопровождать начальника края.

— А позволите узнать, въ чемъ дѣло? полюбопытствовалъ сослуживецъ: я, можетъ быть, и найду возможность шепнуть ему о вашемъ желаніи.

— Хочу сказать спичъ за обѣдомъ...

Дежурный не дослушалъ даже конца рѣчи педагога и въ то же мгновеніе сталъ пробираться къ начальству, которое минуты черезъ двѣ увело Перепелкина въ боковую залу.

— У васъ написана рѣчь? спросилъ Форникатовъ.

Перепелкинъ подалъ ее.

— Теперь мнѣ читать ее некогда, говорило начальство, пробѣгая глазами по строчкѣ то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ мелко исписанныхъ листиковъ почтовой бумаги, но я найду случай доложить о вашемъ желаніи его высокопревосходительству.

Разрѣшеніе было дано, и Перепелкинъ, усаженный поближе къ главному начальнику, произнесъ горячую рѣчь.

Начальство внимательно выслушало застольный спичъ Перепелкина, сказанный въ концѣ обѣда, благосклонно кивнуло ему головой и немедленно удалилось въ сопровожденіи своей обычной свиты и нѣкоторыхъ сановныхъ лицъ.

Что рѣчь не понравилась многимъ, ясно было по выраженію лицъ.

— Крикните кто-нибудь, господа: „за здоровье лучшаго преподавателя корпуса Уклонова“, скомандовалъ предсѣдатель одного обширнаго управленія, обращаясь къ своимъ подчиненнымъ, которые, съ нимъ во главѣ, занимали дальній отдѣльный столъ.

Взоры всѣхъ направились въ ту сторону, откуда донеслись эти слова. Тамъ шло перешептываніе и переглядываніе. Наконецъ, изъ могучихъ легкихъ здоровеннаго верзилы раздались, или, лучше сказать, затрещали растягиваемыя слова тоста:

„За здоровье превосходнѣйшаго, лучшаго преподавателя корпуса Уклонова!“

— Ура! ура! ура! загудѣли преимущественно изъ той же группы.

— Господа, позвольте предложить тостъ за здоровье лучшаго нашего преподавателя, Саввы Саввича Перепелкина! Ура! крикнулъ зачисленный кандидатомъ на должность помощника начальника корпуса.

— Ура, ура, ура! подхватили голоса съ разныхъ столовъ, но въ той группѣ молчокъ, хотя въ ней было не мало лицъ, учившихся у Перепелкина.

— Начальство думало, что вы... какъ это обыкновенно водится въ рѣчахъ публичныхъ... что вы скажете что-нибудь лестное насчетъ нашего корпуса, также сочувствія общества этому заведенію... Вотъ какъ Уклоновъ говорилъ отъ имени городскаго общества... Ну, а у васъ вышло совсѣмъ не то-съ... говорилъ одинъ изъ участниковъ въ обѣдѣ.

— Одно начальство такъ думало, или и всѣ вы, его подчиненные? полюбопытствовалъ Перепелкинъ.

— Тутъ, изволите видѣть, все дѣло въ томъ, что всѣмъ бросилось въ глаза, какъ главный начальникъ края внимательно слушалъ вашу рѣчь, а въ ней-то, говорятъ, что ни слово, то щелчокъ, а иногда цѣлая затрещина тому, другому, третьему, а подъ конецъ и всѣмъ досталось на орѣхи, острилъ бывшій ученикъ идеалиста - педагога.

Только-что простился онъ съ Перепелкинымъ, подъѣхалъ одинъ изъ пожилыхъ коренныхъ обитателей Мути и предложилъ педагогу прокатиться съ нимъ въ поле, чтобъ освѣжиться, въ чемъ чувствовалъ потребность и самъ Перепелкинъ.

— То, что вы сейчасъ сказали за обѣдомъ, произвело на всѣхъ впечатлѣніе, но нельзя сказать, чтобъ оно было пріятное, говорилъ пожилой гражданинъ Мути: главный начальникъ, какъ всѣ замѣтили, все время былъ въ веселомъ настроеніи, но послѣ вашего спича оно измѣнилось. А тутъ еще выходившіе за нимъ, какъ бы подливая масла въ огонь, довольно громко разсуждали по поводу сказаннаго и все не въ пользу вашу.

„Экъ, нашелся, что сказать въ такой день!“ удивлялись одни.

„И все заносчивость, высокомѣрное отношеніе ко всѣмъ и всему“, замѣтилъ кто-то. На это замѣчаніе быстро оглянулся назадъ его высокопревосходительство, спускавшійся въ то время съ лѣстницы. „Да, подобные ораторы только о себѣ и думаютъ“, дополнилъ одинъ изъ превосходительныхъ сановниковъ, догадываясь, что главный начальникъ края занятъ этимъ вопросомъ.

Кучеру велѣно остановиться. Ѣхавшіе навстрѣчу тоже остано-

вились. Это были знакомые гражданина Мути и Перепелкина, мужъ съ женой.

— Говорятъ, что вы, Савва Саввичъ, всѣмъ обѣдавшимъ въ пансіонѣ испортили аппетитъ сегодня своею рѣчью, затараторила супруга.

— Да нѣтъ же, перебилъ мужъ: рѣчь сказана за пирожнымъ, слѣдовательно, развѣ только сваренію желудка помѣшаетъ, острилъ онъ, заливаясь самымъ искреннимъ смѣхомъ.

— Такъ хорошо я и сдѣлала, что заѣхала за тобой, а то, пожалуй, ударъ могъ бы приключиться съ тобой послѣ вкуснаго обѣда и невкуснаго спича, сострила и она, многозначительно взглянувъ на собесѣдниковъ.

Перепелкинъ, воспользовавшись тѣмъ, что его спутникъ разговорился съ этой четой, распростился съ ними со всѣми и побрелъ одинъ въ поле разгонять свою тоску.

„У васъ самый несчастный характеръ, какъ мнѣ кажется, писалъ ему на другой день въ анонимномъ письмѣ какой-то обыватель Мути: я васъ знаю съ самаго пріѣзда въ Муть, слыхалъ въ клубѣ ваши бесѣды съ вашими пріятелями, слыхалъ ваши публичныя лекціи, затѣмъ публичныя рѣчи, сказанныя по случаю, сверхъ того много кой-чего знаю со словъ людей, близкихъ къ вамъ и доброжелательныхъ, и соображая всѣ свои впечатлѣнія, прихожу, кажется, къ правильному заключенію, что и самый злой врагъ не можетъ сдѣлать вамъ только вреда, сколько вашъ языкъ. Говорю это изъ доброжелательства къ вамъ. До послѣдней рѣчи у васъ были еще въ городѣ ваши почитатели, но теперь едва-ли таковыми останутся: слишкомъ ужъ вы задѣли всѣхъ и вся. Какъ-будто злая судьба толкаетъ васъ къ бѣдамъ и невзгодамъ“.

Были и другія письма, злыя, съ угрозами.

Перепелкинъ ясно видѣлъ, что ему надо бѣжать отсюда по добру, по здорову, на какъ это сдѣлать, при неимѣніи покупателей на домъ и безтолковомъ вéденіи хозяйства женою?

Между тѣмъ какъ бы въ насмѣшку надъ метафизическими его запросами, или для исцѣленія его отъ недуговъ идеалистическихъ, судьба ему готовила сюрпризы самаго суроваго свойства; надъ его головой собирались тучи почернѣе и погрознѣе тѣхъ, какія уже разражались надъ нимъ. Изъ дальняго училища, куда два старшіе его сына поступили юнкерами для военнаго образованія, получены были вѣрныя свѣдѣнія, что оба они лѣнятся, въ наукахъ успѣваютъ плохо и имѣютъ наклонность къ пьянству, которую, подъ охраной своихъ товарищей-друзей, пока еще ловко скрываютъ предъ своимъ начальствомъ, но если попадутся, то будутъ исключены.

Вышло то, чего и надо было ожидать. Старшій сынъ кончилъ курсъ, не вдолгѣ былъ произведенъ въ офицеры и распьянствовался такъ, что въ два года уходилъ себя и умеръ. Вѣроятно, той же участи подвергся бы и второй сынъ, но онъ не кончилъ курса и пошелъ другой дорогой. Изъ слѣдующихъ за ними одинъ, мало способный къ наукамъ, проводилъ время въ праздности, подъ покровомъ матери и другихъ членовъ семейства, безусловно вѣрившихъ въ разные, выдумываемые имъ, предлоги, для уклоненія отъ занятій съ отцомъ и другими наемными учителями. Двое другихъ съ грѣхомъ пополамъ приготовлялись въ старшіе классы корпуса и по снисхожденію учителей и начальства были приняты—одинъ въ послѣдній классъ, а другой—въ четвертый.

Пока держался въ заведеніи тонъ, заданный первымъ инспекторомъ, котораго личныя обращенія къ лѣнтяямъ и шалопаямъ всегда заканчивались энергичными словами: „Стыдно быть болваномъ офицеру! Просвѣщеніе, просвѣщеніе, просвѣщеніе нужно ему“, то и мѣрка воспитанниковъ всегда согласовалась съ этимъ тономъ и была въ пользу тѣхъ учителей и воспитателей, которые болѣе другихъ содѣйствовали или, по крайней мѣрѣ, могли содѣйствовать учащимся въ дѣлѣ просвѣщенія. Но мало по малу тонъ этотъ сталъ забываться, и симпатіи большинства учащихся перешли на сторону лицъ противоположнаго свойства. Перепелкинъ не могъ не замѣтить, что съ пріѣздомъ Тупицына и Форникатова онъ уже далеко не такъ популяренъ въ средѣ молодежи, какъ былъ прежде. Этого мало. Со стороны нѣкоторыхъ близкихъ къ членамъ черной банды по родству или другимъ отношеніямъ, дѣлались уже попытки намекнуть ему о клубномъ инцидентѣ, то есть какъ онъ былъ представленъ съ атрибутами осла.

Въ сущности, онъ не могъ не чувствовать въ душѣ, что авторитетъ его подрывается, что рано или поздно дѣятельность его будетъ окончательно парализована, та дѣятельность, отъ которой онъ ожидалъ наилучшихъ плодовъ, когда, воодушевляясь при чтеніи образцовыхъ сочиненій, онъ пламеннымъ, идущимъ изъ сердца словомъ выяснялъ, въ чемъ состоитъ честность и благородство душевныя, какія стремленія возвышаютъ человѣка и приближаютъ его къ небу, не допуская его погрязнуть въ тинѣ мелочей, лжи и зловредныхъ для другихъ поступковъ и дѣйствій. И тяжело у него становилось на душѣ.

„Господи, помоги мнѣ выйти изъ этого неладнаго положенія!“ ежедневно заключалъ онъ свои тяжелыя думы обращеніемъ къ Неисповѣдимому.

Но это было только началомъ болѣе тяжкихъ испытаній, которыя съ трудомъ поддаются перу, и то лишь, когда ихъ невыносимая острота смягчается до нѣкоторой степени евангельскими словами:

„Блаженны есте, егда поносятъ васъ, и изжденутъ, и рекутъ всякъ васъ глаголъ на вы, лжуще мене ради".

Произнесенная на юбилеѣ рѣчь много толковъ вызвала повсюду и все неблагопріятныхъ для Перепелкина.

— Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать? часто раздумывалъ онъ въ прогулкахъ своихъ ежедневныхъ за городомъ, и дома, шагая изъ угла въ уголъ по своей комнатѣ.

„Бѣжать, конечно, отсюда", всякій разъ подсказывалъ тайный внутренній голосъ. Но какъ бѣжать? За домъ со всѣми принадлежностями къ нему и половины не даютъ того, что все это стоило Перепелкину. При томъ же кое-что не было еще выслужено, и о кой-чемъ, служебномъ, возбужденъ только еще недавно вопросъ, и рѣшенія его, какъ говорило начальство, лучше дожидаться здѣсь на мѣстѣ.

Форникатовъ, въ качествѣ начальника, всегда жизнерадостный хихикающій, сдѣлался какъ-то чрезмѣрно мраченъ, унылъ и вдумчиво всматривался въ Перепелкина, гдѣ бы съ нимъ ни встрѣчался. По-видимому, его тянуло заговорить съ нимъ о чемъ-то въ серьезъ, но какъ-то не клеилось все, и послѣ двухъ-трехъ безцѣльныхъ фразъ онъ стушевывался.

„Да, это не къ добру", догадывался Перепелкинъ, зная, подъ какимъ вліяніемъ банды находится этотъ человѣкъ, и какъ она его переработала въ короткое время, опутавъ его со всѣхъ сторонъ своими цѣпкими сѣтями.

Наконецъ-таки Форникатовъ не вытерпѣлъ и при первой встрѣчѣ наединѣ сразу громко заговорилъ:

— А вамъ бы, Савва Саввичъ, теперь и Богъ велѣлъ подать руку примиренія всѣмъ вашимъ недругамъ, какъ вамъ не разъ совѣтовали это сдѣлать и другіе.

— А правда ли, говорятъ, продолжалъ директоръ, что у васъ что-то начато давно и подъ какимъ-то особеннымъ названіемъ? прервалъ Перепелкина Форникатовъ.

— Да, начато давно... матеріаловъ собрано много, обдумывается только форма. Названіе будетъ: „Русскій Донъ-Кихотъ".

— Какая же задача этого будущаго сочиненія? спросилъ Форникатовъ нѣсколько павшимъ, заробѣлымъ голосомъ.

— Здѣсь имѣется въ виду типическими чертами изобразить всю Русь, начиная съ сороковыхъ годовъ и далѣе, говорилъ Перепелкинъ самоувѣреннымъ, негодующимъ тономъ, какъ бы заранѣе предвкушая удовольствіе отъ имѣющаго представиться случая получить удовлетвореніе за всѣ обиды, какія были и могутъ еще быть сдѣланы ему здѣсь отъ людей, враждебно настроенныхъ противъ него, людей низкихъ, воровatыхъ, съ загребистыми руками.

Форникатовъ сдѣлалъ серьезную физіономію. Замѣтно было, что его сильно озадачила выяснившаяся идея будущаго сочиненія Перепелкина, и что ему сильно хочется сказать что-то, но что именно—не знаетъ и не можетъ придумать сейчасъ. Помаявшись минуты двѣ-три въ раздумьи надъ рѣшеніемъ этой задачи, съ такою напряженностію мысли, что даже потъ выступилъ на его блѣдномъ лбу, онъ холодно простился съ Перепелкинымъ и скорыми мелкими шажками быстро направился въ хозяйственный комитетъ, гдѣ его ждала масса дѣлъ по постройкѣ хозяйственнымъ способомъ хорошихъ зданій для корпуса, дѣлъ и вопросовъ, нарочно пригоняемыхъ къ одному дню, чтобы отуманить голову. Но на этотъ разъ бандиты жестоко ошиблись. Форникатовъ постоянно ко всему придирался, спорилъ, сердился, ни съ кѣмъ ни въ чемъ не соглашаясь, и такъ и оставилъ засѣданіе, почти ничего не порѣшивъ окончательно.

— Что бы это значило? разсуждали вслухъ главари банды, разгуливая по двору корпуса.

— Не былъ ли онъ разсерженъ чѣмъ въ классахъ? обратился кто-то изъ нихъ съ вопросомъ къ одному изъ воспитателей, проходившему мимо нихъ.

— Нѣтъ, кажется, ничего такого не случилось. А вотъ развѣ не разсердилъ ли его Перепелкинъ? Они долго вдвоемъ недалеко здѣсь стояли, оба были угрюмы и, повидимому, вели серьезный разговоръ. До меня только одно слово Донъ-Кихотъ, произнесенное Перепелкинымъ, долетѣло.

Раздался взрывъ хохота.—Да это онъ, идіотъ, хочетъ запугать насъ какимъ-то тамъ дикимъ сочиненіемъ, подъ названіемъ Донъ-Кихотъ, о которомъ, помните, говорилъ Ненко, будто оно пишется, а нашъ маршалъ-аплике навѣрное уже струсилъ, услышавъ отъ самого автора объ этомъ.

На другой день, встрѣтившись съ Форникатовымъ на улицѣ, Перепелкинъ счелъ самымъ удобнымъ моментомъ высказаться предъ нимъ опредѣленнѣе и энергичнѣе относительно своего положенія и просить о переводѣ въ другой корпусъ.

— Я отъ васъ не приму этого рапорта, съ сердцемъ отозвался Форникатовъ, а почему,—вы сами понимаете: у насъ тутъ большая путаница произошла въ отчетностяхъ за конченную постройку одного зданія и продолжающуюся другаго. Ходатайствовать теперь о вашемъ переводѣ значило бы—повѣрьте мнѣ—и себя погубить, и относительно васъ не достигнуть желательной цѣли. Вѣдь, ваши отношенія къ нашему хозяйственному комитету таковы, что каждый членъ, въ вашемъ намѣреніи перейти на службу въ другой корпусъ, заподозритъ умыселъ путемъ прессы разоблачить кой-какія неблаговидныя дѣ-

лишки. Повѣрьте, это такъ. А чего же мнѣ, за услугу вамъ въ исполненіи вашего желанія, ожидать отъ людей, поставленныхъ въ опасность быть пойманными и уличенными на мѣстѣ преступленія? Подумайте объ этомъ, я вамъ головой ручаюсь, что васъ совершенно оставятъ въ покоѣ, если вы перестанете обращать вниманіе на сплетни и клеветы, распускаемыя про васъ и ваше семейство въ городѣ, и на разныя глупыя выходки противъ васъ, откуда бы онѣ ни происходили. Неужели вы думаете, что даже высокопоставленныя лица не подвергаются въ провинціи разнымъ непріятностямъ и оскорбленіямъ?

Все это Форникатовъ говорилъ, повидимому, искренно и участливо, почему Перепелкинъ взялъ рапортъ назадъ и обѣщалъ послѣдовать его совѣту.

Но въ скоромъ времени пришлось ему раскаиваться въ такой опрометчивости. Могъ ли Форникатовъ, запутавшійся въ сѣти бандитовъ, дѣйствовать самостоятельно, по собственнымъ убѣжденіямъ и согласно съ требованіями строгой справедливости? Человѣкъ онъ былъ мягкій, сердечный, а бандиты, впившіеся въ него когтями, были народъ совершенно безсердечный, никакими нравственными правилами не сдерживаемый и съ такими хищническими наклонностями, что каждый изъ нихъ и отца роднаго не пощадилъ бы, еслибъ тотъ сталъ препятствіемъ имъ на пути хищеній и противодѣйствовалъ алчнымъ проидошествамъ. Въ ихъ кружкѣ давнымъ давно на передъ все было основательно обдумано, взвѣшано, и никакой лакомый кусокъ, издалека и задолго намѣченный ими, не могъ попасть въ чужія руки или въ чужой ротъ.

Гдѣ же бѣдному Форникатову взять было силъ тягаться съ такой ордой? Онъ просто былъ несчастной жертвой злаго рока. Едва-ли даже приходило ему въ голову, что онъ играетъ чрезвычайно жалкую роль по всѣмъ частямъ своего немаленькаго района управленія.

Въ это же время изъ Петербурга стали чаще настаивать о присылкѣ подробныхъ отчетностей по возведенію хозяйственнымъ способомъ дорогихъ зданій. А тутъ еще высшая мѣстная власть, живя близко отъ пансіона, стала чаще навѣщать заведеніе и всякій разъ, при входѣ въ рекреаціонныя залы, твердила: „что хотите, господа, дѣлайте, но чтобъ у васъ вони этой не было, которая такъ и бьетъ въ носъ свѣжему человѣку“.—Вонь эта происходила отъ экскрементовъ, ежедневно рано утромъ выносимыхъ служителями-солдатиками изъ ретирадныхъ ящиковъ. „Почему же у васъ въ такихъ дорогихъ зданіяхъ не устроены ватерклозеты? Вѣдь рѣчка подъ носомъ у васъ протекаетъ“, всегда говорила серьознымъ, даже суровымъ тономъ,

та же власть. Форникатовъ совсѣмъ потерялъ голову. И немудрено. Его всегда старались запугивать мелочными кознями со стороны неугомоннаго Перепелкина, приписывая его проискамъ и эти строгія требованія отчетностей изъ Петербурга, и явное недовольство главы края возведенными постройками. Перепелкинъ рѣшительно не зналъ, какъ разсѣять эти глупыя, совершенно неосновательныя предубѣжденія противъ него. Прибѣгать къ низкимъ подлымъ способамъ окольными путями доводить до свѣдѣнія начальства преступныя дѣйствія бандитовъ, или кого бы то ни было, онъ положительно не могъ по своей честной натурѣ; но и не скрылъ бы ихъ, если бы его спросили. Это заставляло его уклоняться отъ встрѣчи съ лицами, пріѣхавшими въ Муть съ фискальными цѣлями и наводившими ужасъ на бандитовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что по своей честной прямотѣ онъ ни предъ кѣмъ не воздержался бы высказаться въ такихъ выраженіяхъ, какія не однажды слышали отъ него близкіе къ нему люди, вродѣ: „корыстолюбіе царитъ здѣсь надъ всѣми и всѣмъ, миритъ всѣхъ и вся, за исключеніемъ только такихъ нравственныхъ уродовъ, какъ я. Когда-нибудь историкъ этого учрежденія задумается надъ вопросомъ: какъ это по собственной волѣ оторвавшіеся отъ хлѣбныхъ должностей—грабительски вороватый экономъ и хитроумный человѣкъ, завѣдывавшій швальней, преобразовавшись, къ изумленію сослуживцевъ, первый въ бухгалтера, а второй въ воспитателя, прибрали къ своимъ рукамъ всѣ дѣла хозяйственнаго комитета по постройкѣ дорогихъ зданій и положили навѣки неизгладимое пятно на учрежденіе, деморализуя и развращая юношество явными, совершенно неприкрытыми хищеніями. Позадумается и надъ тѣмъ, какъ это и честные люди, попадая въ заколдованный кругъ этихъ безчестныхъ дѣятелей, не вопіяли противъ злоупотребленій, противъ которыхъ и камни, казалось бы, должны бы вопіять“.

Перепелкинъ рѣшился наконецъ оставить Сибирь, чему содѣйствовали и нѣкоторыя обстоятельства служебныя. Срокъ на выслугу маленькой эмеритуры кончился, а отъ высшей власти надъ корпусами, въ первый разъ посѣтившей „Муть“, было сообщено чрезъ Форникатова Перепелкину, что „если онъ, по болѣзни глазъ, затрудняется въ исполненіи своихъ обязанностей, то ничего не потеряетъ, выйдя въ отставку, такъ какъ имъ выслужено все, чего можно достигнуть на его должности“. Форникатовъ, съ помощью секретаря, любезно пояснилъ это обѣщаніе, формулируя его такъ: „пенсію вы давно получаете на службѣ, вслѣдствіе чего вамъ не откажутъ, при увольненіи въ отставку, въ повышеніи чиномъ, а чрезъ это возвышается ваша эмеритальная пенсія. Сверхъ того, можно будетъ ходатайствовать объ увеличеніи вашей учительской пенсіи до двухъ третей по-

лучавшагося вами на службѣ жалованья, какъ это теперь во всѣхъ вѣдомствахъ принято. Что же касается до неправильныхъ разсчетовъ по назначенію вамъ прибавочнаго жалованья за три пятилѣтія и неназначенія за четвертое, то я никакого сомнѣнія не имѣю въ томъ, что это все исправлено будетъ немедленно, потому что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ, какъ говоритъ мудрая русская народная пословица".

Надо думать, что Форникатовъ говорилъ это искренно, и если не сдержалъ слова, то очевидно въ силу давленія черной банды, вліявшей на секретаря сильнѣе, чѣмъ онъ самъ, и спутавшей дѣло о прибавкахъ до такой степени, что оно и по разсмотрѣніи его впослѣдствіи Сенатомъ ни для кого не сдѣлалось яснымъ, а еще болѣе затемнилось, какъ бы въ доказательство того, что черная банда въ состояніи затемнить какой угодно свѣтъ, если не представляется ужъ возможности, хоть малѣйшей, совершенно скрыть его отъ глазъ другихъ.

Скрыть же его отъ глазъ другихъ на первыхъ порахъ было не только трудно, но и опасно въ виду многихъ соображеній. Для всѣхъ еще было памятно, что Перепелкинъ не самъ просился въ отдаленный корпусъ на службу, но его съ большимъ трудомъ упросило мѣстное начальство промѣнять службу въ столицѣ на службу въ провинціи, въ виду тѣхъ преимуществъ, какія предоставлены закономъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ государства. Главнѣйшее изъ преимуществъ состояло въ назначеніи прибавочнаго жалованья за каждое пятилѣтіе въ продолженіе двадцати лѣтъ, пока оно не сравняется съ нормальнымъ окладомъ, присвоеннымъ занимаемой должности. Учителя получали различное жалованье, смотря по предметамъ наукъ, способности къ ихъ преподаванію и числу уроковъ, дѣлились на двѣ категоріи – старшихъ и младшихъ, которымъ и присвоены были опредѣленной нормы оклады, на практикѣ давно вышедшіе изъ употребленія, какъ никого не прельщавшіе по своей крайней мизерности.

Въ учрежденіи, завѣдывавшемъ корпусами, было выяснено, что въ скоромъ времени будетъ утверждено положеніе, на основаніи котораго за норму прибавочнаго жалованья учителямъ корпусовъ будетъ принятъ средній по пятилѣтней сложности окладъ поурочной имъ платы, или тотъ, какой они имѣли въ день выслуги срока на прибавку. Только на основаніи этого выясненія, сдѣланнаго въ присутствіи инспектора классовъ того дальняго корпуса, куда давно вызывался Перепелкинъ для занятія должности учителя русскаго языка и словесности, онъ послѣ долгихъ колебаній рѣшился, наконецъ, промѣнять службу въ столицѣ на службу въ самой отдаленной и глухой провинціи. Каково жъ было его удивленіе, когда, по истеченіи

пяти лѣтъ, ему назначена была прибавка не изъ 1.400 рублей, его оклада, получавшагося въ день выслуги срока на прибавку, а изъ 500 рублей, стариннаго оклада младшихъ учителей. Озадаченный этимъ, онъ спѣшитъ къ директору за разъясненіемъ.

— Я рѣшительно понять этого не могу, сказало добродушное начальство, тѣмъ болѣе, что вы наставникъ-наблюдатель, слѣдовательно, двумя классами выше того ранга, которому присвоенъ этотъ окладъ. Тутъ есть какое-то недоразумѣніе, и мы постараемся исподволь его выяснить. Наши отзывы о вашей умѣлой и успѣшной дѣятельности, равно какъ и отзывы пріѣзжавшихъ инспектировать корпусъ, хорошо извѣстны въ Петербургѣ тѣмъ, кому вѣдать надлежитъ эти дѣла, а потому васъ не обидятъ. Знаете ли русскую пословицу: „за Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаютъ“.

Перепелкинъ успокоился, искренно вѣря въ непреложность такой истины, выражавшей народное убѣжденіе. Правда, да, другая истина той же народной мудрости, выраженная въ пословицѣ: „до Бога высоко, до царя далеко“, нерѣдко безпокоила его. Доброжелатели Перепелкина—а ихъ было все-таки немало, несмотря на чрезмѣрныя усилія бандитовъ вызвать къ нему вражду и ненависть у всѣхъ жителей Непроницаемой Мути—часто его упрекали въ слишкомъ большой довѣрчивости къ обѣщаніямъ столичнымъ и здѣшнимъ.

— Не сули мнѣ журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки, говорили нѣкоторые со злостью: вы испортите все дѣло о прибавкахъ. Вамъ наобѣщали въ столицѣ много, а прибавку за первое пятилѣтіе назначали изъ допотопнаго оклада, какъ бы въ насмѣшку за то, что о васъ идутъ отсюда въ столицу великолѣпные отзывы, слѣдствіемъ чего было назначеніе васъ наставникомъ-наблюдателемъ. Вамъ надо подать чрезъ здѣшнее начальство въ столицу рапортъ съ запросомъ, на какомъ основаніи избранъ этотъ мизерный окладъ за норму прибавочнаго вамъ жалованья. А упустите время—вамъ скажутъ: „на то щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ“.

— Да возможно ли допустить даже мысль—обыкновенно отвѣчалъ на это идеалистъ-педагогъ, чтобы какое бы то ни было казенное учрежденіе въ дѣлахъ подобнаго рода руководствовалось принципами, свойственными маклакамъ-кулакамъ: „что съ воза упало, то пропало“. Перепелкинъ даже злился, доказывая своимъ пріятелямъ невозможность допускать даже мысль о подобныхъ отношеніяхъ казеннаго учрежденія къ данному вопросу.

Наступалъ срокъ назначенія прибавки за второе пятилѣтіе, и Перепелкинъ ожилъ, возмечтавъ и громко дѣлясь съ пріятелями своими мечтами въ томъ родѣ, что недоразумѣнія выяснятся и относительно неправильнаго назначенія первой, а вторая ужъ, безъ всякаго сомнѣ-

нія, будетъ назначена или изъ оклада, какой онъ имѣлъ въ день выслуги срока на нее, именно изъ 2.256 руб., или же изъ средняго пятилѣтняго, составлявшаго 2.000 рублей съ небольшимъ.

Замѣчательно, что и бандиты вслухъ говорили повсюду, что иначе быть и не можетъ. Но случилась клубная исторія, выше объясненная, поведшая къ тому, что Перепелкинъ предпочелъ лучше совсѣмъ удалиться изъ Непроницаемой Мути, чѣмъ извиниться предъ сослуживцемъ въ мнимомъ оскорбленіи, нанесенномъ якобы его семейству. Нѣтъ сомнѣнія, что и клубная исторія, и мнимое оскорбленіе были дѣломъ бандитовъ, твердо рѣшившихся выжить неудобнаго для нихъ человѣка въ минуту разрѣшенія важнѣйшаго вопроса: продолжать ли постройку чрезъ подрядчика, заготовившаго для нея уже много матеріала, или, отстранивъ его подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, взяться самимъ за возведеніе дорогаго зданія хозяйственнымъ способомъ. Какою же помѣхой въ этомъ дѣлѣ служитъ имъ Перепелкинъ? Какъ не помѣхой—человѣкъ, который, еще при первомъ слухѣ объ устраненіи вполнѣ состоятельнаго подрядчика и о замѣнѣ его хозяйственнымъ комитетомъ, такъ выразился въ присутствіи директора и многихъ сослуживцевъ: „да разсѣетъ милость Божія эту черную тучу, надвигающуюся на свѣтломъ горизонтѣ учащагося юношества, которое только-что пробудилось отъ мертвящей спячки и начинаетъ интересоваться идеальной стороной человѣческой жизни и нравственными ея запросами".

„Чтобъ тебѣ языкъ отсохъ за эти рѣчи", выругалъ тихонько одинъ изъ бандитовъ, не въ далекомъ разстояніи отъ Перепелкина стоявшій.

Перепелкину казалось, что эту, невольно сорвавшуюся съ устъ бандита, ругань слыхалъ и директоръ, потому что онъ сейчасъ же вышелъ вслѣдъ за Перепелкинымъ и, догнавъ его, повелъ горячую рѣчь на тему, вызвавшую протестъ бандита.

— Вы слишкомъ непрактичны, Савва Саввичъ: ну, скажите, пожалуйста, можно ли было, при враждебныхъ отношеніяхъ къ вамъ во всемъ городѣ, говорить то, что вы сейчасъ сказали? Вѣдь, теперь, навѣрное, во всѣхъ кружкахъ того пошиба, какой возбуждаетъ въ васъ отвращеніе, громко заговорятъ: зачѣмъ намъ все идеальныя, да идеальныя стремленія, когда девизомъ военнаго должны быть слова: побѣды на враговъ и одолѣніе?

Предостереженія добродушнаго начальника корпуса были основательны, такъ какъ бандиты десятки лѣтъ отплачивали Перепелкину разными мерзостями за необдуманно сказанныя слова.

Тяжкія думы стали наполнять голову Перепелкина, когда приблизилось время оставить, наконецъ, Непроницаемую Муть. Выслуживъ все, что было можно, Перепелкинъ отправился въ Петербургъ.

Прибытіе въ столицу сразу во многомъ разочаровало Перепелкина. Его предположенія, что здѣсь по части этическихъ вопросовъ все иначе идетъ, чѣмъ въ глухой провинціи, оказались неосновательными; а затѣи найти сочувствіе и поддержку къ осуществленію многихъ литературныхъ вещей, нешаблоннаго типа, возбуждали только однѣ улыбки, не потому, чтобъ тутъ могли встрѣтиться препятствія со стороны цензуры, и просто потому, что „намъ", дескать, „эти не ко двору".

Учрежденіе, отъ котораго зависѣло удовлетворить претензіи Перепелкина по неправильному назначенію прибавочнаго жалованья за все время его службы въ отдаленномъ краѣ, повидимому, благосклонно отнеслось къ этому дѣлу, такъ какъ на прошеніи его, посланномъ предъ отъѣздомъ изъ Мути, ему показывали резолюцію главнаго начальства: „сдѣлать все, что возможно, но по закону".

Ну, и слава тебѣ, Господи, думалъ про себя Перепелкинъ: значитъ, право было начальство въ Мути, когда говорило, при его попыткахъ бѣжать оттуда, что надо прежде дождаться исправленія неправильно опредѣленныхъ прибавокъ за первыя три пятилѣтія, равно какъ и новаго положенія за четвертое, которое въ скоромъ времени должно выйти.

Сущность дѣла состояла въ томъ, что по закону прибавки должны были назначаться изъ окладовъ жалованья, присвоенныхъ должностямъ, а такъ какъ старинные учительскіе оклады не были настолько заманчивы, чтобы привлекать дѣльныхъ людей въ отдаленные края, то нормой для прибавокъ за каждое пятилѣтіе въ продолженіе 20 лѣтъ сперва служила поурочная годовая плата, какую кто имѣлъ въ день выслуги срока на прибавку, а затѣмъ средняя, выведенная изъ пятилѣтней сложности годовыхъ уроковъ. На этой-то струнѣ и разыгрывались для Перепелкина такія варіаціи, которыя, конечно, понятны были виртуозамъ, но ему или вовсе не объяснялись, или толковались такъ сбивчиво, неопредѣленно, что прошлось судиться, но и тутъ вышли удивительныя дѣла. Прежде всего ребромъ былъ поставленъ вопросъ: на какомъ основаніи назначена была первая прибавка изъ 500 рублей. Въ Мути, на мѣстѣ службы, были удивлены и служащіе, и начальство выборомъ такой нормы, но все-таки находили хоть нѣкоторое объясненіе. Вотъ и другой варіантъ тѣхъ сценъ и разговоровъ по поводу первой прибавки, какія уже выше были описаны.

— Не утверждено еще, значитъ, новое положеніе, по которому за норму прибавки должна приниматься поурочная годовая плата, такъ объясняли въ канцеляріи заведенія.

— Хорошо! говорилъ неспокойно Перепелкинъ, но почему именно

за норму взяли 500 рублей? Вѣдь это старинный окладъ младшихъ учителей, а я наставникъ-наблюдатель, стало-быть, двумя рангами выше, а этой должности, кажется, присвоенъ окладъ въ 750 рублей.

— Такъ-то такъ, но ужъ этого объяснить мы не можемъ, отвѣчалъ секретарь канцеляріи.

Перепелкинъ, взволнованный такой неожиданностью, отправился къ директору корпуса.

— Недоумѣваю и скорблю, сказалъ его превосходительство, но думаю, что если это ошибка, то ее поправить будетъ не трудно, а если это сдѣлано въ ожиданіи только утвержденія новаго положенія, то и безъ нашего представленія поспѣшатъ возстановить дѣло въ надлежащемъ видѣ, иначе бы это оказалось задачей, положительно ни для кого непонятной. Только не волнуйтесь и успокойтесь, помните, что „за Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаютъ“, говоритъ нашъ народъ.

Помощникъ начальника, вызвавшій Перепелкина на службу въ Муть, съ большей увѣренностью замѣтилъ, что, по всей вѣроятности, тутъ произошла ошибка, которую и надо выяснить посредствомъ представленія высшему начальству.

Но затѣянному Перепелкинымъ дѣлу о неправильныхъ назначеніяхъ ему прибавочнаго жалованья дали такое направленіе, что оно тянулось десятки лѣтъ, прошло разныя инстанціи и кончилось, на смѣхъ людямъ, выдачей ему 460 руб. изъ претензіи, простиравшейся до 8.500 руб. Вотъ, дескать, тебѣ на орѣхи за тридцатилѣтнюю твою службу въ отдаленномъ краѣ, да еще сверхъ того торжественно на словахъ прибавили, что они дарятъ или прощаютъ ему какія-то четыре тысячи рублей.

Что же это за подарокъ такой? сталъ разслѣдовать ограбленный на законномъ основаніи педагогъ. Оказались невѣроятныя, удивительныя вещи. Сначала контроль мѣстный, по предписанію главнаго контроля, разсмотрѣвъ, чрезъ помощника ревизора, претензіи Перепелкина насчетъ неправильныхъ назначеній прибавочнаго ему жалованья за первыя три пятилѣтія и отказъ въ назначеніи за 4-е; пришелъ къ такимъ выводамъ: 1-е, за 4-е пятилѣтіе не могла быть назначена прибавка на томъ основаніи, что нормальный окладъ поурочной платы понизился у Перепелкина за послѣднее время, вслѣдствіе болѣзни глазъ, продолжавшейся болѣе года, на 500 руб. противъ получаемаго имъ за первыя три пятилѣтія прибавочнаго жалованья, которое, на основаніи законовъ, и должно быть уменьшено на эту сумму. Почему 2-е: войти съ представленіемъ, по принадлежности, о взысканіи съ Перепелкина переполученнаго имъ за прежнее время прибавочнаго жалованья и опредѣленіи ему на будущее время прибавки въ

размѣрѣ на 500 руб. меньшемъ. Такое мнѣніе и толкованіе законовъ со стороны помощника ревизора контрольной палаты Перепелкинъ назвалъ абсурдомъ въ прошеніи, поданномъ въ Правительствующій Сенатъ. И онъ былъ совершенно правъ: затѣмъ-то и выборъ для разсмотрѣнія такого вопроса палъ на помощника ревизора, чтобы не пришлось краснѣть старшимъ. Но это была только уловка со стороны контроля, уловка съ цѣлью опѣшить педагога и затянуть дѣло. Оно и затянулось около 8 лѣтъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, 12 лѣтъ раньше въ Мути до выхода Перепелкина въ отставку, слѣдовательно, 20 лѣтъ оно было въ ходу и кончилось полнымъ почти фіаско для него. Ну, можно ли такъ халатно относиться къ существеннымъ своимъ интересамъ? Врагамъ его, отличавшимся ловкостью и проворствомъ, конечно, это было на руку: они видѣли, съ кѣмъ имѣли дѣло. Припомните, съ какою наивностью, чтобъ не сказать болѣе, отнесся онъ къ предостереженіямъ своихъ друзей по поводу неправильнаго назначенія ему первой прибавки. „Протестуйте, протестуйте, да порѣзче и немедленно, говорили ему, а потомъ, пожалуй, будетъ поздно“: „на то, скажутъ—щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ“. А онъ надрывается, чтобъ доказать имъ, что отъ высокихъ учрежденій нельзя ожидать, чтобъ они руководствовались поговоркой, практикуемой въ общежитіи: „что съ воза упало, то пропало“. По службѣ я не дремалъ, дѣятельность мою цѣнятъ въ столицѣ и здѣсь, благодарятъ, награждаютъ, недавно произвели въ наставники-наблюдатели, съ какой же стати и на какомъ основаніи будутъ обсчитывать? По всей вѣроятности, какъ и здѣшнее начальство думаетъ, еще не утверждено то положеніе, о которомъ мнѣ въ столицѣ говорили при опредѣленіи меня сюда. Лукавые бандиты любезно поддакивали ему, хотя стоило Перепелкину кинуть на нихъ только косвенный взглядъ, чтобы прочесть на ихъ лицахъ и въ плутовскихъ глазахъ плохо скрываемое злорадство, по поводу котораго одинъ изъ наиболѣе расположенныхъ къ нему товарищей, выходя съ нимъ вмѣстѣ изъ сборной учительской комнаты, шепнулъ ему на ухо: „да, вѣдь, эти шельмы отца роднаго продадутъ, еслибъ онъ для нихъ оказался такимъ неудобнымъ, какъ вы, Савва Саввичъ“.

Горнозаводская служба и общественная жизнь на Уралѣ въ крѣпостное время.

Горное вѣдомство, до уничтоженія крѣпостнаго права, находилось, сравнительно съ другими вѣдомствами, въ особомъ и даже, можно сказать, исключительномъ положеніи.

Внутренняя организація громаднаго, заводскаго района Урала была устроена сообразно съ духомъ времени и его требованіями и представляла собою нѣчто цѣльное, обособленное и совершенно отличное отъ организаціи управленій другихъ вѣдомствъ.

Всѣ уральскіе заводы управлялись своимъ, горнымъ начальствомъ, имѣли свой судъ, свою полицію, военную стражу, учебныя и благотворительныя заведенія и свой контингентъ нижнихъ чиновъ и рабочихъ людей, приписанныхъ къ нимъ на правахъ крѣпостныхъ.

Не только горные инженеры, но и всѣ чиновники, мелкіе служащіе, мастеровые и работники пользовались особыми правами и преимуществами.

Для горнозаводскаго населенія было сдѣлано все возможное для того, чтобы оно было вполнѣ обезпечено не только въ матеріальномъ, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. И дѣйствительно, на Уральскихъ заводахъ не замѣчалось такой бѣдноты, приниженности и безпомощности, какія проявлялись нерѣдко среди крѣпостныхъ людей принадлежавшихъ помѣщикамъ.

Уже состоя на заводской службѣ, въ семидесятыхъ годахъ, слыхалъ я отъ стариковъ-мастеровыхъ, какъ они добрымъ словомъ поминали тѣ годы своей службы, которые провели на казенныхъ заводахъ, при крѣпостномъ правѣ.

Это прежнее, своеобразное и соотвѣтствовавшее требованіямъ того времени устройство горной части на Уралѣ мало кому извѣстно.

*

Не только лица, чуждыя горному міру, но даже большинство горныхъ инженеровъ и чиновниковъ врядъ-ли знаютъ, при какихъ условіяхъ и порядкахъ доводилось служить и жить на заводахъ нашимъ отцамъ и дѣдамъ.

Но мнѣ, до двѣнадцатилѣтняго возраста проведшему свое дѣтство въ одномъ изъ Уральскихъ заводовъ, предоставлялась полная возможность, если не изучать, то по крайней мѣрѣ наблюдать общественную жизнь всѣхъ слоевъ заводскаго населенія.

А большинство дѣтей, какъ извѣстно, крайне воспріимчиво и не лишено наблюдательности. Отъ ихъ зоркаго зрѣнія и чуткаго слуха не ускользнутъ ни малѣйшія детали комедій и драмъ, разыгрываемыхъ людьми на подмосткахъ житейской сцены, и ни мысли ихъ, громко и часто безъ стѣсненія выражаемыя въ дружескихъ бесѣдахъ и словопреніяхъ.

Поэтому естественно, что я, съ пяти-шести-лѣтняго возраста, т. е. въ теченіе шести-семи лѣтъ, а именно съ 1846 по 1853 годъ, имѣлъ возможность ознакомиться съ служебнымъ положеніемъ и обязанностями горныхъ чиновниковъ, съ ихъ домашнимъ бытомъ, нравами, обычаями, словомъ, со всѣмъ тѣмъ, изъ чего слагается повседневная жизнь каждаго общества.

Не могъ я такъ же не пріобрѣсти нѣкоторыхъ свѣдѣній и о житьѣ-бытьѣ рабочаго люда, о его зависимомъ положеніи, его правахъ и обязанностяхъ.

Часть этихъ свѣдѣній пріобрѣталась личными наблюденіями и общеніемъ съ прислугою и низшими, подчиненными отцу, служащими. Другая же часть узнавалась изъ разговоровъ и разсказовъ ихъ, когда они, не стѣсняясь, дѣлились, въ людскихъ, между собою, и своими радостями, и своими печалями.

Тогда, въ дѣтствѣ, общественная жизнь всѣхъ слоевъ общества, а также и взаимныя между этими слоями отношенія казались обычными, и о возможности измѣненія этой жизни въ какую-либо иную не приходило даже въ голову, не только намъ, дѣтямъ, но и нашимъ родителямъ.

А между тѣмъ, достаточно было восьми-десяти-лѣтняго періода, чтобы весь строй заводской жизни измѣнился и измѣнился на столько замѣтно, что новому поколѣнію, выросшему при другихъ условіяхъ и знавшему о немъ лишь по разсказамъ, казался чѣмъ-то архаическимъ, отжившимъ и ненормальнымъ.

Вернувшись въ заводъ черезъ восемь лѣтъ изъ Петербурга, гдѣ все это время провелъ въ стѣнахъ учебнаго заведенія, я сразу замѣтилъ разницу между прежнимъ и настоящимъ строемъ заводской жизни.

Да иначе и быть не могло.

Увезли меня въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, когда объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости еще не было и помина, а вернулся домой въ началѣ шестидесятыхъ, когда оно стало уже фактомъ свершившимся.

И, вотъ, послѣ этого, одного изъ важнѣйшихъ, въ исторіи Россійскаго государства, событія, условія заводской жизни на Уралѣ, почти неизмѣнно сохранявшіяся въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, стали постепенно и незамѣтно все болѣе и болѣе видоизмѣняться и дѣлаться иными, очень мало похожими на прежнія.

Полагая, съ своей стороны, что ознакомленіе съ горнозаводскимъ бытомъ добраго стараго времени будетъ не безъинтересно для читателей, я взялъ на себя трудъ печатно подѣлиться съ ними моими личными воспоминаніями и разсказами старожиловъ, относящимися исключительно къ служебной и общественной жизни на казенныхъ заводахъ Урала, въ крѣпостное время.

I.

Горное вѣдомство, до конца шестидесятыхъ годовъ, состояло подъ непосредственнымъ управленіемъ министра финансовъ, какъ главноуправляющаго корпусомъ горныхъ инженеровъ. Онъ управлялъ этимъ вѣдомствомъ черезъ посредство высшихъ, горныхъ учрежденій, а именно: штаба корпуса горныхъ инженеровъ, департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ и мѣстныхъ начальствъ.

Въ составъ чиновъ горнаго вѣдомства входили горные инженеры и классные чиновники. Первые завѣдовали преимущественно распорядительною и искусственною частями, а послѣдніе—письмоводствомъ, хозяйственной, счетной и другими частями.

Управленію горнаго вѣдомства подлежали всѣ казенные и частные заводы и промыслы, какъ Европейской, такъ и Азіатской Россіи.

Уральскіе заводы и промыслы, сосредоточенные въ Пермской, Вятской, Оренбургской, Уфимской и Казанской губерніяхъ, подчинялись отдѣльному, мѣстному начальству.

Всѣ уральскіе казенные заводы дѣлились на шесть горныхъ округовъ, состоявшихъ, каждый, изъ нѣсколькихъ заводовъ и заводскихъ селеній.

Каждый заводъ представлялъ собою болѣе или менѣе значительный городъ, или городокъ, съ устроенными въ немъ фабриками, и

былъ надѣленъ особою дачею, состоящею изъ мѣстныхъ, пашенныхъ, сѣнокосныхъ и рудничныхъ площадей.

Къ каждому заводу, на крѣпостномъ правѣ, было приписано извѣстное число рабочихъ людей, часть которыхъ проживала въ заводѣ, а другая часть — въ небольшихъ селеніяхъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ въ разныхъ мѣстахъ заводской дачи. Помимо рабочихъ людей, въ заводахъ проживали еще нижніе чины линейныхъ баталіоновъ, исполнявшихъ обязанности горной стражи.

Количество народонаселенія въ горныхъ городахъ, заводахъ и заводскихъ селеніяхъ, смотря по степени ихъ значительности, составляло отъ нѣсколькихъ сотъ до двадцати пяти тысячъ и болѣе душъ обоего пола.

Контингентъ собственно заводскаго населенія состоялъ изъ нижнихъ чиновъ, мастеровыхъ и работниковъ; имъ присвоялись права военнослужащихъ, а поэтому они сравнивались: первые—съ унтеръ-офицерами, а послѣдніе—съ рядовыми военной службы.

Нижніе чины занимали должности писарей, чертежниковъ, уставщиковъ, межевщиковъ, пробирщиковъ, мастеровъ, фельдшеровъ и лѣкарскихъ и аптекарскихъ учениковъ. Сообразно съ степенью образованія и исполняемыми ими обязанностями, они носили званія урядниковъ 1, 2 и 3 статьи и получали жалованье, положенное штатами. Кромѣ того, получавшимъ менѣе ста рублей въ годъ выдавался еще провіантъ: холостымъ — по два, а женатымъ — по четыре пуда въ мѣсяцъ.

Уставщики, мастера, межевщики и пробирщики, пока числились въ этихъ званіяхъ, освобождались отъ тѣлеснаго наказанія. Званій же своихъ они могли лишиться только по суду.

Нижніе чины и мастеровые, совершившіе уголовное преступленіе, судились военнымъ судомъ и были освобождены отъ рекрутскаго набора и отъ всѣхъ другихъ государственныхъ податей и повинностей.

Мастеровые, кромѣ рабочей платы, получали еще провіантъ: холостые—по два и женатые—по четыре пуда въ мѣсяцъ. Семейнымъ же, кромѣ того, выдавалось еще по одному пуду на каждаго малолѣтка мужскаго и женскаго пола; при чемъ на послѣдняго только до восемнадцатилѣтняго возраста.

Малолѣтками мужскаго пола считались дѣти до 15 лѣтъ. Дѣти же, отъ 15 до 18 лѣтъ, назывались подростками.

Всѣ дѣти, мальчики, съ восьмилѣтняго возраста, поступали въ заводскія школы. По окончаніи школьнаго курса, лучшія изъ нихъ, по успѣхамъ, опредѣлялись къ занятіямъ, по письменной и другимъ частямъ, въ разныя заводскія учрежденія. Остальныя же, до пятнад-

цатилѣтняго возраста, помогали родителямъ, въ разныхъ домашнихъ работахъ, или, въ случаѣ надобности, употреблялись въ легкія заводскія работы, исключительно денныя и продолжавшіяся не болѣе восьми часовъ въ сутки.

Во все время пребыванія въ школѣ, малолѣткамъ производилось жалованье, по 15-ти копѣекъ въ мѣсяцъ. Съ поступленіемъ же въ заводскія работы, жалованье это увеличивалось до 22-хъ копѣекъ. Кромѣ того, имъ выдавался также провіантъ: малолѣткамъ — по полтора, а подросткамъ — по два пуда въ мѣсяцъ.

Съ восемнадцатилѣтняго возраста подростки перечислялись въ разрядъ полныхъ работниковъ.

Каждый изъ горнозаводскихъ рабочихъ, пожелавшій заняться въ заводѣ, или на сторонѣ, какимъ-либо своимъ дѣломъ, ремесломъ или торговлей, имѣлъ право нанять вмѣсто себя, за свой счетъ, годнаго работника изъ мѣщанъ, крестьянъ, или иновѣрцевъ.

Всѣ нижніе чины и мастеровые пользовались медицинскою помощью и призрѣніемъ преимущественно за счетъ завода.

Больные лѣчились на дому и въ госпиталѣ. Въ послѣдній обыкновенно поступали въ случаяхъ болѣе или менѣе серьезныхъ заболѣваній. Во время пребыванія въ госпиталѣ, они получали половинное жалованье; другая же половина и провіантъ, лично имъ слѣдующій, удерживался съ нихъ за лѣченіе.

Престарѣлые, безпомощные и увѣчные содержались въ богадѣльнѣ. Если, по недостатку мѣстъ, нѣкоторые изъ нихъ не могли быть приняты, то таковымъ, хотя-бы они получали пенсіи, выдавался еще провіантъ, въ размѣрѣ, положенномъ штатами.

Собственно мастеровыми назывались работавшіе въ заводскихъ мастерскихъ и фабрикахъ.

Они дѣлились на три статьи и, сообразно съ этимъ, а также и мѣстными условіями получали слѣдующую рабочую плату: мастеровые 1-ой статьи отъ 6 до 7, второй—отъ 4 до 6 и третьей—отъ 3 до 5 копѣекъ въ день.

Заводскіе мастера, также дѣлившіеся на три статьи, получали ежегодныя, окладныя жалованья: Первой статьи—72, второй—54 и третьей—36 рублей.

Куреннымъ же мастерамъ, наблюдавшимъ за вырубкой дровъ и выжегомъ угля, полагалось еще по 10 рублей въ годъ, каждому, на разъѣзды.

Нижнимъ чинамъ и мастеровымъ, за тридцатипятилѣтнюю службу, выдавалась пенсія. Выдавали ее также и ранѣе этого срока, если увольненіе въ отставку послѣдовало вслѣдствіе болѣзни или полученныхъ ими, при исполненіи заводскихъ работъ, болѣе или менѣе серьезныхъ увѣчій.

Въ сѣнокосное время, на одинъ мѣсяцъ, всѣ мастеровые освобождались отъ работъ. Но чтобы не остановить необходимыхъ заводскихъ дѣйствій, они увольнялись не одновременно, а поочередно, сперва одна половина ихъ, а потомъ остальная.

Для исполненія всевозможныхъ, такъ сказать вспомогательныхъ работъ, внѣ завода, употреблялись непремѣнные, или урочные работники. Урочными назывались они потому, что обязаны были исполнить, въ теченіе года, извѣстную часть работы, или урокъ. Размѣры урока опредѣлялись сообразно съ мѣстными обстоятельствами, временемъ года, состояніемъ людей и свойствомъ работы.

Урочные работники подраздѣлялись на двѣ категоріи: конныхъ и пѣшихъ. Какъ тѣ, такъ и другіе дѣлились, въ свою очередь, на десятки и сотни [1]). Каждый десятокъ имѣлъ своего десятника, а каждая сотня—сотника.

Все же общество урочныхъ работниковъ, проживавшее въ разныхъ, принадлежащихъ заводу, селеніяхъ, имѣло особыхъ старшинъ, по одному для конныхъ и пѣшихъ.

Старшины, сотники и десятники избирались ежегодно самими работниками и утверждались: первые—начальникомъ округа, а послѣдніе—управителями.

Старшины освобождались отъ всѣхъ казенныхъ работъ. Работы за сотниковъ исполняло общество, а десятники отработывали свои уроки наравнѣ съ прочими работниками.

Эти выборныя, должностныя лица обязаны были наблюдать за успѣшнымъ исполненіемъ работъ: старшина—своего общества, сотники—своихъ сотенъ и десятники—десятковъ. Въ случаѣ неисполненія работниками какой-либо работы въ обществѣ, сотнѣ, или десяткѣ, работы эти исполнялись или всѣмъ обществомъ, или сотнями и десятками.

На обязанности урочныхъ работниковъ лежало: конныхъ — доставка въ заводъ, съ мѣста заготовки, дровъ, угля, рудъ, флюсовъ и вообще всѣхъ строительныхъ и другихъ, необходимыхъ для дѣйствія заводскихъ фабрикъ, ремонта и содержанія казенныхъ зданій и прочихъ заводскихъ потребностей, припасовъ и матеріаловъ, а также перевозка металловъ и издѣлій изъ завода къ его пристани, откуда, уже сплавомъ въ баркахъ, доставлялись они къ мѣстамъ ихъ сбыта; пѣшихъ — вырубка дровъ, выжегъ угля, добыча руды и флюсовъ и т. п.

Какъ конные, такъ и пѣшіе работники получали штатное жало-

---

[1]) Въ десяткѣ и сотнѣ могло заключаться и нѣсколько болѣе десяти, или ста человѣкъ.

ванье, первые по 4, а послѣдніе отъ 3 до 4 копѣекъ въ день и по два пуда въ мѣсяцъ провіанта.

Каждый конный работникъ обязанъ былъ имѣть двѣ лошади, на содержаніе которыхъ, а равно и на ремонтъ сбруи и рабочихъ экипажей, получалъ особыя, добавочныя, фуражныя и ремонтныя деньги: первыя—по 10-ти, а послѣднія—по 6-ти копѣекъ въ день, на каждую лошадь. Изъ денегъ этихъ одна треть выдавалась ему, по третямъ года, на руки, а остальныя двѣ трети, составляя его собственность, оставлялись при заводской кассѣ до тѣхъ поръ, пока не составлялась изъ нихъ сумма, необходимая на покупку двухъ лошадей [1]), для замѣщенія отслужившихъ срокъ и сдѣлавшихся негодными для работы. Коль скоро такая сумма была скоплена, работнику выдавались на руки уже всѣ, причитающіяся на его долю, ремонтныя деньги.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда лошадь дѣлалась негодной прежде, чѣмъ скоплялась у работника достаточная для покупки новой лошади сумма, ему выдавались деньги заимообразно, изъ общей, ремонтной суммы.

Кромѣ того, каждому работнику отводились покосы. Въ случаѣ неудовлетворительнаго урожая травъ, недостающая часть сѣна закупалась заводоуправленіемъ, а произведенный на это расходъ ставился на работниковъ долгомъ, который погашался незначительными вычетами изъ причитающагося имъ денежнаго довольствія.

Покупка лошадей, взамѣнъ убылыхъ, производилась, въ извѣстные сроки, большими партіями, на разныхъ, ближайшихъ къ заводу, конныхъ ярмаркахъ. Это поручалось обыкновенно или лѣсничему, или свѣдущему по конной части чиновнику, съ прикомандированіемъ къ нимъ опытныхъ мастеровъ или работниковъ.

Каждый конный работникъ, по личному желанію и съ согласія начальства, имѣлъ право или перечислиться въ пѣшіе, или перейти въ заводскія работы. Но, переходя въ другую категорію рабочихъ людей, конный работникъ обязанъ былъ предварительно сдать двухъ лошадей, съ упряжью и экипажами, своему замѣстителю, къ которому переходила также и его ремонтная сумма. Въ случаѣ же желанія удержать лошадей за собой, онъ обязанъ былъ внести въ заводскую кассу ихъ стоимость.

Изъ всего, вышесказаннаго видно, на сколько заботливо и цѣлесообразно было организовано устройство рабочаго населенія казеннаго завода.

Если среди мастеровыхъ выдѣлялось несравненно менѣе, чѣмъ

---

[1]) Отъ 38 до 46 рублей.

нынѣ, людей зажиточныхъ, богатѣевъ, за то и бѣднота, а тѣмъ болѣе нищенство проявлялись между ними, какъ весьма рѣдкія исключенія.

Всѣ они жили болѣе или менѣе домовито, хозяйственно. Домики у большинства были приличные, о двухъ избахъ, черной и чистой, а у иныхъ еще и съ горницей. При каждомъ домикѣ имѣлись огороды, доставлявшіе, на круглый годъ, необходимыя для семьи овощи. Не ощущалось недостатка и въ скотинкѣ. Въ конюшнѣ и стойкѣ каждаго домохозяина можно было увидѣть и лошадку, и коровушку, и прочую, мелкую скотину, а по дворамъ и около домовъ копошилась всевозможная, домашняя птица. Многіе имѣли даже самовары, но пили чай большею частью только по праздникамъ; а щи съ говядиной и вообще мясную пищу употребляло большинство почти ежедневно. Мужчины и женщины одѣвались чисто, опрятно, а въ праздничные дни даже нарядно и франтовато.

Словомъ, можно сказать безъ преувеличенія, что рабочій людъ на казенныхъ заводахъ Урала былъ, по возможности, достаточно обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи и на судьбу свою не жаловался.

II.

Кромѣ рабочихъ, заводы имѣли еще горную, лѣсную и полицейскую стражу.

Горная стража состояла изъ откомандированныхъ въ распоряженіе главнаго начальника Уральскихъ заводовъ трехъ линейныхъ баталіоновъ, составлявшихъ части отдѣльныхъ корпусовъ, Оренбургскаго и Сибирскаго. Она была распредѣлена по заводамъ частями, т. е. ротами, полуротами и четверть-ротами, смотря по тому, гдѣ и сколько нижнихъ воинскихъ чиновъ, по мѣстнымъ условіямъ, было необходимо.

Жалованье и провіантъ, по военному положенію, горная стража получала отъ заводовъ.

Обязанности нижнихъ военныхъ чиновъ заключались: въ охраненіи денежныхъ кладовыхъ и магазиновъ; въ содержаніи карауловъ при заводскихъ управленіяхъ, въ препровожденіи и охраненіи транспортовъ съ золотомъ, денежными суммами и металлами; въ содѣйствіи, въ экстренныхъ случаяхъ, заводской полиціи къ охраненію

казеннаго интереса и сохраненію порядка и безопасности и, наконецъ, въ исполненіи экзекуцій.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, баталіонные и ротные командиры, а также состоявніе при баталіонахъ штабъ-и оберъ-офицеры и нижніе чины обязаны были исполнять всѣ законныя требованія горнаго начальства и отдавать ему полный отчетъ.

Въ царскіе дни, горная стража, съ ротнымъ командиромъ во главѣ, въ полной, парадной формѣ, выстраивалась на площади, противъ церкви, и ожидала выхода изъ нея, послѣ молебна, горнаго начальника.

Къ этому времени собиралась обыкновенно, около церкви, изрядная толпа разнаго, заводскаго люда, особенно женщинъ и ребятишекъ, которыхъ очень занималъ этотъ, какъ они его называли, военный парадъ. А между тѣмъ, весь парадъ заключался только въ томъ, что, по выходѣ изъ церкви горнаго начальника, рота брала на караулъ, ротный командиръ подавалъ рапортъ, а начальникъ, принявъ его, поздоровавшись съ ротой и, обойдя фронтъ, отдавалъ приказаніе вести ее обратно, въ казармы.

Офицеръ командовалъ: „на плечо! Налѣво кругомъ! Вольнымъ шагомъ маршъ!“ и солдаты, стройными рядами, проходили мимо начальства и глазѣющей на нихъ публики.

Вообще служба солдатъ на заводахъ была не особенно тяжела и обременительна; имъ, какъ и заводскимъ рабочимъ, жилось недурно.

Самая тяжелая и непріятная для нихъ обязанность заключалась въ исполненіи экзекуцій.

Одинъ разъ въ жизни, когда мнѣ было не болѣе семи лѣтъ, я былъ свидѣтелемъ одной изъ такихъ экзекуцій.

Дѣти вообще очень впечатлительны, и процессъ экзекуціи произвелъ на меня такое тяжелое и сильное впечатлѣніе, что вся эта ужасная картина, со всѣми ея деталями, до сихъ поръ отчетливо и ясно сохранилась въ моей памяти.

Узнавъ, что въ такой-то день и часъ, на нижней, заводской площади, будутъ наказывать палками, или прогонять сквозь строй, одного мастероваго, совершившаго какое-то тяжкое преступленіе, я, безъ спроса и тайкомъ, пробрался туда и замѣшался въ толпу зрителей.

Тамъ засталъ я слѣдующую картину: на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, въ два ряда, стояла рота солдатъ, вооруженныхъ, вмѣсто ружей, тонкими и гибкими, деревянными тростями. Около нихъ прохаживался офицеръ, и тутъ же, недалеко, находился барабанщикъ. А всю эту военную команду окружали толпы заводскаго люда.

Вскорѣ по моемъ прибытіи, въ сопровожденіи обычнаго конвоя,

появился на сцену преступникъ, котораго освободили отъ кандаловъ и вообще приготовили къ экзекуціи.

Вотъ офицеръ махнулъ рукой, раздался звукъ барабана, и къ началу ряда подвели преступника. Спина его была оголена, а руки привязаны къ прикладу ружья, дуло котораго держалъ солдатикъ.

Офицеръ крикнулъ „начинай!“ Солдатъ двинулся впередъ и медленно, подъ звуки барабаннаго боя, повелъ за собою, между рядами, преступника. Солдаты взмахнули тростями, и удары ихъ, справа и слѣва, посыпались на его спину.

Сперва слышались только рѣзкій визгъ прутьевъ, да заунылая, непріятная дробь барабана. Но, вотъ, стали раздаваться стоны и вопли наказуемаго; чѣмъ дальше шелъ онъ, тѣмъ сильнѣе и пронзительнѣе они становились. Спина его, покрываясь рядами рубцовъ, дѣлалась все краснѣе и краснѣе; кровь проступила всюду и струилась по голому тѣлу; мѣстами оно было такъ сильно разсѣчено ударами прутьевъ, что клочьями отдѣлялось отъ спины и свѣшивалось наружу. Чѣмъ долѣе продолжалась экзекуція, тѣмъ угрюмѣе и мрачнѣе становились выраженія солдатскихъ лицъ. Толпы зрителей стояли безмолвно. Какое-то гнетущее чувство жалости, страха и недоумѣнія подмѣчалось на лицахъ зрителей. Почти у всѣхъ женщинъ проступали на глазахъ невольныя слезы, а изъ взволнованныхъ грудей большинства вырывались тяжелые вздохи, оханья и даже громкія всхлипыванья.

Между тѣмъ преступника продолжали водить, между солдатскими рядами, до тѣхъ поръ, пока не было дано ему назначеннаго судомъ числа ударовъ.

Это число, начиная отъ сотни, доходило до ужасной цифры — пятисотъ, тысячи и даже болѣе.

Нерѣдко случалось, что преступникъ лишался сознанія, не перенося и половины опредѣленнаго ему числа ударовъ. Тогда его отправляли въ госпиталь, залѣчивали раны и, по излѣченіи, снова подвергали экзекуціи.

Ужаспая, мрачная картина! И радуется современное человѣчество, что подобныя, жестокія наказанія уже отжили свое время и отошли въ область преданій.

Лѣсная стража формировалась изъ заводскихъ мастеровыхъ и работниковъ. Она состояла изъ конныхъ и пѣшихъ лѣсовщиковъ.

Обязанности ея заключались какъ въ охраненіи лѣсовъ отъ самовольныхъ порубокъ и пожаровъ, такъ и въ наблюденіи за правильной, въ отведенныхъ для того мѣстахъ, рубкой дровъ и лѣсныхъ матеріаловъ. Кромѣ того, они, поочереди, отбывали еще, при мѣстныхъ

лѣсничихъ, ежедневныя дежурства, во время которыхъ исполняли различныя, касающіяся служебныхъ дѣлъ, порученія.

Само собой, что они, между прочимъ, а пожалуй и чаще всего, отбывали не малое число и частныхъ, домашнихъ работъ своего начальника.

Каждый конный и пѣшій лѣсовщикъ имѣлъ, для наблюденія, извѣстный участокъ лѣсной дачи.

Число всѣхъ лѣсовщиковъ опредѣлялось штатами.

Для отличія отъ другихъ должностныхъ лицъ рабочаго сословія, имъ присвоялись особые металлическіе значки, или бляхи, нашивавшіеся на груди ихъ кафтановъ, или, вообще, верхняго платья.

Конные лѣсовщики получали въ годъ 12, а пѣшіе 6 рублей жалованья и, кромѣ того, первые—39, а послѣдніе—7 рублей, на обмундировку и вооруженіе.

Пожары въ лѣсныхъ дачахъ бываютъ двухъ родовъ: лѣсные и напольные.

Первыми называются, когда горитъ самый лѣсъ; они случаются въ теченіе всего лѣтняго времени. Послѣдними же — такіе, когда пламя, обхвативъ сухую траву, вѣтви и хворостъ, оставшіеся отъ вырубленныхъ деревьевъ, огненной волной несется по полянамъ, по направленію вѣтра. Напольные пожары бываютъ исключительно во время жаркой весны, когда новая, молодая трава еще только-что начинаетъ пробиваться изъ почвы.

Какъ тѣ, такъ и другіе являются слѣдствіемъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ. Особенно способствуютъ возникновенію пожаровъ бродяги и бѣглые. Скрываясь отъ полиціи въ заводскихъ лѣсахъ, они, по ночамъ, зажигаютъ всегда большіе костры и, по уходѣ съ мѣстъ ночлега, оставляютъ ихъ обыкновенно или вовсе незатушенными, или затушенными недостаточно тщательно.

Небольшіе пожары, замѣченные въ самомъ началѣ ихъ, тушились обыкновенно лѣсною стражею, при помощи нѣсколькихъ, находившихся по близости, рабочихъ людей. Но, коль-скоро пожаръ усиливался, то, для борьбы съ нимъ, вызывались, изъ ближайшихъ селеній, работники, въ тѣмъ бо̀льшемъ количествѣ, чѣмъ бо̀льшіе размѣры принималъ пожаръ.

Для прекращенія напольныхъ пожаровъ спѣшили выкапывать болѣе или менѣе широкія канавы, перпендикулярно направленію вѣтра. Пламя, дойдя до этихъ канавъ и не встрѣчая далѣе матеріала для своего питанія, вскорѣ же потухало.

Но не такъ легко было справляться съ пожарами лѣсными. Тутъ могли помочь или естественныя, среди лѣса, оголенныя площади (поляны), или болѣе или менѣе широкія просѣки, спѣшно, во время

пожара, прорубаемыя работниками. Поэтому, для тушенія большихъ лѣсныхъ пожаровъ, требовалось всегда большое число рабочаго люда.

Какъ городскія пожарныя команды, забираясь, съ опасностью для своей жизни, на крыши горящихъ зданій въ потѣ лица и до крайняго истощенія физическихъ силъ, трудятся надъ отстаиваніемъ ихъ отъ огня, такъ, съ не меньшею опасностью и съ не меньшей затратой силъ, трудятся и заводскіе рабочіе, при тушеніи лѣсныхъ пожаровъ.

Я слышалъ отъ одного заводскаго лѣсничаго, лично всегда, въ серьезныхъ случаяхъ, руководившаго тушеніемъ лѣснаго пожара, какъ онъ однажды едва не сдѣлался его жертвою.

Картина этого, достопамятнаго для него пожара была, по истинѣ, эффектна и грандіозна. Пламя бушевало на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ. День былъ вѣтренный. Громадныя, хвойныя деревья, объятыя огнемъ, издавали какой-то особый гулъ и трескъ и быстро превращались въ сплошныя, огненныя стѣны. Горящіе вѣтви и сучья, оторвавшись отъ своихъ стволовъ, носились въ воздухѣ и, падая дальше, въ лѣсную чащу, зажигали все большее и большее количество лѣса.

Сотни людей энергично боролись съ огнемъ, но послѣдній туго и медленно поддавался ихъ дружнымъ усиліямъ.

Появляясь то тутъ, то тамъ, верхомъ, на привычной къ пожарамъ, лошади, лѣсничій отдавалъ соотвѣтствующія обстоятельствамъ распоряженія и руководилъ работами по тушенію.

Увлеченный своею обязанностью, онъ не видѣлъ и не замѣчалъ, что положеніе его, съ каждой минутой, становилось опаснѣе и грозило весьма серьезными послѣдствіями. Дѣйствительно, пламя разросталось и стало окружать то мѣсто, гдѣ находился онъ, съ частью рабочей команды.

Къ счастью, это не укрылось отъ зоркихъ глазъ опытнаго лѣсовщика, который, не безъ труда, пробрался къ лѣсничему.

— Ваше высокоблагородіе, спасайтесь! Огонь обходитъ кругомъ! подъѣхавъ къ нему верхомъ, крикнулъ лѣсовщикъ.

Лѣсничій оглянулся и замеръ отъ ужаса: онъ стоялъ въ центрѣ огненнаго моря. Кругомъ и пламя, и дымъ, и трескъ, и гулъ стояли невообразимые.

Приказавъ рабочимъ мигомъ убираться съ этого опаснаго мѣста, онъ пришпорилъ лошадь и пустилъ ее по направленію вѣтра.

— Не туда, не туда, ваше высокоблагородіе! — крикнулъ лѣсовщикъ — тамъ не проѣхать. А, вотъ сюда, здѣсь недалеко лѣсная тропа, да и лѣсъ порѣже.

И, стегнувъ лошадь, лѣсовщикъ понесся впередъ, указывая дорогу. Лѣсничій послѣдовалъ за нимъ.

Около сотни саженъ пришлось имъ мчаться между пылавшими деревьями, пока удалось достигнуть тропы. Но и тутъ еще не избѣжали они опасности. Хотя хвойный лѣсъ, между которымъ пролегала тропа, перемежался лиственнымъ и былъ значительно рѣже и мельче, но тѣмъ не менѣе горѣлъ уже почти сплошь, и казалось, не видѣлось конца этой, лежащей передъ всадниками, огненной аллеи.

Низко нагнувъ головы, для предохраненія лица отъ сыпавшихся на нихъ искръ, и едва не задыхаясь отъ густаго и ѣдкаго дыма, маршъ-маршемъ неслись они по тропѣ, пока не выбрались, наконецъ, на безопасное мѣсто.

Не дешево обошелся лѣсничему этотъ пожаръ. Не говоря уже про сожженное, во многихъ мѣстахъ, платье, онъ получилъ на столько сильные обжоги лица, шеи и рукъ, что нѣсколько недѣль долженъ былъ вылежать въ постелѣ.

Не менѣе пострадалъ и его спутникъ—лѣсовщикъ. Изъ рабочихъ тоже оказалось изрядное число пострадавшихъ отъ огня и даже болѣе или менѣе изувѣченныхъ.

Для исполненія разныхъ полицейскихъ обязанностей, при заводахъ, изъ мастеровыхъ, формировался опредѣленный, для каждаго округа, штатами, контингентъ конныхъ и пѣшихъ стражниковъ.

Первые носили казачью форму и обмундировку и назывались казаками.

Послѣдніе же именовались десятниками и будочниками.

Казаки получали въ годъ по 10 рублей жалованья и по 28 рублей 60 коп. на обмундировку и содержаніе лошади.

Десятникамъ и будочникамъ выдавалось только одно жалованье, по 7 р. 50 к. въ годъ каждому.

Какъ тѣмъ, такъ и другимъ полагался, кромѣ того, провіантъ, въ размѣрѣ, установленномъ штатами, а именно: женатымъ—по 4, а холостымъ—по 2 пуда въ мѣсяцъ.

III.

Главное управленіе Уральскими заводами, сосредоточено въ городѣ Екатеринбургѣ, который, такимъ образомъ, представляетъ собою одновременно и горный и уѣздный городъ.

Лѣтъ тридцать тому назадъ, онъ считался лучше, красивѣе и больше Перми, о чемъ значилось даже и въ прежнихъ учебникахъ

географіи. Но въ настоящее время онъ уже нѣсколько уступаетъ своему губернскому городу, превосходя послѣдній лишь количествомъ народонаселенія.

По послѣдней народной переписи, въ Екатеринбургѣ значится $55^1/_2$, а въ Перми—$45^1/_2$ тысячъ душъ обоего пола.

Проведеніе Уральской желѣзной дороги, быстро и благотворно повліявшее на всестороннее развитіе и улучшеніе губернскаго города, очень мало отразилось на его уѣздномъ соперникѣ.

Кромѣ главнаго, въ Екатеринбургѣ находилось и мѣстное управленіе Екатеринбургскимъ округомъ.

Главное горное управленіе состояло изъ главнаго начальника и горнаго правленія.

Главный начальникъ, непосредственно подчиненный министру, представлялъ собою главнаго хозяина заводовъ, директора горнаго правленія и командира и инспектора горной стражи.

Въ отношеніи военно-судныхъ и слѣдственныхъ дѣлъ по линейнымъ баталіонамъ, ему присвоялись права начальника дивизіи. А какъ командиръ и инспекторъ баталіоновъ, онъ подчинялся командиру отдѣльнаго, Оренбургскаго корпуса.

Слѣдующую ступень административной, служебной лѣстницы главнаго горнаго управленія занималъ бергъ-инспекторъ, считавшійся помощникомъ главнаго начальника.

При главномъ начальникѣ имѣлась особая канцелярія, съ дѣлопроизводителемъ и другими, необходимыми служащими.

Главнымъ городомъ, или, какъ и по сей-часъ называютъ его, столицей Урала былъ Екатеринбургъ. Въ прежнее крѣпостное время, онъ считался очень богатымъ городомъ. Благодаря золотопромышленникамъ, крупнѣйшіе изъ которыхъ проживали въ немъ постоянно, онъ украсился многими видными частными домами и дачами.

Благодаря этому же обстоятельству, и общественная жизнь его текла широко, шумно и весело.

Остальные горные городки, или центральные заводы горныхъ округовъ, мало чѣмъ отличались другъ отъ друга и отъ большинства порядочныхъ, второстепенныхъ, уѣздныхъ городовъ. Одни были побольше и покрасивѣе, а другіе—поменьше и похуже.

Также разнились они и по числу народонаселенія, которое составляло отъ 10 до 15 тысячъ и даже болѣе душъ обоего пола.

Составъ общества въ каждомъ горномъ городѣ былъ почти одинаковъ и состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: горнаго начальника, его помощника, управителя, механика, одного или двухъ заводскихъ смотрителей и нѣсколькихъ практикантовъ.

Это все были горные инженеры.

За ними слѣдовали горные чиновники, а именно: второй членъ и секретарь главной конторы, чиновникъ разныхъ порученій, архитекторъ, полицеймейстеръ, горный исправникъ; аудиторъ, смотритель окружнаго училища и смотрители магазиновъ, провіантскаго, припаснаго и металлическаго. Послѣднія три хотя и низшія, сравнительно, но выгодныя, въ матеріальномъ отношеніи, заводскія должности замѣщались, въ прежнее время, преимущественно лицами, учившимися въ Горномъ корпусѣ, но не кончившими тамъ курса и выпущенными изъ него безъ чина, или же съ чинами XIV-го и XII-го класса.

Далѣе шли старшій и младшій лѣкари, аптекарь, старшій и младшій лѣсничіе, старшій и младшій артиллерійскіе пріемщики, баталіонный [1]) и ротный командиры, и положенное при нихъ число офицеровъ.

Для наблюденія за изготовленіемъ артиллерійскихъ снарядовъ и для пріема ихъ, отъ заводоуправленій, было откомандировано нѣсколько артиллерійскихъ офицеровъ, на тѣ изъ Уральскихъ заводовъ, гдѣ они изготовлялись.

Всѣ эти офицеры, называвшіеся старшими и младшими пріемщиками, подчинялись своему, мѣстному начальнику — главному пріемщику, имѣвшему резиденцію въ Екатеринбургѣ.

Что же касается до военныхъ офицеровъ, то они имѣлись только въ тѣхъ горныхъ городахъ, гдѣ были расквартированы цѣлыя роты... Въ остальныхъ же, гдѣ стояли половина, или четверть роты, находилось по одному только офицеру, считавшемуся командиромъ этихъ частей.

Кромѣ того, въ каждомъ центральномъ заводѣ проживалъ еще довѣренный откупа, который, по своему положенію и довольно крупному окладу содержанія, игралъ не послѣднюю роль въ заводской общественной жизни.

Всѣ, перечисленныя выше лица, съ ихъ семействами, составляли, такъ сказать, высшій кругъ общества, къ которому принадлежали также и священники.

Отдѣльные, маленькіе заводы имѣли видъ небольшаго уѣзднаго городка, или болѣе или менѣе значительнаго села, съ населеніемъ, не превышавшимъ трехъ-четырехъ тысячъ.

Очень небольшое общество ихъ состояло изъ управителя, смотрителя, младшаго лѣкаря, лѣсничаго и одного или двухъ священниковъ.

Въ заводахъ, изготовлявшихъ артиллерійскіе снаряды, кромѣ того, проживалъ еще артиллерійскій пріемщикъ.

---

[1]) Баталіонные командиры были только въ трехъ пунктахъ: въ г. Екатеринбургѣ, Златоустовскомъ и Кушвинскомъ заводахъ.

Только въ Міясскомъ и Березовскомъ заводахъ, да на Турьинскихъ мѣдныхъ рудникахъ общество было нѣсколько больше, ибо, къ перечисленнымъ должностнымъ лицамъ тамъ прибавлялись еще: помощникъ управителя, нѣсколько горныхъ смотрителей, изъ инженеровъ и чиновниковъ, горный исправникъ, секретарь и полицеймейстеръ.

Къ среднему кругу общества принадлежали всѣ остальные мелкіе чиновники и урядники первой статьи [1]), занимавшіе штатныя и болѣе видныя должности въ главной и заводской конторахъ и другихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ.

Эти личности никогда не переступали границы высшаго круга и появлялись въ домахъ послѣднихъ исключительно лишь по дѣламъ службы, для личныхъ докладовъ своему непосредственному начальнику, или за полученіемъ отъ него какихъ-либо распоряженій.

Смотря по занимаемой ими должности, они принимались послѣднимъ или въ передней, или въ кабинетѣ; дѣловой разговоръ вели, стоя на почтительномъ разстояніи отъ начальника, а если болѣе заслуженному изъ нихъ и предлагалось имъ садиться, то садился онъ какъ-то неловко, робко и при томъ на самый кончикъ стула.

Вообще горные инженеры и высшіе чиновники держали себя съ низшими должностными лицами нѣсколько свысока, но не рѣзко и грубо, а скорѣе степенно и благодушно.

Въ разговорѣ всѣхъ вообще начальствующихъ лицъ съ своими подчиненными звучалъ всегда какой-то особый покровительственно-начальническій тонъ, при чемъ первыя, обращаясь къ послѣднимъ, хотя-бы даже имѣвшимъ классные чины, говорили имъ обыкновенно „ты“.

Впрочемъ, такое обращеніе, въ доброе, старое время, начальниковъ съ подчиненными было обычно, не только въ горномъ, но и во всѣхъ другихъ вѣдомствахъ, и нисколько не шокировало и не унижало послѣднихъ.

Вся суть заключалась не въ мѣстоименіи ты и вы, а въ самомъ тонѣ, которымъ произносились эти мѣстоименія.

Иное, грубое ты, сказанное ласково и привѣтливо, куда какъ пріятнѣе звучало въ ушахъ подчиненнаго, чѣмъ вѣжливое вы, произнесенное съ ироніей, сарказмомъ или явнымъ презрѣніемъ.

---

[1]) Званіе, соотвѣтствующее канцелярскому служителю.

IV.

Высокій постъ главнаго начальника горныхъ заводовъ хребта Уральскаго [1]), въ теченіе четверти вѣка, съ начала 30-хъ и до конца 50-хъ годовъ, занималъ генералъ-отъ-артиллеріи, Владиміръ Андреевичъ Глинка.

Власть его была, можно сказать, почти независима и чрезвычайно обширна.

Назначенія, награды, увольненія, административныя взысканія, преданіе суду, словомъ, вся служебная участь всѣхъ чиновъ главнаго и мѣстнаго управленій Уральскихъ заводовъ зависѣла отъ усмотрѣнія и воли главнаго начальника.

Онъ ежегодно обязанъ былъ объѣзжать заводы, какъ для наблюденія за ихъ состояніемъ и успѣшнымъ выполненіемъ работъ, такъ и для разъясненія на мѣстѣ всевозможныхъ недоразумѣній и затрудненій.

Пріѣздъ Глинки въ заводскій округъ представлялъ для послѣдняго ненормальное событіе и ожидался, каждый разъ, со страхомъ и трепетомъ, всѣми служащими, за исключеніемъ развѣ только горныхъ начальниковъ, которые, сравнительно съ прочими должностными лицами, считались болѣе, или менѣе самостоятельными и прочно поставленными въ своемъ округѣ.

Встрѣча Владиміру Андреевичу устраивалась всегда самая торжественная.

Уже за нѣсколько недѣль до его пріѣзда, всѣ казенныя зданія тщательно ремонтировались, заводскія площади очищались отъ сора и хлама, внутри фабрикъ водворялись чистота и порядокъ; словомъ, всюду, куда только могъ заглянуть глазъ его превосходительства, красилось, бѣлилось, мылось и принимало какой-то особый чисто праздничный видъ.

Хотя, строго говоря, эти объѣзды или обозрѣнія заводовъ должны были представлять собою нѣчто въ родѣ внезапныхъ ревизій и совершаться безъ предупрежденія мѣстнаго начальства о времени прибытія въ округъ главнаго начальника,—но въ канцеляріи послѣдняго были свои, знакомые люди и каждый разъ заблаговременно извѣщали горныхъ начальниковъ о предположенномъ выѣздѣ главы Урала изъ Екатеринбурга, съ приложеніемъ подробнаго и точнаго маршрута.

За несуществованіемъ въ прежнее время телеграфныхъ сообщеній, горные начальники, дня за два, за три до пріѣзда Глинки, выста-

[1]) Оффиціальное названіе должности

вляли нарочныхъ, которые, начиная съ крайняго пункта границы округа и вплоть до его центральнаго завода, представляли собою передаточную, съ 8—10-ти верстными перерывами цѣпь.

Едва поѣздъ главнаго начальника показывался у границы округа, гдѣ ожидали его, выѣхавшіе ему навстрѣчу, старшій лѣсничій и горный исправникъ, какъ первый нарочный мчался уже во весь духъ до мѣста расположенія слѣдующаго нарочнаго, который, выслушавъ извѣстіе, летѣлъ, въ свою очередь, далѣе.

Такимъ образомъ вѣсть о пріѣздѣ главнаго начальника въ центральный заводъ округа опережала его по крайней мѣрѣ на часъ, или полтора, не смотря на то, что его превосходительство, благодаря выставленнымъ подставамъ и лихимъ ямщикамъ, ѣхалъ чрезвычайно быстро, но тщательно исправленной заблаговременно дорогѣ, дѣлая въ часъ верстъ 18—20 и даже болѣе.

Съ самаго утра въ день ожидаемаго пріѣзда начальства, всѣ заводскіе служащіе находились въ замѣтной ажитаціи.

Полицеймейстеръ, на парѣ, съ пристяжкой, сопровождаемый двумя верховыми казаками, рыскалъ по улицамъ, зорко высматривая малѣйшую неисправность и съ чрезмѣрнымъ усердіемъ всюду проявляя свою распорядительность.

Заводскіе надзиратели и старшіе мастера суетились, въ свою очередь, въ фабрикахъ и мастерскихъ, гдѣ приходила уже къ концу генеральная чистка внутри зданій и на площадяхъ, производившаяся тамъ и сямъ группами маляровъ, плотниковъ и рабочихъ.

Мальчики и дѣвочки заводскихъ училищъ и школъ, съ своими наставниками, толпились уже въ просторныхъ оградахъ учебныхъ заведеній.

Даже больные, въ госпиталѣ, и богадѣльщики, въ богадѣльнѣ, казались возбужденными и озабоченными.

Не одинъ разъ заѣзжалъ въ заводскія фабрики управитель, торопя подчиненныхъ скорѣйшимъ окончаніемъ приведенія въ надлежащій порядокъ зданій и площадей и лично слѣдя за точнымъ исполненіемъ всѣхъ отданныхъ имъ, на сей предметъ, распоряженій. Изъ фабрикъ спѣшилъ онъ въ контору, гдѣ заготовлялся почетный рапортъ, а изъ конторы къ горному начальнику, съ донесеніемъ о всемъ томъ, что имъ сдѣлано по своей части.

Всѣ горные инженеры, въ полной парадной формѣ, въ однобортныхъ, съ фалдами, мундирахъ, съ серебрянымъ шитьемъ по бархатнымъ, съ синими выпушками, воротнику и обшлагамъ, съ такими же эполетами и шарфомъ, съ двумя длинными кистями, при шпагѣ на лѣвомъ боку и въ трехъ-угольныхъ шляпахъ съ султанами; лѣсничіе въ такихъ же мундирахъ, съ серебрянымъ, по зеленымъ, суконнымъ

воротнику и обшлагамъ, шитьемъ, въ довольно высокихъ, лаковыхъ, съ серебряною арматурою, киверахъ; артиллерійскіе пріемщики и офицеры мѣстной воинской команды въ современныхъ формахъ; горные чиновники, въ синихъ, съ высокими, черными бархатными воротниками, съ золотымъ шитьемъ, мундирахъ и въ трехъ-угольныхъ, безъ султановъ, шляпахъ; всѣ эти лица, то пѣшкомъ, то въ экипажахъ, проходили и проѣзжали по главнымъ заводскимъ улицамъ.

Одни изъ нихъ направлялись къ фабрикамъ, другіе—къ конторамъ и прочимъ учрежденіямъ, третьи—къ дому горнаго начальника.

Менѣе же занятые служебными обязанностями заѣзжали на часокъ къ знакомымъ, потолковать о пріѣздѣ начальства, пропустить за компанію, рюмку-другую водки и подкрѣпить свои силы, приготовленной на скорую руку, хозяйкой, простою, но сытною закускою.

Словомъ, въ такіе дни, въ центральномъ заводѣ, царило всегда необыкновенное оживленіе и движеніе, невольно заражавшее и остальныхъ его обитателей.

Мелкіе служащіе, мастеровые, ихъ жены, дочери и вся заводская дѣтвора тоже повысыпала изъ своихъ домовъ и заполняла тѣ улицы, по которымъ долженъ былъ прослѣдовать поѣздъ высокаго гостя.

На границѣ дачи округа встрѣчали его старшій лѣсничій и горный исправникъ, съ конными лѣсовщиками и казаками, а при въѣздѣ въ заводъ, у существовавшихъ въ прежнее время заставъ,—полицей-мейстеръ, съ сопровождавшими его, двумя полицейскими стражниками.

Принявъ отъ послѣдняго почетный рапортъ, Глинка мчался далѣе, по заводскимъ улицамъ, гдѣ его привѣтствовали толпы по-праздничному разодѣтаго рабочаго люда, и останавливался, наконецъ, у дома горнаго начальника, который ожидалъ его на парадномъ крыльцѣ, и также съ почетнымъ рапортомъ.

Молодцовато, слегка поддерживаемый адъютантомъ, выходилъ изъ дормеза Владиміръ Андреевичъ и принималъ рапортъ отъ начальника округа. Затѣмъ, поздоровавшись съ послѣднимъ, въ сопровожденіи его и прочей свиты, бодро и высоко неся голову, входилъ въ залъ, гдѣ представлялись ему остальные горные военные и гражданскіе чины мѣстнаго управленія.

Далѣе слѣдовали, одно за другимъ, завтракъ, обозрѣніе заводскихъ фабрикъ и учрежденій, парадный обѣдъ, вечерній чай и ужинъ.

А на другой день, не менѣе торжественно, т. е. въ полныхъ же парадныхъ формахъ, весь служащій персоналъ провожалъ главнаго начальника и разставался съ нимъ до слѣдующаго его пріѣзда.

Лично извѣстный императору Николаю I-му и имѣвшій въ Петербургѣ значительныя связи, Владиміръ Андреевичъ Глинка пользовался большими полномочіями и громадною властью.

Такія полномочія и власть были, какъ бѣльмо на глазу, крайне непріятны современному Глинкѣ, пермскому губернатору Огареву, считавшему себя единственнымъ властелиномъ всей губерніи.

Немудрено, что оба эти начальника, будучи одинаково властолюбивы, какъ два медвѣдя въ одной берлогѣ, плохо уживались между собою и ревностно, гдѣ только можно, отстаивали прерогативы своей власти. Подобныя отношенія порождали между ними нерѣдкія недоразумѣнія и столкновенія по дѣламъ службы.

Этимъ антагонизмомъ начальниковъ края частенько пользовались приближенныя къ нимъ лица и, при случаѣ, науськивали другъ на друга.

Такъ, между прочимъ, кто-то изъ губернскихъ чиновниковъ, въ присутствіи Огарева, намѣренно преувеличилъ власть Глинки и вліяніе его на Уралѣ.

Огаревъ вспыхнулъ и возразилъ:—Да, да, конечно, и у него есть власть, но меньше, гораздо меньше, мой милый:—Онъ—начальникъ только хребта, а я всей—шкуры.

Это удачное выраженіе долго ходило по всему Уралу и, разумѣется, было своевременно сообщено и Владиміру Андреевичу.

Послѣдній въ долгу не остался и находчиво отпарировалъ его, въ свою очередь, слѣдующимъ изреченіемъ:

— За то хребетъ-то здоровый, по пяти губерніямъ растянулся.

Антагонизмомъ этихъ двухъ начальствовавшихъ на Уралѣ лицъ пользовались нерѣдко разные мелкіе чиновники.

Выгнанные со службы Глинкой спѣшили въ Пермь, къ Огареву, съ жалобой на причиненную, будто-бы, имъ обиду и несправедливость и съ почтительнѣшею просьбою не допустить погибели безвиннопострадавшаго.

Точно такъ же поступали и терявшіе мѣста у Огарева, прибѣгая къ заступничеству Глинки.

И подобныя просьбы большею частію уважались враждующими между собою начальниками, и часто негодные и плутоватые чиновники получали приличныя и выгодныя должности.

Въ данномъ случаѣ, старинная поговорка „паны дерутся—у хлопцовъ чубы трещатъ“ не всегда оправдывалась. Напротивъ, иные хлопцы, благодаря этому, бывали не по заслугамъ взысканы и облагодѣтельствованы.

Въ заключеніе настоящей главы, скажу нѣсколько словъ о современникѣ и соперникѣ Владиміра Андреевича, тайномъ совѣтникѣ Ильѣ Ивановичѣ Огаревѣ, который, по своему характеру, во многомъ походилъ на Глинку.

Илья Ивановичъ пятнадцать лѣтъ управлялъ Пермской губерніей и оставилъ по себѣ добрую и свѣтлую память.

Онъ, всѣми мѣрами, способствовалъ соединенію общества, въ которомъ держалъ себя просто и привѣтливо; принималъ участіе во всѣхъ его развлеченіяхъ и удовольствіяхъ; никогда не отказывался быть крестнымъ, или посаженнымъ отцомъ у дѣтей своихъ чиновниковъ; заѣзжалъ къ нимъ иногда запросто и не отказывался отъ, предложенныхъ хозяйкой, чашки кофе, или стакана чая.

Человѣкъ одинокій, онъ очень любилъ дѣтей и доставлялъ имъ не мало развлеченій, устраивая у себя для нихъ танцевальные и костюмированные вечера и гулянія, съ разными играми, въ большомъ саду при губернаторскомъ домѣ.

Будучи попечителемъ частнаго пансіона благородныхъ дѣвицъ, Огаревъ часто посѣщалъ это заведеніе. Онъ зналъ всѣхъ его воспитанницъ и помогалъ тѣмъ изъ нихъ, которыя, по недостатку средствъ родителей, были не въ состояніи удовлетворять нѣкоторыя изъ своихъ нуждъ и потребностей.

Не говоря уже о конфектахъ, которыя онъ посылалъ или лично привозилъ пансіонеркамъ, бѣднѣйшимъ изъ нихъ онъ дѣлалъ, на свой счетъ, къ танцевальнымъ или костюмированнымъ вечерамъ, нарядные туалеты и костюмы. На его же счетъ постоянно воспитывалось въ пансіонѣ нѣсколько недостаточныхъ дѣвочекъ, которыхъ онъ снабжалъ необходимыми учебными пособіями, а инымъ доставлялъ даже и платье и обувь.

Все это я сообщаю объ Огаревѣ, не по разсказамъ другихъ, а какъ очевидецъ, ибо, въ концѣ 40-хъ годовъ, мнѣ девяти-лѣтнему мальчику, довелось прожить въ Перми болѣе полугода, у одного изъ учителей гимназіи, подготовлявшаго меня къ поступленію въ это заведеніе. Маленькій сынишка этого учителя былъ крестникомъ Ильи Ивановича [1]), который поэтому изрѣдка заѣзжалъ къ нему и имѣлъ возможность лично познакомиться съ губернаторомъ.

Благодаря этому обстоятельству, я также изрѣдка принималъ участіе въ устраиваемыхъ имъ танцевальныхъ вечерахъ и прочихъ дѣтскихъ забавахъ и развлеченіяхъ.

За все это, за его привѣтливость, доброту и вниманіе къ положенію своихъ подчиненныхъ, Огаревъ пользовался любовью и симпатіей всей губерніи и широкою, въ предѣлахъ ея, популярностью.

---

[1]) Имя я хорошо помню; отчество же не совсѣмъ, а потому прошу не взыскать, если въ немъ ошибся.

V.

Владиміръ Андреевичъ Глинка былъ человѣкъ общественный, а потому старался соединить общество и заботился о томъ, чтобы оно въ часы досуга, такъ или иначе, развлекалось и не скучало.

Раза два въ году, онъ задавалъ екатеринбургскому обществу, у себя на дому, великолѣпные балы, на которые, со всѣхъ заводовъ, съѣзжались горные инженеры, преимущественно молодежь. Въ этихъ случаяхъ имъ давались обыкновенно какія-либо казенныя командировки.

На балахъ своихъ Глинка былъ всегда крайне радушнымъ и любезнымъ хозяиномъ; занималъ свѣтскимъ разговоромъ дамъ и дѣвицъ, особенно хорошенькихъ, и открывалъ, съ одною изъ нихъ, балъ, выступая молодцовато, во главѣ полонеза.

Но, принимая у себя, и самъ не отказывался отъ приглашеній, охотно посѣщая устраиваемые разными лицами вечера, балы и обѣды. Послѣдніе онъ даже очень любилъ, ибо былъ большимъ гастрономомъ и охотникомъ покушать, но покушать, не простыя, заурядныя, а изысканныя и вкусныя блюда. Поэтому, когда онъ объѣзжалъ заводы, каждый начальникъ и управитель, первымъ дѣломъ, озабочивались на счетъ обѣда, стараясь приготовить его, сообразно со вкусомъ своего принципала.

И курьезные же случаи бывали иногда, благодаря этимъ обѣдамъ, а, главнымъ образомъ, неумѣренному аппетиту Владиміра Андреевича, который нерѣдко испытывалъ, послѣ нихъ, не только тяжесть, но и легкое разстройство желудка.

Усѣвшись въ дорожный дормезъ, катитъ онъ, бывало, послѣ одного изъ такихъ сытныхъ и вкусныхъ обѣдовъ, въ веселомъ и благодушномъ настроеніи духа, изъ какого-нибудь завода въ другой, на пути лежащій, и заводитъ рѣчь съ своимъ, неизмѣннымъ спутникомъ—адъютантомъ.

— А вѣдь обѣдъ-то былъ недурѐнъ, любезнѣйшій? спрашиваетъ онъ, между прочимъ.

— Очень даже, ваше превосходительство, отвѣчаетъ почтительно адъютантъ.

— Да, да. Видно, что Петровъ хорошій хозяинъ. А кто хорошо ведетъ домашнее хозяйство, тотъ съумѣетъ вести и заводское. Вѣдь у него все, кажется, было исправно?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Надо будетъ дать ему, къ Пасхѣ, награду. Отмѣть-ка, любезнѣйшій, въ записной книжкѣ.

— Слушаю-съ.

Адъютантъ вынималъ изъ кармана книжку и вносилъ въ нее распоряженіе генерала.

А генералъ, подъ вліяніемъ плавно качавшагося, рессорнаго экипажа, начиналъ сладко подремывать.

Но, вотъ, отъ качки ли дормеза, или отъ неумѣренной ѣды за обѣдомъ, Владиміръ Андреевичъ начинаетъ ощущать въ желудкѣ что-то неладное, не то боль, не то спазмы. Онъ просыпается, морщится и начинаетъ ворчать.

— Чортъ знаетъ, что такое! Чѣмъ это накормилъ насъ Петровъ? не то спрашивая, не то самъ съ собою разсуждая, недовольнымъ тономъ говоритъ Глинка.

Адъютантъ молчитъ.

— Что-нибудь да было не такъ. Навѣрно масло не свѣжее. А? Ты не замѣтилъ, любезнѣйшій? обращается онъ къ своему спутнику.

— Нѣтъ, не замѣтилъ, ваше превосходительство.

— Немудрено, вѣдь ты плохой гастрономъ. А я тогда же замѣтилъ, что въ соусѣ спецій было много... Это не даромъ. чтобы замаскировать несвѣжесть масла. Фу, чортъ, какъ больно! хватаясь за животъ, вскрикиваетъ Владиміръ Андреевичъ.

— Не прикажете ли остановиться, ваше превосходительство?

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо... Скоро станція. А ты, любезнѣйшій, вычеркни-ка Петрова. Не дамъ ему награды... Плохой хозяинъ... Чортъ знаетъ, чѣмъ накормилъ... Вѣрно, и въ заводѣ такіе же порядки...

Адъютантъ опять вынимаетъ изъ кармана записную книжку и зачеркиваетъ въ ней сдѣланное ранѣе распоряженіе начальника.

Кромѣ страстишки хорошо и плотно покушать, Владиміръ Андреевичъ не лишенъ былъ и другихъ, маленькихъ, общечеловѣческихъ слабостей.

Любилъ онъ полюбезничать съ дамами и барышнями, разумѣется, молоденькими и хорошенькими; любилъ, послѣ сытнаго обѣда, или во время танцовальныхъ и другихъ семейныхъ вечеровъ, поиграть въ карты, преимущественно въ бостонъ, и при томъ съ постоянными своими партнерами; имѣлъ своихъ любимцевъ и нелюбимцевъ, изъ которыхъ первые всегда и во всемъ преуспѣвали и награждались далеко не по заслугамъ, а послѣдніе, наоборотъ, какъ-бы затирались и были частенько обходимы повышеніями по службѣ и другими наградами.

Но, впрочемъ, послѣдняя слабость проявлялась очень умѣренно, а въ отношеніи нелюбимцевъ—даже и весьма рѣдко. Поэтому, за двадцатипяти-лѣтнее управленіе Глинкой Уральскими заводами, можно было насчитать не болѣе десятка служащихъ, которые были имъ недовольны и ругали его, разумѣется, заглазно.

Онъ былъ доступенъ для каждаго. Никогда не отказывался, если кто-либо изъ чиновниковъ и купцовъ обращался къ нему съ просьбою быть крестнымъ отцомъ новорожденнаго, или посаженнымъ отцомъ у вступающихъ въ бракъ дѣтокъ.

Такимъ образомъ, за четверть вѣка, крестниковъ и крестницъ Владиміра Андревича, а также лицъ, которыхъ онъ благословлялъ передъ ихъ бракосочетаніемъ, приходилось считать чуть не сотнями.

Нерѣдко случалось видѣть Глинку благодушно возсѣдающимъ на диванѣ простенькой гостиной какого-либо маленькаго и скромнаго чиновника, который, по случаю именинъ крестника или крестницы Владиміра Андреевича, почтительно просилъ его удостоить честью откушать именинаго пирога.

Мало того, что Глинка никогда почти не отказывался отъ подобнаго приглашенія, но являлся еще не съ пустыми руками, а съ какимъ-либо приличнымъ и цѣннымъ подаркомъ.

А къ любимцамъ своимъ, къ какому бы кругу общества они ни принадлежали, онъ заѣзжалъ иногда и запросто, безъ всякаго съ ихъ стороны приглашенія.

Любилъ также Владиміръ Андреевичъ, чтобы всюду, гдѣ только можно, соблюдалась симметрія. Сохрани Богъ, если, въ конторахъ, или канцеляріяхъ, онъ увидитъ, что столъ поставленъ не по срединѣ стѣны, или стоятъ рядомъ два шкафа у одной стороны послѣдней, а остальная часть занята стульями; сейчасъ же замѣтитъ и задастъ распечку.

За исправное состояніе заводовъ онъ милостиво изъявлялъ свою благодарность мѣстному начальству. Но за то, за всякую неисправность, иногда даже совершенно незначительную, кричалъ на подчиненныхъ и нещадно мылилъ ихъ повинныя головы.

Такъ, однажды, подъѣзжалъ онъ, сопровождаемый обычною свитою, къ К—му заводу, передъ въѣздомъ въ который, на разстояніи около версты, по обѣимъ сторонамъ дороги, были посажены липы, огороженныя на всемъ протяженіи сквознымъ деревяннымъ заборчикомъ.

А какъ, мѣстами, заборчикъ этотъ былъ поломанъ, то, незадолго до пріѣзда Глинки, былъ тщательно починенъ, а починенныя части подкрашены подъ цвѣтъ стараго дерева.

Это было сдѣлано съ цѣлью не дать замѣтить начальству, что ремонтъ былъ произведенъ недавно и, разумѣется, въ виду его ожидавшагося пріѣзда.

Но, или подкраска вышла не особенно удачной, и цвѣтъ новыхъ деревянныхъ частей довольно замѣтно разнился отъ цвѣта старыхъ, или Владиміръ Андреевичъ былъ въ дурномъ расположеніи духа, только обстоятельство это было имъ замѣчено.

— Стой! крикнулъ онъ ямщику.

Дормезъ остановился.

— Старшаго лѣсничаго! приказалъ Глинка.

Адъютантъ вышелъ изъ дормеза и подбѣжалъ къ слѣдующему за нимъ экипажу, въ которомъ ѣхалъ лѣсничій, и передалъ ему приказаніе генерала.

Лѣсничій поспѣшно зашагалъ къ генеральскому дормезу и, приложивъ руку къ киверу, почтительно остановился передъ главнымъ начальникомъ.

— Это что, любезнѣйшій? спросилъ послѣдній, указывая рукою на липы.

— Липы, ваше превосходительство.

— Вижу, что липы. Я не о нихъ, а о загородкѣ. Почему она разнаго цвѣта?

— Однѣ части старыя, посѣрѣвшія отъ времени, а другія, новыя, подкрашены подъ цвѣтъ стараго дерева. Поэтому...

— И скверно подкрашены, прервавъ объясненіе лѣсничаго, продолжалъ, горячась, Глинка. Такъ нельзя... Это—небрежность, упущенье!

— Невозможно найти здѣсь, ваше превосходительство, такихъ маляровъ, которые бы съумѣли искусно составлять цвѣта, оправдывался лѣсничій.

— Вздоръ! Все возможно, лишь было бы радѣнье, а не дѣлалось все кое-какъ, спустя рукава.

— Смѣю увѣрить, ваше превосходительство, что маляры старались, но не смогли. Надо быть художникомъ, чтобы изъ смѣси красокъ составить натуральный цвѣтъ стараго дерева.

— Э-ге, любезнѣйшій! Да ты еще разсуждать вздумалъ... оправдываться. Это тебѣ даромъ не пройдетъ. Я научу, какъ надо служить... Ты у меня будешь вѣчнымъ штабсъ-капитаномъ... Ни шагу впередъ... Слышишь! Такъ и знай! все болѣе и болѣе горячась и возвышая голосъ, разносилъ старшаго лѣсничаго Владиміръ Андреевичъ.

Изливъ на главу подчиненнаго весь свой начальническій гнѣвъ, Глинка жестомъ отпустилъ лѣсничаго и крикнулъ ямщику: пошелъ!

Генеральскій дормезъ, а за нимъ и другіе экипажи помчались далѣе и остановились у дома горнаго начальника, гдѣ произошла, уже описанная нами, въ предъидущей главѣ, встрѣча главнаго начальника съ заводскими служащими.

Поѣздивъ и походивъ нѣсколько часовъ, послѣ завтрака, по заводу и обозрѣвъ всѣ его учрежденія, Владиміръ Андреевичъ, благодушный и довольный, возсѣдалъ за обѣденнымъ столомъ, по правую руку хозяйки.

Обѣдъ былъ оффиціальный. На немъ присутствовали всѣ инженеры, лѣсничіе, артиллерійскіе и военные офицеры и высшіе горные чиновники.

Въ началѣ обѣда, какъ всегда, всѣ вели себя тихо и молчаливо; только послѣ втораго блюда начинался разговоръ, преимущественно на томъ концѣ стола, гдѣ помѣщался почетный гость. Когда же покончили съ жаркимъ и полилось шампанское, съ неизбѣжными тостами, то разговоръ пошелъ оживленнѣе и уже въ разныхъ мѣстахъ стола. Но громкій и звучный голосъ Владиміра Андреевича выдѣлялся среди другихъ голосовъ, подобно тому, какъ большой колоколъ колокольни заглушалъ своимъ звономъ звуки другихъ, маленькихъ колоколовъ.

— А бостончикъ, надѣюсь, у насъ будетъ? обратился Глинка къ хозяину.

— Конечно, ваше превосходительство; ужъ и столикъ готовъ, отвѣчалъ послѣдній.

— А партнеры, разумѣется, прежніе?

— За исключеніемъ Григорія Михайловича.

Такъ звали старшаго лѣсничаго, которому Владиміръ Андреевичъ успѣлъ уже задать изрядную головомойку за заборчикъ.

— Какъ? Развѣ его нѣтъ? оглянувъ сидящихъ за столомъ, спросилъ Глинка.

— Онъ отказался отъ обѣда, извѣстивъ меня, что чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ.

— Вздоръ! Не вѣрю. Это не нездоровье, а злится на меня за распечку. Пошлите за нимъ: безъ него я не сяду.

Горный начальникъ тотчасъ же вышелъ изъ-за стола и отправилъ лѣсничему записку, съ просьбою—составить партію Владиміру Андреевичу.

Григорій Михайловичъ дѣйствительно не былъ боленъ, но, крайне возмущенный грубой распечкой главнаго начальника, рѣшилъ не быть на обѣдѣ и не играть съ нимъ въ карты.

Въ отвѣтъ на пригласительную записку горнаго начальника, онъ отвѣтилъ отказомъ.

Будучи человѣкомъ крайне добрымъ и искренно расположеннымъ къ Григорію Михайловичу, горный начальникъ не удовольствовался полученнымъ отказомъ послѣдняго, а тотчасъ же, послѣ обѣда, поѣхалъ за нимъ лично и съумѣлъ убѣдить его не противиться желанію Глинки.

Такимъ образомъ бостончикъ состоялся, и всѣ обычные партнеры занялись знакомымъ и пріятнымъ для нихъ удовольствіемъ.

Владиміру Андреевичу страшно не везло, и онъ проигралъ до-

вольно крупную сумму, которая, почти цѣликомъ, перешла въ карманъ старшаго лѣсничаго.

Тѣмъ не менѣе Глинка, противъ обыкновенія, не особенно сердился и даже шутливо замѣтилъ, высыпая на столъ довольно изрядную кучку золота.

— Ишь, отмстилъ вѣдь, злодѣй!

— Ужъ видно судьба такая, ваше превосходительство, почтительно говорилъ, забирая и пряча въ карманъ деньги, Григорій Михайловичъ.

— Судьба, судьба! Погоди, любезнѣйшій, не въ послѣдній разъ играемъ.

Подобные казусы попадались нерѣдко, и разсказы о нихъ долго хранились въ памяти заводскихъ служащихъ.

Вообще же, Владиміръ Андреевичъ былъ хорошій, добрый и честный администраторъ, но нѣсколько вспыльчивый и часто, за пустяки, разносившій, въ пухъ и прахъ, своихъ подчиненныхъ, которымъ всѣмъ, кромѣ горныхъ начальниковъ, говорилъ „ты“ и „любезнѣйшій“. Впрочемъ, вспыльчивость его проходила скоро, и если распечки, подчасъ, бывали несправедливы или черезчуръ строги, то онъ впослѣдствіи, такъ или иначе, старался вознаградить невинно потерпѣвшаго.

Глинкѣ же обязанъ Екатеринбургъ устройствомъ городскаго театра, въ которомъ, съ тѣхъ поръ и до сего времени, въ теченіе зимняго сезона, даются драматическія и оперныя представленія. Для этого были приспособлены и передѣланы, оставшіеся безъ употребленія, казенные соляные магазины.

Въ первые годы основанія театра, Владиміръ Андреевичъ оказывалъ полное содѣйствіе и матеріальную помощь антрепренеру, который, благодаря этимъ обстоятельствамъ, имѣлъ возможность, не безъ выгоды для себя, держать весьма порядочную труппу, тѣмъ болѣе, что въ его распоряженіи находился и ирбитскій театръ, дававшій, во время ярмарки, очень хорошіе сборы.

Словомъ, Глинка, по собственному почину, чѣмъ только могъ, содѣйствовалъ постоянно соединенію общества и разнообразнымъ общественнымъ развлеченіямъ. Онъ твердо держался, въ этомъ случаѣ, извѣстнаго всѣмъ правила императора Петра Великаго, что, удѣляя время дѣлу, слѣдуетъ хотя часъ удѣлить и потѣхѣ.

Получивъ новое назначеніе, Владиміръ Андреевичъ, съ грустью въ сердцѣ и съ слезами на глазахъ, разставался съ Ураломъ, оставивъ по себѣ добрую память и пріятныя воспоминанія среди большинства заводскихъ служащихъ.

VI.

Во главѣ каждаго заводскаго округа стоялъ горный начальникъ, а каждаго завода и промысла—управитель. Первый назначался на должность Высочайшимъ приказомъ, а послѣдній—приказомъ главнаго начальника.

По отношенію къ горнымъ городамъ и заводскимъ селеніямъ горный начальникъ пользовался одинаковыми правами съ губернаторами. По отношенію же къ военнымъ командамъ состоялъ на правахъ полковаго командира.

Поэтому, у парадnаго крыльца обширнаго казеннаго дома, занимаемаго горнымъ начальникомъ, помѣщалась военная будка, съ неизбѣжнымъ при ней часовымъ.

Къ предметамъ управленія горнаго начальника и управителя относились: часть хозяйственная, части искусственная и ученая, гражданское благоустройство и часть судная.

Дѣлопроизводство по всѣмъ этимъ частямъ было сосредоточено въ главной и заводской конторахъ, въ первой—подъ предсѣдательствомъ начальника, а въ послѣдней—управителя.

По судной части, вѣдавшей дѣла гражданскія и уголовныя и не имѣвшей на заводахъ особаго учрежденія, на обязанности горнаго начальника лежало:

1) Учрежденіе временныхъ судовъ въ тѣхъ горныхъ городахъ, гдѣ не было уѣзднаго суда, ратуши, или магистрата.

2) Учрежденіе, въ случаяхъ преступленій уголовныхъ, военнаго суда.

3) Надзоръ за производствомъ и рѣшеніемъ судныхъ дѣлъ и

4) Личный судъ по маловажнымъ служебнымъ упущеніямъ, а также по распрямъ и обидамъ, возникавшимъ между заводскими людьми округа.

Только послѣдняя изъ этихъ четырехъ категорій судныхъ дѣлъ относилась къ обязанности управителя.

Военный судъ, состоявшій изъ презуса, ассесора и аудитора, учреждался въ каждомъ округѣ исключительно для преступленій уголовныхъ, совершенныхъ состоящими на горной службѣ чиновниками и нижними чинами.

Вторымъ лицомъ, по управленію округомъ, стоялъ помощникъ горнаго начальника, исполнявшій одновременно обязанности перваго члена главной конторы, инспектора заводскихъ школъ и презуса военнаго суда. За исполненіе послѣднихъ двухъ обязанностей онъ получалъ особое добавочное жалованье.

Должность помощника горнаго начальника также замѣщалась

горными инженерами, а кандидаты къ нимъ представлялись главнымъ начальникомъ на утвержденіе министра.

На техническія должности смотрителей заводскихъ фабрикъ и рудниковъ горные инженеры, и, на нѣкоторые изъ послѣднихъ, горные чиновники опредѣлялись горнымъ начальникомъ.

Обязанности вторыхъ членовъ главныхъ конторъ исполняли горные чиновники и утверждались въ этихъ должностяхъ главнымъ начальникомъ.

Всѣ остальныя конторскія и заводскія должности, за исключеніемъ должностей интересныхъ, т. е. такихъ, при которыхъ, на отчетѣ и отвѣтственности чиновника, состояли или денежныя суммы, или иное заводское имущество, замѣщались лицами, по единоличному распоряженію горныхъ начальниковъ. На должности же интересныя всѣ чиновники опредѣлялись по выборамъ и утверждались начальникомъ.

Выборы производились всѣми, служащими въ заводѣ чиновниками, которые, въ случаѣ растраты избраннымъ лицомъ заводскаго имущества, обязывались возмѣстить, изъ своихъ средствъ, стоимость растраченнаго. Если же горный начальникъ опредѣлялъ чиновника на интересную должность личною властью, то лично же за него и отвѣтствовалъ.

Большая часть дѣлъ въ главной конторѣ разрѣшалась коллегіально, въ ея присутствіи. Присутствіе состояло изъ двухъ членовъ конторы и секретаря, подъ предсѣдательствомъ горнаго начальника.

Всѣ же дѣла въ заводскихъ конторахъ разрѣшались управителями единолично.

Кромѣ поименованныхъ частей, подвѣдомственныхъ мѣстному управленію, на всѣхъ казенныхъ заводахъ Урала существовали слѣдующія отдѣльныя части: лѣсная, полицейская, медицинская, благотворительная, учебная и духовная.

Для завѣдыванія лѣсною частью на заводахъ, въ распоряженіе главнаго начальника были откомандированы чины корпуса лѣсничихъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ главнаго лѣсничаго.

Лѣсная часть въ округахъ состояла въ вѣдѣніи старшихъ лѣсничихъ, а лѣсными дачами каждаго отдѣльнаго завода завѣдывали младшіе лѣсничіе.

Полицейскою частью завѣдывала горная полиція; она дѣлилась на городскую, заводскую и окружную.

Первая вѣдала всѣ, относящіяся до нея, дѣла въ чертѣ города, вторая—въ чертѣ завода, а послѣдняя—внѣ городовъ и заводовъ.

Въ составъ городской полиціи входили полицеймейстеръ и частные приставы—въ г. Екатеринбургѣ и каждомъ центральномъ заводѣ округа, и только одни частные приставы—въ остальныхъ заводахъ.

Впрочемъ, на Міясскихъ и Березовскихъ золотыхъ промыслахъ и Турьинскихъ мѣдныхъ рудникахъ также полагались полицеймейстеры.

Въ распоряженіи полицеймейстеровъ и приставовъ состояли нижніе полицейскіе чины и разъѣздные, или казаки.

Во главѣ окружной полиціи стояли горные исправники, которые, въ земскихъ судахъ того уѣзда, гдѣ находились заводы, засѣдали на первомъ мѣстѣ, послѣ земскихъ исправниковъ.

По дѣламъ полицейскимъ, земскій судъ подчинялся горному начальнику, какъ гражданскому губернатору; а заводскимъ управителямъ, въ этомъ отношеніи, присвоялись права городничихъ. Само собою, это имѣло мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ земскихъ судахъ были на производствѣ дѣла, касающіяся заводовъ и заводскихъ служащихъ или мастеровыхъ.

Медицинской частью на Уральскихъ заводахъ завѣдывалъ особый медицинскій инспекторъ, права котораго сравнивались съ правами инспекторовъ по военно-медицинской части.

Въ каждомъ горномъ городѣ и заводѣ имѣлись госпитали, состоявшіе подъ непосредственнымъ управленіемъ: въ главномъ заводѣ округа—старшихъ, а въ остальныхъ—младшихъ лѣкарей. При госпиталяхъ находилось положенное штатомъ число фельдшеровъ, лѣкарскихъ учениковъ и служителей. Хозяйственною частью госпиталей завѣдывали особые коммиссары, а содержаніе больныхъ, относительно количества и качества пищи, одежды, посуды и прочаго, производилось на основаніи штатовъ о полевыхъ полкахъ.

Въ горныхъ городахъ имѣлись аптеки, помѣщавшіяся въ особо устроенныхъ зданіяхъ и состоявшія въ вѣдѣніи заводскаго аптекаря, съ необходимымъ при немъ персоналомъ провизоровъ и аптекарскихъ учениковъ. Въ отдѣльныхъ же заводахъ аптеки помѣщались, бо́льшею частію, въ зданіяхъ госпиталей и состояли въ вѣдѣніи младшихъ лѣкарей. Наблюденіе за приготовленіемъ микстуръ и храненіемъ медикаментовъ поручалось обыкновенно старшему фельдшеру. Только вещества ядовитыя хранились въ особомъ шкафу, за печатью лѣкаря, и, въ случаѣ надобности, выдавались послѣднимъ лично.

Всѣ лѣсные, полицейскіе и медицинскіе чины округа подчинялись горному начальнику, а чины каждаго отдѣльнаго завода—управителю.

Какъ старшій лѣкарь обязанъ былъ ежедневно и лично докладывать начальнику о состояніи госпиталя въ главномъ заводѣ, такъ въ остальныхъ заводахъ, съ этою же цѣлью, являлись къ управителямъ ежедневно коммиссары.

Для призрѣнія бѣдныхъ, неимущихъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ, а также не имѣющихъ пристанища, были учреждены при каждомъ заводѣ довольно просторныя богадѣльни. Онѣ состояли изъ

двухъ отдѣленій: мужскаго и женскаго. Кромѣ взрослыхъ, въ нихъ призрѣвались также и дѣти-сироты, обоего пола, присмотръ за которыми поручался обыкновенно наиболѣе благонадежнымъ богадѣльщицамъ. Мальчики-сироты имѣли право на призрѣніе до семилѣтняго, а дѣвочки до восемнадцати-лѣтняго возраста.

Богадѣльщики и богадѣльщицы занимались, по желанію, посильными работами, или рукодѣліемъ. Имъ выдавались, отъ заводоуправленія, всѣ необходимые для работъ матеріалы и припасы, а вышедшія изъ ихъ рукъ издѣлія или продавались частнымъ лицамъ, или принимались въ казну, если считались нужными для завода. Половина вырученныхъ за издѣлія денегъ выдавалась на руки сработавшимъ ихъ, а другая половина шла въ пользу богадѣльни и причислялась къ другимъ суммамъ, назначавшимися на ея содержаніе.

Для образованія дѣтей средняго и низшаго класса заводскаго населенія существовали на заводахъ разныя учебныя заведенія. Во главѣ ихъ стояло Уральское горное училище, основанное въ Екатеринбургѣ, съ цѣлію образованія свѣдущихъ уставщиковъ, мастеровъ и наставниковъ для заводскихъ школъ. Училище это подчинялось особому управляющему, съ состоящими при немъ инспекторомъ, учителями и другими должностными лицами.

Въ немъ преподавались слѣдующіе предметы: всеобщая исторія, одинъ изъ иностранныхъ языковъ, основанія минералогіи, геогнозіи, практической и горной механики, химіи, геодезіи, пробирнаго и маркшейдерскаго искусства, черченіе и рисованіе. Кромѣ того, особенное вниманіе обращалось на практическія упражненія и работы въ техническихъ производствахъ.

Въ Уральскомъ училищѣ было учреждено шестьдесятъ штатныхъ ваканцій: тридцать для дѣтей нижнихъ и рабочихъ чиновъ и тридцать—для дѣтей недостаточныхъ чиновниковъ горнаго вѣдомства. Допускался пріемъ дѣтей и сверхъ штата, но только своекоштныхъ пансіонеровъ, съ ежегодною платою 120 рублей. Какъ казенные, или штатные ученики, такъ и пансіонеры пользовались въ училищѣ полнымъ содержаніемъ.

Лучшіе, окончившіе курсъ училища, ученики выпускались урядниками 2-й, а прочіе—3-й статьи и, до поступленія на штатныя должности, получали, кромѣ провіанта, отъ 18 до 36 рублей жалованья и по 9 рублей обмундировочныхъ ежегодно. Прослуживъ же, съ отличнымъ усердіемъ, на штатныхъ должностяхъ, двѣнадцать лѣтъ, они, безъ особыхъ испытаній, на основаніи выданныхъ имъ аттестатовъ училища, производились въ первый классный чинъ.

Слѣдующія, за Уральскимъ горнымъ училищемъ, мѣста, въ ряду заводскихъ учебныхъ заведеній, занимали: окружныя училища, по

одному въ округѣ, и заводскія школы, по одной въ каждомъ отдѣльномъ заводѣ.

Окружныя училища состояли изъ двухъ классовъ, курсъ ученія въ которыхъ продолжался по два года. Въ нихъ преподавались: катехизисъ, священная исторія, русскій языкъ, ариѳметика, географія, начала алгебры и геометріи, чистописаніе, черченіе, рисованіе и практическія упражненія въ письмоводствѣ и счетоводствѣ.

Лучшіе, окончившіе курсъ въ окружныхъ училищахъ, ученики переводились въ Уральское горное училище, а прочіе опредѣлялись на ваканціи писцовъ, цеховыхъ учениковъ и къ другимъ заводскимъ занятіямъ.

Въ заводскихъ школахъ ученіе продолжалось два года. Въ нихъ преподавали: законъ Божій, чтеніе и письмо, начала ариѳметики и линейное рисованіе.

Лучшіе ученики заводскихъ школъ поступали въ окружныя училища.

Контингентъ учащихся во всѣхъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ состоялъ ихъ дѣтей мелкихъ чиновниковъ, нижнихъ чиновъ и мастеровыхъ.

Если въ какомъ-либо заводѣ учащихся оказывалось болѣе, чѣмъ могли вмѣстить ихъ заводскія школы, то мѣстному горному начальнику разрѣшалось открывать начальныя и воскресныя школы, не только для малолѣтокъ, но и для взрослыхъ.

Что же касается дѣтей горныхъ инженеровъ, лѣсничихъ и высшихъ горныхъ чиновниковъ, то они воспитывались въ высшихъ и среднихъ, спеціальныхъ заведеніяхъ Петербурга, а именно: въ горномъ и лѣсномъ корпусахъ, въ горной технической школѣ, при технологическомъ институтѣ, въ пробирномъ училищѣ, при пробирной палаткѣ, и въ Лисинскомъ учебномъ лѣсничествѣ [1]). Въ каждомъ изъ этихъ заведеній имѣлось постоянно по нѣсколько стипендій горнаго вѣдомства.

Успѣшно окончившіе курсъ въ горномъ и лѣсномъ корпусахъ выпускались на горную и лѣсную службу съ военными чинами: изъ перваго — поручика, подпоручика и прапорщика, а изъ послѣдняго—только подпоручика и прапорщика; малоуспѣшные же—съ гражданскими чинами XIV и XII класса.

Окончившіе курсъ въ горной технической школѣ и лисинскомъ учебномъ лѣсничествѣ поступали на заводскую службу съ званіемъ

---

[1]) При немъ, въ прежнее время, существовало среднее, лѣсное, учебное заведеніе, а нынѣ лисинское лѣсничество служитъ мѣстомъ практическихъ занятій студентамъ Лѣснаго института.

горныхъ и лѣсныхъ кондукторовъ и, черезъ двѣнадцать лѣтъ, производились: первые—въ первый гражданскій, а послѣдніе—въ первый военный чинъ корпуса лѣсничихъ.

Ученики, съ успѣхомъ окончившіе курсъ остальныхъ учебныхъ заведеній, а также и окружнаго училища, по прослуженіи двѣнадцати лѣтъ на штатныхъ заводскихъ или конторскихъ должностяхъ, также имѣли право на производство ихъ въ чинъ XIV класса, но по предварительномъ выдержаніи, особо установленнаго на сей предметъ, экзамена.

При заводахъ состояло также, положенное штатомъ, число священно-и церковно-служителей.

Чины духовнаго вѣдомства опредѣлялись епархіальнымъ архіереемъ, по соглашенію съ горными начальниками и по ихъ же представленію удостоивались наградами за примѣрную и ревностную службу. Жалованье получали они изъ суммъ горнаго вѣдомства. Всѣ требы для заводскихъ людей исполнялись священниками безвозмездно, и на ихъ же обязанности лежало преподаваніе въ учебныхъ заведеніяхъ закона Божія, за что̀ полагалось имъ особое вознагражденіе.

VII.

Горный начальникъ, какъ полный хозяинъ округа, обязанъ былъ, періодически, объѣзжать всѣ, принадлежащіе къ нему, заводы и промыслы, для личнаго наблюденія за успѣшнымъ выполненіемъ заводскихъ работъ и своевременнымъ обезпеченіемъ каждаго завода необходимыми матеріалами и припасами.

Главнѣйшіе изъ нихъ, какъ-то: руды, флюсы, бутовой, горновой, точильный и иной камень, глины, кирпичъ, известь, дрова, уголь и всевозможные лѣсные припасы заготовлялись въ дачахъ округа и доставлялись оттуда на заводы.

Болты, винты, гвозди, скобы, словомъ, всѣ вообще желѣзныя издѣлія, необходимыя для возведенія новыхъ и ремонта старыхъ зданій и механизмовъ, выдѣлывались въ заводскихъ мастерскихъ.

Мука ржаная, которой расходовалось громадное количество, пріобрѣталась провіантскими смотрителями, на ближайшихъ отъ завода хлѣбныхъ рынкахъ, по распоряженію мѣстнаго начальства и по утвержденнымъ имъ средне-справочнымъ цѣнамъ.

Тѣ же, изъ массы мелочныхъ, необходимыхъ, какъ для заводскаго дѣйствія, такъ и для разныхъ заводскихъ учрежденій, припасы и

матеріалы, которыхъ нельзя было пріобрѣсти на мѣстныхъ рынкахъ и которыхъ расходовалось ежегодно на десятки тысячъ рублей, закупались на Нижегородской ярмаркѣ, куда обыкновенно командировался кто-либо изъ горныхъ чиновниковъ.

Такимъ образомъ изъ вышеприведеннаго видно, что обязанности горныхъ начальниковъ были весьма нелегки и крайне разнообразны. Они должны были совмѣщать въ себѣ одновременно и администратора, и техника, и блюстителя порядка, и судью, и хозяина обширнаго имѣнія.

Поэтому на долю добросовѣстнаго и строго относящагося къ исполненію своихъ обязанностей начальника приходилось не мало дѣла, заботъ и хлопотъ, а слѣдовательно и отвѣтственность его была далеко не легкая.

Горный начальникъ вставалъ рано, не позднѣе восьми часовъ. Съ девяти у него уже начинался пріемъ должностныхъ лицъ.

Первымъ пріѣзжалъ полицеймейстеръ и рапортовалъ о состояніи порядка и благочинія въ городѣ, подробно докладывая о всѣхъ, бывшихъ въ теченіе минувшаго дня, крупныхъ и мелкихъ происшествіяхъ.

Вслѣдъ за нимъ являлся старшій лѣкарь, съ донесеніемъ о состояніи госпиталя и количествѣ больныхъ, въ немъ находящихся.

Далѣе, пріѣзжалъ управитель завода съ отчетомъ о ходѣ работъ въ фабрикахъ и успѣшномъ выполненіи казенныхъ заказовъ.

Кромѣ того, случалось нерѣдко, что въ эти же часы появлялся у начальника и чиновникъ разныхъ порученій, на котораго было возложено какое-либо особое и болѣе серьезное дѣло или разслѣдованіе.

Наконецъ, около часу и болѣе отнималъ у него разный рабочій людъ, особенно женщины, приходившія съ всевозможными просьбами о пособіяхъ, помѣщеніи въ богадѣльню, или съ жалобами на мужей, угостившихъ ихъ такими побоями, что слѣды послѣднихъ ясно обнаруживались на ихъ заплаканныхъ и покрытыхъ синяками лицахъ.

Все это нужно было разобрать, сообразить и разрѣшить по возможности справедливо и согласно съ сущностью дѣла.

Такъ проходило время до 11 и даже до 12 часовъ.

Позавтракавъ, начальникъ отправлялся въ главную контору, гдѣ опять разныя дѣла, требующія внимательнаго разсмотрѣнія и надлежащаго распоряженія, отнимали у него время до четырехъ часовъ дня.

Болѣе же серьезныя дѣла, подробно вникнуть въ которыя въ главной конторѣ не представлялось ни времени, ни возможности, обыкновенно отсылались секретаремъ на квартиру начальника. Имъ посвящалъ онъ цѣлые вечера, занимаясь иногда до глубокой ночи.

Кромѣ того, ему необходимо было хотя разъ или два на недѣлѣ заглянуть и въ заводскія фабрики, и въ госпиталь, и въ богадѣльню, и въ прочія учрежденія округа.

На должности горныхъ начальниковъ назначались большею частью лица, вполнѣ достойныя. По крайней мѣрѣ, съ начала 30-хъ и до конца 50-хъ годовъ, т. е. болѣе чѣмъ за четверть столѣтія, на всѣхъ казенныхъ заводахъ Урала стояли во главѣ каждаго округа дѣльные и опытные инженеры.

Конечно, одни изъ нихъ были дѣльнѣе, способнѣе и энергичнѣе, другіе обладали этими качествами въ меньшей степени; одни относились къ подчиненнымъ мягче и снисходительнѣе, другіе — строже и требовательнѣе; одни—менѣе пристрастно и, слѣдовательно, болѣе справедливо, а другіе — наоборотъ.

Но, въ общемъ, всѣ они, какъ въ отношеніи службы, такъ и общественной жизни, дѣйствовали почти одинаково. Держали себя не недоступно, гордо и заносчиво, а съ спокойнымъ достоинствомъ, внушавшимъ невольное уваженіе въ сослуживцахъ и подчиненныхъ и исключавшемъ всякую возможность проявленія со стороны послѣднихъ малѣйшей фамильярности и запанибратства. Впрочемъ, не могла допустить этого и военная дисциплина, въ которой всѣ они были воспитаны чуть не съ дѣтства. Поэтому всѣ чины заводскаго управленія считали своимъ долгомъ, не только по службѣ, но и въ общественной жизни, оказывать уваженіе и почтеніе къ старшимъ, но безъ униженія, заискиванія и подхалимства; хотя, конечно, встрѣчались субъекты, пускавшіе въ ходъ и послѣднія два, не особенно привлекательныя свойства.

Всѣхъ лицъ, занимавшихъ должности горныхъ начальниковъ въ крѣпостное время, можно подраздѣлить на три главные типа.

Къ первому принадлежали, такъ называемые, чисто заводскіе служаки, т. е. лица, обращавшія главнѣйшее вниманіе на заводскія производства. Они аккуратно, по два раза на-дню, утромъ и вечеромъ, не менѣе пяти-шести часовъ проводили ежедневно въ фабрикахъ, гдѣ не оставляли неосмотрѣннымъ ни одного уголка, если только въ немъ производилась хотя бы самая незначительная и второстепенная работа. Они знали въ лицо и по фамиліямъ не только главныхъ и рядовыхъ мастеровъ, но и многихъ изъ лучшихъ работниковъ. Малѣйшія неудачи и неполадки въ заводскомъ дѣлѣ принимали близко къ сердцу и лично пріискивали и указывали мѣры къ ихъ устраненію.

Такіе начальники нерѣдко знали техническую часть завода гораздо лучше, чѣмъ непосредственно завѣдывавшіе ею управители. За то къ дѣламъ конторскимъ, или канцелярскимъ они относились съ значительно меньшимъ рвеніемъ, предоставляя главнѣйшую заботу о

надлежащемъ ихъ веденіи секретарю и другимъ горнымъ чиновникамъ. А послѣдніе, само-собой, пользовались этимъ и, вліяя на тотъ или иной исходъ болѣе интересныхъ дѣлъ, играли, въ заводской администраціи, довольно видную роль. Если подобное обстоятельство и не нравилось другимъ служащимъ, то, все же, волей-неволей, они вынуждены были мириться съ нимъ и признать его неизбѣжнымъ.

Къ представителямъ втораго типа относились начальники кабинетные, удѣлявшіе, наоборотъ, бо̀льшую часть времени дѣламъ, чисто канцелярскимъ. Они внимательно пропускали черезъ свои руки всевозможные рапорты, донесенія, представленія, справки, вѣдомости, отчеты и т. п. Они, такъ сказать, всецѣло погружались въ бумажное, канцелярское море, а потому аккуратно просиживали по 4—5 часовъ въ конторѣ и по столько же, если еще не болѣе, на дому, въ своемъ кабинетѣ.

Входя во всѣ мелочи заводскаго хозяйства и усердно радѣя о соблюденіи экономіи и сокращеніи расходовъ, они не только не достигали этого, но даже иногда сами способствовали ихъ увеличенію.

Они, напримѣръ, никогда не разрѣшали сразу управителю испрашиваемую имъ цѣну, изъ двухъ цифръ, наименьшей и наибо̀льшей, на заготовку какого-либо матеріала, а сперва утверждали первую изъ нихъ. Между тѣмъ, по полученіи разрѣшенія, на что̀ требовалось не менѣе недѣли, цѣна на матеріалъ поднималась и уже нѣсколько превышала, утвержденную начальникомъ, минимальную. Управитель вторично входилъ съ представленіемъ, испрашивая уже болѣе высокія цѣны, а начальникъ опять-таки предписывалъ заготовить по минимальной изъ нихъ, которая, ко времени полученія предписанія, снова успѣвала повыситься.

Послѣдствіемъ подобной процедуры являлась, въ концѣ-концовъ, заготовка матеріала по цѣнѣ болѣе высокой противу той, которая испрашивалась управителемъ первоначально.

Въ заводскія фабрики такіе начальники заглядывали рѣдко, не болѣе раза въ недѣлю, предоставивъ всецѣло всю техническую часть управителю. Послѣдній поэтому пользовался несравненно большею самостоятельностью въ своихъ дѣйствіяхъ, между тѣмъ какъ секретарь уже далеко не имѣлъ такого значенія, какое доставалось на его долю при начальникѣ перваго типа.

Третій типъ начальниковъ занималъ какъ бы середину между двумя первыми. Они одинаково заботливо относились ко всѣмъ отраслямъ управленія, обращая, главнымъ образомъ, вниманіе не на мелочи, а на самую суть дѣла. Они резонно разсуждали, что подробно вникать и входить во все и, такъ сказать, провѣрять и контролировать сдѣланное разными служащими, одному человѣку не по силамъ

и что для этого у него имѣется достаточный штатъ инженеровъ и чиновниковъ.

Такіе начальники считались наилучшими и наиболѣе полезными дѣятелями. Это были настоящіе начальники—администраторы, каковыми, въ сущности, они и должны быть въ дѣйствительности. Какъ не особенно долюбливали заводскіе служащіе начальниковъ первыхъ двухъ типовъ, такъ, наоборотъ, начальники третьяго типа пользовались наибольшими любовью и уваженіемъ своихъ подчиненныхъ.

Только въ отношеніи разъ установленнаго порядка, всѣ они поступали одинаково, т. е. довольно строго слѣдили за тѣмъ, чтобы подвѣдомственныя имъ лица неуклонно исполняли свои обязанности, аккуратно являлись въ присутственныя мѣста и просиживали тамъ, положенное для занятій, время. Но, предъявляя къ подчиненнымъ подобныя требованія, они не возбраняли имъ, въ свободное отъ занятій время, пользоваться разными общественными развлеченіями, охотно оказывая, съ своей стороны, полное къ тому содѣйствіе.

Въ общественной жизни всѣ горные начальники держали себя почти одинаково, охотно и радушно принимая у себя, принадлежащихъ къ ихъ кругу, заводскихъ чиновниковъ и, въ свою очередь, посѣщая семейные дома послѣднихъ. Въ этихъ случаяхъ, они, слѣдуя старинному изреченію: „служба службой, а дружба дружбой“, относились одинаково просто, любезно и привѣтливо ко всѣмъ, безъ различія, членамъ общества.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ

Софьи Алексѣевны Лайкевичъ.

Настоящія воспоминанія, касающіяся, преимущественно, эпизода ссылки извѣстнаго мистика А. Ѳ. Лабзина въ Сенгилей и Симбирскъ въ 1822 году, получены мною отъ внучатной племянницы С. А. Лайкевичъ—Ольги Михайловны Леонтьевой, рожд. Людоговской, которой считаю пріятнымъ долгомъ принести выраженіе моей искренней благодарности.

Обстоятельства высылки Лабзина изъ Петербурга въ значительной степени уже извѣстны по статьямъ, печатавшимся въ нашихъ историческихъ журналахъ; но воспоминанія С. А. Лайкевичъ, свидѣтельницы и участницы всего того, что перенесъ опальный Лабзинъ, сдѣлавшійся жертвой непостояннаго и измѣнчиваго характера императора Александра I, имѣютъ особенную цѣнность какъ по достовѣрности и откровенности сообщаемыхъ въ нихъ свѣдѣній, такъ и по многимъ любопытнымъ подробностямъ, доселѣ неизвѣстнымъ. Составляя центральную фигуру среди описываемыхъ С. А. Лайкевичъ лицъ, Лабзинъ, естественно, занимаетъ и большую часть ея воспоминаній; но не лишены цѣнности разсказы автора о ея дѣтствѣ, воспитаніи и жизни въ семьѣ пріемныхъ ея родителей. Образъ ея „второй матери“, Анны Евдокимовны Лабзиной, женщины благочестивой, проникнутой мистическими убѣжденіями, развившимися на почвѣ перенесенныхъ ею жизненныхъ невзгодъ [1]) и окрѣпшими подъ могущественнымъ вліяніемъ ея мужа, а также и онъ самъ, вѣчно занятый пропагандой своихъ идей, гордый и независимый, окруженный людьми разнородныхъ слоевъ общества, надѣявшимися въ характерномъ для той эпохи мистицизмѣ найти выходъ изъ мрачнаго, подавленнаго состоянія, въ которомъ на-

[1]) О которыхъ она также оставила свои воспоминанія, изданныя мною въ 1903 г. („Воспоминанія А. Е. Лабзиной“,—при „Русской Старинѣ“ 1903 г. и отд. изд., С.-Пб. 1903 г.).

ходилась тогда большая часть мыслящаго общества,—образы ихъ обоихъ прекрасно обрисовываются въ настоящихъ воспоминаніяхъ.

Софья Алексѣевна, по отцу — Мудрова, родилась въ Вологдѣ 16-го сентября 1797 г., вскорѣ потеряла мать, а въ 1801 году лишилась и отца. Оставшись круглою сиротой, она попала въ домъ Лабзиныхъ, съ которыми только-что передъ тѣмъ познакомился ея дядя, Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ, извѣстный впослѣдствіи врачъ и профессоръ Московскаго Университета, отправлявшійся тогда за-границу. Неимѣвшіе собственныхъ дѣтей Лабзины, по словамъ П. А. Безсонова, „взяли дѣвочку къ себѣ, воспитали, выучили ее языкамъ и другимъ необходимымъ предметамъ и воспитали въ благочестіи. Они любили ее, какъ дочь, и она любила и почитала ихъ, какъ родителей, и послѣдовала за ними въ изгнаніе. Она была умна, жива, кротка и благочестива“ [1]). Дѣвочка росла въ суровой обстановкѣ, которой Лабзины намѣренно придавали еще болѣе суровости, разсчитывая на худшее, что могло ожидать въ жизни ихъ воспитанницу. Но подъ этой суровостью скрывалась горячая любовь къ сиротѣ, особенно со стороны А. Е. Лабзиной. „У нея характеръ самый лучшій: умна, осторожна и всѣ вещи разсматриваетъ очень ясно и чисто видитъ“, писала про нее Лабзина въ 1819 году въ своемъ дневникѣ [2]). Не будучи въ состояніи обезпечить бѣдную дѣвушку состояніемъ, котораго они и сами не имѣли, Лабзины тревожились этимъ и разсчитывали въ этомъ отношеніи на дядю сироты—М. Я. Мудрова, человѣка со средствами. „Что за лѣнь, мой другъ, на тебя напала“, приписывала А. Е. Лабзина въ письмѣ Софьи Алексѣевны къ дядѣ отъ 1-го іюня 1819 г.: „что ты не отвѣчаешь на мое письмо ничего? Кажется, не мудрено сказать два слова: да или нѣтъ и дать мнѣ знать участь той, которая живетъ въ сердцѣ моемъ, и для которой, кажется, я живу. Горько будетъ умирать мнѣ, не знавши ея участи! Съ чѣмъ и какъ она останется? Я бы желала, чтобы она ни отъ кого не зависѣла и никому не была въ тягость, и это меня, признаюсь вамъ, сокрушаетъ очень. Никто ея не знаетъ такъ хорошо, какъ я, и чувствъ ея никто не будетъ знать безъ меня“ [3]). Дядя обѣщалъ-было подарить племянницѣ одинъ изъ принадлежавшихъ ему въ Москвѣ домовъ, но намѣренія этого не исполнилъ. Однако, когда въ 1825 и 1828 гг. сирота лишилась и пріемныхъ своихъ родителей и думала уже о поступленіи въ монастырь, дядя уговорилъ ее остаться жить у него, а въ 1829 или 1830 г. выдалъ замужъ за отставного армейскаго капитана и бывшаго судью

[1]) „Русскій Архивъ“ 1866 г., ст. 846.

[2]) „Воспоминанія А. Е. Лабзиной“, С.-Пб. 1903 г., стр. 113.

[3]) См. въ статьѣ моей „Изъ архива И. Е. Великопольскаго“, въ „Русской Старинѣ“ 1901 г., № 7, стр. 179 и отд. оттискъ. С.-Пб. 1901 г., стр. 26.

Можайскаго уѣзднаго суда Николая Петровича Лайкевича. Бракъ этихъ, уже не молодыхъ людей былъ устроенъ Мудровымъ довольно просто. Лайкевичъ, раненный на войнѣ, страдалъ ипохондріей и лѣчился у Мудрова. Однажды послѣдній пригласилъ своего паціента къ себѣ обѣдать. „Вотъ вы все хандрите, Николай Петровичъ“, сказалъ онъ: „а противъ этого есть вѣрное лѣкарство — нужно только жениться“. Лайкевичъ возразилъ, что нельзя жениться, не имѣя невѣсты. Вслѣдъ затѣмъ въ комнату вошла Софья Алексѣевна, и Мудровъ, указывая на племянницу, сказалъ: „Вотъ вамъ невѣста! Нравится ли она вамъ?“— У Николая Петровича вырвалось невольное „да“, и Мудровъ, пользуясь его смущеніемъ, обратился къ вошедшему въ это время священнику съ просьбою благословить нареченныхъ [1])... Послѣ свадьбы Софьи Алексѣевна поселилась въ имѣніи мужа—с. Глазовѣ, Можайскаго уѣзда [2]), а затѣмъ большую часть жизни проживала въ Москвѣ и, по словамъ П. А. Безсонова, „была доброю женою и хорошею матерью“. Она овдовѣла въ апрѣлѣ 1861 года, а въ 1862 году лишилась и старшаго своего сына Петра (род. въ 1831 г.), служившаго въ Московскомъ губернскомъ правленіи; второй сынъ ея, Павелъ, воспитывавшійся, какъ и братъ его, въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ, служилъ въ Канцеляріи Московскаго генералъ-губернатора и скончался въ психіатрической больницѣ въ 1883 году.

При выходѣ замужъ, Софья Алексѣевна получила, вмѣстѣ съ приданымъ, нѣсколько портретовъ, принадлежавшихъ ея воспитателямъ, напр., портретъ самого Лабзина (работы Боровиковскаго) [3]), подаренный въ 1871—1872 г., вмѣстѣ съ другими портретами, ея сыномъ Павломъ въ галлерею Московскаго Румянцовскаго музея въ Москвѣ; портретъ князя Гр. Ал. Долгорукова (работы Левицкаго) [4]) и нѣкоторые другіе, а равно бюстъ (гипсовый) Лабзина, и до сихъ поръ находящійся въ с. Глазовѣ, у Мих. Мих. Людоговскаго.

С. А. Лайкевичъ скончалась въ Москвѣ, въ январѣ 1870 г.; погребена она рядомъ съ мужемъ и дѣтьми на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

Воспоминанія свои она написала въ 1867 году.

Павловскъ, 6-го февраля 1905 г. **Б. Л. Модзалевскій.**

---

[1]) Сообщено Николаемъ Львовичемъ Людоговскимъ.

[2]) Н. П. Лайкевичъ (род. 8-го апрѣля 1786 † 2-го апрѣля 1861) былъ въ Можайскѣ судьей уѣзднаго суда; въ 1830-хъ годахъ онъ состоялъ, въ чинѣ надв. совѣт., почетнымъ смотрителемъ Гжатскаго уѣзднаго училища Смоленской губерніи, гдѣ директоромъ училищъ былъ его зять, Левъ Ѳедоровичъ Людоговскій, женатый на Александрѣ Петровнѣ Лайкевичъ.

[3]) Воспроизведенъ при изданныхъ мною „Воспоминаніяхъ А. Е. Лабзиной“, С.-Пб. 1903 г.

[4]) См. С. П. Дягилевъ, Русская живопись въ XVIII в., т. I, стр. 31.

Отецъ и мать остависта мя, Господь
воспріятъ мя.

Я стала круглой сиротой четырехъ лѣтъ отъ рожденія; родина моя—Вологда.

Я родилась 1797 года въ канунъ дня памяти святой мученицы Софіи [1]), почему и наречена дѣдомъ моимъ по отцу [2]) Софіею.

Не знаю, когда семья наша переѣхала въ Петербургъ, гдѣ мать моя, послѣ четвертыхъ родовъ, скончалась. Отъ этой потери у меня остались только въ памяти розовый гробъ, при выносѣ коего—мужчина (конечно отецъ мой) [3]), бросившійся на оный, далѣе пустота въ домѣ на время, и болѣе ничего.

Въ продолженіе года, отецъ мой задумалъ жениться; я помню сговоръ; невѣста его ласкала меня, повѣсила мнѣ на шею жемчугъ для забавы, но окончиться начатому не суждено было: женихъ, почувствовавъ дурноту, хотѣлъ выдти, но на порогѣ упалъ и испустилъ духъ, отъ поразившаго его апоплексическаго удара [4]). Впослѣдствіи времени, я слышала отъ родной тетки моей, что въ предсмертныхъ страданіяхъ сестры ея отчаянный мужъ клялся, что никогда не женится, на что умирающая сказала ему: „Ахъ, не клянись!“ И такъ Господь не допустилъ его до грѣха.

Смерть отца не сдѣлала на меня никакого впечатлѣнія. Я осталась на рукахъ бабушки, имѣвшей свои заботы и малыя средства; (она) не могла меня воспитывать, почему дядя мой по отцу [5]) взялъ эту заботу на себя, чтобъ меня пристроить.

Помню, какъ бабушка, нарядивъ меня въ новенькій платочекъ синенькій (вѣроятно буковой краски), который я дорогой съ наслажденіемъ нюхала, привела меня въ церковь, гдѣ я пріобщена была Святыхъ Христовыхъ Таинъ; затѣмъ дядя увелъ меня. Не помню, какъ я была передана моимъ воспитателямъ, и грустила ли, вѣроятно—да, ибо въ дѣтствѣ я была очень слезлива, почему папенька Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ [6]), второй отецъ мой, называлъ меня часто:

---

[1]) Т. е. 16-го сентября.

[2]) Яковомъ Ивановичемъ Мудровымъ; онъ былъ священникомъ Вологодскаго дѣвичьяго монастыря.

[3]) Алексѣй Яковлевичъ Мудровъ.

[4]) Это было въ мартѣ—апрѣлѣ 1801 г.

[5]) Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ (род. въ Вологдѣ 1772 г., ум. въ С.-Петербургѣ въ 1831 г., отъ холеры), впослѣдствіи извѣстный врачъ-практикъ, профессоръ Московскаго Университета.

[6]) Извѣстный мистикъ, писатель, издатель „Сіонскаго Вѣстника“; о немъ см. мою брошюру: „Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ“. Отдѣльный оттискъ изъ „Русскаго Біографическаго Словаря“, С.-Пб. 1904 г.

„Сильфида Зефиротовна Слезова". Маменька, Анна Евдокимовна Лабзина [1]), вторая мать моя, сама учила меня азбукѣ, но, вѣроятно, я была тупа, что она, соскуча непонятной ученицей, отсылала меня на верхъ къ бабушкѣ, матушкѣ-свекрови своей [2]), которая меня любила и была ко мнѣ снисходительна; я отирала слезы и легко выучивала урокъ.

Дядя мой скоро уѣхалъ за-границу [3]), благословивъ меня образомъ преподобнаго Сергія Радонежскаго. Родительское наслѣдство заключалось въ маленькомъ кованомъ сундучкѣ, въ которомъ были два перстня (конечно, вѣнчальные), которые я не умѣла сохранить, два серебряныхъ рубля съ портретомъ Петра Перваго, жемчужное ожерелье, вѣнчальное платье матери моей,—розовое гродетуровое (отданное потомъ въ Глазовскую [4]) церковь) и нѣсколько серебряныхъ бездѣлушекъ.

Не знаю, гдѣ служилъ мой отецъ; кажется, я слыхала,—по удѣльной части, то мнѣ, какъ круглой сиротѣ, выхлопотали его годовое жалованье, при письмѣ Габлица [5]), вѣроятно, — его начальника. Деньги лежали въ Опекунскомъ Совѣтѣ до совершеннолѣтія; потомъ онѣ были получены, но не знаю, сколько ихъ накопилось, ибо на что онѣ были мнѣ? Припомнила еще слышанное мною объ отцѣ моемъ, что воспріемникомъ его отъ купели былъ Сперанскій [6]), въ свое время государственный человѣкъ.

По отъѣздѣ дяди моего, я и родной бабушки своей не видала; вдолгѣ я узнала, что она нерѣдко, проходя нарочно мимо, видѣла меня, поставленную дѣвушками на окошко; это ее, бѣдную, утѣшало, а я ее не узнавала.

Благодѣтели мои, не знаю въ которомъ году, ѣздили въ великій

---

[1]) А. Е. Лабзина, рожд. Яковлева, по первому браку Карамышева (род. 1758 г., ум. 1828 г.); о ней см. „Воспоминанія А. Е. Лабзиной. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго. Съ портретами А. Ѳ. и А. Е. Лабзиныхъ", С.-Пб. 1903 г.

[2]) Екатерина Васильевна Лабзина, мать А. Ѳ. Лабзина; она умерла въ Петербургѣ, 2-го ноября 1814 г., 98 лѣтъ отъ роду; погребена на Смоленскомъ кладбищѣ.

[3]) М. Я. Мудровъ выѣхалъ изъ Петербурга въ іюлѣ 1802 г.

[4]) Имѣніе Глазово, Можайскаго уѣзда, Московской губерніи, принадлежавшее мужу автора воспоминаній, Н. П. Лайкевичу; нынѣ имъ владѣютъ Людоговскіе.

[5]) Карлъ Ивановичъ Габлицъ (род. 1752 г., ум. 1821 г.), впослѣдствіи тайн. совѣт., сенаторъ, съ 1797 г.—членъ экспедиціи государственнаго хозяйства, товарищъ министра Департамента удѣловъ, писатель.

[6]) Здѣсь какая-нибудь неточность: Сперанскій родился въ 1772 г., а Мудровъ былъ старше его; къ тому же Сперанскій не имѣлъ никакого отношенія къ Вологдѣ.

постъ въ Москву и меня брали съ собой; я сидѣла въ повозкѣ между ними, и по дурной ухабистой дорогѣ, по которой лошади уходили внизъ и выходили на верхъ, я говорила, что лошади дѣлаютъ книксены. Въ Москвѣ, помнится мнѣ, мы останавливались въ домѣ Хераскова [1]), и я, сидя за обѣдомъ, не взяла жареной телятины; Елизавета Васильевна Хераскова [2]) спрашиваетъ меня: „Что ты, душа моя, не кушаешь?“ и маменька, сидѣвшая со мной рядомъ, объ этомъ же меня спрашиваетъ; я ей тихонько отвѣчала: „Бабушка не велѣла ѣсть скоромнаго“. Маменька передала слова мои хозяйкѣ, которая меня урезонила: „Кушай, душа моя, телятина жарена въ постномъ маслѣ“,—и я успокоилась. Помню, что я въ Москвѣ была нездорова отъ перемѣнной воды, а возвратившись назадъ въ Петербургъ, вѣроятно дорогой, простудилась; у меня сдѣлалась водяная, я вся распухла, и помнится, что пріобщали или хотѣли меня пріобщать,—точно не знаю. По выздоровленіи моемъ, взяли ко мнѣ дворовую дѣвочку однихъ со мною лѣтъ для поощренія въ ученьѣ, потому что наступило время серьезнаго моего ученья. Мнѣ дали учителя, который училъ меня всѣмъ предметамъ и занимался со мною нѣсколько лѣтъ [3]). Кстати, пришелъ мнѣ на мысль одинъ случай, который, однако, показываетъ дѣтскую во мнѣ гордость и неблагодарность. Разъ сидѣли мы за обѣдомъ; мое мѣсто всегда было между бабушки и маменьки; разговаривая о разныхъ предметахъ, вдругъ папенька меня спрашиваетъ: „А что, Сонюшка, если бы мы тебя выгнали, куда бы ты пошла?“ Какъ молнія блеснула мнѣ мысль: „коли-бы я была виновата, я бы просила прощенія, а я ничего худого не сдѣлала, то за что я буду просить прощеніе?“—и я скоро отвѣтила: „Я бы пошла къ Михаилу Ивановичу“ (это имя моего учителя), на что папенька сказалъ: „О, коли такъ, такъ иди къ своему Михайлу Ивановичу!“ Отодвинувши стулъ мой отъ стола, я горько заплакала и пошла въ сѣни; идучи по большой столовой, я слышала голосъ бабушки, которая говорила: „Не стыдно тебѣ, Александръ Ѳедоровичъ!“ Стоя, выгнанная, я видѣла кушанья, несенныя мимо меня, но, конечно, мнѣ было не до ѣды,—мнѣ стыдно было лакеевъ. Молю Бога за благодѣтелей

[1]) Михаила Матвѣевича, въ домѣ котораго, въ 1774—1775 гг., жила А. Е. Лабзина.

[2]) Жена М. М. Хераскова, рожд. Неронова, писательница.

[3]) До того съ Софьей Алексѣевной занимался Дм. Еф. Василевскій, въ 1810—1819 гг. бывшій учителемъ русской словесности, миѳологіи и всеобщей исторіи въ Академіи Художествъ (при Лабзинѣ), впослѣдствіи орд. профессоръ Московскаго Университета по каѳедрѣ правъ политическаго и народнаго (см. о немъ въ письмѣ С. А. Мудровой и А. Е. Лабзиной къ М. Я. Мудрову, напечатанномъ мною въ „Русской Старинѣ“ 1901 г., іюль, стр. 178—180).

моихъ, съ ранняго дѣтства учившихъ меня смиренію и терпѣнію, необходимымъ въ продолженіе жизни, особенно для женщины.

Къ предметамъ ученья моего окончательнаго прибавилось рисованье и музыка; первому училъ меня извѣстный въ свое время Витбергъ [1]). Однажды, когда я рисовала безъ учителя, подходилъ къ классному столу моему посѣщавшій иногда папеньку и читавшій съ нимъ проповѣдь, которую онъ хотѣлъ говорить, бывшій еще тогда ректоромъ Академіи архимандритъ Филаретъ, нынѣ митрополитъ Московскій [2]); взглянулъ милостиво на мое марашье и благословилъ меня.

Природа не наградила меня большими способностями, и я, имѣвъ хорошихъ учителей рисованья,—которые всегда поправляли оконченную мною работу; бренчанье мое на фортепьяно, какъ говорили, было довольно пріятно для слуха. Я имѣла учительницею музыки даму, знакомую маменькѣ, которая, по дружбѣ своей, учила меня; имя ея Анна Андреевна Пушкина [3]). Личность эта примѣчательна своею горестною жизнію, которую описалъ стихами папенька, а она, бывъ отличною музыкантшею и пѣвицей, положила на музыку; помѣщаю эти стихи, хотя неоконченные. Первые періоды ея несчастій видны изъ стиховъ; затѣмъ, положивъ все свое состояніе на воспитаніе единственнаго сына [4]), она вполнѣ была вознаграждена. Онъ превосходно учился, такъ что, по окончаніи ученья, служилъ въ свитѣ, но, по недоброжелательству Аракчеева, долженъ былъ, наконецъ, перемѣнить службу и былъ преподавателемъ въ Лицеѣ. Непріятности по первой службѣ и частыя поѣздки въ Царское Село въ непогоду разстроили

---

[1]) Александръ Лаврентьевичъ (ум. 1855), членъ Масонской ложи Лабзина извѣстный своимъ проектомъ храма Христа Спасителя на Воробьевыхъ горахъ; одно время онъ былъ очень близокъ къ семьѣ Лабзиныхъ.

[2]) Впослѣдствіи одинъ изъ ревностныхъ гонителей Лабзина.

[3]) Рожденная Мижукова, жена стат. совѣт., предсѣдателя (1792 г.) С.-Петербургской палаты уголовнаго суда Михаила Алексѣевича Пушкина, скончавшагося около 1793 года; его родная сестра, Марія Алексѣевна, была за Осипомъ Абрамовичемъ Ганнибаломъ и приходилась бабкою А. С. Пушкину.

[4]) Алексѣя Михайловича (род. 1792 г., ум. 1821 г.), автора „Курса полевой фортификаціи“ (Н. П. Глиноецкій. Исторія Русскаго Генеральнаго Штаба, т. I, С.-Пб. 1883 г., стр. 419); въ 1809 г. онъ окончилъ курсъ Пажескаго корпуса и былъ выпущенъ въ Мушкатерскій графа Аракчеева полкъ, въ 1810 г. переведенъ въ свиту его величества по квартирмейстерской части, въ 1816 г. вышелъ въ отставку и въ 1817 г. поступилъ въ Департаментъ духовныхъ дѣлъ, въ томъ же году перешелъ учителемъ военныхъ наукъ и инспекторскимъ помощникомъ въ Благородный пансіонъ С.-Петербургскаго Университета (гдѣ при немъ воспитывался братъ поэта, Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ), въ 1819 г. преподавалъ военныя науки и въ Горномъ корпусѣ, а въ ноябрѣ 1820 г. опредѣлился учителемъ тѣхъ же наукъ въ пансіонъ Царскосельскаго Лицея, но вскорѣ скончался.

его здоровье, отъ природы слабое: онъ скоро умеръ отъ удара, и бѣдной матери осталося только въ пансіонъ полное жалованье сына. Вотъ слова романса, о коемъ выше писано:

1.

Рокъ мой жестокой
Всю злость на мнѣ явилъ,
Въ безднѣ глубокой
Судьбу мою сокрылъ.

2.

Что будетъ, то не знаю,
А что уже прошло, —
Когда въ умѣ считаю, —
Лишь вижу бѣдъ число.

3.

Отъ дѣтской колыбели
До самыхъ зрѣлыхъ лѣтъ
Несчастія летѣли
Всегда за мной во слѣдъ.

4.

Оставшись сиротою,
Не знала счастья я;
Ласкалася мечтою:
Найдетъ оно меня!

5.

Но въ возрастъ лишь приспѣла,
Лишь чувства развились,
Судьба разсвирѣпѣла,
Печали начались.

6.

Мнѣ сердце тутъ сказало.
„Нельзя быть сиротой“;
Мнѣ сердце указало,
Съ кѣмъ вѣкъ найти иной.

7.

Польстило, дало друга...
Я мнила — процвѣла;
Дала судьба супруга
И тотчасъ отняла.

8.

Рокъ мой жестокой
Свой гнѣвъ не утолилъ,
Быть одинокой
Опять опредѣлилъ...

9.

Судилъ мнѣ вѣчно рваться,
Тоской себя томить,
Лишь вздохами питаться
И слезы чашей лить.

10.

Мой томный духъ унылой
Не зритъ бѣдамъ конца;
Лишь ты, младенецъ милой,
Утѣха безъ отца.

11.

Рокъ мой суровой
Потщуся умолить,
Жертвой готовой
Въ немъ лютость утолить.

12.

О рокъ! Къ тебѣ взываю,
Коль ты неумолимъ:
Себя тебѣ вручаю,
Лишь сжалься ты надъ нимъ!

13.

Святая добродѣтель,
Будь спутницей моей
И буди ты содѣтель
Ему счастливыхъ дней!

Я ходила къ ней два раза въ недѣлю брать урокъ; въ одинъ изъ такихъ дней я шла одна, безъ провожатаго, какъ вдругъ чувствую, что кто-то сзади меня обнялъ и сильно отодвинулъ меня назадъ: въ самое это мгновенье мимо моего носа стремглавъ проскакалъ верховой... Я обернулась, чтобы видѣть, кто меня спасъ отъ смертной опасности: это былъ неизвѣстный старичокъ. Я была такъ глупа и испугана, что и не поблагодарила его, но, конечно, душа его была болѣе утѣшена, сдѣлавъ доброе дѣло.

Строгость, подъ которою я росла, кажется, умножала и любовь

мою къ маменькѣ. Вотъ вѣрный образецъ ея со мною обращенія. Три раза въ годъ она меня цѣловала, а именно: послѣ причащенія моего Святыхъ Таинъ, въ день Свѣтлаго Воскресенія и въ день моихъ именинъ, а въ прочее время подавала мнѣ руку, послѣ чего имѣла привычку отряхивать оную, какъ будто замаралась отъ губъ моихъ. Иногда, провинившись, я стояла передъ ея спальней на колѣняхъ по нѣсколько часовъ, повторяя жалобно: „Маменька, голубушка, простите меня!“ и если, утомившись, уходила спать не прощенная, то на утро получала строгій выговоръ: какъ я могла спать, не получа прощенія. Конечно, я это заслуживала, но по дѣтству не припомню своихъ винъ.

Я вставала рано для уроковъ, особенно зимою, по субботамъ; учитель приходилъ въ семь часовъ поутру, потомъ я продолжала заниматься, съ нетерпѣніемъ посматривая на дверь, изъ которой услышу вожделѣнный голосъ: „Пожалуйте чай кушать“. А это не ранѣе бывало десяти часовъ, а часто и позже. Мнѣ приказано было вести дневникъ моихъ занятій, мыслей и чувствъ [1]); это было совершенное для меня мученье: надобно было, чтобы сегодняшній день не походилъ на вчерашній, и я, бывало, обгрызу до крови ногти, покуда что придумаю. Она и сама вела журналъ, жаль, что онъ не могъ сохраниться [2]). Ученье мое разнообразилось домашними театрами въ дни именинъ маменьки. Въ первый разъ я говорила стихи, сочиненные папенькой къ именинницѣ; вотъ они, сколько могли въ памяти моей удержаться; не помню, однако, первыхъ строкъ, а потомъ:

Къ тебѣ я рѣчь склоню, виновница веселья,
Любезная мнѣ мать и вѣрный мнѣ залогъ,
Что съ дѣтства обо мнѣ печется щедрый Богъ:
Его меня тебѣ вручило Провидѣнье,
Его мнѣ даръ твоя любовь и попеченье.
Его и славлю я, Его благодарю,
Когда о милостяхъ твоихъ я говорю.
Онъ мнѣ поставилъ долгъ, которой не нарушу,—
Тебѣ принадлежать; ты зришь мою всю душу
И знаешь чувства всѣ; тебѣ открыта я,
Тебѣ открыто то, что я вся, вся твоя.
Се дѣтской даръ любви, се жертва произвольна;
Все счастіе мое, когда ты мной довольна.
Живи, любезная, для счастья моего,
Для счастья всѣхъ, и намъ дороже то всего.

[1]) Этотъ дневникъ, къ сожалѣнію, остался намъ недоступенъ: его захватилъ одинъ изъ священниковъ с. Глазова и не возвратилъ владѣльцамъ.

[2]) Отрывки изъ дневника А. Е. Лабзиной, и то лишь за часть 1818 г., сохранились и напечатаны мною при изданіи ея „Воспоминаній“, С.-Пб. 1903 г.

Потомъ дѣвочка Клеопатра на цыпочкахъ подкралась къ зрителямъ съ стихами:

Украдкой подхожу отъ дѣйствующихъ лицъ,
Чтобъ на ушко спросить всѣхъ дамъ, мужчинъ, дѣвицъ:
Актеры каковы? и каковы актрисы?
И сборный нашъ театръ и пестреньки кулисы?
Не правда ли, что все подобрано подъ масть?"
Но такъ какъ къ похвалѣ у всякаго есть страсть,
Которая и мной, признаться, что владѣетъ,
Но кто жъ, вы знаете, себѣ не порадѣетъ? —
То если праздникъ нашъ хотите раздѣлить,
Покорно васъ прошу и насъ повеселить:
Захлопайте-ка намъ! Еще! еще! сугубо! —
Отъ этой хлопотни намъ будетъ любо, любо!

Сама хлопаетъ въ ладоши и убѣгаетъ [1]). За дѣтскими пьесами послѣдовали драматическія, въ которыхъ находили, что я имѣла успѣхъ, но трагедіи мнѣ были не подъ силу: въ роли Антигоны въ „Эдипѣ" [2]) я обливалась слезами отъ неудачи. У насъ раздавались предъ представленіемъ афишки: „Ея Превосходительства притворными актерами представлено будетъ то-то и то-то". Театръ былъ устроенъ въ домѣ Черевина [3]), на Васильевскомъ островѣ, въ 20-й линіи, и прикрывалъ собою находящуюся въ немъ же масонскую ложу [4]), куда всѣ собирались въ назначенные дни, для своихъ дѣйствій. Я помню, что самый торжественный день былъ Рождество Іоанна Крестителя [5]).

Такъ текло время моего дѣтства. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, а именно въ 1809-мъ году возвратился изъ-заграницы дядя мой [6]); при первомъ свиданіи съ нимъ я ощутила въ себѣ что-то необыкновенное.

---

[1]) Будучи конференцъ-секретаремъ, а потомъ вице-президентомъ Академіи Художествъ, Лабзинъ часто устраивалъ для воспитанниковъ академіи домашніе спектакли, на которыхъ игрались юношами (иногда при личномъ его участіи) небольшія пьесы собственнаго сочиненія Лабзина; дѣлалось это съ образовательными цѣлями.

[2]) „Эдипъ въ Аѳинахъ", трагедія Озерова (1805 г.).

[3]) Александръ Григорьевичъ Черевинъ, надв. совѣт. (ум. 1818 г.), масонъ Лабзинской ложи; онъ былъ женатъ на Александрѣ Павловнѣ Руничъ, сестрѣ печальной памяти Д. П. Рунича, одно время горячаго приверженца Лабзина

[4]) Ложа Лабзина—„Умирающій Сфинксъ"—была открыта имъ 15-го января 1800 г. и прекратила свои собранія въ 1822 г.

[5]) Іоаннъ Креститель считался покровителемъ масоновъ. Высшую степень масонства составляли „братья Іоанновскихъ степеней".

[6]) М. Я. Мудровъ возвратился изъ-за границы въ 1808 году („Слов. профессоровъ Москов. унив.", т. II, М. 1855 г., стр. 123).

Въ одно утро я и Клеопатра, моя компаньонка, находились въ комнатѣ у маменьки; слышу, что папенька идетъ съ кѣмъ-то и говоритъ ей: „Я къ тебѣ, матушка, веду гостя“ и назвалъ фамилію, но я не вслушалась. Мужчина, вошедшій, поздоровался съ маменькой, потомъ папенька обращается къ намъ—дѣвочкамъ и говоритъ ему: „Узнай, которая твоя?“ Покуда гость глядѣлъ на насъ, я почувствовала трясеніе во всемъ существѣ моемъ, и если-бъ не диванъ, у котораго стояла и за него держалась, то вѣрно бы упала. Дядя мой, указавъ на меня, нѣжно обнялъ и поцѣловалъ. Не могу сказать, чтобы я полюбила его. Папенька, желая его потѣшить, перевелъ русскую пѣсню:

Ой на горѣ дубъ, дубъ,
Подъ горою сосна;
Мужъ жену билъ одинъ часъ,
А плакалъ недѣлю;
Сушилъ, крушилъ ясны очи
По четыре ночи

на латинскій языкъ, а я съ дѣвочкой Клеопатрой дуэтомъ пропѣли ему:

Ге инъ монте стабатъ кверкусъ
Севъ бетала альба;
Интеръ кверкумъ беталамкве
Амнисъ профлуебатъ,
Амнисъ, амнисъ лимпидоза,
Аква фригидоза, муліеръ формоза

и такъ далѣе [1]).

Я припомнила заученное болѣе нежели за пятьдесятъ лѣтъ; мудрено не ошибиться!

За обѣдомъ дядя всегда сидѣлъ со мною рядомъ, и помню, при подачѣ телятины, всегда говорилъ: „Целенцина, ah! comme c'est tendre!“—вѣрно вспоминалъ Италію [2]).

Благодѣтели мои формально хотѣли меня усыновить; не знаю, почему это не совершилось: дядя ли мой не пожелалъ, или что другое помѣшало. Дядя мой недолго пробылъ въ Петербургѣ, уѣхалъ въ Москву жениться [3]), и я до 1819 года [4]) его не видала. Наконецъ, кончи-

[1]) О подобныхъ переводахъ см. у Е. А. Боброва въ брошюрѣ: „Мелочи изъ исторіи русской литературы. I—VI“, Варшава. 1905, стр. 6—8.

[2]) Въ Италіи Мудровъ не былъ, а былъ въ Вильнѣ, гдѣ, вѣроятно, немного научился польскому языку.

[3]) М. Я. Мудровъ былъ женатъ на Софьѣ Харитоновнѣ Чеботаревой (род. въ 1786 г., ум. 10-го августа 1833 г. въ имѣніи зятя своего Ив. Ерм. Великопольскаго—с. Чукавинѣ, Старицкаго уѣзда Тверской губ.), дочери профессора Московскаго университета Х. А. Чеботарева.

[4]) Когда Лабзины проѣзжали черезъ Москву на минеральныя воды въ с. Рай-Семеновское (см. ниже).

*

лось мое ученье; этого вожделѣннаго времени я нетерпѣливо ожидала; затѣмъ начались экзамены отъ папеньки за обѣдомъ, потому что онъ другого свободнаго времени не имѣлъ; они лишали меня аппетита, ибо часто были неудачны. Въ подобное же время онъ относился къ старшей своей сестрѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ [1]) съ сими словами: „Въ которой это главѣ и стихѣ у такого-то Апостола сказано?“ (и онъ говорилъ текстъ); она немедля ему отвѣчала вѣрно, которая глава и стихъ: такъ она тверда была въ священномъ писаніи. Его же занятіемъ было всегда поправлять корректуру за обѣдомъ, чтобъ не терять время.

Возвращаясь къ себѣ, скажу, что я училась, что называется, на мѣдныя деньги [2]), сравнительно съ воспитаніемъ другихъ, не говоря уже о настоящемъ времени, что̀ жалованье няньки-француженки равняется бывшему годичному ученью. А настоящее воспитаніе и обращеніе съ дѣтьми, сравнительно съ моимъ дѣтствомъ, такъ различно, какъ небо съ землею. До 1812-го года началъ посѣщать насъ какой-то старикъ, котораго всѣ называли „Папа“; онъ не понималъ по-русски ни слова; онъ называлъ себя графъ Лещицъ-Грабьянко [3]). Много собиралось на вечера, читали, онъ или другіе, не помню точно, на какомъ языкѣ и что такое; каждый членъ общества имѣлъ вмѣсто имени число цифръ [4]) и я въ томъ числѣ имѣла, не помню какое.

Тогда же бывала у насъ француженка Md. Датиньи, жившая у М. А. Нарышкиной [5]) при маленькой дочери отъ Г. А. П. [6]); ее всѣ называли Софа [7]); она потомъ умерла. Помнится, эти бесѣды про-

[1]) А. Ѳ. Лабзина скончалась дѣвицей.

[2]) Такъ, напримѣръ, Д. Е. Василевскій занимался съ нею „безо всякихъ интересовъ, хотя самъ бѣдный человѣкъ“, говорила А. Е. Лабзина („Русская Старина“ 1901 г., іюль, стр. 179).

[3]) Масонъ, членъ лже-мистическаго Авиньонскаго общества „Новаго Израиля“, задавшійся цѣлью возстановить Іерусалимское царство и для вербованія членовъ прибывшій въ 1806 — 1807 гг. въ Петербургъ, гдѣ, однако, былъ арестованъ и вскорѣ умеръ. Это былъ странный человѣкъ, соединеніе фанатика съ авантюристомъ. Любопытныя свѣдѣнія о немъ см., между прочимъ, въ „Воспоминаніяхъ Ѳ. П. Лубяновскаго“, М. 1872 г., стр. 214—220 или „Русск. Архивъ“ 1872 г.) и статью М. Н. Лонгинова: „Одинъ изъ магиковъ XVIII в. (графъ Ѳаддей Грабіенко)“—въ „Русск. Вѣстн.“ 1860 г., т. XXVIII, стр. 579—603.

[4]) Такъ, напримѣръ, Д. П. Руничъ въ письмахъ своихъ къ Лабзину подписывался, обыкновенно, цифрою 5.

[5]) Марія Антоновна Нарышкина, рожд. кн. Четвертинская (род. 1779 г., ум. 1854 г.), знаменитая красавица своего времени, извѣстная близостью къ императору Александру I, жена Дмитрія Львовича Нарышкина.

[6]) Т. е. „Государя Александра Павловича“.

[7]) Софья Дмитріевна Нарышкина, род. въ 1808 г., умерла въ 1824 г., будучи помолвлена за графа Андрея Петровича Шувалова.

должались года полтора, потомъ этого „Папа“ посадили въ квартирѣ подъ арестъ, и онъ вскорѣ умеръ отъ апоплексическаго удара. Видно такъ было надобно. Въ присутствіи его, за ужиномъ, всегда въ честь его подавался огромный лещъ въ лучшемъ видѣ.

Все это было до 1812-го года; до сего времени я жила непочатою жизнью, потомъ она начала дѣлиться на неровныя части—минутнаго молодого восторга и затѣмъ долгой грусти. Ко мнѣ подходилъ французской романсъ: „A l'âge de quinze à seize ans on se dresse, on se pare, on se mire, le coeur fait tata... le coeur fait tata, le coeur fait tata... tata“. Я почуяла, что у меня есть сердце. Въ 1814 году я узнала первое горе: бабушка, мать моего пріемнаго отца и благодѣтеля, скончалась [1]); она меня любила и баловала, а болѣе всего учила молиться Богу, брала всегда съ собой ко всенощной, во время которой иногда, по слабости и преклонности лѣтъ, задремлетъ, а я, смотря на нее, любовалась. Мы всегда въ Академической церкви стояли отдѣльно въ ризницѣ, у самаго алтаря, и потому я могла видѣть при открытыхъ дверяхъ всю божественную литургію; это бы было рѣдкое душевное наслажденіе, если бы не первая моя молодость, разсѣянность и невниманіе. Впрочемъ, у меня навсегда осталось въ памяти впечатлѣніе, которое на меня сильно подѣйствовало, а именно: причащеніе Святыхъ Христовыхъ Таинъ слѣпого старика, въ свое время извѣстнаго живописца Дмитрія Григорьевича Левицкаго [2]), который на колѣняхъ ползъ къ животворящей чашѣ. Я слыхала, что онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ и какъ земляки съ митрополитомъ Петербургскимъ Михаиломъ [3]). Вотъ еще я припомнила случай въ дѣтствѣ моемъ: этотъ самой Михаилъ, будучи еще архіереемъ, былъ переведенъ откуда-то въ Черниговъ [4]); отъѣзжая, пріѣхалъ къ намъ проститься; я подошла къ нему подъ благословеніе. Онъ, благословивъ меня, положилъ мнѣ руку на голову; я ушла за ширмы и горько заплакала, такъ что онъ, услыша всхлипыванья мои, спросилъ, о чемъ я плачу? я отвѣчала: „Мнѣ жаль архіерея, что онъ уѣзжаетъ“.

Видно, и въ ребячествѣ моемъ разлука и слово „прости“ дѣйствовали на меня сильно; или это была пустая слезливость? Замѣчательно, что папенька подверженъ былъ часто болѣзни на ногѣ, рожѣ, что мѣшало его службѣ и занятіямъ. Ища средствъ освободиться

---

[1]) См. выше, стр. 172.

[2]) Знаменитый портретистъ Д. Г. Левицкій (род. 1735 г., ум. 1823 г.).

[3]) Михаилъ Десницкій (род. 1761 г., ум. 1821 г.), митрополитъ Петербургскій, Новгородскій, Эстляндскій и Лифляндскій съ 1818 г.

[4]) Въ 1803 г. Михаилъ былъ назначенъ епископомъ Черниговскимъ изъ епископовъ Старорусскихъ.

отъ нея, кто-то посовѣтовалъ ему симпатическое лѣкарство: носить на шеѣ точеные шарики изъ слоновой кости, не помню сколько числомъ; было ли на нихъ что вырѣзано, не знаю. Онъ надѣлъ ихъ съ крестомъ: рожа его оставила, но впослѣдствіи у него сдѣлался на спинѣ карбункулъ, который онъ съ трудомъ перенесъ, потомъ открылась болѣзнь ужаснѣе: припадокъ, постигавшій его внезапно. Извѣстно, что медицина не излѣчиваетъ этой болѣзни, почему посовѣтовали ему пить воды, и мы для того въ 1819-мъ году отправились въ Москву, гдѣ я послѣ 10-ти лѣтъ увидѣла дядю и въ первый разъ его семейство. Припоминаю, что на пути, уже близко къ Москвѣ, при перемѣнѣ лошадей, я озябла и, не выходя изъ повозки, пила сбитень; папенька, шутя, мнѣ сказалъ; „А кто-то заплатитъ за тебя?“ Я, не долго думая, отвѣчала: „Дядя за меня заплатитъ“. Онъ какъ-то очень вдолгѣ по нашемъ пріѣздѣ при мнѣ, смѣясь, передалъ дядѣ надежду мою на его кредитъ: онъ въ ту жъ минуту перебросилъ мнѣ на колѣни кошелекъ съ пятьюдесятью полуимперьялами. Я не умѣла даже и сосчитать такого множества золота, да и въ серебрѣ не знала толку, потому что никогда не имѣла денегъ. Это, конечно, послужило къ спасенію моему отъ сребролюбія, къ которому я, конечно, имѣла наклонность; вотъ и доказательство къ тому. Одно время гвардіи офицеры дома и въ лагерѣ носили вязаныя фуражки изъ шерсти цвѣта форменнаго воротника, обшитыя золотымъ или серебрянымъ галунчикомъ и такою-же кисточкой; я ихъ вязала и продавала по пятнадцати рублей ассигнаціями, а себѣ она обходилась въ восемь рублей. Одинъ разъ я пошла въ лавки, купила все, что нужно было, дала купцу деньги, онъ (конечно, ошибкой) далъ мнѣ больше сдачи, нежели сколько слѣдовало; я подумала: „Купцы богаты и обманываютъ насъ“,—съ тѣмъ и возвратилась домой. Вскорѣ потомъ я изъ заработанныхъ денегъ дала на ложу въ театръ; билета не достали, я въ торопяхъ отданныя мнѣ деньги 25-ть рублей асс. положила за пазуху и, никуда не выходя, потеряла чрезъ нѣсколько часовъ. Другой урокъ мнѣ былъ: собираясь въ дорогу, въ ссылку, я отъ экономіи накопленное мною мелкое серебро также потеряла. Болѣе не помню въ жизни моей подобныхъ случаевъ.

Воды, коими пользовался папенька, находились въ имѣніи Нащокина [1]), Серпуховскаго уѣзда, и село это называлось „Рай-Семеновское“. Предъ отъѣздомъ нашимъ дядя мой пріѣзжалъ къ намъ и съ тѣмъ вмѣстѣ заплатилъ за всѣ расходы: въ аптеку, доктору и за квартиру, однимъ словомъ—больной ничего не израсходовалъ изъ своего кармана. Дядя мой сказалъ при этомъ случаѣ: „Я вашъ не-

[1]) Тайн. сов. Александра Петровича Нащокина; см. „Воспоминанія А. Е. Лабзиной“, стр. 133, прим. 76-е.

оплатный должникъ“ и нерѣдко въ продолженіе жизни это повторялъ. Осенью возвратились мы домой. Болѣзненные припадки больного не оставляли, тѣмъ болѣе они были опасны, что случались внезапно, такъ что онъ, будучи всегда одинъ въ кабинетѣ, сильно ушибался, вслѣдствіе чего одинъ разъ былъ у смерти; въ это время пріѣзжалъ навѣстить его князь А. Н. Голицынъ [1]), бывшій тогда министромъ просвѣщенія.

По смерти графа Строгонова [2]), поступилъ на его мѣсто президентомъ Академіи Алексѣй Николаевичъ Оленинъ [3]), которому очень непріятно было, что папеньку сдѣлали вице-президентомъ, тѣмъ болѣе потому, что прежде не было вице-президента, а это Государь съ Голицынымъ [4]) устроили, чтобы не трогать его съ мѣста [5]), и, какъ было тогда слышно, что если перевести его въ Сенатъ, то онъ разгонитъ всѣхъ сенаторовъ [6]). Олениньъ такъ выражался: „На что мнѣ помощникъ: я и президентъ, и инспекторъ, и экономъ, и полицеймейстеръ“. Не медля, ввелъ новыя общественныя правила въ Академіи, запретилъ всѣмъ семействамъ служащихъ и посѣтителямъ слушать богослуженіе изъ ризницы, потомъ назначилъ всѣмъ приступать къ пріобщенію Святыхъ Таинъ послѣ всѣхъ воспитанниковъ, отдѣлилъ ихъ въ церкви балюстрадою... Затѣмъ началась перестройка внутри корридоровъ, въ стѣнахъ коихъ былъ насыпанъ березовый уголь. Вотъ какъ въ старину строились каменныя зданія! Однакожъ, Оленинъ бывалъ у папеньки, и послѣ одного изъ посѣщеній онъ передавалъ рѣчи Оленина, который, между разговорами, сказалъ ему: „Я все знаю, что у васъ говорится и дѣлается, даже въ кухнѣ“, на что́ папенька ему отвѣчалъ: „Я очень радъ, ваше превосходительство, что вамъ извѣстно, что у меня и въ горшкѣ варится“. Олениньъ былъ очень малъ ростомъ, и я одинъ разъ нарядилась въ его бекешъ и прибѣжала на минуту къ маменькѣ, чтобъ ее разсмѣшить.

Такъ текло время, а съ онымъ моя юность; были молодые люди, которымъ, казалось мнѣ, я нравилась, но маменька въ подобныхъ случаяхъ всегда выражалась, что я дѣвка бѣдная, и даже до смерти своей не измѣнила своего обо мнѣ отзыва, а это никогда и никому

---

[1]) Князь Александръ Николаевичъ, покровительствовавшій Лабзину, самъ мистикъ.

[2]) Оберъ-камергеръ графъ Александръ Сергѣевичъ, президентъ Академіи Художествъ (род. 1738 г., ум. 1811 г.).

[3]) Род. 1763 г., ум. 1843 г.; о немъ см. брошюру И. А. Кубасова: „Алексѣй Николаевичъ Олениньъ“, С.-Пб. 1904.

[4]) Княземъ Александромъ Николаевичемъ.

[5]) До того Лабзинъ былъ конференцъ-секретаремъ Академіи Художествъ.

[6]) Лабзинъ отличался прямотою характера и рѣзкостью сужденій, которыя и погубили его.

не могло быть лестно. Года полтора послѣ бытности нашей въ Москвѣ, секретарь папеньки Скворцовъ [1]) ѣздилъ въ Москву и, возвратясь, привезъ мнѣ отъ дяди письмо и деньги pour les menus plaisirs и передалъ намъ, только на словахъ, что онъ, будучи приглашенъ къ дядѣ моему на обѣдъ (кажется, въ день именинъ моихъ и общихъ въ его семействѣ) [2]), имъ поручено передать мнѣ, что домъ, гдѣ они обѣдаютъ, принадлежитъ мнѣ. Тогда онъ жилъ на Прѣснѣ [3]). Мнѣ приказано было письменно благодарить за это дядю. И, вслѣдствіе обѣщеннаго, иногда маменька говорила: „Вотъ, Софья, можетъ быть, Богъ приведетъ намъ жить подъ твоей крышей“. Но потомъ и помину никогда объ этомъ не было отъ дяди [4]). Мнѣ еще припомнилось, что въ бытность нашу въ Москвѣ, проѣзжая городомъ въ Кремль, папенька всегда экзаменовалъ меня, чрезъ какія ворота проѣзжаемъ, и какая это часть Кремля: Китай-городъ или Бѣлой-городъ; конечно, я почти всегда ошибалась: видно, и на возрастѣ была безтолкова. Еще, проѣзжая мимо модныхъ магазиновъ, онъ мнѣ всегда говорилъ: Софья Алексѣевна! вотъ „Модесъ и Робесъ“,—вмѣсто „Modes et Robes“,—конечно, шутя. Мы тогда у дяди были въ Арбатскомъ его каменномъ домѣ, и папенька много написалъ стиховъ на разные случаи; вотъ часть однихъ, которые я припомнила:

Какъ у насъ на Арбатѣ,
Въ бѣлокаменной палатѣ,
Лежитъ докторъ на кровати
Въ китайскомъ халатѣ,—
Да и тотъ еще на ватѣ:
По больнымъ ѣхать смѣкаетъ
И затѣмъ онъ отдыхаетъ.
Его жонушка гуляетъ,
По гульбищамъ разъѣзжаетъ,
Александра его боленъ,
Отъ буженья сталъ уволенъ,
А Василій тѣмъ доволенъ:
Бѣгаетъ и суетится,
Во всѣ стороны вертится,
Кричитъ: „скорѣе лошадей!“
Ко всѣмъ намъ: „препрощайте!“
А кучерамъ: „ну, поѣзжайте“.

---

[1]) Кузьма Петровичъ, членъ, секретарь и обрядоначальникъ въ ложѣ Лабзина; онъ былъ протоколистомъ и преподавателемъ миѳологіи въ Академіи Художествъ, во время вице-президентства тамъ Лабзина; титул. сов., членъ С.-Петербургскаго попечительнаго комитета Человѣколюбиваго Общества; см. о немъ „Русскую Старину“ 1872 г., т. V, стран. 568—569.

[2]) У М. Я. Мудрова и жена, и дочь (по мужу Великопольская) имѣли имя Софіи.

[3]) Домъ этотъ получилъ въ приданое за женой Ив. Ерм. Великопольскій.

[4]) См. выше, въ предисловіи.

Это было лѣто, и потому мы всѣ его провожали на крыльцо до кареты.—Къ папенькѣ являлось много молодыхъ людей и изъ Москвы: кто съ рекомендательными письмами, кто по собственному желанію познакомиться съ замѣчательнымъ въ то время литературнымъ лицомъ; въ числѣ ихъ былъ Панаевъ, Владиміръ Ивановичъ [1]), прекрасной наружности; Рюминъ, Николай Гавриловичъ [2]); Ковальковъ, Александръ Ивановичъ [3]); онъ былъ сынъ крѣпостнаго человѣка одного изъ Лопухиныхъ, котораго-то изъ братьевъ: Ивана или Петра Владиміровичей, которые были съ папенькой въ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ пріѣхалъ на службу, былъ опредѣленъ къ князю Голицыну [4]) и потомъ сдѣлалъ очень высокую партію, женясь на дочери Натальи Ѳедотовны Плещеевой [5]), племянницѣ Донауровой [6]), въ семействѣ которой воспитывался въ малолѣтствѣ графъ Шереметевъ [7]); сенаторъ Донауровъ былъ его опекуномъ и жилъ въ домѣ графа. Ковальковъ былъ очень красивъ лицомъ. Слышно было, что пріѣзжали къ нему бывшіе его родные, но онъ отъ нихъ отрекся и не принялъ ихъ. Еще семейство Пошмана [8]) было близко къ намъ; сынъ ихъ [9]) служилъ въ Адмиралтейскомъ ученомъ департаментѣ, гдѣ и папенька былъ членомъ [10]); тутъ же служилъ гжатскій помѣ-

[1]) Авторъ извѣстныхъ „Идиллій“ и воспоминаній (частью напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1867 г.), въ которыхъ есть нѣсколько словъ о знакомствѣ его съ Лабзинымъ.

[2]) Сынъ извѣстнаго богача-откупщика стат. сов. Гаврила Васильевича Рюмина (ум. въ 1827 г.), впослѣдствіи камергеръ.

[3]) Впослѣдствіи тайн. сов., камергеръ; род. въ 1795 г., ум. 20-го декабря 1852 г.; писатель-мистикъ, по преданію — сынъ Ивана Владиміровича Лопухина; въ это время онъ служилъ въ Департаментѣ народнаго просвѣщенія.

[4]) Въ Министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, подъ начальство князя Александра Николаевича Голицына.

[5]) Н. Ѳ. Плещеева, рожд. Вергина, жена д. т. с. Сергѣя Ивановича Плещеева (ум. 1802 г.), статсъ-дама; она род. въ 1768 г., ум. въ 1855 г.

[6]) Маріи Ѳедотовны, рожд. Веригиной (род. 1774 г., ум. 1848 г.); тоже статсъ-дама, жена сенатора, д. т. с. Михаила Ивановича Донаурова (род. 1757 г., ум. 1817 г.).

[7]) Графъ Дмитрій Николаевичъ (род. 1803 г., ум. 1871 г.); послѣ смерти отца, графа Николая Петровича (ум. 1809 г.), воспитаніемъ его завѣдывалъ М. И. Донауровъ, который и умеръ въ домѣ Шереметевыхъ на Фонтанкѣ.

[8]) Антона Петровича; онъ былъ стат. сов., членъ вольно-экономическаго общества и его комитета, а также хранитель моделей его, сотрудникъ „Трудовъ“ общества, спеціалистъ по вопросамъ солеваренія и изготовленію селитры.

[9]) Семенъ Антоновичъ (род. 1789 г., ум. 1847 г.), съ 1811 по 1815 г. служилъ помощникомъ директора музеума государ. адмиралт. департамента, впослѣдствіи (съ 1835 г.)—директоръ Училища правовѣдѣнія; членъ Лабзинской ложи, въ 1820 г. исключенный изъ нея за непосѣщеніе собраній.

[10]) А. Ѳ. Лабзинъ былъ непремѣннымъ членомъ государ. адмиралт. департамента еще въ 1820 г.

щикъ Артемьевъ [1]), гордѣйшее созданіе, надъ которымъ часто смѣялся Пошманъ, но такъ остро и мило, что тотъ не могъ обидѣться. Еще Бартеневъ [2]), Юрій Никитичъ; тогда онъ былъ корпуснымъ офицеромъ, потомъ онъ женился на Микулиной [3]), родной племянницѣ папеньки. Принадлежавшіе же къ масонской ложѣ не всѣ были вышеупомянутые мною; первые три навѣрное знаю, что не были въ ложѣ, а фамиліи тѣхъ, что были масонами, слѣдующія: Черевинъ [4]), Вахрушовъ [5]), Черновъ (художникъ) [6]), Скворцовъ [7]), Русановскій [8]), Мартыновъ [9]), Рогожинъ [10]), Скочинскій [11]), Лип-

[1]) Дмитрій Артемьевъ, членъ ложи Лабзина, въ 1820 г. исключенный изъ нея за непосѣщеніе собраній.

[2]) Ю. Н. Бартеневъ, одинъ изъ ревностныхъ учениковъ Лабзина, членъ его ложи, извѣстный впослѣдствіи своею близостью къ князю А. Н. Голицыну; авторъ „Записокъ", помѣщенныхъ въ „Русскомъ Архивѣ" за разные годы; онъ род. въ 1792 г., ум. въ 1866 г.; долгое время былъ директоромъ гимназіи и училищъ Костромской губерніи.

[3]) Екатерина Степановна Микулина, дочь сестры Лабзина—Надежды Ѳедоровны отъ брака съ генералъ-маіоромъ Степаномъ Даниловичемъ Микулинымъ; она вышла за Ю. Н. Бартенева въ началѣ 1819 г., скончалась 21-го декабря 1872 г., на 73 г., погребена съ мужемъ въ Москвѣ, на Ваганьковскомъ кладбищѣ (см. о ней „Воспоминанія А. Е. Лабзиной", С.-Пб. 1903 г.).

[4]) См. выше, стр. 178.

[5]) Вѣроятно, тотъ Александръ Вахрушевъ, который въ 1801 г. вмѣстѣ съ Лабзинымъ составилъ, по порученію Павла I, „Исторію ордена св. Іоанна Іерусалимскаго" (1799—1801); какой-то Вахрушевъ, дѣйствительно, упоминается въ протоколахъ ложи „Умирающій Сфинксъ".

[6]) Иванъ Потаповичъ Черновъ, академикъ исторической живописи, умершій въ 1817 г. и завѣщавшій ложѣ Лабзина свой капиталъ около 5.000 руб.

[7]) См. выше, стр. 184.

[8]) Петръ Ивановичъ Русановскій, стат. сов., въ 1820-хъ годахъ былъ директоромъ музеума госуд. адмиралт. департамента; въ 1820 г. онъ былъ исключенъ изъ ложи Лабзина за непосѣщеніе ея собраній; въ 1815 г. онъ былъ въ пей и. д. 2-го надзирателя и секретаремъ; былъ также членомъ Московской ложи Х. А. Чеботарева.

[9]) Александръ Петровичъ (род. 1782 г.), сынъ Петра Егоровича Мартынова отъ брака его съ Александрой Борисовной Мертваго (сестрой автора „Записокъ"); въ 1815—1818 гг. былъ риторомъ въ ложѣ Лабзина, съ 1818 г.—2-мъ надзирателемъ, въ 1821 г. служилъ попечителемъ въ императ. человѣколюб. обществѣ; о немъ см. у С. Т. Аксакова „Встрѣча съ мартинистами" (соч., т. III, С.-Пб. 1886 г., стр. 135) и „Воспоминанія А. Е. Лабзиной", С.-Пб. 1903 г.

[10]) Евграфъ Гавриловичъ Рогожинъ, д. с. с.; въ 1815 г. былъ секретаремъ ложи, въ 1820 г. переселился въ Москву и тамъ вступилъ въ члены ложи „Нептуна"; въ 1822 г. былъ управляющимъ Московской конторой Государственнаго коммерческаго банка; род. 2-го декабря 1769 г., ум. въ Москвѣ 9-го февраля 1840 г., въ чинѣ тайнаго совѣтника.

[11]) Осипъ Ивановичъ, тит. сов., попечитель въ императ. Человѣколюб. обществѣ; въ 1818 г. онъ былъ 2-мъ надзирателемъ въ ложѣ Лабзина, а съ 1820 г. — 1-мъ.

кинъ [1]), Прянишниковъ [2]), Турчило [3]), Кушковской [4]), Романовской [5]); послѣдній хотя былъ молодой человѣкъ, но очень любилъ хвалиться продолжительною своею службою; но папенька ему говаривалъ: „Какъ же, всѣмъ извѣстно, что ты еще въ утробѣ матери служилъ“... Послѣ чего онъ умолкалъ. По вечерамъ, для отдыха, папенька приходилъ къ намъ раскладывать грандпасьянсъ и шутить съ старушками, которыя постоянно у насъ бывали; одна изъ нихъ ему гадала на картахъ, а со мной онъ повторялъ свои прибаутки; онъ спрашивалъ, а я отвѣчала.

Онъ. Какія есть на свѣтѣ чудеса?
Я. Что вертятся надъ нами небеса.
Онъ. Какая этому причина?
Я. Что курица не дичина.
Онъ. Какія есть на свѣтѣ проказы?
Я. Что стекла не алмазы.
Онъ. Какая есть на свѣтѣ рѣдкая вещь?
Я. Что карась не лещъ.
Онъ. Какое есть на свѣтѣ диво?
Я. Что на столѣ пиво.
Онъ. А для васъ?
Я. Квасъ.
Онъ. Ну ужъ г...
Я. Это подлинно, что тово.
Онъ. Ну, ужъ это...
Я. Подлинно, что тово.
Онъ. Ну ужъ это подлинно...
Я. Что тово.
Онъ. И...
Я. Все.

---

[1]) Никита Семеновичъ, въ 1818—1821 гг. — членъ и казначей ложи; въ 1820 г. былъ казначеемъ С.-Петербур. попечит. комитета Человѣколюб. общества; въ 1821—1824 гг. былъ директоромъ Государств. ассигнаціоннаго банка.

[2]) Ѳедоръ Ивановичъ, впослѣдствіи д. т. с., членъ Государств. Совѣта, владѣлецъ извѣстной картинной галлереи; секретарь ложи; у него сохранились ея протоколы, находящіеся теперь въ Императ. Публич. библіотекѣ; о немъ см. „Воспоминанія А. Е. Лабзиной“, С.-Пб. 1903 г.

[3]) Іосифъ Турчило, въ 1820 г. исключенный изъ ложи за нехожденіе на собранія ея.

[4]) Игнатій Максимовичъ (род. въ мѣст. Черный Тушлымъ, Херсон. губ., 20-го декабря 1788 г.), въ 1821 г.—губерн. секр., принятъ ученикомъ въ ложу Лабзина.

[5]) Абрамъ Васильевичъ (род. въ Уфѣ 9-го августа 1799 г.), сынъ описаннаго у Аксакова („Встрѣча съ мартинистами“, Соч., т. III, стр. 128 и слѣд.), подъ именемъ Рудановскаго, д. с. с. Вас. Вас. Романовскаго, предсѣдателя Казанскаго попечительнаго комитета о бѣдныхъ и также члена Лабзинской ложи; въ 1817 г., въ чинѣ колл. секр., принятъ былъ въ ложу ученикомъ, съ 1820 г.—мастеръ, съ 1821 г.—обрядоначальникъ.

Это часто повторялось и за обѣдомъ; признаюсь, мнѣ иногда это было скучно, потому что ужъ я была взрослая.

Послѣ войны 12-го года была написана похвальная пѣснь Витгенштейну, которой былъ припѣвъ:

Хвала, хвала тебѣ, герой,
Что градъ Петровъ спасенъ тобой!

А мы пѣли:

Хвала, хвала тебѣ, герой,
Что кушаешь ты хлѣбъ съ икрой.

Я забыла упомянуть, что въ числѣ молодыхъ людей, принятыхъ у насъ, нерѣдко бывалъ у насъ князь Григорій Петровичъ Трубецкой [1]), внукъ князя Николая Никитича Трубецкого [2]), того, съ которымъ Николай Ивановичъ Новиковъ нѣкогда былъ коротко знакомъ. Молодой князь умѣлъ гадать на картахъ и на кофе; онъ всякое посѣщеніе гадалъ для папеньки; послѣдній разъ онъ, смотря въ чашку съ кофейною гущею, сказалъ ему: „Съ вами что-нибудь будетъ необыкновенное, мечъ виситъ надъ головою вашею“. Это было недѣли за двѣ до постигшей его опалы.

Въ Академіи ежегодно, предъ публичнымъ ея открытіемъ въ сентябрѣ, всегда избирали почетныхъ членовъ, и предварительно собирался совѣтъ изъ нѣкоторыхъ профессоровъ въ присутствіи президента и вице-президента; но это было не формальное засѣданіе и не передъ зерцаломъ въ конференцъ-залѣ. Присутствующіе, разсуждая, разговаривая, ходили по залѣ. Подобное происходило въ 1822-мъ году: каждый профессоръ предлагалъ къ избранію лицо, которое считалъ достойнымъ; вотъ предлагаетъ Мартосъ [3]) Кочубея [4]) и еще не упомню кого; вице-президентъ возразилъ, что Кочубей для Академіи ничего полезнаго не сдѣлалъ, другое дѣло Аракчеевъ: онъ дѣлалъ большіе заказы въ Академіи, а Кочубей ничего подобнаго не дѣлалъ, на что́ ему отвѣчали: „Да онъ близокъ къ государю“.—„О, если такъ, то надобно выбрать Илью кучера, который такъ близокъ къ государю, что хранитъ его жизнь“. Затѣмъ ему сказано: „Хотите, мы донесемъ на васъ за эти слова“, на что́ онъ отвѣчалъ: „Какъ

---

[1]) Онъ умеръ 11-го января 1874 г., 74 лѣтъ, въ Петербургѣ.

[2]) Одинъ изъ виднѣйшихъ русскихъ масоновъ (род. 1744 г. ум. 1821 г.), членъ Бергъ-Коллегіи, переводчикъ и стихотворецъ; о немъ см. у М. Н. Лонгинова „Новиковъ и московскіе мартинисты“, М. 1867 г.

[3]) Иванъ Петровичъ, скульпторъ, впослѣдствіи ректоръ Академіи Художествъ (род. 1754 г., ум. 1835 г.).

[4]) Гр. Викт. Павл. Кочубей былъ въ это время министромъ внутреннихъ дѣлъ.

вамъ угодно, я отъ своихъ словъ не отопрусь". Въ это время государь былъ въ Веронѣ; туда былъ посланъ доносъ на вице-президента, помимо прямого начальства,—конечно, обдуманно, чтобы погубить человѣка, ибо министръ князь Голицынъ не повелъ бы дѣло такъ, какъ хотѣлось обвинителямъ. Впослѣдствіи былъ сдѣланъ Оленину строгій выговоръ отъ министра, но уже онъ достигъ того, чего давно хотѣлъ. Вотъ, ноября 7-го дня по утру присылаетъ петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ своего адъютанта, чтобъ вице-президентъ немедленно къ нему явился. Тотъ ѣдетъ и получаетъ отъ него повелѣніе государя въ двадцать четыре часа выѣхать изъ Петербурга, дая ему на волю избрать мѣстожительство; осужденный отвѣчалъ, что такъ какъ онъ не имѣетъ нигдѣ имѣнія и никакого пристанища, то для него все равно, гдѣ будетъ угодно государю назначить ему пребываніе. Онъ испросилъ у генералъ-губернатора позволеніе пробыть хотя три дня въ Петербургѣ, чтобы по возможности устроить свои дѣла и приготовиться къ дорогѣ. По недостаточному его состоянію, избранъ ему былъ дешевый край: Симбирская губернія, уѣздный городъ Сенгилей, въ 50-ти верстахъ отъ Симбирска. Когда онъ возвратился отъ генералъ-губернатора, онъ былъ въ такомъ положеніи, которому я не приберу словъ, а мы всѣ, какъ громомъ поражены. Мы провели въ сборахъ пять дней, и Боже мой! что это были за дни скорби, слезъ и прощаній! По отслушаніи напутнаго молебна, мы выѣхали 12-го числа ноября, окруженные любящими изгнанника и многими имъ облагодѣтельствованными. Карета ему была подана во внутреннія ворота, въ избѣжаніе (конечно, по приказу Оленина) взоровъ любопытствующихъ; но за всѣмъ тѣмъ корридоры были наполнены зрителями, неравнодушными къ отъѣзжающему. Въ карету сѣли: страдалецъ, съ неизмѣнной своей подругой женой, я и квартальный. Въ это время лилъ сильный дождь, туманъ, грязь, точно глухая осень, и природа согласовалась съ нашимъ внутреннимъ настроеніемъ. Вотъ папенька начинаетъ раздражительно говорить—маменька тихонько его толкаетъ, напоминая, что мы не одни, и онъ не надолго унимается. При перемѣнѣ лошадей я вслушалась въ слова одного изъ ямщиковъ: „Охъ, горе, горе, будешь богатъ да не скоро". Я думала найти что-нибудь пророчествующее въ этой рѣчи: таково было тогда мое настроеніе... Мы ночевали каждую почь, всячески старались угодить квартальному. Чай, ромъ, водка, ужинъ, все было для него готово. Хотя онъ на словахъ не былъ грубъ, но, видя наше къ нему вниманіе, сдѣлался обходительнѣе. Такъ мы ѣхали до послѣдней станціи къ Москвѣ—Черной Грязи; не доѣхавъ до гостиницы съ четверть версты, это было наканунѣ Введенія, пошли передъ тѣмъ морозы, снѣгу не было, дорога была

скользкая, такъ-что, по неосторожности ямщика, наѣхавшаго ночью на косогоръ, карета наша опрокинулась, страдалецъ вѣрно испугался, потому что въ ту же минуту получилъ пароксизмъ припадка; квартальный порѣзалъ частію лицо и руки отъ разбившагося окна, карета упала на мою съ маменькой сторону; съ трудомъ вылѣзъ квартальный, потомъ меня высадили, а маменька оставалась въ одномъ положеніи, покуда больной опомнился. Вынули его, потомъ, когда вынимали маменьку, она, отъ страшной боли въ ногѣ, не давала до себя дотронуться. Положили ихъ на дровни и довезли до гостиницы. Квартальный бранился съ ямщиками, а они преравнодушно отвѣчали ему: „Эка бѣда, мы не одну карету валямъ, намнясь тутъ же опрокинули делижанецъ“. Послѣ этого ушиба, маменьку носили четыре мѣсяца на рукахъ, а дорогой усаживать ее въ повозку была страшная для нея мука. Въ ямскихъ саняхъ въ вечерню мы пріѣхали въ Москву, прямо на Прѣсню, къ моему дядѣ [1]). Я вбѣжала въ домъ, прямо въ спальню дяди, гдѣ онъ послѣ обѣда отдыхалъ. Я, не помня, что дѣлаю, побѣжала на подъѣздъ посмотрѣть, какъ вынимаютъ больныхъ изъ саней, въ это время чувствую, что меня обнимаютъ: это была моя добрая тетка, и я бросилась въ ея объятія. Путешественники, сколько можетъ истинная дружба и искренняя любовь, равняющаяся, если не превосходящая чувства ближайшаго родства, были хозяевами успокоены [2]). Квартальнаго какъ желудокъ, такъ и карманъ были изобильно начинены, послѣ чего вторую половину пути нашего онъ совершенно перемѣнился для насъ къ лучшему. Мы ѣхали по его подорожной, и она отдана была, куда слѣдуетъ, но дорогой, къ счастью нашему, казакъ, везшій оную, обронилъ, и покуда выправляли новую, мы могли ночевать въ Москвѣ. На другой день по утру тетка поѣхала въ городъ,—купить для маменьки все, что было нужно, потому что ея сакъ-вояжъ потерялся ночью, во время паденія кареты. Она пригласила меня ѣхать съ собою, чтобы нѣсколько меня развлечь; возвратившись скоро домой, меня удивили находившіеся казаки на дворѣ и въ передней; вхожу въ гостиную, гдѣ оставила маменьку, вижу частнаго пристава, сидящаго съ ней; она ту жъ минуту жалобно мнѣ сказала, глядя мнѣ пристально въ глаза: „Софья! а вѣдь насъ отсюда гонятъ“, на что́ я, однако, нашлась отвѣчать: „Что жъ за бѣда, маменька, скорѣе доѣдемъ домой“, и она, какъ вѣрующее дитя нянѣ, успокоилась. Дядя купилъ намъ двѣ большія и покойныя повозки, снабдилъ насъ всѣмъ, что только

[1]) М. Я. Мудрову.

[2]) По словамъ біографа Лабзина, П. А. Безсонова, Мудровъ, въ честь своего опальнаго гостя, даже иллюминовалъ свой Прѣсненскій домъ („Русск Архивъ“ 1866 г., ст. 838).

возможно, въ такомъ количествѣ, что мы въ Сенгилеѣ въ Рождество и Новый годъ угощали произведеніями Матерна и Монигетти [1]). Покуда на дворѣ укладывались,—люди наши, дядины, казаки, буточники, все это съ фонарями представляло живую, но не печальную картину. Частный приставъ, Александръ Павловичъ Равинскій [2]), дожидая нашего отъѣзда, послѣ обѣда дремалъ на креслахъ. Мы выѣхали въ 6-ть часовъ вечера, и онъ провожалъ насъ до заставы, послѣ чего прямо поѣхалъ донести генералъ-губернатору, что выпроводилъ путника изъ Москвы. Папенька былъ спокойнѣе, дорогою могъ говорить, что хотѣлъ, никто его не стѣснялъ. И мнѣ не худо было съ квартальнымъ: онъ помогалъ женщинѣ мнѣ услуживать и берегъ меня. Когда пошли сильные морозы, онъ меня куталъ въ свой мѣховой тулупъ, а я между имъ и женщиной сидѣла, какъ у печки. Онъ на всякой станціи выходилъ изъ повозки, чтобы прописать подорожную, возвращался красный, какъ буракъ, пыхтѣлъ, исправно выпивъ и закусивъ добрую селянку. Потомъ преспокойно садился и засыпалъ до другой станціи. Во Владимірѣ мы пробыли три дня, включительно и праздникъ Знаменія Пресвятой Богородицы, у почтеннаго Дмитрія Ивановича Дмитревскаго [3]), тогда директора училищъ; онъ просилъ графа Апраксина [4]), Владимірскаго губернатора, дать отъ себя отзывъ, что по неокрѣпшему еще льду на Клязьмѣ нельзя было ранѣе переправиться. Потомъ мы немного отдохнули въ Арзамасѣ, у старичка-художника Ступина [5]), угощавшаго давно уважаемаго имъ путника, чѣмъ только могъ; но я случайно увидѣла, что лакей, поплевавъ на тарелку, вытираетъ ее тряпкой,—ничего не могла взять въ

---

[1]) Московскіе кондитеры.

[2]) Отецъ извѣстнаго судебнаго дѣятеля и иконографа Дмитрія Александровича Ровинскаго.

[3]) Д. И. Дмитревскій (род. 1758 г., ум. 1848 г.), масонъ, воспитанникъ Московскаго Университета, сотрудникъ Новикова, съ 1808 по 1827 г. бывшій директоромъ учплищъ Владимірской губерніи, писатель и переводчикъ, полезный мѣстный дѣятель; о немъ см. у А. В. Смирнова, „Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи“, в. III, Влад. 1898 г., стр. 61 — 87.

[4]) Графъ Петръ Ивановичъ Апраксинъ (род. 1784 г., ум. 1852 г.) былъ Владимірскимъ губернаторомъ въ 1821—1827 гг.; впослѣдствіи сенаторъ.

[5]) Академикъ и основатель Арзамасской школы живописи Александръ Васильевичъ Ступинъ (род. 1776 г., ум. 1861 г.) въ любопытныхъ воспоминаніяхъ своихъ, напечатанныхъ въ „Щукинскомъ Сборникѣ“ (вып. III, М. 1904 г., стр. 405), пишетъ про это посѣщеніе: „Декабря 2-го (1822 г.) были у меня благодѣтель мой А. Ѳ. Лабзинъ, проѣздомъ съ супругой въ г. Сенгилей, будучи сосланъ по политическимъ причинамъ, котораго я, несмотря на бѣдственное его положеніе, принялъ его со всѣмъ усердіемъ и уваженіемъ, который и отобѣдалъ у меня; я проводилъ его съ почтеніемъ и сожалѣніемъ, подъ присмотромъ Петербургскаго квартальнаго“.

ротъ. Далѣе, продолжая путь, со мною вотъ что случилось. Въѣзжая на ночлегъ, повозка моя въѣхала подъ навѣсъ; ямщикъ отпрягъ пристяжныхъ лошадей, я встала въ кибиткѣ на ноги посмотрѣть, какъ люди будутъ вынимать маменьку, шея моя пришлась подъ верхъ кибитки, а ямщикъ понуждаетъ коренную лошадь податься впередъ; я чувствую, что затылокъ мой упирается въ толстый переводъ подъ навѣсомъ, я крикнула ему: „Осади, осади!“, а онъ понукаетъ лошадь впередъ: „ну-ну-ну!“ За этимъ я потеряла память. Не знаю, долго ли я была безъ чувствъ, но твердо очень помню, что передъ потерею сознанія я видѣла въ отдаленіи и въ миніатюрѣ государя. Когда я пришла въ чувство, меня взяли подъ руки и привели въ комнату, раздѣли и положили. Со мною сдѣлалась рвота, шея моя распухла и что жъ еще оказалось?—большая царапина на шеѣ въ затылкѣ отъ гвоздя, бывшаго въ переводѣ, который все теплое на мнѣ пропоролъ! Можетъ быть, онъ и спасъ меня отчасти. Какъ бы то ни было, но утромъ, когда мы поѣхали, я услышала вдали колокольный звонъ; перекрестившись, сказала: „Благодарю Тебя, Господи, избавившаго меня отъ поносной смерти!“

Мы пріѣхали въ Симбирскъ, остановившись въ домѣ губернскаго предводителя князя Баратаева [1]), который по женѣ [2]) нѣсколько сродни былъ папенькѣ; мы были радушно приняты, успокоены; отдохнувши нѣсколько дней, распростились съ квартальнымъ, поблагодарили его по возможности деньгами и отправились въ Сенгилей подъ присмотромъ Симбирскаго квартальнаго. Эти 50 верстъ до Сенгилея имѣютъ 12 горъ, которыя, если не ошибаюсь, называются Тушнинскими; въ это время стояли большіе морозы, и наша повозка на половинѣ дороги отстала отъ переднихъ, потому что на одной изъ горъ опрокинулась. Когда мы догнали ихъ, то папенька хотѣлъ сдѣлать квартальному выговоръ, что онъ не обратилъ на насъ вниманіе, на что́ тотъ ему отвѣчалъ: „Я приставленъ смотрѣть за вами и не за кѣмъ больше“. Мы пріѣхали въ Сенгилей 12-е число декабря, зна-

[1]) Штабъ-ротмистръ князь Михаилъ Петровичъ Баратаевъ (род. 1784 г., ум. 1856 г.), впослѣдствіи тайн. совѣт., былъ Симбирскимъ предводителемъ дворянства съ 1821 по 1835 г.—Археологъ, нумизматъ, членъ-основатель С.-Петербургскаго Археологическаго общества; въ 1817 г. онъ учредилъ въ Симбирскѣ ложу „Ключъ къ добродѣтели“. Свѣдѣнія о немъ и портретъ его см. въ трудѣ Н. И. Веселовскаго: „Исторія Импер. Русск. археолог. общества“, С.-Пб. 1900 г.; см. также „Словарь“ Венгерова, т. II, стр. 124 — 146. Письмо Лабзина къ нему, 1824 г., напечатано въ „Чт. Моск. общ. исторіи и древн.“ 1870 г., № 2, стр. 209—210.

[2]) Князь Баратаевъ былъ женатъ съ 1811 г. на Александрѣ Николаевнѣ, рожд. Чоглоковой (ум. 1832 г.); какимъ образомъ она приходилась родственницей Лабзину, намъ неизвѣстно; были бы очень благодарны за указаніе.

читъ, мы пробыли въ пути ровно мѣсяцъ; ночь провели кое-какъ. Утромъ разсмотрѣли наше жилище: домъ оказался новымъ, внутри довольно чистымъ, по фасаду имѣлъ семь оконъ, комнатъ было съ перегородками семь. Въ одной связи была и кухня. Только недоставало въ окнахъ зимнихъ рамъ. Когда закрывались печи, паръ отъ оконъ шелъ болѣе на аршинъ, и угаръ часто клалъ насъ въ постель. Скоро явился къ папенькѣ сенгилеевскій квартальный, рекомендовался и спросилъ, не нужно ли что; ему сказали, чтобъ онъ озаботился о двойныхъ окнахъ, и они скоро были готовы, а покуда не вставили рамы, мы спали не раздѣваясь и не разуваясь. Каждый вечеръ по нѣсколько разъ являлся мѣдный тазъ, намазанный постнымъ масломъ, въ который сметали прусаковъ со стѣны, иногда падавшихъ и въ кушанья. Между тѣмъ сверчки неумолкно трещали. Безъ преувеличенія можно сказать, что мы только и оживали въ почтовый день; для меня это былъ праздникъ, и я позволяла себѣ понѣжиться, перестлавъ помягче мою постель и потомъ бросалась на нее до слѣдующей почты. Къ празднику Рождества Христова и къ новому 1823-му году пріѣхали къ намъ гости: курмышскій помѣщикъ Дмитрій Ивановичъ Поповъ, съ отцомъ котораго нѣкогда былъ знакомъ папенька, и почтеннѣйшій старикъ Петръ Петровичъ Тургеневъ [1]), симбирскій помѣщикъ, старинный его знакомый. Онъ снабжалъ насъ всѣмъ, что только могъ прислать изъ деревни: припасовъ, даже столоваго бѣлья и корову. Они посѣщеніемъ своимъ влили отраду въ сердце страждущаго морально и физически. Цѣлые дни они проводили у насъ въ пріятнѣйшей бесѣдѣ, и время непримѣтно проходило. Наканунѣ новаго года я бросила за ворота свой башмакъ, и онъ легъ носкомъ къ Симбирску: я очень обрадовалась, конечно не за себя, потому что я тогда жила, и если чего желала, то, право, не для себя. Между тѣмъ, съ нами познакомились и Сенгилеевцы: уѣздный судья Якобій [2]), Кулебакинъ, имѣвшій премилую жену и огромное семейство. Забавно, когда содомъ маленькихъ дѣтей подчасъ надоѣдалъ ему, онъ говорилъ своей женѣ: „Ахъ! Анна Петровна, возьмите отъ меня пожалуйста вашихъ дѣтей!“ Черезъ два мѣсяца по отъѣздѣ нашемъ папенька получилъ письмо повѣреннаго его во всѣхъ дѣлахъ и денежныхъ отчетахъ, честнѣйшаго и благороднѣйшаго человѣка, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Семена Семеновича Фила-

[1]) Масонъ, братъ извѣстнаго куратора Московскаго университета Ивана Петровича Тургенева, бывшій въ 1796 г. Сенгилеевскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, членъ Новиковскаго „Дружескаго ученаго общества“ (род. 1763 г.).

[2]) Судьею уѣзднаго суда былъ поручикъ Карлъ Карловичъ Якобій.

това[1]), что онъ, по неудовольствію на него родныхъ папеньки, поручившаго дѣла и счеты, помимо ихъ, постороннему лицу, возвращаетъ ему данную довѣренность. Письмо это сильно его огорчило, но нечего было дѣлать, онъ отвѣчалъ, что передаетъ довѣренность старшему своему племяннику[2]), которой, не согрѣша можно сказать, всѣ деньги употребилъ въ свою пользу. Только и уцѣлѣли двѣ вещи, жалованныя изъ Кабинета: перстень браліантовый и табакерка съ жемчугомъ и браліантами, которыя онъ приказалъ немедля ему прислать.

Въ Сенгилеѣ была одна церковь и то еще недостроенная. Папенька иногда бывалъ у обѣдни и всегда становился возлѣ дьякона, подсказывалъ ему Евангеліе, потому что онъ часто ошибался: не знаю, вѣрно ли, только говорили о немъ, что онъ изъ солдатъ. Папенька велъ большую переписку, приготовляя письма отъ почты до почты; въ спокойныя минуты онъ иногда писалъ шутливыя письма въ стихахъ въ Петербургъ къ старушкѣ, которая, бывало, гадала ему на картахъ. Написалъ пѣсню на голосъ: „Во селѣ, селѣ Покровскомъ, среди улицы большой“. Вотъ она:

Въ городѣ Сенгилеѣ
Жила дѣвушка душа,
Другихъ дѣвокъ удалѣе —
Татьянушка хороша.
Во шелковыхъ сарафанахъ
Наряжалася она,
Съ серебромъ въ своихъ карманахъ
И во всемъ была модна.
Какъ другія — не ходила
Въ крашенинѣ и лаптяхъ,—
Башмаки она носила,
Была въ шелковыхъ платкахъ.
Пріѣзжаетъ изъ Симбирска
Удаленькой молодецъ,
Удаленькой молодецъ, —
Хватской винной продавецъ,
По имени онъ Ванюша;
Поселился въ Сенгелей;
Показалася Танюша
Ему дѣвокъ всѣхъ милѣй.

---

[1]) Служилъ при Безбородкѣ, Ростопчинѣ и Трощинскомъ, въ концѣ XVIII в. былъ правителемъ канцеляріи Почтоваго правленія и въ 1803 г. вышелъ въ отставку; затѣмъ занимался общественно-филантропическими дѣлами. Филатовъ перевелъ съ французскаго: „Поэмы Оссіана“ (С.-Пб. 1810 г.) и „Фарсалію“ Лукана (С.-Пб. 1819 г.); былъ членомъ Бесѣды любителей русскаго слова въ 3-мъ разрядѣ; онъ умеръ въ С.-Петербургѣ 18-го января 1836 г., 75 лѣтъ.

[2]) У Лабзина было два племянника (сыновья его сестры Надежды Ѳедоровны)—Борисъ и Павелъ Степановичи Микулины; оба были (1821 г.) членами ложи „Умирающаго Сфинкса“.

Онъ, увидясь съ ней, цѣлковой
Ей даетъ и говоритъ:
„У меня другой готовой
Дома для тебя лежитъ“.

Это было происшествіе тѣхъ дней, почему-то его заинтересовавшее. Написалъ онъ еще стихи на день рожденія маменьки, подъ названіемъ „Къ женѣ моей“, которые были напечатаны въ прошлогоднемъ журналѣ „Старый Архивъ“ [1]). Въ февралѣ [2]) папенька опасно заболѣлъ; необходимо было послать въ Симбирскъ за докторомъ; онъ пріѣхалъ чрезъ три дня, потомъ послали за лѣкарствомъ, а время проходило безъ помощи больному, и такъ, если сказать по истинѣ, то единственно по волѣ Божіей угодно было возвратить его къ жизни. Наступалъ великій постъ; больной, собравшись съ силами, принялся за утѣшительное его занятіе—переписку. Предъ праздникомъ Воскресенія Христова онъ получилъ письмо длинное, написанное мелко на четырехъ страницахъ (жалѣю, что оно не у меня) отъ митрополита Филарета [3]), съ приложеніемъ тысячи рублей ассигнаціями подъ печатью, изображающею возторгнутые класы,—чистѣйшая эмблема посылаемаго Владыкою насущнаго хлѣба. Спаси его Господи! Дядя мой прислалъ также къ Свѣтлому празднику пятьсотъ рублей ассигн. и постоянно присылалъ и въ слѣдующіе годы къ Рождеству и Святой недѣлѣ по столько же. Въ Свѣтлое Воскресеніе папенька просилъ привести къ нему изъ тюрьмы всѣхъ арестантовъ, вышелъ къ нимъ во дворъ, со всѣми похристосовался, далъ по красному яйцу, приказалъ угостить обѣдомъ, одѣлилъ ихъ деньгами и сказалъ имъ: „Братцы, я самъ также колодникъ, какъ и вы“.

Весна открылась сравнительно съ Петербургомъ гораздо ранѣе; мы жили отъ Волги на полверсты разстоянія, а шумъ идущаго по ней льда ясно у насъ въ домѣ былъ слышенъ; она и широка въ этой мѣстности: не помню, чтобъ виденъ былъ противоположный берегъ. Въ началѣ мая я часто ходила слушать пѣніе соловьевъ; это не далеко за городомъ; мѣсто это называется „Клинъ“; мѣстоположеніе живописное, гора усѣяна хижинами живущихъ на ней старовѣровъ; съ горы бѣгутъ во множествѣ чистые ручейки, по мѣстамъ мелкій лѣсокъ, гдѣ обитаютъ неподражаемые Божьи пѣвцы. Жаль было разставаться съ этой гармоніей. Въ одной изъ такихъ прогулокъ мнѣ

---

[1]) Стихи эти напечатаны М. А. Дмитріевымъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1866 г., ст. 855—860.

[2]) 1823 г.

[3]) Бывшаго въ числѣ гонителей Лабзина и его „Сіонскаго Вѣстника“.

случилось вслушаться въ отдаленную пѣсню арестантовъ; вотъ начало, которое мнѣ удалось разслушать и припомнить:

Ты воспой, воспой, младъ жаворончикъ,
Сидючи весной на проталинкѣ,
Ты утѣшь, утѣшь добра молодца,
Въ каменной тюрьмѣ,
За семи дверьми за желѣзными,
За оконцами, за рѣшетчатми.

Продолженія не помню. Эта пѣсня, хотя пѣтая грубымъ голосомъ (и послѣ голосовъ вольныхъ птичекъ), сдѣлала на меня сильное впечатлѣніе.

Въ концѣ мая [1]), по прошенію сестры [2]) страдальца нашего, государь, снисходя на болѣзненное его положеніе, позволилъ ему переѣхать въ Симбирскъ съ ежегодною ему выдачею на прожитокъ двухъ тысячъ ста рублей ассигнаціями. Мы немедленно переѣхали, и больной нѣсколько ожилъ. Онъ былъ посѣщаемъ лучшимъ обществомъ, изъ котораго могъ выбрать людей по сердцу. Губернаторъ рѣдко очень бывалъ; это былъ напудренный старикъ Лукьяновичъ [3]), въ молодости долженъ былъ быть красивъ, но все-таки продолжалъ заниматься собою и былъ большой поклонникъ дамъ. Полицеймейстеръ Гессе [4]) по третямъ привозилъ выдаваемыя правительствомъ деньги. Пріятельски же съ нимъ были знакомы: Крыловъ [5]), начальникъ Удѣльной конторы, почтмейстеръ Азаревичъ [6]), князь Баратаевъ [7]), но болѣе всѣхъ онъ любилъ проводить время съ Михаиломъ Александровичемъ Дмитріевымъ [8]) и

---

[1]) 1823 г.

[2]) Анны Ѳедоровны Лабзиной, оставшейся въ Петербургѣ и также получившей пенсію.

[3]) Д. с. с. Андрей Ѳедоровичъ Лукьяновичъ былъ губернаторомъ съ 1821 по 1826 г.; о немъ см. „Воспоминанія о давно прошедшемъ“ А. Мельниковой, М. 1899 г., стр. 1 и слѣд.

[4]) Александръ Христіановичъ, подполковникъ.

[5]) Александръ Алексѣевичъ, колл. сов., служившій ранѣе въ военной службѣ; по словамъ М. А. Дмитріева, онъ, при наймѣ Лабзинымъ квартиры въ домѣ Назаровой, доплачивалъ за нее (безъ вѣдома Лабзина) плату свыше той, за которую она была какъ бы уступлена Лабзину („Русск. Архивъ“ 1866 г., ст. 840).

[6]) Почтмейстеромъ въ Симбирскѣ былъ колл. сов. Иванъ Ѳедоровичъ Лазаревичъ, а не Азаревичъ.

[7]) См. выше, стр. 192.

[8]) М. А. Дмитріевъ (род. 1796 г., ум. 1866 г.), писатель, поэтъ, авторъ книги „Мелочи изъ запаса моей памяти“; ему принадлежатъ цѣнныя воспоминанія о Лабзинѣ, напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ“ 1866 г., ст. 837—860.

съ архимандритомъ Покровскаго монастыря Серафимомъ [1]). Съ послѣднимъ хотя онъ часто спорилъ, будучи оба умные, ученые и начитанныя головы,—но нерѣдко не сходились во мнѣніи объ одномъ и томъ же предметѣ, но эти споры ихъ, кажется, больше сближали, и папенька часто приглашалъ Дмитріева ѣхать къ архимандриту на бесѣду. Почтенное семейство генерала Ивашева [2]) любило насъ; сынъ ихъ былъ адъютантомъ у Витгенштейна и, къ несчастію, впослѣдствіи попалъ въ декабристы [3]). Они имѣли трехъ дочерей; старшая вышла замужъ за Языкова [4]), брата бывшаго писателя, и другія двѣ, маленькія; самая меньшая была глухонѣмая. На этой свадьбѣ и я повеселилась. Вѣнчали ихъ въ домовой ихъ церкви. У нихъ въ городѣ былъ отличный каменный домъ; по чину генеральскому онъ могъ имѣть и свою церковь; пѣвчіе были свои, также и музыка. И тѣ, и другіе отличились въ свадьбу,—еще болѣе потому, что новобрачная была сама музыкантша и пѣвица. Въ числѣ постоянныхъ нашихъ гостей было семейство Якобія, Сенгилеевскаго уѣзднаго судьи; добрая старушка мать его и сестры были къ намъ всегда внимательны и предупредительны; нерѣдко мы даже пользовались ихъ экипажемъ. Еще ходила къ намъ почти ежедневно преоригинальная старушка—калмычка, маленькаго роста, съ большимъ зобомъ. Она забавляла нашего больного гаданьемъ на картахъ и на кофе, всегда въ утѣшеніе его пророчила ему пропасть хорошаго; онъ ее всегда спрашивалъ: „Да когда же будетъ?“ а она ему отвѣчала: „Погоди, батюшка, у

---

[1]) Былъ архимандритомъ съ 1819 по 1830 г.; о его отношеніяхъ къ Лабзину смотри въ вышеуказанныхъ воспоминаніяхъ Дмитріева (ст. 846 — 847), который, однако, смѣшалъ этого Серафима съ Серафимомъ Глаголевскимъ, впослѣдствіи митрополитомъ С.-Петербургскимъ.

[2]) Петръ Никифоровичъ Ивашевъ, генералъ-маіоръ, георгіевскій кавалеръ, бывшій адъютантъ Суворова и начальникъ его штаба, а въ 1812 г.—кригсъ-коммиссаръ дѣйствующей арміи, при Павлѣ былъ въ немилости; женатъ былъ съ 1797 г. на Вѣрѣ Александровнѣ Толстой (ум. 1837 г.). О немъ см. „Чт. Моск. общ. ист. и древн.“ 1895 г., кн. III, стр. 73. Ему принадлежало село Ватутинки (Богородское), подъ Москвою.

[3]) Ротмистръ Кавалергадскаго полка Василій Петровичъ Ивашевъ (род. 13-го сентября 1794 г.), единственный сынъ Петра Никифоровича, въ 1826 г. былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ, но черезъ 10 лѣтъ былъ переведенъ поселенцемъ въ Туринскъ, гдѣ и скончался 28-го декабря 1840 г., ровно черезъ годъ послѣ смерти жены, Камиллы Петровны Ле-Дантю, которая вышла за него замужъ въ 1831 г., пріѣхавъ къ нему изъ Россіи на Петровскій заводъ. Объ Ивашевѣ см. у А. И. Дмитріева-Мамонова, „Декабристы въ Западной Сибири“, М. 1895 г., стр. 140 — 144, Воспоминанія князя и княгини Волконскихъ и др.

[4]) Елизавета Петровна, вышла въ 1824 г. за мужъ за Петра Михайловича Языкова (род. 1798 г., ум. 1851 г.), брата поэта Н. М. Языкова.

Бога милости много", на что́ онъ ей возражалъ: „Подай же мнѣ эту милость"! Онъ иногда шутилъ со мною; я любила лошадей и разъ, увидя красивую лошадь, проговорилась: „Ахъ! какъ мила!" Затѣмъ онъ всегда, увидя хорошую лошадь, кликалъ меня къ окну, говоря: „Софья Алексѣевна, а Софья Алексѣевна! ахъ! какъ мила!"

Иногда въ получаемыхъ отъ одного лица письмахъ, онъ замѣчалъ повторяющіяся начала: „Спѣшу Васъ увѣдомить" и проч.; онъ отвѣчалъ: „Прѣю и потѣю, а къ дѣлу не поспѣю". Общая наша переписка постоянно продолжалась, и я была въ восторгѣ, когда въ первый разъ писала изъ Симбирска, а не изъ „Сенгюлье", какъ писала пять мѣсяцевъ свой адресъ изъ Сенгилея.

Зимою изъ Петербурга пріѣхалъ нашъ поваръ, что́ много облегчило насъ въ прислугѣ: съ нами была одна женщина, которая до того занималась и кухнею. Квартира наша оказалась холодна, то немедля позаботились поставить желѣзную печь, и мы, по милости добрыхъ людей, не зябли. Эта зима была очень сурова, и она мнѣ напоминаетъ объ одномъ замѣчательномъ лицѣ. Въ прошлогоднемъ 1866 году въ журналѣ „Странникъ" я прочитала объ одномъ юродивомъ, называвшемся „Андрюша", проживавшемъ въ Симбирскѣ; я тотчасъ вспомнила, что видѣла его стоявшимъ долго передъ нашими окнами въ одной бѣлой длинной рубашкѣ, подпоясанной веревочкою, босыми ногами, еще видомъ не старый, но уже съ сѣдыми волосами и небольшой бородой. Онъ поперемѣнно поджималъ то ту, то другую ногу и трясъ руками. Признаюсь, я тогда побаивалась подобныхъ людей; теперь вполнѣ чувствую, что это глупо и даже грѣшно. Дорогіе наши Сенгилеевскіе гости—почтеннѣйшій Петръ Петровичъ Тургеневъ и Д. И. Поповъ и въ Симбирскѣ насъ посѣщали; первый останавливался у своей дочери [1]), а послѣдній у насъ, и я всегда уступала ему свою комнату. У проѣзжаго фокусника больной нашъ перенялъ все его искусство, и когда былъ въ расположеніи, то по вечерамъ занималъ своихъ гостей этой забавой и самъ нѣсколько развлекался. Если не постоянная наша мысль, что мы изгнанники и по неволѣ тутъ живемъ, то мы бы могли себя считать счастливыми.

Такъ прошли лѣто и зима 1823 года. На весну 1824 года докторъ нашелъ, что больному нужно пить козье молоко; и у меня въ это время показалась кровь горломъ, почему намъ привели пару козъ; моя коза исхудала, потому, что ея молоко было мнѣ въ пользу, а его коза, напротивъ, раздобрѣла, за то больному ея молоко не по-

[1]) Анны Петровны (род. 1795 г., ум. 1855 г.), бывшей за д. с. с. Михаиломъ Николаевичемъ Сушковымъ (род. 1782 г., ум. 1833 г.), Оренбургскимъ вице-губернаторомъ; съ 1816 г. онъ былъ почетнымъ членомъ Вольнаго общества любителей россійской словесности.

могало и тяготило его желудокъ. Докторъ посовѣтовалъ ему ѣхать на воды, находящіяся въ 35-ти верстахъ отъ Симбирска въ селѣ Ундорахъ, въ имѣніи вышеупомянутаго генерала Ивашева. Мы отправились туда въ началѣ іюня; не знаю, какой составъ имѣла эта вода; онъ ее употреблялъ шесть недѣль. Мы пробыли въ Ундорахъ два мѣсяца, гдѣ больной былъ свѣжъ и веселъ. И чего тамъ не было, чтобы доставить удовольствіе! рѣшительно все: радушное гостепріимство хозяевъ, радушное избранное общество, прогулка, музыка, пѣніе; вечеръ всегда заключался исполненіемъ музыкантами зори, а пѣвчіе пѣніемъ „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“. Подобнаго пріятнаго времени я во всю жизнь не проводила. Возвратясь домой въ началѣ августа, больной началъ чувствовать одышку, во время прогулки долженъ былъ на улицѣ садиться на столбикахъ отдыхать; потомъ открылся кашель съ сильнѣйшей мокротой, положившій его въ постель. Въ сентябрѣ онъ исповѣдывался, пріобщался Святыхъ Таинъ, соборовался и сдѣлалъ духовное завѣщаніе, предоставляя все послѣ его остающееся въ пользу жены своей. Между тѣмъ, начали ожидать въ Симбирскъ государя, и многіе добрые знакомые совѣтывали больному подать государю просьбу о прощеніи, на что онъ всегда отвѣчалъ: „Какъ я буду просить прощенія, когда я не знаю вины моей; она мнѣ не была объявлена“. Въѣздъ государя былъ въ вечеру мимо нашего дома; но больной, не вставая съ постели, могъ только слышать колокольный звонъ и крикъ народа. На другой день по утру маменька рѣшилась отъ своего имени ходатайствовать у государя за умирающаго своего мужа. Просьба была ею подписана, въ вечеру я отправилась съ нею къ дому губернатора, гдѣ былъ государь. Множество народа ожидало его выхода, чтобы ѣхать на балъ въ Благородное Собраніе. Хотя я спрятала мою бумагу, но полиція замѣтила, и квартальный объявилъ мнѣ, что сегодня утромъ принимали прошенія, а теперь уже не время. Я отошла въ другую сторону; въ это время подъѣхалъ къ дому кн. Баратаевъ въ своемъ великолѣпномъ гусарскомъ мундирѣ; хотя я и близко отъ него стояла, но я замѣтила, что ему теперь не до меня. Я подвинулась какъ можно ближе къ выходу, но въ самое это время слышу голосъ квартальнаго, который кричитъ полицеймейстеру: „Александръ Иванычъ, вотъ эта опять подошла, та, что хочетъ подать просьбу“. Признаюсь, это было сверхъ моихъ силъ; тѣснота, долгое ожиданіе, новость моего горькаго положенія, боязнь, что силой меня оттолкнутъ прочь, все это заставило меня удалиться. Я сѣла въ экипажъ, поѣхала домой, но дорогой чего-то лошади испугались, понесли, но, наѣхавъ на заборъ, сами остановились, и я только сильно ушибла ногу. Маменька меня встрѣтила, но я ничего не могла ей сказать, потому что у

меня совершенно пересохли языкъ и горло; я была совсѣмъ уничтожена, въ отчаяніи бросила бумагу, думая, что другая на моемъ мѣстѣ была бы смѣлѣе и счастливѣе. На другой день государь уѣхалъ. Всѣ участвовавшіе въ его пріемѣ, отдохнувъ и успокоившись, начали по прежнему навѣщать больного, и на вопросъ ихъ, каково его здоровье, всѣмъ отвѣчалъ одно: „Что вы меня спрашиваете? докторъ, который могъ меня вылѣчить, уѣхалъ, то что̀ можетъ мнѣ помочь?“ Постепенно онъ долженъ былъ оставить большую свою переписку, и онъ сдѣлалъ меня своимъ секретаремъ; сначала, когда еще былъ въ силахъ ходить, часто, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ и стуча пальцами по табакеркѣ, диктовалъ мнѣ письмо, назначая самъ, гдѣ ставить какой знакъ, говоря: „Комма, двоеточіе, точка съ запятой, точка“. Такъ у него матеріалы письма были приготовлены въ головѣ! Право, это былъ необыкновенный умъ. Хотя онъ вставалъ иногда съ постели, но время отъ времени все становился слабѣе. Пищу любилъ самую острую и кислую: ему приготовлялся борщъ, что когда открывали крышку,—у насъ духъ захватывало, а если не такъ, то онъ и кушать не будетъ. Потомъ подавался пирожокъ съ говяжьимъ фаршемъ, внутрь котораго наливался бульонъ. Вотъ и вся его пища. Ночи онъ проводилъ безъ сна: кашель не давалъ ему покою, а если и засыпалъ, то начиналъ стонать, что̀ раздирало душу. Онъ ложился въ постель въ семь часовъ вечера, и я съ маменькой дежурили за полночь, дѣлая ему питье (морковь въ молокѣ) и все, что нужно. Потомъ смѣняла насъ женщина, отдыхавшая всегда, покуда мы сидѣли. Такъ продолжалось четыре мѣсяца. Въ такомъ положеніи наступилъ 1825 годъ; больной такъ былъ слабъ, что кромѣ доктора никого не могъ видѣть и принимать. Онъ весь пожелтѣлъ, но голова и умъ его совершенно были свѣтлы. Жизнь его примѣтно угасала. Въ послѣдній день онъ велѣлъ перевести себя въ той же комнатѣ на другой диванъ, потомъ попросился на кресло, его посадили, затѣмъ сказалъ: „Жена, гдѣ ты? положите меня, дайте мнѣ пить“,—ему подали воды съ виномъ, онъ сказалъ: „Дайте мнѣ выпить взаправду,“—и ему подали цѣльнаго вина. Онъ немного выпилъ и сказалъ: „Вѣдь мнѣ очень худо?“ Маменька сказала ему: „Молись, мой другъ, Богу“ и онъ отвѣчалъ: „И вы то же дѣлайте, молитесь“. Она положила земной поклонъ. Онъ перекрестился и съ тѣмъ испустилъ духъ— во 2-мъ часу по-полуночи 26-го генваря.

Нельзя описать первыхъ минутъ нашего горя о его потерѣ. Мы бросились другъ къ другу въ объятія и заплакали, чувствуя вполнѣ, что мы осиротѣли. Всѣ любившіе, сострадавшіе и благодѣявшіе покойному отдали ему послѣдній долгъ; особенно плакали: другъ его Тургеневъ и архимандритъ, у котораго при отпѣваньѣ часто преры-

вался голосъ. Могила его подъ самыми окнами архимандритской кельи [1]), и онъ, конечно, не скоро ее забылъ, какъ по долгу своему, а не менѣе по расположенію къ почившему.

Мы выѣхали скоро изъ Симбирска, потому что поспѣшали въ Москву, гдѣ въ домѣ моего дяди [2]) имѣли продолжительный отдыхъ. При отъѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, онъ взялъ съ маменьки слово возвратиться къ нему, что́ и было исполнено по окончаніи ея дѣлъ и по полученіи въ пансіонъ 600 сер., кои покойный получалъ въ Симбирскѣ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, гдѣ послѣ двухлѣтняго продолженія ея жизни, Господу угодно было воззвать ее къ себѣ [3]). Съ ней я все потеряла: у меня на свѣтѣ никого не было милаго... Я иногда думала идти въ монастырь, но судьба иначе устроила, назначивъ мнѣ, чрезъ два года по ея смерти, понести обязанности жены и матери, которыми исполнена была вся жизнь моя.

---

[1]) Въ Покровскомъ монастырѣ. Памятникъ цѣлъ до сихъ поръ; онъ возобновленъ Симбирской Ученой Архивной Коммиссіей (сообщ. К. Н. Ходневъ).

[2]) М. Я. Мудрова.

[3]) А. Е. Лабзина скончалась 3-го октября 1828 г. и погребена на Ваганьковскомъ кладбищѣ; на памятникѣ ея написанъ псаломъ 39-й: „Терпя, потерпѣхъ, Господи, и внятъ ми, постави на камени нозѣ мои и исправи стопы моя“.

Основатель патріаршаго Бизюкова монастыря

Сергій Салтыковъ.

Лѣта 7188 февраля въ 17 день преставися рабъ Божій сея обители фундаторъ іеромонахъ Сергій Михайловичъ Салтыковъ.

17-го февраля текущаго 1905 года исполнилось двѣсти двадцать пять лѣтъ со дня смерти игумена Сергія Салтыкова[1]), основателя патріаршаго Бизюкова монастыря, Смоленской епархіи, упраздненнаго въ 1803 году.

Игуменъ Сергій, въ мірѣ Ѳеодоръ, принадлежалъ къ старинной родовитой фамиліи бояръ Салтыковыхъ, ведущей свое начало отъ прусскаго выходца Михаила Прушанина, поселившагося въ Новгородѣ въ XIII вѣкѣ. Благодаря давности родословной, заслугамъ на высшихъ поприщахъ государственной и общественной дѣятельности и большимъ матеріальнымъ средствамъ представителей своего рода,

[1]) Прилагаемый при семъ портретъ Салтыкова снятъ съ портрета, находящагося въ с. Бизюковѣ, Смоленской епархіи. Оригиналъ его сохраненъ священникомъ этого села Іаковомъ Строгановымъ (†1895 г.), что видно изъ слѣдующаго указа Смоленской духовной консисторіи отъ 6 ноября 1852 года. „Преосвященнѣйшій Тимоѳей, епископъ Смоленскій и Дорогобужскій и Кавалеръ, предложеніемъ отъ 6 ноября 1852 года предложилъ Консисторіи предписать приходскому Дорогобужскаго уѣзда села Бизюкова священнику Іакову Строганову, чтобы онъ всемѣрно старался сохранить все, что только носитъ на себѣ священную память о разрушенномъ ставропигіальномъ Бизюковѣ монастырѣ и особенно потщился соблюсти отъ разрушенія какъ портретъ строителя обители, такъ и самую его могилу. Впрочемъ поелику замѣчено, что священникъ Строгановъ заботится о соблюденіи таковой святости и древности, напримѣръ: его попеченіемъ отысканы и сохранены усыпальницы схимонаховъ и нѣкоторыя ихъ одежды, а также портретъ Салтыкова, каковой заботливости предмѣстники его, къ сожалѣнію, не имѣли, то объявить ему отъ лица Епархіальнаго начальства благословеніе и благодарность, со внесеніемъ въ формуляръ". Кромѣ упомянутыхъ въ этомъ указѣ предметовъ отъ временъ монастыря сохра-

Салтыковы занимаютъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ россійской родословной книгѣ дворянъ. По исторической извѣстности среди нихъ замѣтно выдѣляется отецъ Бизюковскаго игумена, бояринъ Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ-Морозовъ [1]). Бывшій военачальникъ въ Ливонской войнѣ при Грозномъ и посолъ польскій при Ѳеодорѣ Ивановичѣ и Годуновѣ, Михаилъ Салтыковъ въ смутное время на Руси сталъ во главѣ польской партіи среди московскихъ бояръ, намѣревавшейся передать русскій престолъ въ иноземныя руки. Тогда онъ усердно агитировалъ въ высшихъ кругахъ московскаго общества въ пользу престолонаслѣдства польскаго королевича Владислава, прибѣгалъ къ слезнымъ мольбамъ, убѣжденіямъ и насилію, чтобы вовлечь въ свой замыселъ непреклоннаго патріарха Гермогена, но успѣха не достигъ въ этихъ позорныхъ хлопотахъ. Въ 1613 г. на московскій престолъ взошелъ природный русскій бояринъ, и всѣ измѣнники отечества подверглись всеобщему безчестію.

Вожакъ ихъ Салтыковъ былъ проклятъ патріархомъ, изгнанъ изъ Россіи и искалъ пріюта у литовскаго короля Сигизмунда III-го. Король пожаловалъ ему мѣстечко подъ Черниговымъ, называвшееся Дѣвицей, гдѣ измѣнившій Россіи бояринъ и поселился съ своимъ семействомъ, состоявшимъ въ то время изъ жены Іульяніи, урожденной княгини Звенигородской, дочери и сыновей Петра, Ивана старшаго и младшаго и Ѳедора. По смерти отца, между 1613—1625 г., семья Салтыковыхъ, томясь одиночествомъ въ далекой Дѣвицѣ, съ королевскаго разрѣшенія, перешла въ дорогобужскія, порубежныя съ Россіей, свои родовыя вотчины, освободившіяся въ то время за смертію, или же за принятіемъ русскаго подданства, ихъ владѣльца Панкратія Салтыкова. Здѣсь старшій братъ Петръ поселился въ с. Озерищахъ, остав-

---

нились: церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, построенная архимандритомъ Бизюкова монастыря Давыдомъ Нащинскимъ, — бывшимъ ректоромъ Кіевской духовной академіи и переводчикомъ сочиненій Ѳеофана Прокоповича на нѣмецкій языкъ (см. нашу статью о Нащинскомъ въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ за мартъ 1905 г.),—Михайло-Архангельская церковь, построенная архим. Мелхиседекомъ, родственникомъ историка Татищева (см. нашу брошюру „Бизюковъ монастырь и Смоленскіе епископы“. Москва 1905 г. стран. 15), каменная колокольня, стоящая на усыпальницѣ, гдѣ вмѣстѣ съ Салтыковымъ погребенъ строитель ея, архим. Иннокентій, бывшій правитель Смоленской епархіи († 1731 г.) и часть монастырской стѣны. Несомнѣнно, много памятниковъ монастырскаго времени погибло во время сраженія русскихъ съ французами (Брокгаузъ, томъ XXX, столб. 2, стран. 553, Спб. 1900 г.), бывшаго въ Бизюковѣ на пути бѣгства Наполеона изъ Москвы, часть же ихъ отправлена въ Херсонскую епархію, гдѣ въ настоящее время находится Бизюковъ монастырь.

[1]) Русскій біографическій словарь, Спб. 1904 г., на букву „С“, стран. 81—87.

шійся въ живыхъ Иванъ младшій въ Борисковѣ, а Ѳедоръ съ матерью въ с. Бизюковѣ [1]).

Время, когда Салтыковы поселились въ своихъ дорогобужскихъ вотчинахъ, было тяжелымъ временемъ для православныхъ жителей Смоленскаго края. Съ 1611 года онъ находился подъ властію польско-литовскаго короля Сигизмунда III, при которомъ въ 1625 году въ Смоленскѣ была учреждена уніатская архіепископія.

Религіозная нетерпимость къ православнымъ смольянамъ перваго правителя ея, архіепископа Льва Кревзы (1625—1640), была вмѣнена ему въ служебный долгъ королевской грамотой сигизмундова преемника Владислава IV. Этой грамотой король обязывалъ его „всякаго православнаго священника церкви или монастыря, который не хотѣлъ бы быть послушнымъ смоленскому архіепископу, находящемуся во единеніи съ римскою церковью, отдалять отъ церкви и лишать священства [2])“. Эту обязанность Кревза выполнялъ столь ревностно и столь широкихъ результатовъ достигъ въ борьбѣ съ православіемъ, что, по отзыву уніатскаго церковнаго историка Суши, къ концу его правленія епархіей въ Смоленскѣ не осталось ни одного схизматика. Также жестоко преслѣдовалъ всѣхъ противниковъ уніи и преемникъ Крезвы, архіеп. Андрей Квашнинскій (1640—1654) [3]). Тяжелое положеніе православныхъ жителей Дорогобужскаго уѣзда, лишенныхъ религіозной свободы, въ то время увеличивали бунты и междоусобицы крестьянъ на порубежьи, гдѣ находились вотчины Салтыковыхъ.

Дорогобужцы и вяземцы, въ настоящее время братья по вѣрѣ, земляки по родному краю и сосѣди по жительству, тогда были подданными двухъ враждебныхъ государствъ. По беззавѣтной удали широкой русской натуры, по ея же неравнодушію къ чужому благополучію, то, наконецъ, по родному же русскому: „до Бога высоко, до царя далеко“, дорогобужцы, точно древній печенѣгъ, или злой татаринъ, дѣлали набѣги на мирныя поселенія сосѣдей вяземцевъ, пользуясь всѣми пригодными въ данномъ случаѣ мѣрами: насиліемъ, огнемъ и мечемъ. Тѣ отвѣчали тѣмъ же, мстя за разбои и лишенія, и такимъ образомъ происходили набѣги, грабежи, пожары, поимы, бои и смертныя убійства, которыми характеризуется бытовая жизнь дорого-

---

[1]) Привилегій польскаго короля Сигизмунда III, Петру, Ивану и Ѳедору Салтыковымъ. Московскій архивъ Министерства Юстиціи, Литовскія метрики, № 97, ст. 23.

[2]) Привилегій Владислава IV смоленскому архіепископу Льву Кревзѣ отъ 9 февраля 1633 года. Литовскія метрики, № 108-й, л. 7—13.

[3]) Чистовичъ, Очеркъ исторіи Западно-Русской церкви, ч. II, стран. 401. Спб. 1884 г.

бужскаго порубежья Литовскаго государства въ послѣднія десятилѣтія предъ присоединеніемъ Смоленскаго края къ Москвѣ [1]).

Въ это тяжкое время всестороннихъ бѣдствій для православныхъ дорогобужанъ, у владѣльца с. Бизюкова Ѳедора Салтыкова явилось высокое намѣреніе основать православный монастырь. Для мѣстнаго православнаго населенія, насильственно обращаемаго въ унію уніатской іерархіей, это было великимъ благодѣяніемъ. Но основаніе монастыря по тому времени было сопряжено съ большими затрудненіями. Требовалось разрѣшеніе отъ короля и благословеніе отъ православной церковной іерархіи; король же въ 1633 году издалъ вышеупомянутое распоряженіе объ обращеніи православныхъ смольянъ въ унію, а кіевскій митрополитъ Петръ Могила, въ то время управлявшій западно-русской церковью, находился весьма далеко отъ Дорогобужа. При томъ же, нужно было ожидать, что преемникъ Кревзы фанатикъ Квашнинскій, отличавшійся особенною непріязнію къ православнымъ, и іезуиты, занявшіе сосѣдній съ Бизюковымъ Болдинъ монастырь, окажутъ всѣ мѣры противодѣйствія основанію православнаго монастыря. Но все, что нужно было для его основанія, сдѣлала и всѣ препятствія превозмогла благочестивая ревность Ѳедора Салтыкова. По признательности къ заслугамъ польской коронѣ его отца, боярина М. Г. Салтыкова, уступчивый и по душѣ вѣротерпимый король Владиславъ въ 1640 году далъ ему привилегій на основаніе монастыря; кіевскій же митрополитъ прислалъ свое благословеніе, призналъ новую обитель ставропигіальной и взялъ ее на свое попеченіе.

Такимъ образомъ подъ сѣнь Крестовоздвиженской церкви с. Бизюкова, бывшей здѣсь до переселенія Салтыковыхъ, въ ихъ богатую вотчину стали собираться благодатные воспитатели народнаго духа, первые иноки. Начали строиться келліи, приноровляться помѣщенія къ условіямъ монастырскаго быта, открывалась ежедневная служба, предъ святынями затеплились лампады, и сельская жизнь Бизюкова была объята новой идейно-высокой жизнью возникшей обители, началъ свое существованіе Бизюковъ монастырь. Съ устроеніемъ его Салтыковымъ было воздвигнуто священное знамя мира и любви для окрестныхъ мѣстностей — арены грабежей, поимовъ, боевъ и смертныхъ убійствъ. Сюда же, въ монастырь, изъ окрестныхъ мѣстностей собирались православные жители, присутствовали здѣсь за роднымъ богослуженіемъ, исповѣдывали свою православную вѣру, молились отъ совращенія въ унію и получали благодатную помощь въ борьбѣ съ

[1]) Выписки о разореніи и грабежахъ польскихъ людей россійскихъ деревень, стоящихъ близъ Польскаго рубежа. Въ дѣлахъ Польскаго двора, хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ 9-омъ свиткѣ подъ № 1-мъ, за 1625, 1632, 1634 и др. годы.

сильною властію уніатской іерархіи, усердно насаждавшей унію въ Смоленской епархіи. Всѣ богомольцы вновь возникшей обители переживали ея благотворное вліяніе. Коснулось оно и самого строителя Салтыкова. Его радовало осуществленіе думы о построеніи монастыря и сознаніе его великой пользы и нужды, какъ очага гонимаго уніей православія и какъ благодатнаго источника. Хотя въ это время шли еще сороковые годы описываемаго XVII в., для него годы не старческіе, но онъ уже чувствовалъ себя утомленнымъ обстоятельствами предыдущаго времени, и 20 іюля 1643 года составилъ духовное завѣщаніе.

Въ этомъ завѣщаніи ясно отражается высокая личность строителя и патрона Бизюкова монастыря, мірянина Ѳедора Салтыкова. „Его занимаетъ мысль о смерти, припоминаются слова Христовы: будьте готовы, яко въ онь же часъ не мните, Сынъ Человѣческій пріидетъ, взору предносится земная жизнь людей, въ которой такъ много опасностей, смертельно поражающихъ человѣка“. При кратковременности ея всякій христіанинъ пока въ силахъ, по сознанію завѣщателя, долженъ совершать благія дѣла, чтобы не оказаться невѣрнымъ приставникомъ даровъ Божіихъ, удовлетворить Божію правосудію и обрѣсти на страшномъ судѣ милость Судіи. Завѣщателя страшитъ мысль о возможности раздоровъ послѣ его смерти изъ-за имущества, и онъ спѣшитъ составленіемъ завѣщанія устранить страданія своей безсмертной, многогрѣшной души. Та же боязнь побуждаетъ его усердно просить Господа Бога внушить исполнителямъ тестамента его остатней (послѣдней) воли сдѣлать все, согласно его завѣщанію.

Въ самомъ завѣщаніи Салтыковъ прежде всего выражаетъ желаніе, чтобъ его тѣло по христіанскому обычаю было похоронено при церкви Воздвиженія Честнаго Креста въ Бизюковѣ монастырѣ, который онъ при помощи и милости Божіей построилъ въ православной, всходной (восточной) церкви. Далѣе онъ подписываетъ своему монастырю часть своихъ вотчинъ, поручаетъ мать инокиню Евдокію духовному попеченію игумена Гедеона, проситъ вознаградить послѣ своей смерти своихъ слугъ, назначаетъ патронами и экзаменаторами завѣщанія своихъ родственниковъ и знакомыхъ и проситъ ихъ, подъ страхомъ суда Божія, быть опекунами и оборонцами Бизюкова монастыря, напоминая, что за нихъ иноки монастыря вѣчно будутъ приносить Господу прилежныя молитвы [1])“. Повидимому, это завѣщаніе послѣдній разсчетъ съ міромъ Ѳедора Михайловича. Онъ все предусмотрѣлъ и устроилъ, оставалось только наступить послѣднему часу жизни. Но въ дѣйствительности въ 1643 году онъ не умеръ, и за-

[1]) Духовная Ѳедора Салтыка. Сборникъ Муханова, подъ № 342.

вѣщаніе отъ его смерти отдѣляетъ немалое разстояніе времени тридцати семи лѣтъ. Изъ завѣщанія не видно, чтобы тяжелый недугъ расположилъ его къ размышленію о смерти, продиктовавшему все изложенное въ немъ, поэтому остаются въ силѣ указанные въ завѣщаніи мотивы его составленія. Да и не время еще было ему умирать: монастырь только-что начиналъ свое существованіе и его строителю о многомъ нужно было позаботиться. Къ тому же все еще длилось тяжелое время литовскаго ига. Около монастыря бродили шайки поляковъ. Грабя и разоряя деревни и села, они не скрывали своего страшнаго замысла: перебить всѣхъ черныхъ поповъ и разорить православныя церкви. Напуганные этой угрозой, двѣнадцать иноковъ изъ первыхъ насельниковъ Бизюковской обители въ 1648 г. бѣжали за московскій рубежъ подъ защиту русскаго царя, и, очевидно, что только защита патрона спасла ее отъ разоренія [1]). А именно теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, монастырь могъ надѣться на попеченіе о себѣ своего основателя. Въ близкое къ упомянутому печальному случаю бѣгства монаховъ онъ принялъ монашество и съ этой поры уже весь принадлежалъ монастырю. Принятіе монашества Ѳедоромъ Михайловичемъ понятный и вполнѣ ясный поступокъ. Склонность къ монашеству появилась въ немъ навѣрное еще въ ранніе годы въ Москвѣ, когда, въ смутное время, поругаема была св. вѣра православная, лилась кровь междоусобной войны, страдали вѣрные сыны Россіи. Невольное же изгнаніе въ польской Дѣвицѣ, при тѣхъ же мрачныхъ картинахъ польскаго ига, естественно, могло только усилить это стремленіе. Но до времени оно не нашло себѣ исхода въ монашествѣ. До сороковыхъ годовъ описываемаго вѣка Салтыковъ оставался въ мірѣ, вступилъ въ бракъ, имѣлъ семью, любовь же свою къ монашеству показалъ, основавши монастырь въ своихъ владѣніяхъ. Съ основаніемъ монастыря въ давнишнемъ стремленіи его къ монашеству оставалось нѣчто недоконченное, не было полнаго удовлетворенія своимъ положеніемъ. Смерть жены и принятіе монашества матерью подсказали, куда его влечетъ собственное призваніе и обстоятельства жизни,—и сынъ знатнаго боярина, владѣлецъ богатыхъ вотчинъ, Ѳедоръ Салтыковъ сталъ инокомъ Сергіемъ. Пройдя нѣсколько лѣтъ монастырскаго послушанія подъ руководствомъ игуменовъ Гедеона и Кирилла, онъ около 1656 года самъ сталъ во главѣ монастыря, въ началѣ въ званіи строителя, а затѣмъ игумена.

Между тѣмъ въ 1654 году совершилось присоединеніе Смоленскаго края къ Москвѣ, и Бизюковъ монастырь изъ литовскаго под-

[1]) Акты Юго-Западной Россіи, т. III, ст. 237.

данства перешелъ къ родной православной Россіи, принявши церковную зависимость отъ московскаго патріарха. Спустя два года по принятіи русскаго подданства, изъ Москвы на имя строителя Бизюкова монастыря старца Сергія пришла царская грамота, которой къ его монастырю приписывался сосѣдній Свирколуцкій монастырь, основанный въ XVI в. преподобнымъ Герасимомъ Болдинскимъ [1]). Безшумной, заботливой дѣятельности по управленію двумя монастырями вмѣстѣ съ примѣрными иноческими подвигами для назиданія братства обоихъ монастырей игуменъ Сергій и намѣренъ былъ посвятить остатокъ своей жизни, но судьба готовила ему иное.

Въ это время шли вѣчно памятные пятидесятые годы XVII вѣка. Тревожно было тогда въ Москвѣ. Замѣчалось сильное возбужденіе во всѣхъ слояхъ общества. Чувствовалось что-то грозное, вѣщее. Отъ времени до времени на открытыхъ мѣстахъ, чтобы обратить на себя вниманіе, появлялись странныя лица. Порывисто жестикулируя, они говорили непонятныя рѣчи о гнѣвѣ Божіемъ, объ ересяхъ, антихристѣ и послѣднихъ временахъ міра, электризуя толпу силою слова и убѣжденностію тона. Проходили на патріаршій дворъ колодники и также необычнаго вида: изъ духовныхъ. А въ иной разъ народная толпа устремлялась на площадь, чтобы посмотрѣть на казнь разстриженныхъ поповъ и монаховъ. Это начался русскій расколъ.

Не казовая сторона этихъ явленій интересовала Бизюковскаго игумена, пріѣзжавшаго въ Москву по монастырскимъ дѣламъ. Къ подобнымъ явленіямъ онъ уже присмотрѣлся въ западномъ краѣ, любопытно было узнать о причинѣ общаго волненія и уличныхъ демонстрацій. Объясненіе этихъ явленій онъ могъ получить отъ своего родственника, царскаго окольничаго, боярина Михаила Салтыкова [2]), въ домѣ котораго останавливался во время пріѣздовъ, и особенно отъ двухъ друзей этого дома: дворецкаго Салтыкова Исаіи и извѣстнаго въ расколѣ протопопа Аввакума. Исаію раскольническій писатель Семенъ Денисовъ помѣстилъ въ числѣ знаменитыхъ первыхъ расколоучителей, витійственно описанныхъ имъ въ раскольничьемъ патерикѣ, въ его Виноградѣ россійскомъ. По Денисову „Исаія былъ мужъ достохвальный разумомъ, достохвальный честію, достохвальнѣйшій страданіемъ. И онъ же, дивный Исаія, своего господина утверждаше въ древле церковномъ благочестіи стояти, еже не креститися тремя персты, но двѣма перстома знаменатися и иного древле православія держатися несумнѣнно“. Какъ упорный фана-

[1]) Описаніе документовъ и дѣлъ архива св. Сунода, т. II, ч. 2, столб. 210 и приложенія, столб. LXXX — LXXXI.

[2]) Повседневныя дворцовыя записки времени Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, ч. II, стран. 49, 65, 155 и др., Москва, 1769 г.

тикъ и пропагандистъ раскола, Исаія былъ сожженъ. „И испечена бысть, заключаетъ Денисовъ Исаіино житіе, жертва пречиста, пресладка, благоуханна, всѣхъ Владыцѣ Господу въ алтарь принесеся [1])“. Бояринъ Салтыковъ протежировалъ упомянутому протопопу Аввакуму и, какъ человѣкъ вліятельный у государя, не разъ спасалъ его отъ грознаго патріарха. Защита покровителя однако не спасла его: 1-го апрѣля 1681 года за великій на царскій домъ хулы онъ былъ сожженъ [2]), подобно Исаіи сталъ жертвой пресладкой и благоуханной. Эти двѣ жертвы отуманили своимъ благоуханіемъ вмѣстѣ съ бояриномъ Салтыковымъ и Бизюковскаго игумена.

Съ послѣднихъ словъ долженъ начаться грустный эпизодъ въ жизни Сергія Михайловича: его увлеченіе расколомъ. Съ описаніемъ этого увлеченія видимо должна прибавиться лишняя темная страница въ его біографіи, повѣствующая о томъ, какъ онъ, будучи преданнымъ сыномъ православной церкви и основателемъ монастыря въ прославленіе гонимаго православія, сталъ подъ темное знамя раскольничьяго раздора, бѣжалъ въ глухіе нижегородскіе лѣса, и подсудимымъ лицомъ являлся на московскій соборъ 1666—67 года.

Прибавилась ли однако эта страница?

Исключить ее нельзя, она была, но бросаетъ ли она тѣнь на свѣтлый обликъ Бизюковскаго игумена, покажутъ обстоятельства его отпаденія въ расколъ.

Вышеупомянутые ревнители старины, друзья боярина Салтыкова, собираясь въ его домѣ, вели оживленныя бесѣды о волновавшей въ то время московское общество церковной реформѣ п. Никона [3]). По этимъ бесѣдамъ Сергій Михайловичъ уяснилъ себѣ сущность этой реформы. Оказывалось, что патріархъ Никонъ, церковной зависимости котораго онъ, съ принятіемъ русскаго подданства, подчинилъ свой монастырь, былъ богоотступникомъ и еретикомъ, а его церковныя нововведенія есть еретическое заблужденіе, извращающее православную вѣру. Что затѣя патріарха незаконна, это видно изъ его образа дѣйствій: не послушныхъ себѣ онъ бросаетъ въ тюрьмы, разстригаетъ и ссылаетъ по монастырямъ, а что его противники правы, что мѣропріятія патріарха полны ересей и заблужденій, тому служатъ свидѣтельствомъ жертвы патріаршаго произвола, ихъ единодушный протестъ и страданія. При томъ, всѣ классы московскаго общества: бояре, духовные и холопы, юродивые и женщины него-

[1]) Виноградъ россійскій по рукописи Московской Хлудовской библіотеки, ст. 90 — 98.

[2]) Смирновъ, Исторія русскаго раскола старообрядства, ст. 87, Спб. 1895 г.

[3]) Щаповъ, Русскій расколъ старообрядства, Казань 1859 г., стран. 227, 296 и 343.

дуютъ, возмущены намѣреніями патріарха, готовы стать на защиту рушимой вѣры, и это единодушіе, негодованіе и жертвы служатъ вѣрной оцѣнкой церковной реформы.

Для гостя боярина Салтыкова, Бизюковскаго игумена, было ясно изъ этихъ рѣчей его новыхъ знакомыхъ, что церковныя преобразованія московскаго патріарха представляютъ, подобное уніи, гоненіе на православную вѣру и церковь, которое нѣкогда онъ пережилъ въ Польшѣ. Этотъ выводъ безъ колебаній опредѣлилъ его отношеніе къ церковно-обрядовой реформѣ. Онъ примкнулъ къ противникамъ ея и отдался защитѣ церковной старины со всѣмъ увлеченіемъ неофита. Сказалось вліяніе фанатическихъ бесѣдъ Аввакума и Исаіи на Сергія Михайловича: увлекшись ими, онъ отпалъ въ расколъ.—Получилось новое данное о немъ: „моленійцо протопопа Аввакума царю Алексѣю Михайловичу о Нероновѣ, Сергіѣ Салтыковѣ и прочихъ ко жребію святительскаго чина достойныхъ, ихже нужно ему, великому государю, снискать“ [1]), данное, по которому въ исторіяхъ раскола онъ, какъ кандидатъ на архіерейство, рекомендованный самимъ протопопомъ Аввакумомъ, признается выдающимся расколоучителемъ [2]). Не считаясь съ этимъ отзывомъ о Бизюковскомъ игуменѣ, продолжимъ исторію его увлеченія расколомъ. Признано, что протестъ противъ церковно-обрядовыхъ исправленій патріарха Никона выходилъ не изъ личныхъ побужденій мести къ нему главнѣйшихъ и болѣе вліятельныхъ выразителей противленія, не изъ одного лишь упорнаго стремленія современниковъ раскола сохранить въ неизмѣнномъ видѣ дорогое наслѣдіе благочестивой русской старины, но главнымъ образомъ изъ высокаго мотива ревности о церкви, изъ желанія, одушевленнаго боязнію за спасеніе души, предохранить православную вѣру отъ ересей, которыя просвѣщенные ревнители ея видѣли въ каждой подробности реформы патріарха Никона. Поэтому въ числѣ противниковъ послѣдней были несомнѣнно лица, руководившіяся въ отрицаніи обрядовыхъ исправленій единственно религіозными побужденіями душеспасенія. При самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ взглядахъ и сужденіяхъ, мнѣніяхъ и отзывахъ, высказывавшихся о церковныхъ преобразованіяхъ второй половины XVII вѣка, лицамъ, заинтересованнымъ въ нихъ и пожелавшимъ стать къ нимъ въ опредѣленное отношеніе, весьма не легко было узнать, не опасны ли эти преобразованія для московскаго православія и примѣрнаго русскаго благочестія, или же, напротивъ, они есть нѣчто необходимое въ церков-

---

[1]) Матеріалы для исторіи раскола, изданные подъ редакціей Н. И. Субботина, т. I, Москва, 1875 г., стран. 198 — 199.

[2]) Смирновъ, Исторія раскола, Спб. 1895 г., стран. 60.

ной жизни, что слѣдуетъ принять, иначе патріархъ Никонъ—еретикъ ли, или же доблестный пастырь, ревнующій о лучшихъ средствахъ спасенія. Рѣшеніе этого вопроса влекло за собою двоякое слѣдствіе: при положительномъ—послушаніе церковной власти и принятіе новыхъ чиновъ и обрядовъ, при отрицательномъ—противленіе ей и переходъ въ расколъ; при чемъ сомнѣніе о церковныхъ новшествахъ разрѣшалось или при благопріятныхъ условіяхъ (увѣщаніе церковной власти) и въ этомъ случаѣ переходило въ убѣжденіе правильности и необходимости ихъ, или же при неблагопріятныхъ (сужденія о реформѣ фанатичныхъ приверженцевъ старины), при которыхъ переходило въ протестъ противъ этихъ нововведеній, по силѣ противленія равный непріязненному чувству къ нимъ фанатика, совратителя новаго прозелита въ расколъ.

Къ лицамъ, о которыхъ ведемъ рѣчь, должно причислить и Сергія Михайловича. При родствѣ съ бояриномъ Салтыковымъ, убѣжденнымъ старообрядцемъ и покровителемъ противниковъ патріарха Никона, онъ оказался въ весьма благопріятныхъ условіяхъ для отпаденія въ расколъ. Отъ Аввакума и Исаіи онъ не могъ услышать безпристрастнаго сужденія о дѣлахъ церковнаго реформатора. Въ домѣ Салтыкова слышалась одна лишь непристойная брань на виновника опасной затѣи и изрыгались хулы на еретическую никоніанскую церковь, собиравшимся здѣсь фанатикамъ грезились послѣднія времена міра, свѣтопреставленіе и пришествіе антихриста. Измышленія и догадки выдавались за безспорныя положенія, высказывались пророческимъ тономъ съ чувствомъ фанатизма, какъ страстнаго, огненнаго горѣнія за пропагандируемыя идеи. Подобнаго тона и содержанія рѣчи могли поколебать душевное равновѣсіе человѣка съ самыми твердыми убѣжденіями и такого вліянія ихъ естественно было ожидать на Сергія Михайловича, жившаго долгое время въ Западномъ краѣ и не имѣвшаго противоположныхъ отзывовъ о церковныхъ преобразованіяхъ. Такимъ образомъ непринятіе новоисправленныхъ богослужебныхъ чиновъ и обрядовъ для него стало дѣломъ рѣшеннымъ.

Но разъ задѣтая совѣсть не могла уже дать ему покоя и требовала жертвъ исповѣдника гонимой вѣры.

Стояніе за старую вѣру выражалось въ расколѣ или въ положительныхъ страданіяхъ чрезъ тюремныя заключенія, тѣлесныя наказанія и смерть, или же въ укрывательствахъ, въ бѣгствахъ въ глухія лѣсистыя мѣстности. Въ послѣднихъ скрывались лица, не надѣявшіяся на успѣшный исходъ борьбы съ сильнымъ патріархомъ и разсуждавшія о своемъ отношеніи къ его реформѣ такъ, что они, по убѣжденіямъ старообрядцы, должны избрать такое положеніе, въ которомъ было бы возможно сохранить старую вѣру и жить по прави-

ламъ святыхъ отцовъ. Такимъ положеніемъ они признали бѣгство изъ Москвы и жизнь въ скитахъ, вдали отъ міра.

Весьма удобнымъ мѣстомъ для укрывательствъ былъ при началѣ раскола Нижегородскій край (мѣстности по рѣкамъ Керженецъ и Бѣлбашъ) съ дремучими лѣсами, непроходимыми топями и глубокими снѣгами. Объ этомъ краѣ и первыхъ поселенцахъ тамъ шла такая слава: „нѣсть во всей вселенной лучше такія вѣры, якоже тамо, и нѣсть нигдѣ добродѣтельныхъ человѣкъ, якоже тамо, и нѣсть спасенія душевнаго, хотящимъ спастися, якоже тамо“ [1]).

Здѣсь искалъ душевнаго спасенія и Бизюковскій игуменъ Сергій Салтыковъ [2]). Церковно-обрядовую реформу московскаго патріарха, онъ, какъ было замѣчено, оцѣнивалъ по ея отношенію къ своей вѣрѣ православной, въ которой онъ твердо окрѣпъ во времена уніи и на прославленіе которой воздвигъ священный памятникъ въ Бизюковѣ монастырѣ. При принятіи этой реформы была опасность утратить ее, при бѣгствѣ же въ отдаленный, славный своимъ благочестіемъ Керженецъ можно было сохранить цѣлостной и неизмѣнной. Такимъ образомъ Сергій Михайловичъ оказался (послѣ 1660 года) на Керженцѣ, въ одномъ изъ скитовъ этого старообрядческаго поселенія, который, со времени бѣгства его сюда, получилъ названіе „Смольяны“ [3]). Когда прошелъ первый порывъ увлеченія протестомъ противъ дѣлъ московскаго патріарха и Сергій Михайловичъ трезво отнесся къ своему поступку, для него стало яснымъ, что держаться старины можно и въ Бизюковѣ монастырѣ, значительно отдаленномъ отъ Москвы. Придя къ этому убѣжденію, онъ покинулъ нижегородскіе Смольяны и возвратился на родину, гдѣ мы и видимъ его въ 1665 году при обычныхъ занятіяхъ игумена [4]). Но по своей принадлежности къ старообрядческому салтыковскому кружку и вслѣдствіе челобитной протопопа Аввакума, онъ сталъ извѣстенъ церковнымъ властямъ, и, какъ противникъ книжныхъ исправленій, позванъ былъ на соборъ 1666—67 года. Составитель соборныхъ дѣяній, перечисляя лицъ, судимыхъ въ десятомъ засѣданіи этого собора, записалъ о Сергіѣ Михайловичѣ: „равнѣ игуменъ монастыря Бизюковскаго Сергій Салтыковъ, по многомъ своемъ сомнѣніи и любопреніи словномъ, пріиде въ покаяніе, пріятъ благословеніе и отпущенъ бысть на свое

---

[1]) Смирновъ, Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ, Спб. 1898 г., примѣчаніе на стран. XXIX — XXXIV.

[2]) Нижегородскія епарх. вѣдомости, за 1866 г., № 10, стран. 400—401.

[3]) Садовскій, Исторія раскола въ Нижегородскомъ краѣ, рукописное сочиненіе, хранящееся въ библіотекѣ Казанской духов. академіи.

[4]) Грамоты по Дорогобужскому уѣзду за 1665 г., хранящіяся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи подъ № 7—3657.

обѣщаніе въ монастырь Бизюковскій“ [1]). По этимъ краткимъ умѣреннаго тона строкамъ судебнаго акта видно, что въ лицѣ Бизюковскаго игумена предъ соборомъ стоялъ не фанатичный приверженецъ старины и упорный расколоучитель, а жертва раскольничьей пропаганды, ученикъ Аввакума и Исаіи. Но отъ своихъ учителей ученикъ усвоилъ лишь сомнѣніе въ правильности и необходимости новыхъ обрядовъ и увлеченіе протестомъ. На „любопреніи словномъ“ съ отцами собора это сомнѣніе разъяснилось. Сергій Михайловичъ узналъ, что исправленіе патріархомъ Никономъ богослужебныхъ чиновъ и обрядовъ было дѣломъ уважительно мотивированнымъ, необходимымъ, правильнымъ и одобреннымъ греко-русскою церковью. Убѣдившись въ этомъ, онъ принялъ новоисправленныя богослужебныя книги, далъ обѣщаніе въ послушаніи св. церкви и былъ отпущенъ соборомъ въ свой монастырь.

Съ возвращеніемъ съ собора оканчивается историческая извѣстность Бизюковскаго игумена, печатныя данныя больше не упоминаютъ о немъ, архивныя же говорятъ объ его заботливой дѣятельности на благо и процвѣтаніе своихъ монастырей и о мирной кончинѣ 17 февраля 1680 года.

Воспроизведя теперь подробности жизни Сергія Михайловича, обстоятельства устроенія имъ своего монастыря и его обликъ до увлеченія расколомъ, можно утверждать, что религіозное волненіе половины XVII вѣка, бурными потоками разлившееся изъ Москвы по отдаленнымъ окраинамъ Руси, не могло пройти мимо Бизюковой обители, не могло не захватить и ея приснопамятнаго строителя. Въ краткихъ словахъ трудно воспроизвести тѣ чувства и состоянія, изъ которыхъ слагался душевный міръ современниковъ реформы патріарха Никона. На исключительно религіозную настроенность ихъ она вліяла многоразлично и во всѣхъ случаяхъ глубоко, рѣшительнымъ образомъ. Проповѣдники на площадяхъ и въ церквахъ, запугивавшіе набожный народъ антихристомъ и ересями, колодники съ выраженіемъ безповоротной рѣшимости и исповѣдническаго энтузіазма на страдальческихъ лицахъ, религіозный бредъ и экзальтированныя рѣчи пожираемыхъ огнемъ самосожигателей, ожидавшіе свѣтопреставленія и заживо погребавшіе себя ревнители старины, юродивые, бѣгавшіе за царемъ и умолявшіе его на древлее благочестіе вступити, шумѣвшія въ теремахъ боярыни и холопки, хулы на мнимо еретическую никоніанскую церковь, слезы, паденія ницъ и мольбы о прощеніи и помилованіи судимыхъ соборомъ 1666—67 года лицъ, эти и подобныя имъ явленія переполняютъ собою первоначальную исторію раскола; и изъ нея видно,

[1]) Матеріалы для исторіи раскола, т. II, Москва, 1876 г., ст. 118.

сколь многочисленными и разнообразными лучами отражалась реформа патріарха во внутреннемъ душевномъ мірѣ ея современниковъ, какія вызывала она настроенія, на какіе поступки располагала, вообще же, что она коснулась священнѣйшаго достоянія религіозной души русскихъ людей — ихъ св. вѣры. Палъ лучъ свѣта отъ дѣлъ патріарха Никона и на набожнаго Бизюковскаго игумена, но не чистымъ и яснымъ, а преломленнымъ чрезъ религіозную нетерпимость и личную непріязнь къ церковному преобразователю протопопа Аввакума, и изъ послушнаго сына православной церкви, какимъ былъ Бизюковскій игуменъ, онъ обратился въ хулителя и противника ея.

Увлеченіе расколомъ послужило для него новымъ испытаніемъ послѣ литовской церковной уніи, равносильнымъ ей по своему вліянію на его душевный міръ. Гоненія отъ уніатовъ возвысили и укрѣпили его православныя убѣжденія, увлеченіе же расколомъ сдѣлало ихъ болѣе сознательными и осмысленными. Будучи слѣпымъ приверженцемъ церковной старины по отпаденіи въ расколъ, послѣ собора 1666—67 г. онъ получилъ ясное понятіе о неизмѣнныхъ догматахъ православной вѣры и о церковной обрядности, подлежащей измѣненіямъ и усовершенствованію. И какъ унія не всѣхъ православныхъ привела къ католичеству, такъ и протестъ противъ церковной реформы патріарха Никона не всѣхъ противниковъ ея привелъ къ окончательному разрыву съ церковію и къ соборной анаѳемѣ. Кто покаялся въ своемъ заблужденіи, тотъ вышелъ съ собора оправданнымъ и прощеннымъ и не съ темною памятью о пребываніи въ расколѣ, а скорѣе съ славнымъ именемъ преданнаго сына св. церкви, представившаго въ своемъ увлеченіи протестомъ, въ лишеніяхъ и жертвахъ на защиту своихъ убѣжденій доказательство силы и твердости своего религіознаго чувства. И какъ мутная волна, прибивая къ прибрежной скалѣ, отлагаетъ отъ себя примѣсь, захваченную въ неопрятномъ мѣстѣ, такъ и отпавшіе въ расколъ и потомъ раскаявшіеся на соборѣ защитники церковной старины оставили у своихъ учителей все, что есть дурнаго въ расколѣ, и съ чувствомъ покаянія и любви возвратились въ лоно церкви.

Такимъ же вышелъ изъ раскола и перешелъ въ народную память и строитель Бизюкова монастыря Сергій Салтыковъ.

Минуло уже сто лѣтъ, какъ погасли послѣднія лампады въ этой обители. Время давно свѣяло съ народной памяти ея богатое прошлое, какъ оно же глубоко заметало вѣковою пылью кости монастырскихъ подвижниковъ. Одно только имя строителя ея Сергія осталось внѣ его дѣйствій. Изъ двухвѣковой дали времени, благоговѣйно хранимое, прошло оно чрезъ ряды смѣнявшихся поколѣній и цѣлымъ, не предавшись забвенію, достигло до нашей поры. Теперь его можно слы-

шать въ праздничной бесѣдѣ крестьянъ с. Бизюкова въ церковной оградѣ, гдѣ священные остатки обители невольно располагаютъ ихъ къ благодарному воспоминанію его имени. Съ особенною же силой ихъ благоговѣйная память къ своему именитому односельчанину живетъ въ глубокое утро великаго дня пасхальной седмицы, когда, по старинному обычаю, съ иконами и пѣніемъ „Христосъ воскресе“ они изъ храма приходятъ въ усыпальницу, окружаютъ его гробницу и поминаютъ въ молитвахъ строителя бывшей Бизюковой обители, игумена Сергія [1]).

П. Строгановъ.

[1]) Авторъ исторіи россійской іерархіи Амвросій Орнатскій (ч. II, Москва, 1810 г., стран. 570); Звѣринскій въ Матеріалахъ для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ (ч. 1, Спб, 1890 г. стран. 81), князь П. Долгоруковъ въ Россійской родословной книгѣ (ч. 2, Спб. 1855, стран. 71—82) и Трофимовскій въ Историко-статистическомъ описаніи Смоленской епархіи (Спб., 1864 г., стран. 300), считаютъ годомъ смерти Сергія Салтыкова 1656-ой. Изъ представленной нами біографіи Салтыкова и помѣщенной въ началѣ ея надписи на его гробницѣ видно, что онъ умеръ не въ 1656, а въ 1680 году, 17 февраля. Разность между датой смерти Салтыкова этой надписи и годомъ его смерти по Амвросію Орнатскому пытался объяснить и примирить составитель исторіи села Бизюкова, священникъ І. Строгановъ, и за неимѣніемъ данныхъ выразилъ только свое недоумѣніе по поводу этого несходства; Строевъ же въ своихъ „Спискахъ іерарховъ и настоятелей монастырей“ (Спб., 1877, столб. 598), имѣя въ виду свѣдѣнія о Сергіи Салтыковѣ послѣ 1656 года, осторожно не указываетъ года его смерти, а годомъ, когда онъ въ послѣдній разъ упоминается въ историческихъ документахъ, считаетъ 1666 г.

Историческіе и бытовые очерки западной старины.

Листки изъ воспоминаній баронессы дю Монте [1]).

II [2]).

Вѣнскіе нравы.—Замѣчательно ученый палачъ.—Кончина Наполеона.—Кольцо въ гробу императрицы австрійской.—Скандалы.—Шалость герцога Рейхштадтскаго.—Герцогъ Ришелье и его женитьба.—Принцъ Людовикъ Наполеонъ.—Принцесса Ламбаль.—Эпизодъ 1791 года.—Герцогиня Орлеанская.—Вдова Филиппа-Эгалите.—Еще принцъ Наполеонъ.—Тостъ въ Нанси.—Императоръ Александръ I.—Польская аристократія.—Современные нравы.—Вечеръ у жены австрійскаго посланника.—Царедворцы.

Вѣнскій дворъ служитъ примѣромъ истинно религіозной жизни и добрыхъ нравовъ; казалось бы, придворнымъ слѣдовало брать съ него примѣръ; не тутъ-то было. Высшая аристократія Вѣны самая безнравственная въ мірѣ (я говорю о мужчинахъ). У капитана гвардіи, князя Эстергази, сотни любовницъ, онъ воспитываетъ, не стѣсняясь молодыхъ дѣвушекъ для своего гарема и, несмотря на это, пользуется благоволеніемъ двора. Князь Кауницъ, австрійскій посланникъ въ Римѣ, на глазахъ у всѣхъ, предается самымъ постыднымъ излишествамъ. Такъ ведетъ себя вся высшая аристократія, сообразно съ своимъ состояніемъ и тѣмъ вліяніемъ, какимъ она пользуется. Аристократія до того запуталась въ долгахъ, до того испорчена и легкомысленна, что еслибы маіораты были уничтожены, то лѣтъ черезъ десять самыя знатныя фамиліи Австріи были бы нищія. Есть конечно исключенія: графъ Штаррахъ, де-Гойосъ (Эрнестъ), князь Клари, графъ Гоессъ и т. д. Но таковыхъ немного.

Въ Австріи, къ какому бы классу человѣкъ ни принадлежалъ, онъ мало обращаетъ вниманія на общественное мнѣніе. Имъ прене-

[1]) Souvenirs de la baronne du Montet 1785—1866. Paris. 1904.

[2]) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1905 г.

брегаютъ лица самыя высокопоставленныя, по своему происхожденію и по роли, которую они играютъ въ политикѣ; они не гонятся за похвалой и не боятся порицанія.

Изумительная безцеремонность, съ какою они предаются своей распутной жизни, можетъ быть объяснена только равнодушіемъ ихъ согражданъ и долготерпѣніемъ монарха. На площадяхъ и болѣе людныхъ улицахъ Вѣны можно видѣть ежедневно министровъ и сановниковъ, занимающихъ при дворѣ самыя видныя должности, которые, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, проводятъ по утру два или три часа съ лорнеткою въ рукахъ, разсматривая публичныхъ женщинъ, которыхъ они подзываютъ, разговариваютъ съ ними, дразнятъ ихъ и на глазахъ у всѣхъ сопровождаютъ ихъ до дома. Никто не осмѣиваетъ ихъ за это, и скандальное зрѣлище повторяется изо дня въ день.

Передаю здѣсь одинъ разговоръ, прекрасно характеризующій эти нравы. „Чей это великолѣпный экипажъ, затмевающій всѣ остальные своимъ изяществомъ? На его дверцахъ изображенъ княжескій гербъ, свидѣтельствующій о томъ, что его владѣлецъ занимаетъ видныя должности?

— Развѣ вы не узнаете по этому гербу экипажъ князя Кауница, племянника извѣстнаго министра, бывшаго австрійскимъ посланникомъ при папскомъ дворѣ?

— Такъ эта дама, сіяющая молодостью, красотою и нарядами, вѣроятно княгиня, его супруга?

— Нѣтъ, спокойно отвѣчалъ мнѣ тотъ, къ кому я обратился съ этимъ вопросомъ, это его любовница. Князей часто жестоко надуваютъ; но на этотъ разъ Кауницъ не ошибся въ своемъ выборѣ. Я знаю эту молодую дѣвушку, она ведетъ себя хорошо и обладаетъ прекраснымъ характеромъ; другія времена, другіе нравы. Ея будущность обезпечена, и она пользуется извѣстностью. Когда она разоритъ князя, то возьметъ другаго любовника. Но она заслуживаетъ этого счастья“.

Покинутый моимъ услужливымъ чичероне, я продолжалъ свою прогулку подъ тѣнистыми деревьями, коими обсажена главная аллея Пратера, и любовался двойнымъ рядомъ роскошныхъ экипажей, на которые глазѣла публика. Замѣтивъ такой же точно экипажъ, какъ только-что описанный мною, я не могъ не удовлетворить своего любопытства, и догнавъ своего собесѣдника, просилъ его объяснить мнѣ, что это значитъ.

— Развѣ вы не видите, сказалъ онъ, это экипажъ княгини Кауницъ, одной изъ самыхъ прелестныхъ и интересныхъ женщинъ столицы? Подлѣ нея сидитъ ея дочь; по красотѣ и скромности она

можетъ считаться образцомъ среди лицъ ея пола. Молодой человѣкъ, который бесѣдуетъ съ нею, сдерживая своего великолѣпнаго скакуна, счастливый смертный, добивающійся ея руки. Этотъ бракъ навѣрное состоится. Видите, какъ онъ предупредителенъ? Онъ то поговоритъ съ княземъ и его любовницей, то очутится снова однимъ прыжкомъ возлѣ предмета своей любви. Сознайтесь, что страна, гдѣ можно дѣлать все это такъ свободно и быть выше всякихъ глупыхъ предразсудковъ, есть самая свободная страна въ мірѣ.

Нашъ разговоръ прервался, такъ какъ это необычайное зрѣлище навело меня на разныя размышленія.

Палачъ города Эгера, въ Богеміи, по фамиліи Гуссъ, считаетъ себя потомкомъ Іоанна Гусса.

Это человѣкъ очень кроткаго нрава и обладающій большими познаніями. Онъ имѣетъ богатую коллекцію медалей и старинныхъ произведеній искусства, которую желающіе могутъ осматривать, встрѣчая со стороны хозяина самый любезный пріемъ. Когда одинъ изъ нашихъ друзей выразилъ ему свое удивленіе по поводу того, что онъ могъ, при его наклонностяхъ и кроткомъ характерѣ, занимать должность палача, то Гуссъ отвѣтилъ на это съ грустью, что онъ не могъ не принять этой должности, такъ какъ по закону сынъ наслѣдуетъ ее отъ отца. Онъ изыскивалъ всю жизнь способъ причинять своимъ жертвамъ какъ можно менѣе страданій.

Прекрасныя коллекціи палача города Эгера осматривали императоры, короли и принцы.

Наполеонъ скончался! Лѣтъ десять тому назадъ это извѣстіе показалось бы невѣроятнымъ.

Теперь жители Вѣны говорятъ объ его кончинѣ какъ о смерти какого-нибудь актера. Это грандіозное событіе не производитъ никакого впечатлѣнія. Я не могу надивиться этому равнодушію. Эта уединенная скала среди океана, этотъ потухшій кратеръ, служащій могилою Наполеона, кажутся мнѣ грознымъ урокомъ, ниспосланнымъ Провидѣніемъ. Міръ былъ тѣсенъ для непомѣрнаго честолюбія этого человѣка. Монархи Европы преклонялись передъ его именемъ. Его побѣдоносныя войска, подобно огненному потоку, пронеслись по устрашенной и приниженной имъ Европѣ; но Провидѣніе уже намѣтило для него островъ Св. Елены.

Дворъ не облекся въ трауръ; Марія Луиза излила по этому поводу свое неудовольствіе въ письмѣ, преисполненномъ горечи; въ немъ она говоритъ, между прочимъ, что этимъ какъ бы подчеркивается незаконность ея брака. Юный герцогъ Рейхштадтскій горько плакалъ, узнавъ о кончинѣ своего отца. Нѣсколько дней спустя видѣли, какъ онъ ходилъ, поникнувъ головою съ потухшимъ взоромъ.

Я видѣла его вчера, онъ былъ въ глубокомъ траурѣ такъ же, какъ и всѣ его слуги.

На другой день послѣ пріѣзда курьера съ извѣстіемъ о кончинѣ Наполеона, я была разбужена рано утромъ страшнымъ топотомъ лошадей и экипажей. Императоръ, императрица и весь дворъ отправились на охоту.

Вотъ въ высшей степени изумительная, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ правдивая исторія, разсказанная мнѣ графиней Траутмансдорфъ, дочерью оберъ-гофмейстера императора австрійскаго. Не знаю, какъ это случилось, что копія съ завѣщанія покойной императрицы очутилась въ бумагахъ одного чиновника, скончавшагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Этотъ документъ былъ переданъ императору, который внимательно прочиталъ его, желая удостовѣриться, въ точности ли исполнена воля императрицы.

Одинъ пунктъ возбудилъ его сомнѣніе: императрица просила, чтобы ее похоронили съ маленькимъ золотымъ кольцомъ, подареннымъ ей княгинею Эстергази, которымъ она очень дорожила. Императоръ приказалъ навести справки: кольцо было такъ подробно описано въ завѣщаніи, что узнать его было не трудно. Когда посланный явился къ графинѣ О'Доннель, камерфрау у покойной императрицы, то она сказала, что кольцо было передано ей одной изъ горничныхъ императрицы, которая сняла его съ пальца умершей и что она возвратила кольцо графинѣ Эстергази по ея настоятельной просьбѣ. Посланный тотчасъ отправился къ графинѣ и потребовалъ у нея кольцо отъ имени императора. Княгиня была удивлена и вмѣстѣ съ тѣмъ испугана этимъ требованіемъ и взволнованная возвратила кольцо.

Тогда императоръ приказалъ оберъ-церемоніймейстеру отправиться въ склепъ Капуцинскаго монастыря, въ сопровожденіи всей братіи съ зажженными факелами, вскрыть мѣдный гробъ императрицы и надѣть на ея руку кольцо, съ которымъ она не хотѣла разставаться.

Эта церемонія была въ высокой степени печальна и зловѣща. Представьте себѣ колеблющійся свѣтъ факеловъ, коимъ озарялись низкіе, мрачные своды, печальное пѣніе монаховъ, съ видимымъ неудовольствіемъ присутствовавшихъ при церемоніи, которая была по ихъ понятіямъ осквернѣніемъ императорской могилы (съ тѣхъ поръ какъ императоры погребались въ монастырѣ, ни разу не случалось, чтобы какая-либо могила была вскрыта), наконецъ, волненіе самого князя Траутмансдорфа, которому было поручено надѣть кольцо на палецъ покойной императрицы. Удары молота рабочихъ, жаровни, принесенныя ими для того, чтобы отпаять гробъ—все это представляло необычайную, зловѣщую картину. Когда всѣ три гроба, въ коихъ

было положено тѣло, были вскрыты, то оказалось, что черты лица покойной еще совершенно не измѣнились, но лицо почернѣло, кружевной чепчикъ, надѣтый на ея голову, не истлѣлъ, но такъ какъ тѣло было набальзамировано въ Италіи, и въ виду продолжительнаго переѣзда было туго стянуто полотняными повязками, то не было никакой возможности освободить изъ-подъ нихъ руки. Князь Траутмансдорфъ положилъ кольцо въ гробъ подлѣ тѣла.

По вскрытіи гроба въ подземельи быстро распространился такой сильный запахъ ароматическихъ травъ, что всѣ присутствующіе потребовали, чтобы гробъ былъ поскорѣе закрытъ.

Княгиня Эстергази разсказывала мнѣ, что когда она читала однажды императрицѣ вслухъ, то послѣдней очень понравилась одна мысль, высказанная авторомъ; и графиня просила у нея позволеніе вырѣзать это изреченіе на кольцѣ и поднести его императрицѣ, которая была этимъ очень тронута; это и было то самое кольцо, о которомъ идетъ рѣчь.

Какъ недавно, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, эта очаровательная, красивая, молодая императрица была, во время конгресса въ Вѣнѣ, предметомъ поклоненія собравшихся монарховъ; какъ она блистала тогда молодостью и красотою!.. А теперь раздаются удары молота рабочихъ, которые со страхомъ и трепетомъ вскрываютъ ея гробъ. Что такое жизнь?..

Можете себѣ представить страшный гнѣвъ князя Кауница, всесильнаго министра великой Маріи Терезіи, который держалъ такъ высоко знамя своей государыни? Представьте себѣ этого гордаго, высокомѣрнаго и гнѣвнаго человѣка, когда онъ узналъ, что его сына посадили въ Вѣнѣ въ домъ предварительнаго заключенія.

Это событіе произвело большую сенсацію; аристократія оскорблена и возмущена; народъ удивленъ испорченностью нравовъ великихъ міра всего, и преувеличиваетъ въ своихъ разсказахъ возмутительныя подробности его порочной жизни; среднее сословіе, всегда завидующее высшему классу, недоброжелательное и революціонное, радуется униженію одного изъ аристократовъ. Князь Кауницъ очень уменъ; но его нравственныя правила были всегда не высоки. Онъ былъ арестованъ въ 1809 г. и заключенъ въ Ольмюцскую крѣпость; обвиненный въ государственной измѣнѣ, онъ по оправданіи своемъ получилъ всѣ высшіе ордена и былъ назначенъ посланникомъ въ Римъ, гдѣ онъ сошелъ съ ума отъ распутной жизни.

Вотъ нѣкоторые изъ отвѣтовъ, данныхъ имъ при допросѣ на судѣ. „Вы обвиняете меня въ томъ, что я соблазняю и насилую у себя въ домѣ невинныхъ молодыхъ дѣвушекъ, а я докажу вамъ, что онѣ соблазняютъ меня. Мой домъ осажденъ безстыжими матерями, которыя

приводятъ ко мнѣ своихъ дочерей. (Дѣйствительно, лѣстница того дома, гдѣ жилъ Кауницъ, была всегда переполнена недостойными матерями, которыя старались обратить его вниманіе на своихъ дочерей). Почему же полиція не пресѣкаетъ этотъ развратъ? Не я одинъ сталъ жертвою его, всѣ высокопоставленныя лица Вѣны испытываютъ то же“ и т. д.

Подобными разсужденіями онъ сбиваетъ съ толку и отуманиваетъ судей, которые навѣрное глупѣе его. Въ концѣ концовъ, князь Кауницъ, справедливо заклейменный общественнымъ мнѣніемъ, будетъ оправданъ по закону; таковъ будетъ финалъ этого скандальнаго дѣла. Народъ, не знающій свода законовъ, подумаетъ, что большой преступникъ помилованъ за его большой чинъ, и будетъ жаловаться на несправедливость; высшая аристократія будетъ недовольна по поводу лишняго скандала и своихъ попранныхъ правъ, средній классъ будетъ повторять свой вѣчный припѣвъ о феодализмѣ и привилегіяхъ. Люди были такъ довольны тѣмъ, что столь извѣстное имя опозорено, что человѣкъ столь высокопоставленный униженъ и заключенъ въ тюрьму, что это случилось съ двоюроднымъ братомъ князя Меттерниха, съ зятемъ оберъ-камергера, съ имперскимъ княземъ! Какое наслажденіе!

Вообще, высшее общество здѣсь очень испорчено и очень распущено. Какъ примѣръ людей крайне испорченныхъ нравовъ указываютъ на высшихъ чиновниковъ. Кажется только, старикъ графъ Гаррахъ можетъ служить образцомъ чистыхъ и строгихъ нравовъ и примѣрнаго поведенія. Но всѣ недавно разбогатѣвшіе люди, вновь возведенные въ дворянство, банкиры и титулованные евреи ведутъ себя съ удивительнымъ высокомѣріемъ. Мелкіе чиновники и нерѣдко ихъ жены и дочери ведутъ себя безъ всякаго стыда и деликатности. Гдѣ же добрые нравы? Въ какомъ классѣ общества слѣдуетъ искать ихъ? Только въ императорской фамиліи и за весьма малыми исключеніями среди дамъ, принадлежащихъ къ высшей аристократіи, которыя ведутъ себя примѣрно, несмотря на то, что предосудительное поведеніе ихъ мужей имъ хорошо извѣстно. Имъ можно поставить въ вину одно: ихъ преступное равнодушіе въ поведенію мужей. Такъ напр. благородная и безупречная княгиня Лихновская воспитываетъ и вывозитъ въ свѣтъ незаконную дочь своего мужа; она любитъ ее до безумія! Графиня Пальфи покупаетъ разныя бездѣлушки и изящныя вещи, которыя ея мужъ даритъ своей любовницѣ; другая дама вышиваетъ для друга своего мужа экранъ! Можно было бы привести тысячу примѣровъ подобной снисходительности.

Молодой герцогъ Рейхштадтскій гулялъ на-дняхъ въ Гитцингѣ со своими дядями, эрцгерцогами, и принцемъ Антономъ Саксонскимъ,

прекраснымъ человѣкомъ, который не пользуется однако репутаціей человѣка особенно умнаго. Разговоръ принцевъ коснулся великихъ людей; каждый назвалъ того, кто по его мнѣнію наиболѣе заслуживалъ это названіе. Маленькій Наполеонъ, шедшій позади принца Антона, нарисовалъ ему на спинѣ мѣломъ большой нуль. Эрцгерцоги, замѣтивъ эту шалость, едва удержались отъ смѣха. Когда объ этомъ донесли императору, то онъ посадилъ маленькаго герцога на три дня подъ арестъ, но ему очень понравилась мѣткость сужденія своего внука.

Маленькій герцогъ кадетъ; онъ стоялъ на часахъ у дверей императора, и ему доставляло большое удовольствіе надѣвать мундиръ и отдавать честь, кому полагается. Императоръ относился къ нему съ чисто отеческой нѣжностью и добротою.

Герцогъ Ришелье (въ то время графъ Шинонъ) сочетался пятнадцати лѣтъ бракомъ съ дѣвицей Рошешуаръ, которой было всего двѣнадцать лѣтъ. По окончаніи церемоніи бракосочетанія онъ отправился немедленно путешествовать; а его молодая жена была помѣщена въ монастырь. Путешественники остановились на нѣсколько дней въ замкѣ Venéjean, близъ Pont-Saint-Esprit, гдѣ жила въ это время моя мать, только-что вышедшая замужъ за моего отца. Ей было очень забавно видѣть, какъ графъ Шинонъ за обѣдомъ, то и дѣло вынималъ портретъ своей хорошенькой маленькой жены и смотрѣлъ на него съ любовью, полагая, что никто этого не видитъ, такъ какъ онъ держалъ портретъ на колѣняхъ. Но эта страстная любовь была непродолжительна; въ тѣ нѣсколько лѣтъ, которыя Ришелье не видалъ своей жены, она очень пополнѣла и до того измѣнилась, что онъ не хотѣлъ признать ее, — упорно отказывался жить съ нею и уѣхалъ снова въ чужіе края, къ великому огорченію своей семьи, коей онъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ. Его друзья удивлялись тому, что онъ не хлопоталъ о разводѣ. По ихъ мнѣнію, это не представляло трудности, но герцогъ объяснилъ имъ однажды съ смущеніемъ, что разводъ былъ невозможенъ. Въ одинъ изъ своихъ наѣздовъ во Францію, онъ встрѣтился со своей женою въ какомъ-то замкѣ; она была очень невинна, и по совѣту своихъ родныхъ, которые нарочно привезли ее въ этотъ замокъ, однажды ночью, взявъ свою подушку подъ мышку, она постучалась къ своему мужу и простодушно попросила пріютить ее, такъ какъ ей одной было страшно въ своей комнатѣ. Это и была причина, по которой герцогъ не могъ хлопотать о расторженіи брака. Герцогиня Ришелье жила постоянно въ замкѣ de Courteilles, близъ Парижа, гдѣ герцогъ часто навѣщалъ ее по возвращеніи своемъ во Францію; это была женщина вполнѣ достойная, но безобразная; впрочемъ, едва-ли она могла быть безобразнѣе

сестры герцогини, г-жи де Jumilhac, которая походила на маленькую обезьяну и которую кучеръ хотѣлъ однажды высадить изъ экипажа, потому что товарищи насмѣхались надъ нимъ, называя его обезьяньимъ кучеромъ. Княжна Клари, рожденная принцесса де-Линь, увидавъ, однажды, на вечерѣ у герцогини Беррійской, маленькую горбатую даму, вѣжливо поздоровалась съ нею, полагая, что она ей знакома.

— Вы принимаете меня вѣроятно за г-жу de Jumilhac, воскликнула горбатая дама, внѣ себя отъ гнѣва. Княгиня была очень сконфужена, такъ какъ это была правда.

Я много выѣзжала эту зиму и часто видѣла на балахъ во французскомъ посольствѣ, и на блестящихъ придворныхъ балахъ и концертахъ, короля неаполитанскаго (Фердинанда I † 1825). Ему видимо здѣсь очень нравилось, его наружность очень почтенная, хотя онъ и не имѣетъ величественной осанки; высокаго роста, съ сѣдыми волосами и очень выразительными, благородными чертами лица, онъ пользовался бы уваженіемъ вездѣ, къ какому бы классу общества онъ ни принадлежалъ.

Онъ говоритъ и смѣется очень громко. Въ театрѣ и въ особенности въ итальянской оперѣ, онъ громко выражаетъ свое одобреніе, во всеуслышаніе бьетъ тактъ о край ложи; на одномъ представленіи „Севильскаго цирюльника“ онъ воскликнулъ: „Браво, Лаццарони, браво!“ будучи въ восторгѣ отъ Лаблаша, который восхитительно спѣлъ одну арію. Лаблашъ былъ въ восторгѣ отъ этого возгласа, какорый онъ прекрасно разслышалъ.

Король неаполитанскій очень набоженъ; онъ строго постится, ежедневно читаетъ положенныя молитвы и часто слушаетъ проповѣди. Онъ привезъ съ собою своего духовника. Это почтенный и красивый капуцинскій монахъ, который отказался занять приготовленное для него помѣщеніе и помѣстился въ одной изъ келій капуцинскаго монастыря. Король былъ въ склепѣ этого монастыря, гдѣ онъ посѣтилъ могилу королевы, своей супруги.

Король неаполитанскій очень упрямъ; если онъ что-либо рѣшилъ, то трудно заставить его измѣнить свое рѣшеніе. Онъ встаетъ очень рано, слушаетъ обѣдню, долго молится, обѣдаетъ въ двѣнадцать часовъ, затѣмъ отдыхаетъ; онъ ведетъ довольно крупную игру со своими придворными, отъ коихъ требуетъ аккуратной уплаты проигрыша безотлагательно, не позже 24 часовъ. Его морганатичная супруга, герцогиня Флорадіо, подъ предлогомъ нездоровья, распредѣлила свое время нѣсколько иначе. Это красивая еще и очень хорошо сохранившаяся женщина небольшаго роста, полная, брюнетка, она держитъ себя въ обществѣ очень тактично, будучи всегда на высотѣ своего положенія, какъ супруга короля, не носящая титула королевы. Ко-

роль дѣлаетъ ей великолѣпные подарки; ея уборы сказочны, ея бриллианты роскошны, вообще о ней говорятъ много хорошаго.

Король неаполитанскій страшно любитъ охоту; ему устраиваютъ ее всѣхъ видовъ. Это напоминаетъ мнѣ старую Лайбахскую исторію, изъ временъ его перваго посѣщенія Вѣны, лѣтъ тридцать тому назадъ. Онъ слышалъ, будто въ окрестностяхъ Лайбаха водятся медвѣди, и выразилъ желаніе видѣть охоту на медвѣдя. Не знали, какъ удовлетворить это желаніе; наконецъ, придумали пустить въ лѣсъ странствующаго медвѣдя, который великолѣпно танцовалъ. Его купили у вожака, сняли съ него цѣпи, подготовили охоту. Бѣдный медвѣдь далеко не ушелъ; привыкшій къ шуму и музыкѣ, почти ручной, онъ пошелъ на звуки рожка, и видя, что король въ него прицѣлился, вообразилъ, что это сигналъ къ танцамъ и пошелъ въ присядку. Раздался выстрѣлъ, и король, въ восторгѣ отъ того, что онъ убилъ медвѣдя, воскликнулъ: „O carissima bestia“! Это очень старая исторія, но она показалась мнѣ забавной.

Здѣсь находится принцъ Людовикъ Бонапартъ. Онъ „играетъ въ императорскую корону“. Онъ окруженъ молодыми взбалмошными интриганами, среди которыхъ нашъ другъ молодой Ричардъ de Querelles отличается своей романической восторженностью. Эти молодые повѣсы вздумали устроить въ честь своего героя и будущаго императора праздникъ въ развалинахъ стариннаго Баденскаго замка; послѣ многочисленныхъ тостовъ, пѣсенъ и рѣчей, они иллюминовали стѣны развалинъ, не предупредивъ о томъ властей; эта странная иллюминація посреди лѣса возбудила всеобщее изумленіе, но не произвела особаго эффекта, такъ какъ развалившіяся стѣны неправильныхъ очертаній не представляютъ ничего изящнаго и красиваго.

Молодые люди приглашали на праздникъ Беррье, который отъ этого отказался. De Querelles поклялся въ вѣрности императору, ставъ на одно колѣно среди густаго дремучаго лѣса. Романично! Принцъ разгуливаетъ весь день, заложивъ руки за спину, подражая Наполеону. Въ его лицѣ и въ осанкѣ нѣтъ ничего благороднаго; онъ имѣетъ успѣхъ въ обществѣ и бываетъ часто у княгини Бетюнъ. Его зовутъ ваше высочество. Дочь княгини вышла бы, я думаю, охотно замужъ за него или за какого-нибудь другаго „высочества“, коими тутъ кишмя кишитъ, но всѣ они очень бѣдны. Принцъ Людовикъ Бонапартъ близко сошелся съ Кульманомъ, республиканскимъ депутатомъ Страсбурга, и постоянно прогуливается въ компаніи г. и г-жи Кульманъ.

Здѣсь есть восхитительныя прогулки; мы проводимъ утро въ лѣсу, а вечера у маркизы де-Лаажъ. Въ Баденѣ общество и уединеніе имѣютъ одинаково свою прелесть.

Маркиза де-Лаажъ—женщина „былыхъ временъ“; ея разсказы

всегда интересны и правдивы. Статсъ-дама принцессы Ламбалль, она жила среди общества, уже исчезнувшаго съ лица земли и коего нѣсколько поколѣній потонули въ потокахъ крови.

Вчера она разсказывала о Маріи Антуанеттѣ, самой очаровательной и несчастной королевѣ въ мірѣ, а я держала въ это время въ рукахъ искусственную поблекшую розу, подаренную Маріей Антуанеттой принцессѣ Ламбалль, и которую она часто носила; этотъ простой на взглядъ цвѣтокъ сдѣланъ далеко не съ такимъ совершенствомъ, съ какимъ дѣлаются искусственные цвѣты въ настоящее время; но въ его стеблѣ находится миніатюрный портретъ королевы, который можно было увидѣть, нажавъ скрытую въ немъ пружину. Эта роза украшала въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ грудь, которая была окровавлена и разбита; въ ней билось преданное сердце, которое было растерзано за это высокое чувство, и если вѣрить легендѣ, было съѣдено однимъ изъ убійцъ графини Ламбалль.

Тутъ же, на столѣ у маркизы де-Лаажъ лежала отдѣлка изъ розъ, вышитыхъ по черному атласу, которую, по ея словамъ, носила королева; она подарила мнѣ кусочекъ этой матеріи—передъ юбки, по которому можно было судить о ростѣ Маріи Антуанетты.

Однажды, лѣтомъ, въ Тріанонѣ, въ жаркое послѣобѣденное время, молодая, прелестная королева слушала чтеніе „Исторіи Англіи“ Юма; маркиза де-Лаажъ, сопровождавшая принцессу Ламбалль, читала вслухъ. Когда она прочла то мѣсто, гдѣ описывается, что жена Карла I оставила его и бѣжала во Францію, Марія Антуанетта прервала ее и сказала съ трогательнымъ чувствомъ: „Я никогда, никогда не бросила бы короля!“

У королевы была привычка, которую можно назвать роковымъ предчувствіемъ. Она часто проводила пальцами между своей красивой тонкой шеей и ожерельемъ; это производило впечатлѣніе, какъ будто оно ее стѣсняло; дѣйствительно, королева ненавидѣла бриллианты и носила ихъ только тогда, когда бывала къ тому вынуждена. Она любила украшать ими своихъ приближенныхъ дамъ, или ихъ дочерей и невѣстокъ въ дни ихъ представленія ко двору.

Этимъ привычнымъ для королевы жестомъ воспользовались, чтобы употребить во зло довѣрчивость кардинала Рогана, увѣривъ его, что это былъ условный знакъ между ними относительно гнуснаго дѣла объ ожерельи. Королева видѣла случайно знаменитое ожерелье у маркизы Ламбалль, но она даже не прикоснулась къ нему и сказала съ отвращеніемъ: „оно очень тяжелое“.

Я слушаю всегда съ жадностью правдивые разсказы о прошломъ; въ настоящее время нельзя достаточно оцѣнить возможность слышать правдивыя подробности объ интересныхъ людяхъ и событіяхъ.

Маркиза де-Лаажъ была, какъ я уже говорила, одною изъ статсъдамъ принцессы Ламбалль и племянницею г-жи Гебріанъ, ея старшей фрейлины, посланной встрѣтить ее, когда она пріѣхала во Францію. Свиданіе принцессы съ ея супругомъ произошло въ одномъ замкѣ, въ Бургундіи, близъ château-Vilain. Принцъ присутствовалъ инкогнито за столомъ, гдѣ она ужинала. Она тотчасъ узнала его и указала на него г-жѣ Гебріанъ, которая спросила, по какому признаку она рѣшила, что это и есть принцъ.

— „Потому, что онъ рыжъ и некрасивъ“, отвѣчала она. Молодой принцессѣ было всего 15 лѣтъ; она овдовѣла 15½ лѣтъ, послѣ семи мѣсяцевъ брачной жизни. Принцъ подозвалъ ее къ своему смертному ложу, чтобы попросить у нея прощенія. Она стала на колѣни подлѣ его постели, и онъ началъ исповѣдаться ей въ своихъ грѣхахъ, но они были такого свойства, что молодой женщинѣ невозможно было слышать ихъ; г-жа Гебріанъ, испуганная его признаніями, прервала его и увела принцессу, увѣривъ умирающаго, что жена прощаетъ его; но что она не можетъ допустить, чтобы принцесса слушала далѣе такія вещи, которыхъ она по своей невинности не могла понять.

Всѣ разговоры принца Ламбалль такъ же, какъ его поведеніе, отличались всегда большимъ цинизмомъ. „Я очень довольна, что освободилась отъ этого ужаснаго человѣка“, говорила молодая принцесса своимъ приближеннымъ дамамъ. Она не захотѣла возвратиться въ Сардинію и предпочла провести первые годы своего вдовства въ монастырѣ, такъ какъ придворный этикетъ не позволялъ незамужней или вдовствующей молодой принцессѣ имѣть свой собственный домъ и бывать въ свитѣ до 25-ти-лѣтняго возраста. Молодая принцесса Ламбалль удалилась въ монастырь des dames de la rue Saint Antoine, гдѣ ей было отведено прекрасное помѣщеніе; она выѣзжала изъ дома только для того, чтобы присутствовать на придворныхъ балахъ и церемоніяхъ. Послѣ смерти Маріи Лещинской поговаривали о ея бракѣ съ Людовикомъ XV.

Принцесса Ламбалль находилась въ Вернонѣ у своего свекра, герцога Пентьевръ въ то время, когда она получила тайно записку отъ королевы, извѣщавшей ее объ отъѣздѣ короля въ Вареннъ. Она отправилась тотчасъ въ Англію. Но, узнавъ объ арестѣ королевской семьи, сѣла снова на корабль, поѣхала сначала въ Аахенъ, а затѣмъ въ Парижъ, чтобы раздѣлить участь королевы, которой она была весьма предана. Она вполнѣ понимала, на что она рѣшилась, и какъ рисковала жизнью, ибо прежде нежели отправиться къ королевѣ, она написала завѣщаніе и отослала свои брилліанты въ Сардинію.

Одна изъ ея дамъ, г-жа de Ginestous, сошла съ ума при видѣ

тѣхъ ужасовъ, коихъ она была свидѣтельницей въ страшные дни революціи. Ей пришлось перейти черезъ массу труповъ и по потокамъ крови, въ коей она выпачкала свое платье; на ея глазахъ совершались ужасныя убійства, она слышала страшныя проклятія; ея нервы не выдержали столькихъ потрясеній; она повредилась нѣсколько лѣтъ спустя, но снова сошла съ ума во время ареста герцога Ангулемскаго на югѣ Франціи, и помѣшалась на томъ, что герцогъ Ангулемскій спрятанъ у нея, и что его могутъ найти.

Я слышала сегодня вечеромъ болѣе обстоятельный разсказъ о первомъ отъѣздѣ княгини Ламбалль изъ Парижа; передаю его почти дословно.

Королева сказала г-жѣ Ламбалль: „поѣзжайте къ вашему вотчиму, въ Омаль, такъ какъ я не буду имѣть возможности видѣть васъ 2—3 дня: мнѣ нужно сжечь многія бумаги и т. д.“. Г-жа Ламбалль отвѣчала, что Омаль слишкомъ далеко; но что она поѣдетъ въ свой домъ въ Пасси. Королева присовокупила: „Возьмите съ собой г-жу Ginestous, маркизу Лаажъ и др.“. Принцесса уѣхала на слѣдующій день; ея дамы въ тотъ же вечеръ пріѣхали къ ней въ Пасси; онѣ долго не спали, и г-жа де-Лаажъ была очень удивлена, когда подъ утро, часа въ 4, къ ней кто-то тихонько постучался въ дверь. Она уже собиралась позвать свою горничную, когда узнала голосъ принцессы Ламбалль, которая просила ее не шумѣть и поскорѣй, не шумя открыть ей двери. Г-жа де-Лаажъ соскочила съ постели. Войдя, принцесса сказала ей поспѣшно: „король уѣхалъ“. Въ то же время она прочла ей записку королевы, въ которой говорилось приблизительно слѣдующее: „Я была обязана скрывать даже отъ васъ тайну, которая мнѣ не принадлежала; уѣзжайте скорѣй въ Англію; сядьте на пароходъ въ Булоньи“. Принцесса не была увѣрена въ своихъ слугахъ и особенно не довѣряла одному изъ своихъ лакеевъ, рекомендованному ей герцогомъ Орлеанскимъ. Было рѣшено, что принцесса Ламбалль и ея дамы отправятся, какъ бы на прогулку, безъ всякихъ вещей, въ однѣхъ кисейныхъ платьяхъ и чепцахъ, такъ какъ въ то время не носили шляпъ.

Принцесса сдѣлала видъ, что мысль объ этой прогулкѣ пришла ей въ голову внезапно; она призвала своего мэтръ д'отеля и заказала ему обѣдъ на двѣнадцать персонъ. Она уѣхала въ роскошномъ золоченомъ экипажѣ, безъ всякихъ вещей. Г-жи де-Лаажъ и de Ginestous сидѣли по очереди на козлахъ. На первой или на второй станціи, принцесса приказала отпречь лошадей и сказала почтмейстеру:

„Я сейчасъ получила извѣстіе, что съ герцогомъ Пентьевръ слу-

чился ударъ; не можете ли вы дать мнѣ надежнаго почтальона, такъ какъ мнѣ хотѣлось бы поскорѣе прибыть къ нему, чтобы ухаживать за нимъ".

Почтмейстеръ стоялъ, положивъ руку на дверцы кареты; онъ взглянулъ на княгиню многозначительно и сказалъ:

„Будьте покойны, сударыня, вы поѣдете со мной и съ моимъ сыномъ".

Принцесса и ея дамы пріѣхали къ герцогу едва живыя отъ голода; пока ихъ покормили обѣдомъ, были сдѣланы приготовленія къ отъѣзду. Герцогиня Орлеанская принесла платки, чулки, рубашки, которыя онѣ засовывали въ мѣшки и въ карманы дамъ, такъ какъ ихъ некуда было уложить, герцогъ Пентьевръ далъ имъ денегъ; боясь возбудить подозрѣнія, принцесса не взяла ихъ у своего управляющаго. Наконецъ, онѣ прибыли въ Булонь и поспѣшили сѣсть на судно, на которое было наложено амбарю. Капитанъ хотѣлъ немедленно вернуться; г. де-Лаажъ, опытный морякъ, сталъ на руль, пригрозилъ капитану пистолетомъ и приказалъ ему продолжать путь. Экипажъ состоялъ всего изъ шести человѣкъ. Свита принцессы состояла изъ маркиза де-Лаажъ, г. de Ginestous, преданнаго ей негра и троихъ преданныхъ слугъ. Когда судно прибыло въ Дувръ, принцесса узнала о томъ, что король арестованъ; пробывъ въ Дуврѣ всего однѣ сутки, она отправилась на томъ же кораблѣ въ Остенде и оттуда въ Брюссель, гдѣ она провела шесть недѣль въ постоянной тревогѣ за королевскую семью; затѣмъ она поѣхала въ Аахенъ и оттуда къ королевѣ. Изумительная преданность, за которую она поплатилась самой ужасной смертью!

Я передала этотъ разсказъ подробно потому, что онъ вѣренъ до мельчайшихъ подробностей. Г-жа де-Лаажъ разсказывала намъ все это вчера вечеромъ и горевала о томъ, что всѣ мемуары, появляющіеся въ настоящее время, въ особенности такъ называемые „Мемуары г-жи Ламбалль" полны вымысловъ.

Повторяю еще разъ, я пишу безъ всякой системы, это не въ моемъ характерѣ. Я слушаю, наблюдаю, заношу въ мои памятные листки воспоминанія въ томъ порядкѣ, какъ они приходятъ мнѣ на память. Герцогиня Орлеанская, мать Филиппа Эгалите, дочь принца Конти, была самая сумасбродная особа, какую только можно себѣ представить. Она вела себя самымъ скандальнымъ образомъ. Ея первымъ любовникомъ былъ Мельфоръ. Однажды, онъ держалъ съ нею пари, что не пройдетъ и шести недѣль, какъ у нея будетъ новый любовникъ, и она, ни мало не стѣсняясь, уплатила ему проигранное пари, кинувъ ему до истеченія срока деньги на билліардъ, на которомъ герцогъ Орлеанскій игралъ съ Мельфоромъ. Старикъ маркизъ

Полиньякъ также былъ любовникомъ этой принцессы. Онъ долго держалъ это въ тайнѣ, но однажды вечеромъ, во время эмиграціи, въ Эдинбургѣ, графъ Артуа, графъ Водрель, Пюисегюръ и г-жа N. N. вывѣдали у него эту тайну. Онъ согласился по ихъ просьбѣ показать нѣсколько остроумныхъ писемъ и портретъ этой сумасбродной, но очень хорошенькой женщины. Нельзя упрекать Полиньяка за эту нескромность, такъ какъ въ то время прошло уже сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ со дня ея смерти.

Ея мать, княгиня Конти, рожденная герцогиня Орлеанская, во время ссоры со своимъ мужемъ, закричала однажды въ сердцахъ:

„Ну, хорошо, думайте, что хотите; но какъ бы то ни было, я могу дѣлать принцевъ безъ васъ, а вы можете производить на свѣтъ безъ меня только незаконнорожденныхъ“.

Герцогиня Орлеанская, мать Людовика Эгалите, была женщина очень хитрая: умирая, она завѣщала каждой изъ своихъ фрейлинъ запертый на ключъ шкапикъ, передавъ имъ передъ смертью ключи въ запечатанныхъ конвертахъ. Когда онѣ вскрыли эти ящички, то нашли въ нихъ лишь очень злостные и безстыжіе куплеты.

Кстати о маркизѣ Полиньякѣ, о которомъ я только-что упоминала. Приведу для характеристики эпохи нѣкоторыя изъ его странностей. Въ молодости онъ былъ очень хорошъ собою, уменъ, но очень мало образованъ. Въ бытность въ Лондонѣ онъ оказалъ какую-то услугу одному молодому человѣку, который явился къ нему, горячо поблагодарилъ его и просилъ позволенія прочитать ему стихи, написанные въ честь его:

— Я очень спѣшу, я не люблю стиховъ; мнѣ нужно одѣваться, отвѣчалъ Полиньякъ.

— Но, маркизъ, возразилъ поэтъ, не смущаясь... пока васъ будутъ причесывать...

— А, ну ладно! но я спѣшу... предупреждаю васъ. Поэтъ началъ: „О ты, Полиньякъ!“

— Милостивый государь, воскликнулъ Полиньякъ, я не терплю, чтобы мнѣ говорили ты, это большая смѣлость съ вашей стороны.

— Но, маркизъ, въ стихахъ это дозволяется, поэты говорятъ ты, обращаясь къ богинямъ, Буало говорилъ ты, обращаясь къ Людовику XIV.

— Я не знаю г. Буало; но если онъ позволялъ себѣ говорить ты Людовику XIV, то очевидно онъ былъ большой негодяй.

Когда маркизу минуло 78 лѣтъ, онъ вздумалъ жениться во второй разъ въ Лондонѣ. Напрасно отговаривали его друзья; онъ явился къ г-жѣ де-Лаажъ и просилъ ее помочь ему въ покупкѣ свадебнаго подарка; онъ собирался жениться на небогатой дѣвушкѣ, эмигранткѣ.

„Съ чего же мы начнемъ? спросила маркиза. Поѣдемте, другъ мой, прежде всего въ чулочный магазинъ, мнѣ кажется, что у нея нѣтъ чулокъ".

Графъ Артуа вызвалъ его въ Эдинбургъ, и такимъ образомъ этотъ бракъ разстроился, но нѣсколько мѣсяцевъ спустя, маркизъ увлекся другой молодой особой и этотъ разъ день свадьбы былъ уже назначенъ, когда старичекъ скончался.

Маркиза де-Лаажъ, которая состояла при принцессѣ Ламбалль и затѣмъ при вдовствующей герцогинѣ Орлеанской, разсказывала намъ сегодня вечеромъ много интереснаго о великолѣпномъ убранствѣ дома герцога Пентьевръ, его золотой посудѣ и т. д. и въ особенности благотворительности добродѣтельнаго герцога, о страшной неблагодарности его подчиненныхъ. Онъ послалъ одного изъ своихъ лакеевъ въ клубъ Вернонскаго отдѣла, послушать, какое рѣшеніе будетъ принято относительно его. Одинъ изъ патріотовъ замѣтилъ, что было бы несправедливо отнять имущество у гражданина Пентьевръ, который раздаетъ половину своего имущества бѣднымъ.

— „Ну, такъ что же, воскликнулъ одинъ негодяй, когда мы получимъ вторую половину, то у насъ будетъ вдвое больше".

— Ихъ разсчетъ вѣренъ, холодно замѣтилъ герцогъ, когда ему передали этотъ отвѣтъ.

Герцогиня Орлеанская, такая же добрая, какъ и ея отецъ, была заключена въ тюрьму. Она разсказывала, что для нея было тяжелѣе всего то, что ей приходилось оставаться зимою въ полной темнотѣ съ пяти часовъ вечера до слѣдующаго утра; тюремщикъ уносилъ лампу ровно въ пять часовъ, считая, что она не стоила ея. Одиночество и скрипъ запиравшихся засововъ наводили на нее ужасъ. Ей приносили отвратительную ѣду на загрязненномъ блюдѣ; позднѣе въ ея карцерѣ помѣстили публичную женщину, которая вначалѣ обращалась къ ней на ты, но вскорѣ перемѣнила свое обхожденіе и даже стала почтительно прислуживать ей. Кровожадный и грубый тюремщикъ сообщилъ ей самымъ жестокимъ образомъ о смерти ея друга, г-жи де-Ноаль, сдѣлавъ рукою страшный жестъ!

Нотаріусъ герцогини Орлеанской, добрый и преданный Белюржель, выпущенный изъ тюрьмы, гдѣ онъ былъ заточенъ вмѣстѣ со своей женою, посѣтилъ герцогиню Орлеанскую, которая разсказала ему о всѣхъ своихъ страданіяхъ, страхахъ и лишеніяхъ. Белюржель, стоя передъ герцогиней въ полномъ костюмѣ королевскаго нотаріуса, выставивъ ногу впередъ, положа руку на сердце, съ шляпой подъ мышкой, повторялъ при каждомъ печальномъ воспоминаніи герцогини, съ волненіемъ: „Герцогиня, это совсѣмъ какъ моя супруга! то же самое испытала г-жа Белюржель!"

Упоминая о своемъ мужѣ, герцогиня Орлеанская называла его не иначе какъ „этотъ несчастный человѣкъ!“ „Страшно подумать, говорила она, что они могли увлечь этого несчастнаго человѣка“.

Всѣ лица, близко стоявшія къ герцогинѣ Орлеанской, знаютъ, что она очень боялась своего сына Людовика Филиппа, и своей дочери, принцессы Аделаиды. Когда ей докладывали о пріѣздѣ ея дѣтей, то ея лицо покрывалось красными пятнами. Ихъ настойчивыя требованія о томъ, чтобы она отказалась отъ управленія своимъ состояніемъ въ пользу сына, герцога Орлеанскаго, и довольствовалась бы одной пенсіей, были причиною весьма непріятныхъ сценъ.

Ея второй сынъ, впослѣдствіи король Карлъ X, являлся въ роли посредника между матерью и сыномъ, онъ поддерживалъ требованія герцога Орлеанскаго и старался примирить ихъ.

Въ тотъ самый день, когда вдовствующая герцогиня Орлеанская сломала себѣ ногу, ей пришлось вынести со стороны своего сына страшную сцену. Герцогъ Орлеанскій, очень напуганный, поѣхалъ за братомъ, который, несмотря на поздній часъ, поспѣшилъ къ матери, чтобы примирить ихъ.

Вотъ нравственный и политическій обликъ принца Людовика Бонапарта, начертанный г-жею Вальшъ, которая хорошо знаетъ его. Онъ очень хорошо образованъ, обладаетъ твердой волей, настойчивостью или, лучше сказать, упорствомъ въ исполненіи разъ задуманнаго плана, чрезвычайно смѣлъ и честолюбивъ. По характеру и убѣжденіемъ онъ очень деспотиченъ; признавая власть грубой силы, онъ не скрываетъ, что все, что онъ говоритъ народу о свободѣ, которой онъ пользовался бы при его управленіи, если бы онъ получилъ когда-нибудь власть, не что иное какъ приманка, надъ которой онъ смѣется со своими приверженцами и которой онъ не придастъ со временемъ никакого значенія. Принцъ Людовикъ Наполеонъ прекрасно пишетъ; онъ излагаетъ свои мысли ясно, точно и краснорѣчиво, но въ разговорѣ у него не хватаетъ находчивости. Онъ храбръ до безумія, и къ нему можно примѣнить замѣчательныя слова Наполеона: „Отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ“, а принцъ Людовикъ говоритъ быть можетъ въ душѣ: „Отъ смѣшнаго до великаго одинъ шагъ“, и этотъ шагъ сдѣланъ имъ въ Страсбургѣ. Онъ лживъ такъ же, какъ всѣ прочіе члены семейства Бонапартовъ; Наполеону I ничего не стоило соврать; его сынъ, молодой и интересный герцогъ Рейхштадтскій также былъ лживъ, по крайней мѣрѣ въ дѣтствѣ. Король Виртембергскій, говоря о сынѣ Жерома Бонапарта, юномъ герцогѣ де-Монфоръ, говорилъ: „Онъ обѣщалъ мнѣ... но я не могу разсчитывать на его слово, такъ какъ онъ всегда вретъ“.

— Какіе ужасы! какія страшныя драмы! воскликнула я, когда замолкъ разговоръ, коснувшійся ужасовъ Террора.

— Да, отозвался графъ Штейнвальдъ, но существуетъ множество жуткихъ фактовъ, которые остаются неизвѣстны, жертвы и палачи зачастую гибнутъ одновременно.

Графъ замолкъ, и его, всегда открытое, доброжелательное и веселое лицо омрачилось. Онъ молчалъ, а мы какъ-бы продолжали слушать его. Онъ замѣтилъ наше любопытство и возбужденное вниманіе.

„Во время Террора, сказалъ онъ, я былъ поставленъ внѣ закона. Мнѣ удалось бѣжать изъ моего замка. Мое знакомство съ разными французскими нарѣчіями, которыя я изучалъ въ юности для своего удовольствія, помогло мнѣ бѣжать переодѣтымъ и избѣгнуть эшафота. Передѣтый торговцемъ лошадей, я разъѣзжалъ по селамъ и городамъ, меня никто не узналъ и даже не заподозрѣлъ; мои манеры и языкъ вполнѣ подходили къ моей новой профессіи.

„Однажды вечеромъ я прибылъ съ двадцатью лошадьми въ одинъ маленькій городокъ, въ тотъ моментъ, когда туда пріѣхала общественная карета; путешественники оказались ярые террористы. Одни изъ нихъ ѣхали въ армію, другіе—въ сосѣдній городъ, сооружать эшафотъ; они не говорили, а вопили; среди негодяевъ находилась маленькая, блѣдная, худенькая женщина, которая имѣла видъ приговоренной къ казни, она была блѣдна, какъ смерть. Не знаю, была ли она хорошенькая, она была сильная блондинка; вѣки ея огромныхъ голубыхъ глазъ были красны, какъ будто онъ только-что много плакала. Вѣроятно, она очень спѣшила, коль скоро она рѣшилась ѣхать съ такими спутниками, подумалъ я. Она сѣла за общій столъ; ея руки дрожали, и когда она поднесла ложку къ губамъ, то я замѣтилъ, что въ нее упала слеза. Я взглянулъ на нее съ состраданіемъ, чтобы придать ей нѣсколько бодрости; затѣмъ я сталъ болтать съ остальными сидѣвшими за столомъ и взялъ на себя роль шута, чтобы отвлечь ихъ вниманіе. Это мнѣ удалось. Мои смѣшныя, но вполнѣ приличныя шутки имѣли успѣхъ; но подъ конецъ обѣда, когда головы разгорячились, мои ужасные спутники запѣли гимны, пѣсни крови, и стали предлагать зловѣщіе тосты. Бѣдная маленькая женщина сидѣла неподвижно, вся похолодѣвъ; ея учащенное дыханіе заставило меня опасаться за нее; я старался быть еще веселѣе и развязнѣе. Напрасный трудъ; одинъ изъ путешественниковъ, съ особенно звѣрскимъ выраженіемъ лица, взглянулъ на бѣдную маленькую женщину и предложилъ ей чокнуться съ нимъ. При этихъ словахъ она зардѣлась и сидѣла неподвижно, не произнося ни слова.

— „Ну что же, гражданка! вскричали всѣ разомъ... а за здравіе республики!“

Она не двинулась.

„Ну... ну“... Они встали всѣ разомъ и подошли къ ней со своими стаканами... Я понялъ, какой опасности она подвергалась своимъ отказомъ. Я сидѣлъ противъ нея; протянулъ руку, бросивъ на нее взглядъ полный состраданія и участія, я воскликнулъ: „Гражданка! я старшій среди васъ лѣтами, мнѣ принадлежитъ роль предсѣдателя, и съ этими словами я громко чокнулся объ ея стаканъ. Она взглянула на меня, но не шевельнулась.

„Вотъ и прекрасно“, сказалъ я, какъ будто удовлетворенный, „да здравствуетъ республика!“

Но моя уловка не удалась.

„Она не пила“, закричали они, „это аристократка!“

Они ругались, страшно шумѣли; окружили ее подобно дикимъ звѣрямъ, готовымъ растерзать ягненка. Одинъ изъ нихъ схватилъ ее за тонкую и гибкую талію. Она энергично оттолкнула его и вскочила; ея глаза засверкали... Она схватила стаканъ обѣими руками.

„Я выпью“, сказала она, какимъ-то страннымъ зловѣщимъ голосомъ. Ей хотѣли налить бѣлаго вина.

„Нѣтъ, я хочу краснаго вина, вина—цвѣта крови, я буду пить за смерть!“

„Браво!“ воскликнули они.

Ея желаніе было исполнено.

„Наливайте, наливайте полнѣе“, говорила она, она была внѣ себя. Я содрогнулся. Тогда всѣ сѣли; она одна стояла.

На ея лицѣ отразилась отчаянная рѣшимость, страшное горе, безуміе, если хотите, но какое-то восторженное безуміе.

„Я пью, сказала она, за стыдъ и позоръ Франціи, пью за паденіе послѣдняго камня ея прекрасныхъ памятниковъ! за послѣднюю каплю крови ея благородныхъ сыновъ! Я пью, продолжала она, содрогаясь отъ ужаса, за торжество эшафота; за низость людей, которые допускаютъ обезглавливать женщинъ! Я пью за пожары! за доносчиковъ! за измѣнниковъ! пью за низость! Вы этого хотѣли, продолжала она, бросая вокругъ себя молніеносные взоры; почему же вы не пьете? Это вѣдь чаша крови! чаша слезъ! чаша проклятій! При этомъ она дотронулась лезвіемъ ножа о край стакана. Тотъ, кто выпьетъ со мною, почувствуетъ, какъ топоръ падетъ на его голову; онъ этого хочетъ, это будетъ только справедливо, онъ будетъ пить за смерть!“

Всѣ молчали, но лица присутствующихъ выражали едва сдерживаемый гнѣвъ. Она смотрѣла на нихъ вызывающе; глаза ея сверкали; подымая стаканъ, ея рука дрожала; затѣмъ она подняла глаза къ небу и какъ будто стала молиться, такъ какъ ея губы шевелились. Одинъ изъ путешественниковъ подошелъ къ ней съ звѣрскимъ

видомъ и дотронулся до ея груди остріемъ своего ножа. Она, повидимому, не замѣтила этого.

„Замолчи, сказалъ онъ, или я убью тебя“.

Она обернулась къ нему и, кротко взглянувъ на него, промолвила: „Благодарю, благодарю“.

Онъ былъ озадаченъ. Не знаю, что происходило въ душѣ лютаго революціонера, но онъ вздрогнулъ и его грудь высоко поднялась. Онъ отошелъ.

Кровожадныя пѣсни и ужасные тосты смѣнились глубокимъ безмолвіемъ; молодая женщина все еще стояла, держа стаканъ обѣими руками.

„Покончимъ эту трагедію“, сказалъ одинъ изъ террористовъ; пусть она пьетъ или умретъ.

— Она умретъ, отвѣчалъ глухой голосъ.

— Она выпьетъ, возразилъ другой.

„Она отправится въ Шарантонъ“, сказалъ я съ притворной ироніей, она безумна, эта маленькая актриса!

Она взглянула на меня... никогда, никогда не забуду ея взгляда.

„Я пью“, сказала она, поднося стаканъ къ своимъ побѣлѣвшимъ губамъ, „я пью за мщеніе небесъ! Услышь меня, великій Боже! Чаша Твоего долготерпѣнія переполнилась: этого довольно для Твоего гнѣва, будь справедливъ, часъ насталъ! накажи палачей, пусть они погибнутъ, пусть захлебнутся въ пролитой ими крови, пусть ихъ растопчетъ толпа! Проклятіе, проклятіе! вышьемъ за проклятіе злыхъ!“

Бѣлокурые волосы молодой женщины какъ будто встали на ея головѣ; ея глаза выскакивали изъ своихъ орбитъ; ея члены потрясали конвульсіи. Присутствующіе издали вопль озлобленія и внезапно смолкли; въ этотъ моментъ раздался раскатъ грома; разразилась гроза, вѣтеръ съ силою потрясалъ плохо прикрытые ставни; въ залу врывались потоки дождя. Она все еще держала въ рукахъ свой стаканъ, ожидая, чтобы кто-нибудь отвѣтилъ на ея зловѣщій тостъ быть можетъ ударомъ кинжала, но ей никто не отвѣтилъ. Гроза продолжалась, ежеминутно усиливаясь, а она стояла неподвижно; ея лицо принимало мало по малу первоначальное выраженіе робости, страданія и горя; смертельная блѣдность смѣнила краску, залившую ея щеки. Вдругъ, она съ силою бросила на полъ стаканъ и сѣла; съ нею никто больше не говорилъ.

— Что же было съ нею дальше? воскликнули мы всѣ разомъ.

По уговору съ почтальономъ, вѣзшимъ дилижансъ, который умышленно опрокинулъ карету въ эту темную, бурную ночь, и при помощи торговца лошадьми, оказавшагося тутъ случайно, ее посадили

на лошадь и увезли, и она была такимъ образомъ спасена отъ неминуемой смерти.

— Гдѣ она теперь? Вѣроятно, на небѣ, продолжалъ графъ Штейнвальдъ, такъ какъ на землѣ у нея не было болѣе пристанища. Эшафотъ лишилъ ее всѣхъ близкихъ. Вынужденная то и дѣло мѣнять мѣстопребываніе, она умерла отъ тоски и истощенія. Господь услышалъ страшныя проклятія этой несчастной: всѣ наши сотрапезники погибли. И быть можетъ, умирая, они припомнили тостъ, провозглашенный ею въ корчмѣ.

Одинъ человѣкъ, хорошо знавшій императора Александра I, сказалъ о немъ очень удачно: „Онъ могъ быть только императоромъ, это была единственная роль, подходящая для него; во всякомъ иномъ положеніи онъ былъ бы посредственностью. Быть всегда на сценѣ— таково было его призваніе!“

Во время аудіенціи, данной маршалу Мезону, императоръ сказалъ ему: „Народы должны наконецъ быть освобождены отъ самовластія; я уже примѣнилъ этотъ принципъ въ Польшѣ, я распространю его на все мое государство. Что касается Франціи, то я искренно желаю, чтобы она была счастлива, велика и сильна“.

Похваливъ Людовика XVIII, онъ присовокупилъ:

„Вы не боитесь, что, вступивъ на престолъ, онъ измѣнитъ свою систему?“

— Его высочество ознакомится вполнѣ съ положеніемъ страны и съ ея истинными нуждами только тогда, когда онъ будетъ царствовать; тогда онъ вступитъ вѣроятно на тотъ конституціонный путь, который намѣченъ его братомъ.

— То же самое говорилъ мнѣ Веллингтонъ, съ живостью возразилъ Александръ.

Императоръ примѣняетъ свои либеральныя идеи къ иностраннымъ государствамъ, которыя онъ надѣется ослабить, распространяя въ нихъ политическіе принципы, которые пораждаютъ смуты и раздоры, разрушаютъ и подтачиваютъ мощь монархическихъ государствъ. Быть можетъ, онъ дѣлаетъ пробы на иностранцахъ, подобно больнымъ, которые пробуютъ свои лѣкарства на своихъ подчиненныхъ, говоря: Fiat experimentum in anima vili!

Императоръ не имѣетъ враждебныхъ намѣреній, но онъ хочетъ быть властителемъ Европы, и онъ этого достигъ. Онъ хитеръ, лукавъ, скрытенъ и деспотъ въ глубинѣ души; таковымъ онъ и выказываетъ себя въ Россіи по отношенію къ своимъ подданнымъ. Онъ всегда владѣетъ собою и всегда розыгрываетъ роль; онъ бываетъ раздражителенъ, сердитъ, но сдерживаетъ себя. Умѣетъ польстить ласковымъ обращеніемъ и напугать строгимъ выговоромъ и суровымъ вы-

раженіемъ лица. У него обширная память; онъ отлично образованъ, жаждетъ славы и извѣстности.

Польскіе магнаты располагали въ прежнее время жизнью своихъ несчастныхъ крѣпостныхъ и вполнѣ пользовались этимъ правомъ. Я слышала по этому поводу отъ самихъ поляковъ самыя невѣроятныя вещи. Такъ напр. по приказанію графини Ржевусской, прабабушки нынѣшнихъ графовъ Ржевусскихъ, былъ обезглавленъ одинъ изъ ея слугъ, коимъ она была недовольна (онъ былъ ей невѣренъ); она любила его и приказала обезглавить его во дворѣ своего замка.

Истинное братство существовало только между богатыми магнатами бывшей Рѣчи Посполитой, бѣдная шляхта служила и служитъ до сихъ поръ въ домахъ богатыхъ людей: они прислуживаютъ за столомъ, ѣздятъ на запяткахъ ихъ экипажей, спятъ у нихъ на лѣстницахъ; ихъ жены и дочери служатъ у магнатовъ горничными, и это никого не смущаетъ. Графъ Ржевусскій сказалъ однажды моей свекрови, которую поразило имя его лакея: „Его дѣйствительно зовутъ Залѣсскій; онъ такой же шляхтичъ, какъ и я!“

Моя добрая и милая свекровь стѣснялась, когда этотъ шляхтичъ прислуживалъ ей, но ему это, повидимому, не казалось унизительнымъ, онъ никогда не несъ иныхъ обязанностей и былъ отличнымъ слугою.

Графиня Ржевусская, рожденная Любомірская (также какъ и ея невѣстка), была дочь княгини Любомірской, прозванной княгиней Маршалковой, и матерью графа Венцеслава Ржевусскаго, графини Изабеллы Вальдштейнъ и графини Маріи Потоцкой. Это была женщина вполнѣ достойная и щедрая до расточительности; у нея было огромное состояніе, которое она прожила. Однажды, въ разговорѣ съ нами она упомянула, вѣроятно безъ малѣйшаго хвастовства, о своихъ 50 тысячахъ крѣпостныхъ, и когда я назвала ее, вполнѣ естественно: „Ваше величество“, то она много смѣялась этой шуткѣ. У нея были большіе долги, и она скончалась въ монастырѣ, гдѣ жила на пенсію, которую выдавали ей сообща ея кредиторы. Многія изъ ея помѣстій, находившіяся въ Россіи, были заложены въ казнѣ; по уплатѣ долга они должны были перейти къ ея семьѣ.

Во время пребыванія герцога Беррійскаго въ Вѣнѣ (кажется, въ 1800 г.) графиня хотѣла выдать за него свою дочь Изабеллу. Юный герцогъ очень желалъ заключить этотъ бракъ; въ то время состояніе графини Ржевусской было еще очень велико, и Ржевусскіе были по происхожденію не ниже Лещинскихъ.

Графиня отличалась утонченнымъ вкусомъ и жила съ чисто царской роскошью, хотя у нея зачастую не бывало денегъ. Она дала однажды завтракъ императору Александру, который во время одного

изъ своихъ путешествій долженъ былъ проѣхать въ нѣсколькихъ верстахъ отъ ея имѣнія. Такъ какъ ея замокъ показался ей малъ для этого случая, то она приказала выстроить наскоро обширныя деревянныя залы и галлереи, и купить въ Бродахъ четыре тысячи локтей бѣлаго коленкора, коимъ и были обтянуты деревянныя стѣны, изящно задрапированный коленкоръ поддерживался арматурами въ видѣ древняго оружія: эти арматуры были сдѣланы частью изъ посеребреннаго и вызолоченнаго картона; все это было выполнено прекрасно.

Завтракъ былъ великолѣпный. Императоръ провелъ въ этомъ импровизированномъ дворцѣ всего нѣсколько часовъ и былъ, повидимому, огорченъ и даже недоволенъ огромными затратами, сдѣланными графиней для его пріема; въ то время ея дѣла были уже весьма разстроены. Но при всей этой роскоши, у нея не бывало подчасъ самаго необходимаго. Однажды, когда графиня давала большой обѣдъ въ Вѣнѣ, въ своемъ хорошенькомъ домѣ, Jacober-Hof, мой дядя, жившій въ четвертомъ этажѣ, услыхалъ какой-то необычный шумъ на чердакѣ, надъ его квартирой; оказалось, что поваръ, у котораго не было дровъ, чтобы изготовить обѣдъ, вздумалъ разбить дорожные сундуки графини и употребить ихъ на дрова.

Это напоминаетъ мнѣ ея зятя, графа Вальдштейна, который, при подобномъ же случаѣ, превесело сказалъ своимъ гостямъ: „Господа, мы ѣдимъ сегодня мою коляску“.

Въ настоящее время почти никто не живетъ такъ, какъ подобаетъ по его сословію и соціальному положенію; впрочемъ, требованія людей измѣняются сообразно съ модою. Кто читаетъ въ наше время сочиненія Скюдери, аббата Делилля и Флоріана? Легкая поэзія вышла изъ моды подобно тому, какъ вышли изъ моды газовые пуфы нашихъ бабушекъ. Ручьи журчатъ теперь, не возбуждая ни въ комъ восторга, птицъ не жалѣютъ спугнуть съ гнѣзда.

Въ наше время женщины пишутъ сочиненія по философіи и религіи; мнѣ представляются ихъ деликатныя ручки, подымающія тяжелые неотесанные куски камня, которые онѣ употребляютъ вмѣсто presse-papier. Я подозрѣваю, что онѣ наливаютъ въ свои чернильницы святой воды.

Въ сочиненіяхъ г-жи Лудръ, рожденной Жирарденъ, встрѣчаются глубокія мысли; но женщинѣ писательницѣ труднѣе всего быть постоянно серьезной и глубокомысленной, не будучи скучной. Г-жа Сталь избѣгла этихъ двухъ подводныхъ камней потому, что всѣ ея сочиненія проникнуты поэзіей и любовью.

Г-жа Жанлисъ много писала, умствовала, сочиняла комедіи, сказки, составляла проповѣди, молитвенники, но она не избѣгла педантизма.

Ея сочиненій избѣгаютъ, какъ болтовни старой брюзги. Литература превратилась въ суровый бичъ; перо Ламенне омочено въ желчъ; перо Жоржъ Зандъ такъ же остро, какъ стилетъ разбойника или какъ долото ремесленника.

Падшій ангелъ, Ламартинъ, снизошедшій къ намъ съ чудныхъ надзвѣздныхъ міровъ, воспѣвалъ рѣющія въ пространствѣ блестящія облака и прозрачныя воды озера! Съ тѣхъ поръ какъ умъ есть не что иное, какъ товаръ, продаваемый на вѣсъ, его расходуютъ въ мірѣ гораздо менѣе; всѣ видятъ, что его не стоитъ тратить даромъ; или быть можетъ боятся, чтобы мошенники-фельетонисты не подхватили слово, за которое можно бы получить золотую табакерку.

Въ Парижѣ нужно имѣть репутацію патентованнаго умнаго человѣка; тамъ требуютъ ума, извѣстности въ печати, признанной знаменитости, которая служила бы украшеніемъ салона. Теперь нѣтъ болѣе аристократокъ, которыя покровительствовали бы молодымъ провинціальнымъ аббатамъ (въ родѣ Мармонтеля) и руководили бы ихъ первыми шагами; нѣтъ болѣе маркизъ, которыя постарались бы ввести въ свѣтъ робкаго поэта (аббатъ де-Лилль), представить его принцамъ крови; нѣтъ болѣе доброй г-жи Жоффренъ, дарившей на Рождество завсегдатаямъ ея салона—бѣднымъ писателямъ, по-просту бархатные штаны.

Такъ называемые bons mots, т. е. остроумныя и колкія словечки исчезли во Франціи со временъ Талейрана. Въ нашемъ обществѣ, которое куритъ и посѣщаетъ клубы, не умѣютъ болѣе шутить безъ злобы.

Теперь убиваютъ несчастнаго противника наповалъ.

Нѣкоторыя женщины пользуются еще во Франціи монополіей ума. Г-жа Жирарденъ говоритъ откровенно: „Я очень умна“ такъ же точно, какъ она говорила прежде: „Господи, какъ я хороша!“ Говорятъ, что она походитъ теперь на старую сибиллу; безъ сомнѣнія, она очень умна; всегда язвительная, насмѣшливая, она бываетъ проста и естественна только въ тѣ моменты, когда она заявляетъ о себѣ, какъ о самой умной женщинѣ въ мірѣ.

Г-жа Пизье (Pisieux), рожденная Монбуассье, умна и хитра не менѣе г-жи Жирарденъ, но у нея умъ не фельетонный; ея письма очаровательны, каждое изъ нихъ такъ и просится въ печать; впрочемъ, они съ этой цѣлью и писались. Нѣкоторыя ея мысли выше извѣстныхъ изреченій Ла-Рошфуко.

Г-жа Пизье обладаетъ рѣдкимъ качествомъ—быть умной и оставаться въ то же время свѣтской женщиной; она не дѣлается „синимъ чулкомъ“. Она была всегда добродѣтельной женщиной и образцовой христіанкой и матерью. Ее считаютъ злой, но она только дѣ-

лаетъ видъ, что она зла. „Я дѣлаю добро, говоритъ она, но говорю зло“. Это совершенно вѣрно; она смѣется надъ недостатками людей; ненавидитъ порокъ; разсказываетъ забавно, выражается очень оригинально и свободно; для того, чтобы ее знать, нужно познакомиться съ отрывками изъ ея сочиненій, о ней нельзя судить по однимъ ея словамъ. Благородная и щедрая, она зачастую растрачиваетъ свой умъ съ глупыми людьми. Она говоритъ восхитительные bons mots о своихъ внукахъ, составляя этимъ ихъ репутацію.

Вотъ что она писала мнѣ въ 1834 г. по поводу моей 17-лѣтней племянницы де-Ландріанъ [1]), которая только-что вышла замужъ; не могу удержаться отъ удовольствія передать начертанный ею прелестный образъ.

„Я видѣла вашу очаровательную племянницу; она завоевала наши сердца, она могла бы вскружить головы, если бы это не было слишкомъ низко для ея ангельской чистоты. Моя дочь жаждетъ, чтобы она ее полюбила, такъ какъ это прелестное созданіе внушаетъ при первой же встрѣчѣ такое чувство, она нравится, заинтересовываетъ, а ея робость придаетъ ей еще болѣе прелести; всѣ ея слова восхитительны, ея скромность очень ей къ лицу, словомъ, мы въ восторгѣ отъ нея“.

Приведу нѣкоторые отрывки изъ ея писемъ, открываю одно изъ нихъ на удачу.

„Ханжи разочаровали меня на счетъ святыхъ; я вѣрю въ Бога; слѣдовательно, имѣю кого боятся; вѣрю въ Богородицу; слѣдовательно, имѣю на кого надѣяться, полагаю, что съ меня довольно!“

„Въ то время, когда я уѣхала изъ Парижа, городъ погрязъ во всѣхъ отношеніяхъ нравственно и физически, какъ-будто грязь составляетъ необходимый элементъ его жителей“.

Г-жа Агу (рожд. Флавиньи) пишетъ въ своихъ сочиненіяхъ, что слабость есть ореолъ женщины, которая познаетъ себѣ цѣну только тогда, когда она пала. Мужья водятъ молодыхъ своихъ женъ въ bal Mabille и чтобы защитить ихъ отъ нахаловъ, возлагаютъ свои надежды на полицейскихъ. Моя дочь, княгиня Гененинъ, опускаетъ глаза и молчитъ, такъ какъ она не хочетъ даже говорить о неприличіи подобнаго развлеченія“.

„Въ странѣ, гдѣ свобода есть не что иное, какъ распущенность, порядокъ всегда будетъ считаться тиранiей: равенство немыслимо и, во избѣжаніе подчиненія начальству, будетъ создана безпредѣльная анархія; и навѣрное найдется какая-нибудь желѣзная рука, которая наложитъ на безумцевъ свинцовый гнетъ“.

---

[1]) Edwiga de Villevielle, въ зам. въ графиня Ландріанъ.

„Надежда составляетъ для меня въ настоящее время потребность, я нахожу въ ней болѣе нежели утѣшеніе. Прощайте, милый другъ, я люблю васъ какъ воспоминаніе; мнѣ кажется, вы занимаете этимъ хорошее мѣсто въ моемъ сердцѣ".

Прерываю на этомъ выписки. Сохраните письма г-жи Низье. Она пишетъ свои воспоминанія, которыя будутъ весьма остроумны и любопытны.

Высокопоставленные люди бываютъ подчасъ очень дерзки, это люди, безусловно лишенные вкуса и почти всегда глупые. Подобные же люди встрѣчаются во Франціи среди финансовой аристократіи, которая до крайности обидчива; этихъ людей нельзя назвать глупыми, но, будучи не лишены ума, они, къ сожалѣнію, убѣждены въ томъ, что они встрѣчаютъ постоянно помѣхи въ достиженіи успѣховъ, на которые они, по ихъ мнѣнію, могли бы разсчитывать. На самомъ дѣлѣ, людей выдающагося ума и таланта, къ какому бы классу общества они ни принадлежали, принимаютъ вездѣ съ почетомъ. Въ этомъ можно убѣдиться, бывая въ аристократическихъ салонахъ, куда хозяева стараются привлечь знаменитостей литературнаго и артистическаго міра точно такъ же, какъ послѣднія стремятся попасть туда и быть приняты наравнѣ съ аристократами. Въ салонѣ какой-нибудь герцогини нерѣдко случается встрѣтить ярыхъ республиканцевъ, кротких, какъ агнцы, и разыгрывающихъ роль принцевъ, а въ салонѣ какого-нибудь банкира — принцевъ либераловъ, мнящихъ себя артистами и проповѣдующихъ самые демократическіе принципы.

Пріятно имѣть въ числѣ предковъ доблестныхъ рыцарей и славныхъ воиновъ. Подобное происхожденіе должно возбудить справедливую гордость, благородное соревнованіе, но не высокомѣріе. Тщеславіе умаляетъ все, это признакъ величайшей посредственности; для мѣщанскаго самолюбія должна по истинѣ быть пріятна эта глупость нѣкоторыхъ захудалыхъ аристократовъ, кичащихся своими предками, чѣмъ они становятся предметомъ насмѣшекъ даже благомыслящихъ людей своего сословія. Одинъ французскій дворянинъ, кичась предками, постоянно говорилъ о нихъ; одинъ изъ его товарищей, принадлежавшій къ гораздо болѣе извѣстной фамиліи, наскучивъ этимъ, сказалъ ему однажды съ досадой: „я никогда не говорю о своихъ предкахъ; на кой чортъ мнѣ нужны твои"?

Въ Вѣнѣ одна старая графиня (графиня Ф.), сухая, вся въ морщинахъ, накрашенная, настоящій кащей, встрѣтила однажды вечеромъ, во время первой оккупаціи Вѣны, молодаго рослаго красавца, гренадера императорской гвардіи; графиня была закутана въ плащъ, лицо ея было покрыто капюшономъ; гренадеръ остановилъ ее, схватилъ на руки и, чтобы разглядѣть свою добычу, поднесъ къ фонарю,

поднялъ ее къ свѣту и поспѣшно опустилъ на землю, не сказавъ ни слова. Разсказывая объ этомъ, графиня говорила пресерьезно своимъ непріятнымъ крикливымъ голосомъ: „эти французы очень умны; солдатъ, только взглянувъ на меня, узналъ, что я аристократка, и до того испугался того, что онъ былъ невѣжливъ съ особою моего ранга, что онъ бросилъ меня на троттуаръ, такъ что я чуть не расшиблась“!

Маркизъ de Saint M. былъ особенно одержимъ маніей хвастать своими предками. Эмигрируя изъ Франціи, онъ поручилъ портреты своихъ аристократическихъ предковъ одному изъ своихъ арендаторовъ, прося его сохранить ихъ во что бы то ни стало. По возвращеніи во Францію, нѣсколько лѣтъ спустя, его первою заботою было освѣдомиться объ этихъ драгоцѣнныхъ предметахъ. Преданный арендаторъ отвѣтилъ ему, сіяя, что онъ подвергся большой опасности, чтобы сохранить предковъ г. маркиза; опасаясь какъ бы его не приняли за аристократа и не обошлись бы какъ съ таковымъ, и желая въ то же время оправдать довѣріе своего господина, онъ отрѣзалъ у портретовъ головы, а тѣла сжегъ, такимъ образомъ они занимали мало мѣста, и ему удалось сохранить лица, коими маркизъ дорожилъ вѣроятно болѣе всего. И онъ передалъ ему коробку, заключавшую эти несчастныя лица! Маркизъ былъ неутѣшенъ. Эти рыцари безъ латъ, эти дамы безъ фижмъ утратили въ его глазахъ всю свою прелесть, но онъ постарался поправить бѣду. Много лѣтъ спустя его встрѣчали въ Парижѣ на набережныхъ и въ антикварныхъ лавкахъ, гдѣ онъ примѣрялъ головы своихъ предковъ ко всѣмъ старинным портретамъ. Когда ему удавалось найти портретъ, къ которому можно было ихъ придѣлать, онъ покупалъ его, отрѣзалъ ему голову и замѣнялъ ее головою своего предка. Такимъ образомъ онъ возстановлялъ свою портретную галлерею. Меня увѣряли, что голова его отца пришлась какъ нельзя лучше къ фигурѣ Людовика XV: онъ не задумался продѣлать надъ нимъ обычную операцію и получилъ такимъ образомъ великолѣпный семейный портретъ съ голубой лентой черезъ плечо и прочими аттрибутами королевскаго достоинства.

Встрѣчали ли вы когда-нибудь англійскаго джентльмена, который не велъ бы своего происхожденія отъ Вильгельма Завоевателя? или бѣднаго ирландца, который не происходилъ бы отъ одного изъ королей Ирландіи? Если вы встрѣтите подобный феноменъ, то онъ отъ этого ни мало не потеряетъ, ибо первый причислитъ себя несомнѣнно къ англо-саксонской, а второй къ кельтической расѣ.

Среди притязаній французскихъ дворянъ самое распространенное— это притязаніе на Іерусалимское королевство. Восемь или девять аристократическихъ домовъ оспариваютъ другъ у друга мирнымъ образомъ эти царственныя права, раздѣляемыя ими со многими монар-

хами Европы, которые приняли титулъ и гербъ Іерусалимскаго королевства. Я получила однажды письмо, печать коего поразила меня; на ней были изображены гербы Франціи, Сициліи, Сардиніи, Іерусалима и т. д. Это было письмо отъ одного французскаго дворянина. Я была менѣе удивлена, увидавъ, нѣсколько лѣтъ спустя, печать одного англійскаго джентльмена, потомка незаконнорожденнаго сына Карла II, на которой были скромно изображены „только два герба“: англійскій и французскій, коими онъ считалъ себя въ правѣ пользоваться такъ же, какъ современные короли Великобританіи.

Я не осуждаю эти претензіи, такъ какъ онѣ имѣютъ одно большое преимущество: онѣ даютъ пищу здоровому, веселому смѣху, который становится въ настоящее время все болѣе и болѣе рѣдкимъ.

Современныя родословныя также имѣютъ свою хорошую сторону. Во-первыхъ, онѣ совершенно новенькія, блещутъ славными браками съ представителями угасшихъ аристократическихъ фамилій, прекрасно нарисованными и росписанными гербами, относящимися къ той эпохѣ, когда гербовъ вовсе не существовало.

Нѣмецкая аристократія болѣе реальна; она болѣе горда и тщеславна; гордая и высокомѣрная по отношенію ко всему, что съ ней соприкасается, она мало заботится о дворянскихъ правахъ другихъ людей; сомнительныя претензіи на дворянство показались бы ей скорѣе докучливы, нежели смѣшны. Она дорожитъ болѣе титулами, нежели древностью рода. Я знаю нѣсколько извѣстныхъ фамилій Австріи (среди которыхъ есть нѣсколько кавалеровъ Золотаго руна), которые говорятъ откровенно, что ихъ родъ не отличается древностью; эта простота есть истинное благородство.

Высшая англійская аристократія высокомѣрна, нетерпима, безжалостна; она все еще кичится подвигами Вильгельма Завоевателя; прямо невѣроятно, сколько славныхъ потомковъ оставили въ Англіи эти норманскіе герои. Но рядомъ съ этими древними баронами вы встрѣчаете такое множество вновь испеченныхъ кавалеровъ, баронетовъ и разныхъ сэръ и лэди, недавно еще служившихъ въ разныхъ мастерскихъ, конторахъ, банкахъ, на заводахъ, въ анатомическомъ театрѣ, что вы не знаете, что думать, и боитесь принять скальпель за шпагу, шапку за корону, каленкоръ за горностай и кисть за копье.

Въ республикахъ притязанія на дворянство выступаютъ еще ярче. Аристократія Берна нетерпима. Гг. Бонштеттенъ относятся свысока къ древнему роду графовъ Габсбурговъ; гг. Ваттервиль также мало снисходительны къ королевскому дому Виттельсбаховъ, царствующему въ Баваріи, считая себя старше его родомъ. Впрочемъ, вопросъ о старшинствѣ этихъ двухъ славныхъ родовъ остается еще спорнымъ. Я никогда не видѣла столько гербовъ, какъ въ Швейцаріи; простой

церковный сторожъ какой-нибудь приходской церкви имѣетъ скамью, украшенную гербомъ; то же можно видѣть въ церквахъ, на кладбищахъ, въ арсеналахъ и ратушахъ, такъ что получается впечатлѣніе, какъ будто республика состоитъ не въ томъ, чтобы дворяне сдѣлались плебеями, а чтобы мѣщане стали дворянами; быть можетъ, въ этомъ заключается секретъ современной демократіи. Наполеонъ угадалъ эту тайну плебейской гордости, пожаловавъ ордена и титулы ярымъ республиканцамъ, каковы герцогъ Лебренъ, графъ Булэ, герцогъ Фуше.

Претензіи мѣщанъ такъ же смѣшны, какъ и кичливость дворянъ, онѣ такъ же смѣшны, какъ тщеславіе дворянъ. Послѣднее нелѣпо; зависть мѣщанъ также смѣшна и вдобавокъ полна ненависти и злобы. Никто не виноватъ въ томъ, въ какомъ состояніи онъ родился по волѣ Провидѣнія. Кичиться своимъ происхожденіемъ недостойно человѣка; къ счастью, эта слабость встрѣчается довольно рѣдко. По-моему ничего нѣтъ столь смѣшнаго и нелѣпаго, какъ высокомѣріе, съ какимъ держитъ себя во Франціи выскочившій въ люди мѣщанинъ. Чѣмъ болѣе онъ либералъ, тѣмъ болѣе онъ высокомѣренъ, чѣмъ болѣе онъ разглагольствуетъ о равенствѣ, тѣмъ болѣе онъ относится съ презрѣніемъ къ тѣмъ, кто стоитъ ниже его и старается превзойти того, кто стоитъ выше; это очень жаль, такъ какъ среди этихъ напыщенныхъ людей нерѣдко встрѣчаются очень умные и дѣйствительно талантливые.

Мнѣ случилось однажды нечаянно позвонить у дверей богатаго фабриканта изъ Нанси, Б., вмѣсто квартиры титулованнаго аристократа, жившаго въ томъ же домѣ.

Б. выскочилъ изъ своей гостиной или конторы внѣ себя отъ бѣшенства и погрозилъ мнѣ кулакомъ, крича какъ бѣсноватый.

— Вы грамотная, кричалъ онъ, грамотная? Если бы вы умѣли читать, то увидѣли бы, что меня зовутъ Б.

— Мг., отвѣчала я, пожавъ плечами, я близорука и дѣйствительно ошиблась дверьми; будьте увѣрены, я не забуду того, что васъ зовутъ Б. Если вамъ случится по ошибкѣ позвонить у моихъ дверей, будьте увѣрены, что мои слуги откроютъ вамъ вѣжливо, какъ это имъ приказано.

Я и не знала, что этотъ господинъ часто бывалъ у хозяина того дома, въ которомъ мы жили (банкиръ) и что мои люди зачастую отворяли ему двери, такъ какъ единственная служанка богатаго банкира заставляла себя ждать. Я приказала своимъ слугамъ быть въ подобныхъ случаяхъ еще вѣжливѣе и старалась впредь не ошибаться, внимательно читая фамиліи на дверяхъ.

Однажды, по пути изъ Бадена въ Страсбургъ, мы пріѣхали на

одну почтовую станцію за нѣсколько минутъ до Кехлина, эльзасскаго депутата. Онъ повелительно приказалъ своему кучеру стать впереди нашей кареты, которая уже остановилась, и сталъ кричать почталіонамъ что есть мочи, чтобы они запрягали лошадей какъ можно скорѣй. Они же, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія, стали перепрягать лошадей у нашей коляски. „Сюда лошадей, сюда сперва!“ кричалъ достопочтенный депутатъ въ гнѣвѣ.

Почтальоны продолжали свое дѣло, говоря: „эта карета пріѣхала раньше“.

Вмѣстѣ съ Кехлиномъ ѣхалъ какой-то господинъ; весь запыхавшись, онъ подошелъ къ нашей каретѣ и гордо сказалъ:

„Этотъ господинъ—депутатъ Кехлинъ, онъ очень спѣшитъ и долженъ быть въ Страсбургѣ къ полудню“.

Мой мужъ отвѣчалъ ему съ иронической улыбкой: „онъ французскій депутатъ и спѣшитъ по дѣлу... Но мы вѣдь здѣсь въ Германіи, милостивый государь“.

Кехлинъ, говорившій съ почтмейстеромъ и съ почтальонами повелительнымъ тономъ, величественно распахнувъ свое пальто, чтобы показать свою красную ленту, подошелъ къ нашему экипажу. Онъ пыхтѣлъ отъ злости. Спокойствіе и достоинство, съ какимъ встрѣтилъ его мой мужъ, тотчасъ произвели на него впечатлѣніе.

„Милостивый государь, сказалъ онъ снявъ шляпу (вѣжливость, на которую мой мужъ немедленно отвѣчалъ тѣмъ же), я очень спѣшу; вы оказали бы мнѣ огромную услугу, позволивъ мнѣ уѣхать впередъ.

— Я нисколько не спѣшу, отвѣчалъ мой мужъ, и всегда готовъ оказать услугу, если меня попросятъ вѣжливо.

— Я васъ прошу объ этомъ, милостивый государь, какъ депутатъ.

— Французскій депутатъ не имѣетъ права въ Германіи и даже во Франціи требовать нарушенія правилъ; но, если вы просите оказать вамъ услугу... и мужъ приказалъ почтальонамъ уступить. Наши почтальоны были внѣ себя. Впрочемъ, Кехлинъ оказался человѣкомъ благодарнымъ; на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ вплоть до Страсбурга, для насъ были впередъ заказаны лошади, которыя намъ тотчасъ припрягли.

Французскіе депутаты горды. Я имѣла несчастье встрѣтить однажды на почтѣ въ Баденѣ одного депутата либеральной партіи департамента Вогезовъ. Мнѣ нужно было сказать только одно слово почтовому чиновнику; почта скоро отходила, и я показала ему адресъ и произнесла только: frankiren? Онъ покачалъ отрицательно головою, продолжая разыскивать письма депутата. Но этотъ господинъ, замѣтивъ на адресѣ моего письма титулъ „княгиня“, страшно разозлился.

„Тутъ нѣтъ никакихъ княгинь, закричалъ онъ; (онъ воображалъ, что онъ во Франціи) я пришелъ раньше".

— Но, замѣтилъ ему чиновникъ, удивленный и испуганный его грубымъ тономъ, эта дама никому не помѣшала; она сказала только одно слово, и это мнѣ не мѣшало искать ваши письма". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ передалъ депутату адресованную ему корреспонденцію. Но этотъ господинъ, ранѣе такъ спѣшившій, даже не взглянулъ на нихъ, а продолжалъ рычать.

— Княгиня! тутъ нѣтъ княгини.

— Нѣтъ также и депутата, сказала я ему вѣжливо, такъ какъ онъ умышленно держалъ свои письма такимъ образомъ, чтобы можно было прочесть его званіе депутата.

Въ прошломъ году одна француженка была въ Баденѣ и обѣдала у Шабера. Ей долго не подавали заказанныхъ ею котлетъ; потерявъ терпѣніе, она обратилась къ одному господину, проходившему по залѣ, котораго она приняла за мэтръ д'отеля.

— Monsieur, сказала она, уже часъ, какъ я заказала котлеты.

— Да! любезно отвѣтилъ господинъ и такъ какъ онъ продолжалъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, въ ожиданіи обѣда, который ему должны были подать на террасѣ, то она снова остановилась и сказала ему очень недовольнымъ тономъ:

— Милостивый государь, скажите же, чтобы мнѣ подали котлеты, невозможно такъ заставлять ожидать.

— Увѣряю васъ, м. г., отвѣчалъ принцъ Е. Гессенъ Дармштадтскій, что я въ этомъ совершенно неповиненъ, и онъ подозвалъ слугу, приказавъ ему исполнить требованіе дамы.

А французскій буржуа расхохотался бы ей въ лицо, или, въ качествѣ депутата самой цивилизованной націи въ мірѣ, послалъ бы бѣдную даму къ чорту.

Роскошные салоны, сливки парижскаго общества, французскаго и иностраннаго, и милѣйшая, очаровательная посланница, графиня Аппони. Все это вещь извѣстная. Однажды вечеромъ въ то время, какъ у графини собралось избранное общество, вдругъ раздался звукъ упавшей люстры и громкій крикъ; всѣ бросились въ зало, полагая, что произошло большое несчастье. На полу лежала въ обморокѣ дама, а подлѣ нея нѣсколько разбитыхъ стекляшекъ изъ кинкета. Маршалъ Мармонтъ, игравшій въ залѣ въ вистъ, услышалъ стукъ упавшей люстры и крикъ. Броситься на помощь раненой красавицы (оказалось, что дама отдѣлалась испугомъ) было дѣломъ одного мгновенія. Онъ побѣжалъ, расталкивая толпу, и былъ уже близко къ пострадавшей, когда его адъютантъ поспѣшно доложилъ ему, что это была его супруга, съ которой онъ былъ въ ссорѣ; они ненавидѣли другъ

друга. Маршалъ поспѣшно ретировался, сдѣлавъ уморительную гримасу, и снова сѣлъ за карты. Всѣ очень сожалѣли, что лишились любопытнаго зрѣлища: эффектъ былъ бы полный, если бы услужливый адъютантъ не преградилъ маршалу путь и не остановилъ его благороднаго порыва.

Въ то время въ Парижѣ надѣлалъ много шума тотъ фактъ, что графъ Аппони, разославъ французскимъ маршаламъ приглашенія на вечеръ, опустилъ въ своемъ обращеніи пожалованные имъ Наполеономъ въ прибавленіе къ ихъ фамиліямъ титулы, соотвѣтствовавшіе названіямъ тѣхъ провинцій, которыя были завоеваны обратно Австріей въ 1814 г. По этому поводу поднялся страшный шумъ и гамъ; множество лицъ, не имѣвшихъ ни малѣйшаго отношенія къ маршаламъ, отказались отъ приглашенія, полученнаго ими изъ посольства, а тѣ, кои не были приглашены, злорадствовали. Трудно представить себѣ, какая поднялась буря. Но что сказали бы французы, если бы императоръ Александръ I пожаловалъ своимъ генераламъ въ добавленіе къ ихъ фамиліямъ названіе какой-нибудь французской провинціи, города или рѣки? или если бы австрійскій императоръ пожаловалъ маршалу князю Шварценбергу титулъ герцога Парижскаго?

Князь Вѣнскій, герцогъ Берлинскій, скажете вы съ гордостью. Да, но по той же причинѣ, мы увидѣли бы въ числѣ знаменитыхъ иностранныхъ генераловъ какого-нибудь графа Тулузскаго, князя Монмартрскаго, герцога Сенскаго; откровенно говоря, это было бы очень глупо, хотя вполнѣ логично; вся Европа расхохоталась бы при встрѣчѣ герцога Парижскаго съ княземъ Вѣнскимъ на Іенскомъ мосту въ Парижѣ, или на мосту Сенъ-Клу въ Берлинѣ; врядъ ли какой-нибудь князь Росбахскій встрѣтилъ бы во Франціи любезный пріемъ; невозможно было бы появиться подъ именемъ, которое было бы принято за кровное оскорбленіе. Неужели вы думаете, что князь Ваграмскій былъ бы принятъ любезно въ Вѣнѣ, столь близкой къ этому полю битвы, гдѣ доблестная австрійская армія понесла такое рѣшительное пораженіе? Если вы хотите, чтобы ваши генералы носили титулы провинцій, подвластныхъ Австріи, если вы находите справедливымъ, чтобы были герцоги Далматинскіе, Тревизскіе, Виченскіе и т. д. и т. д., то вамъ придется мириться съ герцогами Реймскими, Шампаньи и т. п.

Побѣдоносные союзники оказались скромнѣе, хотя они одержали побѣду надъ Франціей и Наполеономъ, надъ доблестью, надъ геніемъ, которые казались непобѣдимы; было чѣмъ возгордиться!

Бурбоны, по возвращеніи во Францію, рѣшили щадить самолюбія и признали всѣ титулы, полученные за доблестные подвиги. Любо-

пытно знать, было ли французскому правительству извѣстно о попыткѣ, сдѣланной графомъ Аппони, и была ли она сдѣлана по приказанію австрійскаго правительства? Во всякомъ случаѣ, онъ поступилъ крайне неловко; въ то время когда разразилась эта „салонная буря“, я получила отъ графини Аппони прелюбезную записочку, коей посланница приглашала меня къ себѣ и увѣдомляла, что она бываетъ дома по вторникамъ. Въ слѣдующіе три вторника у нея собралось менѣе блестящее общество, по поводу чего молодые дипломаты, состоявшіе при посольствѣ, громко высказывали свое сожалѣніе; маршалы не появлялись болѣе въ салонахъ австрійскаго посольства; впрочемъ, въ послѣдующіе годы его пріемы отличались прежнимъ блескомъ.

Я ненавижу царедворцевъ; они бываютъ по большей части удивительно неблагодарны, почти сами того не подозрѣвая; это такъ естественно [1]).

Всѣмъ извѣстно, какъ глубоко былъ оскорбленъ Карлъ X, считавшій свое отреченіе недѣйствительнымъ, когда по достиженіи герцогомъ Бордосскимъ совершеннолѣтія, многіе французскіе дворяне поспѣшили въ Прагу, чтобы привѣтствовать его, какъ короля Франціи. Однимъ изъ первыхъ явился на поклонъ Троговъ (Trogoff), нѣкогда осыпанный Карломъ X благодѣяніями. Король сдѣлалъ видъ, что онъ не замѣчаетъ его, когда онъ явился во дворецъ. Князь Виндишгрецъ, стоявшій подлѣ Трогова, которому король не сказалъ ни слова, сказалъ Карлу X:

— Ваше величество вѣроятно не замѣтили подлѣ меня одного изъ самыхъ преданныхъ вашихъ слугъ.

— Нѣтъ, я видѣлъ его, печально отозвался король, не бросивъ ни одного взгляда на неблагодарнаго царедворца. Троговъ удалился глубоко огорченный и высказалъ княгинѣ Роганъ Рошфоръ свое горе, обливаясь слезами, на это княгиня дала ему понять, насколько его собственный поступокъ былъ необдуманъ и могъ, въ свою очередь, огорчить короля, осыпавшаго его своими милостями и благодѣяніями.

Дѣйствительно, Троговъ былъ взысканъ милостями короля. Незадолго до іюльской революціи, Карлъ X назначилъ его управляющимъ Сенъ-Клу.

— Троговъ, сказалъ ему однажды король, когда онъ былъ во дворцѣ, надѣюсь, вы примете меня это лѣто какъ подобаетъ.

Удивленный Троговъ отвѣтилъ: „Я былъ бы очень счастливъ принять ваше величество, но у меня нѣтъ замка.

---

[1]) Камбасересъ получилъ отъ Наполеона титулъ герцога Пармскаго, но уже въ 1816 г. онъ препроводилъ Вѣнскому двору заявленіе о томъ, что онъ формально отказывается отъ этого титула.

— Я знаю это и поэтому я назначилъ васъ управляющимъ Сенъ-Клу.

Полиньякъ (оберъ-шталмейстеръ) засыпалъ безъ церемоніи, развалясь въ креслѣ въ залѣ королевскаго дворца, въ присутствіи супруги дофина и принцевъ, въ то время какъ высочайшія особы играли въ вистъ. Супруга дофина, наблюдавшая однажды за нимъ, въ то время какъ онъ велъ себя столь безцеремоннымъ образомъ, сказала вслухъ:

„Г. Полиньякъ, кажется, храпитъ".

Тотъ же Полиньякъ жаловался однажды въ салонѣ г-жи Роганъ на скуку, царившую въ Пражскомъ дворцѣ, гдѣ жилъ Карлъ X.

— Такъ вы не поѣдете болѣе въ Прагу? сказала она.

— Конечно, нѣтъ, воскликнулъ онъ, тамъ слишкомъ скучно.

— Какъ, вы, г. Полиньякъ, вы не можете раздѣлить скуку королевской фамиліи въ эмиграціи? Вы, вы жалуетесь на скуку и однообразіе королевскаго салона? Это слишкомъ!

Урокъ, данный княгиней, былъ строгъ, но вполнѣ заслуженъ. Эти подробности сообщила мнѣ ея дочь, княгиня Рейсъ-Грейцъ.

Отмѣчу еще, что супруга дофина никогда не допускала, чтобы въ ея присутствіи отзывались неуважительно о принцахъ Орлеанскихъ. Но она была затронута за живое, узнавъ, что герцогамъ Орлеанскому и Немурскому было отведено въ Вѣнѣ помѣщеніе въ императорскомъ дворцѣ, въ тѣхъ самыхъ аппартаментахъ, которые она занимала нѣсколько дней передъ тѣмъ. Въ самомъ дѣлѣ было бы приличнѣе отвести для нихъ другое помѣщеніе. Впрочемъ, быть можетъ и принцы Орлеанскіе были обижены по той же причинѣ тѣмъ, что имъ отвели это помѣщеніе.

Супруга дофина читаетъ всѣ новѣйшіе романы. Но она не читала „Собора Парижской Богоматери" (Notre-dame de Paris) или не прочла его еще въ то время, когда были написаны эти строки (въ 1849 г.).

„Я не могла бы, замѣтила она однажды, сказать Виктору Гюго всѣ тѣ любезности, какія сказала ему принцесса Елена".

Генералъ Клуэ (Clouet) раскладывалъ каждый вечеръ пасіансъ на кругломъ столѣ, вокругъ котораго собиралась по вечерамъ королевская семья; это очень надоѣдало супругѣ дофина, которая ненавидитъ всякіе пасіансы, но она ни разу не дала почувствовать этого генералу.

Въ дни пріемовъ эта принцесса одѣвается всегда очень просто, но прилично. Ея излюбленный туалетъ: платье изъ матеріи лиловаго цвѣта, бѣлая шляпка, украшенная перьями, и бѣлая кашемировая шаль.

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

...рипъ Антипычъ.